
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 12(52), 2019 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК Министерства образования и науки РФ по политическим
наукам, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2019

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,
к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,
Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АСТАЦАТУРОВА Майя Арташеговна	д.п.н., профессор, директор Центра этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, координатор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в СКФО (Россия, г. Пятигорск)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального технического университета (Белоруссия, г. Минск)
ВЕДРИН Оливье	профессор, главный редактор русской версии французского журнала «Национальная оборона» (Revue Défense Nationale), спикер Европейской комиссии, редактор франко-германского журнала по вопросам внешней политики «European Union Foreign Affairs Journal» и ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)
ДОНАЙ Лукаш	д.п.н., профессор факультета политологии и журналистики Департамента международных отношений Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ (Россия, г. Москва)
ИРХИН Юрий Васильевич	д.ф.н., профессор кафедры политологии и политического управления РАНХ и ГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., заведующая кафедрой политологии и социологии МПГУ (Россия, г. Москва)
КЕТЦЯН Григор Ваникович	к.п.н., заместитель Главного редактора журнала, Председатель Попечительского Совета научного журнала «Вопросы политологии» (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., зав. кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КРИВОКАПИЧ Борис	д.ю.н., профессор факультета бизнеса и права Унион – Никола Тесла университета (Сербия, Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор кафедры анализа и управления Российского университета дружбы народов, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна	д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, заведующий кафедрой основы духовности Института переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета, (Киргизия, г. Бишкек)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)

Насимова Г.О. (д.п.н.)

Кетцян Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Шкурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

ISSN 2225–8922

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН
В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ**

УЧРЕЖДЕН
ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Reg. № ПИ № ФС77–46176
от 12 августа 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор: 1,489.

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение 1, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463–53–42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 25.12.2019
Формат 60×84/8. Объем 24,3.
Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 48719.

Отпечатано
в типографии PrintUP
117105, г. Москва,
Нагорный проезд, 12, корп. 1
Тел.: +7 (495) 925-00-06

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ

Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Ирхин Ю.В.** 70-лет Международной ассоциации политической науки: этапы генезиса и осмысления мира политики (1949-2019) 2574
- Вохидов Д.А.** Легитимность власти как основа стабильности современного общества..... 2583
- У Тин.** О научной коннотации общественного сознания Сообщества единой судьбы человечества..... 2594

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Николенко А.А., Тушков А.А.** Проблемы цивилизационных отличий России и запада в концепциях С. Хантингтона и Н.Я. Данилевского..... 2603
- Давыдов В.Н.** Отчуждение информации как политико-правовая проблема 2612
- Барсуков А.М.** Локальный режим в городском поселении: политическое положение и проблемы развития местного самоуправления в индустриальном регионе..... 2627
- Петров Д.Ю.** Роль земельно-имущественных отношений в формировании государственной информационной политики 2639
- Куприянов И.В.** Федеральные, региональные и местные направления государственной научно-технической политики Российской Федерации: их взаимосвязь и взаимодействие 2645
- Курков В.Н.** Государственная политика обеспечения информационного суверенитета России: текущее состояние и проблемы 2652
- Кисель Н.** Цифровая экономика: кто и как строит новую экономическую реальность? 2660
- Богомолов И.А., Габдуллин К.А., Перкова Д.В.** К вопросу о взаимосвязи государственной молодежной политики и национальной безопасности в Российской Федерации..... 2670
- Ефремов Д.И.** Фактор географического таргетинга в контексте конкуренции политических элит Украины 2677
- Прокончук Д.Д., Гриценко Р.А., Дельгадо А.А.** Особенности использования «политического интернета» для формирования электоральных предпочтений граждан 2683

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

- Львов С.В., Максимова А.А., Тюков Н.А., Шаповалов В.Л.** Ценностный профиль студентов педагогических вузов и молодых педагогов 2690

Окунь М.В. Ценности в современном государственном управлении: имеют ли значение	2700
Эмиров Р.М. К вопросу о перспективах ислама как системообразующего фактора на Кавказе.....	2708
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА	
Галимуллина Д.И. Национальные меньшинства в политической системе Чехии.....	2718
У Цзюнь Проблема обоснования границ Кавказа	2726
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА	
Муравых А.И., Никитенко Е.Г. Мобилизационное стратегическое планирование развития и обеспечения безопасности России. Часть II.....	2734
Журавлев О.В., Тушков А.А. Индо-Тихоокеанский регион: готова ли Россия к морскому присутствию в этой отдаленной морской зоне?	2742
Пыж В.В., Петров С.И. Физическая культура и спорт как инструмент политического воздействия на современное общество и международные отношения.....	2751
Гаджиев К.С. Сдвиги в отношениях Запада с Россией в контексте ее сближения с Китаем.....	2763
Ханалиев Н.У. К вопросу о перспективах «пост-американского Большого Ближнего Востока»	2776
Арсанова Т.Е. ЮНЕСКО на Ближнем Востоке в условиях глобализации.....	2786
Самусева О.А. Современная политическая элита Китая: факторы влияния	2794
Аскерова Э.Ф. Эволюция внешней политики Турции в XXI веке	2803
Маммадов Л.Э. Балканский регион как объект политического анализа.....	2808
Жчао Тяньтянь. Национальный имидж КНР в России на современном этапе	2814
Ли Цзинчэн. Стратегические интересы Китая в рамках сотрудничества БРИКС (экономический аспект).....	2823
Цао Хуэйлинь. Внешняя политика Синдзо Абэ в отношении северокорейской ядерной проблемы	2829
Абахра Мушир Ибрагим Хасан. Роль мозговых центров (Think Tanks) и исследовательских центров во внешней политике США	2838
Джавад Хафизулла. Ключевые барьеры политического развития Афганистана	2845

<i>Михайлов Я.В.</i> Особенности обеспечения национальной обороны Новой Зеландии.....	2853
<i>Божков Г.А.</i> Взаимосвязь мирового порядка и системы международных отношений	2862
<i>Чижевский Я.А.</i> Факторы трансформации природы военно-политических конфликтов в XXI в.: результаты количественного исследования	2869
НАШИ АВТОРЫ	2888
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	2895

CONTENTS

THEORY, PHILOSOPHY AND POLITICAL HISTORY

- Irkhin Yu.V.*** 70 Years of the International Political Science Association:
Stages of Genesis and Understanding of the Political World 2581
- Vokhidov D.A.*** Legitimacy of Power
as a Basic Factor of Modern Society Stability 2593
- U Tin*** On the Scientific Connotation of the Public Consciousness
of the Community of Shared Future for Mankind 2602

POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

- Nikolenko A.A., Tuchkov A.A.*** The Problem of Civilizational Differences
between Russia and the West, in the Concept
of S. Huntington and N.I. Danilevsky 2611
- Davydov V.N.*** Alienation of Information as a Political and Legal Problem 2625
- Barsukov A.M.*** Local Regime in an Urban Settlement:
Political Situation and Problems of Local Government Development
in an Industrial Region 2637
- Petrov D.Yu.*** The Role of Land and Property Relations
in Shaping State Information Policy 2644
- Kupriyanov I.V.*** Federal, Regional and Local Directions
of the Science and Technology Policy of Russian Federation:
Their Interrelation and Interaction 2651
- Kurkov V.N.*** State Policy of Ensuring Information
Sovereignty of Russia: Current State and Problems 2659
- Kisel N.*** Digital Economy: Who and How
is Building a New Economic Reality? 2669
- Bogomolov I.A., Gabdullin K.A., Perkova D.V.*** To the Question
of the Interrelation of State Youth Policy
and National Security in the Russian Federation 2676
- Yefremov D.I.*** Geotargeting as Factor: in Competition
of the Ukrainian Establishment 2682
- Prokopchuk D.D., Gritsenko R.A., Delgado A.A.*** Features of Using
the “Political Internet” to Form the Electoral Preferences of Citizens 2689

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

- Lvov S.V., Maksimova A.A., Tukov N.A., Shapovalov V.L.* Value Profile of Students of Pedagogical Universities and Young Teachers 2699
- Emirov R.M.* To the Question of the Prospects of Islam as a Backbone Factor in the Caucasus 2707
- Okun M.V.* Values in Modern Public Administration: Do They Matter 2716

POLITICAL REGIONAL STUDIES AND ETHNOPOLITICS

- Galimullina D.I.* National Minorities in the Political System of the Czech Republic 2724
- U Jun.* The Problem of Justifying of the Caucasus Borders 2733

INTERNATIONAL RELATIONS AND WORLD POLICY

- Muravykh A.I., Nikitenko E.G.* Mobilization Strategic Planning for the Development and Security of Russia. Part II 2741
- Zhuravlev O.V., Tushkov A.A.* Indo-Pacific Region: is Russia Ready to Enter these Maritime Zones in this Remote Maritime Region? 2750
- Pyzh V.V., Petrov S.I.* Physical Culture and Sport as an Instrument of Political Influence on Modern Society and International Relations 2762
- Gadzhiev K.S.* Shifts in Western Relations with Russia in Context her Rapprochement with China 2775
- Khanaliyev N.U.* On the Prospects of "Post-American" Greater Middle East 2785
- Arsanova T.E.* UNESCO in the Middle East in the Context of Globalization 2792
- Samuseva O.A.* Contemporary Political Elite of China and its Factors 2802
- Askerova E.F.* Turkey's Foreign Policy Evolution in the XXI Century 2807
- Mammadov L.E.* Balkan Region as an Object of Political Analysis 2813
- Zhchao Tientian* National Image of China in Russia at the Present Stage 2822
- Li Jingcheng* Strategic Interests of China in the Framework of the BRICS Cooperation (Economic Aspect) 2828
- Cao Huilin* Shinzo Abe's Foreign Policy on the North Korean Nuclear Issue 2837
- Abahra Mushir Ibrahim Hasan* The Roles of Brain Centers (Think Tanks) and Studies Center in US Foreign Policy 2843
- Javad Hafizullah* Key Barriers to Afghanistan's Political Development 2852
- Mikhailov Ya.V.* Characteristics of the New Zealand National Defence 2861
- Bozhkov G.A.* The Relationship Between the Global Order and the International Relations System 2868

<i>Chizhevskiy Ya.A.</i> Factors of the Transformation of Politico-Military Conflicts' Nature in the XXI Century: Results of the Quantitative Study	2887
OUR AUTHORS	2892
DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	2895

УДК 32.323

DOI 10.35775/PSI.2019.52.12.001

Ю.В. ИРХИН

*доктор философских наук,
профессор кафедры теоретической и прикладной политологии
Российского государственного гуманитарного университета (RSUH),
профессор кафедры политологии и политического управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНЕРА), эксперт Международной
ассоциации политической науки,
Россия, г. Москва*

70 ЛЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ЭТАПЫ ГЕНЕЗИСА И ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА ПОЛИТИКИ (1949-2019)

В статье проанализированы процессы формирования и стадии генезиса Международной ассоциации политической науки (МАПН), концептуальные смыслы ее деятельности за 70 лет (1949-2019 гг.). Используются исторический, компаративистский, институциональный и геополитический подходы. Автор выделяет три исторических периода в развитии МАПН: 1. Создание первых национальных ассоциаций политологов (нач. XX в. – 1945 г.). 2. Деятельность комиссии ЮНЕСКО по формированию МАПН и ее институализация на Учредительной конференции (1946-1949 гг.). 3. Проведение МАПН двадцати пяти Всемирных конгрессов политологов в период с 1950 по 2018 гг. Автором также раскрыта роль ключевых всемирных конгрессов МАПН.

Ключевые слова: *Международная ассоциация политической науки (МАПН), Российская ассоциация политической науки (РАПН), всемирные конгрессы МАПН, история политической науки.*

Самой известной и массовой интернациональной организацией политологов более 70 лет является Международная ассоциация политических наук (International Political Science Association – IPSA). Она является членом Международного совета по социальным наукам при ООН, имеет статус консультативного члена ЮНЕСКО; объединяет 50 национальных ассоциаций политологов, включая Российскую ассоциацию политической науки, 110 ассоциированных участников (факультетов, кафедр) и более 3700 индивидуальных членов [15. Р. 5-8]. Изучение институализации, генезиса и опыта деятельности МАПН актуально для широкого круга исследователей политики.

Целью статьи является осуществление комплексного анализа институализации и генезиса МАПН, выделение основных этапов ее развития, классификация проведения всемирных конгрессов политологов и анализ их итогов.

Подготовительный период. МАПН была создана по инициативе ЮНЕСКО на Учредительной конференции в Париже в июле 1949 г. С тех пор Всемирные конгрессы политологов проводятся именно в июле, – в память об этом событии, институализировавшем политическую науку в мировом масштабе.

Созданию МАПН предшествовал длительный исторический период, во время которого в ряде стран возникли кафедры и национальные ассоциации политической науки. Так, Первый Французский Конгресс политической науки состоялся в 1900 г. Американская ассоциация политической науки возникла в 1903 г., а Канадская – в 2013 г. Китайская ассоциация политической науки возникла в 1932 г., однако ей помешала гражданская война; Индийская – в 1938 г., но ее функционирование было ограничено в условиях колонии. В России институализация политической науки состоялась в 1805-1835 гг. в форме факультетов нравственных и политических наук, однако они затем были преобразованы в исторические или правовые [4. С. 35-45]. Российские обществоведы стали участвовать в работе МАПН с 1955 г. через Союз обществ дружбы СССР, а затем – Советскую ассоциацию политических (государствоведческих) наук при Академии наук; преемником САПН с 1991 г. является Российская ассоциация политической науки [2. С. 5-9].

Инициатива создания МАПН принадлежит ЮНЕСКО, в составе которой в 1946 г. была сформирована специальная подкомиссия по социальным наукам, выделившей политическую науку в качестве самостоятельной научной дисциплины. Ее председателем стала известная филиппинская и американская исследовательница проблем образования (доктор философии в Колумбийском университете с 1923 г.), имевшая почетное звание «Национальный ученый Филиппин» Энкарнасьон Альзона (1895-2001 гг.).

Для разработки методологии политических исследований, группой ученых: Р. Арон (председатель) [1], М. Дюверже, Г. Лассуэл, Ч. Мерриам, А. Шафф, У. Эбенштейн, С. Эрлих и др., был подготовлен аналитический труд «Современная политическая наука: обзор методов, направлений исследования и преподавания». В нем было дано изложение методов политической науки: традиционные (юридический, исторический и философский); влияния психологии, социологии и антропологии на политические исследования; показаны конкретные методы анализа политики и техники группового исследования; значение применения как количественных измерений (опросы общественного мнения, электоральная статистика), так и качественного анализа сложных явлений политики.

В сентябре 1948 г. в Париже ЮНЕСКО провела Международную конференцию по методологическим проблемам политической науки [26]. Она конституировала дисциплинарные направления политической науки: 1. Политическая теория и история идей; 2. Политические институты: конституция, центральное, региональное и местное управление, публичная администрация, сравнительный анализ политических институтов; 3. Партии, группы и общественное мнение, участие граждан в управлении и администрации; 4. Международные отношения: международная политика, международные организации, международное право.

На этой подготовительной конференции было принято важное решение о проведении в 1949 г. Учредительной конференции МАПН.

Институализация Международной ассоциации политической науки. 12-16 сентября 1949 г. в Париже (в Доме ЮНЕСКО) состоялась Учредительная конференция, на которой была сформирована МАПН. Для участия в ее работе, по инициативе ЮНЕСКО, были приглашены 23 ученых: Р. Арон, М. Бридель, М. Дюверже, К. Райт, У. Робсон, В. Шарп и др. Учредителями МАПН выступили четыре национальные организации политологов: Американская, Канадская, Французская и Индийская ассоциации политической науки, ставшие ее первыми коллективными членами. Был утвержден основной документ организации – конституция МАПН, избран ее Исполнительный комитет и Председатель (К. Райт, профессор Университета Чикаго). МАПН была получена консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН, а также ЮНЕСКО [10].

В соответствии с Конституцией МАПН, ее целями являются: содействие развитию политической науки во всем мире, посредством поддержки образования и национальных политологических ассоциаций; организации работы ее Всемирных Конгрессов, исследовательских комитетов и др. [11]. МАПН публикует политологические журналы: «International Political Science Review», «International Political Science Abstract», «Participation». Текущую работу ведет ее секретариат, который с 2001 г. функционирует в Университете Конкордия, Монреаль. Высшим органом МАПН является Совет представителей национальных ассоциаций, избирающий Президента, генерального секретаря и членов Исполкома. Сессии Совета собираются во время проведения очередного всемирного конгресса. На конгрессах МАПН рассматриваются узловые проблемы политической науки, организационные вопросы. В период с 1950 г. по 2012 г. всемирные конгрессы МАПН проводились один раз в три года. На XXII конгрессе МАПН в Испании в 2012 г. было решено, что ее конгрессы будут проводиться один раз в два года [9. Р. 12-16].

Первым Президентом МАПН (1949-1952 гг.) был избран Филипп Куинси Райт (Чикагский ун-т). Президентами МАПН избирались: К. Дойч (Гарвардский ун-т, 1976-1979), К. Фридрих (Гарвардский ун-т 1967-1970),

К. фон Бойме (Ун-т Гейдельберга, ФРГ, 1982-1985), Г. О'Доннелл (Ун-т Сан Пауло, Бразилия, 1988-1991), Т. Лови (Корнельский ун-т, 1997-2000), М. Каазе (Международный ун-т Бремена, ФРГ, 2003-2006), Л. Морлино (Ун-т Неаполя, 2009-2012) и др. За последние полтора десятилетия Президентами МАПН трижды избирались женщины: Лурдес Сола (Ун-т Бразилии, 2008-3009 гг.), Хелен Милнер (Ун-т Принстона, США, 2012-2014 гг.) [16]. В 2018 г. на XXV Всемирном конгрессе в Австралии президентом МАПН была избрана Марианна Кнойер (ФРГ).

Логика проведения Всемирных конгрессов МАПН. Важными вехами в генезисе МАПН являются ее Всемирные конгрессы. Они имеют свою организационную, геополитическую и концептуальную логику. Целесообразно выделить три основных периода в их генезисе.

Первый период генезиса Всемирных конгрессов охватывает 20 лет (1950-1970 гг.): было проведено 8 конгрессов. Все они состоялись в странах Западной Европы и можно говорить об их геополитическом и идеологическом европоцентризме. На I конгрессе в Цюрихе в 1950 г. было всего 80 участников. Это объяснялось малым числом национальных ассоциаций. По мере роста их количества, увеличивалось и представительство политологов на конгрессах. В 1950 г. к МАПН присоединились ассоциации Великобритании, Польши, Швеции, Израиля. В 1952 г. – Германии, Италии, Бразилии, Филиппин, Японии и Югославии. На II Конгрессе МАПН в Гааге в 1952 г. было уже 220 участников, а на III конгрессе в Стокгольме, где впервые присутствовала советская делегация, число его участников составило 275 человек. В работе VIII конгресса в Мюнхене в 1970 г. участвовало уже 894 политолога, а количество национальных политологических ассоциаций выросло до 46 [25].

Второй период проведения всемирных конгрессов также охватывает 20 лет (1973-1994 гг.): состоялось 8 конгрессов (IX-XVI). Ареал их проведения значительно расширился, включив страны Америки, Великобританию, СССР и традиционно Западную Европу. Так, IX конгресс впервые состоялся вне Европы – Монреаль, 1973 г. (число его участников превысило тысячу человек). X конгресс был проведен в Великобритании (Эдинбург, 1976 г.). Затем, следующий, XI конгресс МАПН состоялся в Москве (1979 г., 1500 участников). Он внес важный вклад в развитие и подготовку институализации политической науки в ряде стран. XII конгресс – состоялся в Рио-де-Жанейро (1982 г.); XIII – в Париже (1985 г.); XIV – в Вашингтоне (1988 г.); XV – в Буэнос-Айресе (1991 г.); XVI – в Берлине (1994 г.). После североамериканских и латиноамериканских конгрессов, а также Московского конгресса, МАПН стала выступать как всемирная организация.

Третий, современный период проведения конгрессов (с 1997 г.) характеризуется их «продвижением» в страны Азии, Дальнего Востока и Африки. Всего состоялось 9 Всемирных конгрессов (XVII-XXV) [17; 18; 13; 14; 15].

Так, XVII конгресс МАПН состоялся впервые на Дальнем Востоке – в Сеуле (1997 г.). XIX конгресс – впервые в Африке (ЮАР, Дурбан, 2003 г.). XX конгресс был проведен в Японии (Фукуока, 2006 г.). XXI конгресс – в Чили (Сантьяго, 2009 г.). XXII конгресс – впервые в Испании (Мадрид, 2012 г.). XXIII конгресс (2014 г.) прошел в Канаде и был приурочен к 100-летию Канадской ассоциации политической науки. XXIV конгресс (2016 г.) планировался в Стамбуле, но в силу сложных политических событий, – был перенесен в Польшу, г. Познань. XXV конгресс МАПН (2018 г.) состоялся впервые в Австралии, г. Брисбен [24].

Можно отметить конгрессы, которые оказали долговременное влияние на генезис политической науки и МАПН. Так, значение XI Московского конгресса 1979 г., прошедшего под девизом «Мир, развитие, знание: вклад политической науки», состояло в подготовке институализации политической науки в СССР и превращении МАПН в широкую международную организацию. На XXIII конгрессе в Монреале в 2014 г. (спустя 35 лет после проведения Московского конгресса), под руководством Генерального секретаря МАПН Ги Лашапеля была организована сессия, посвященная историческому значению Московского форума политологов, в котором приняло участие 1500 обществоведов (из-за рубежа – 1 тыс. участников) [21]. На сессии с воспоминаниями выступили его зарубежные участники, политологи Кеннет Джанда (США), Джон Трент (Канада). Они дали Московскому конгрессу оценку, как качественно новому этапу в развитии МАПН: «выйдя за пределы европейско-американской научной традиции, она стала организацией действительно всемирного масштаба» [22].

XVIII конгресс МАПН в Квебеке «Мировой капитализм, управление и сообщество: к корпоративному миллениуму», состоялся на рубеже тысячелетий [27]. Он проанализировал вызовы, тенденции и противоречия глобализации, причины актуализации этнических проблем и движений, возрастающую роль конфуцианской и исламской цивилизаций и государств в мировой политике, культуру постмодерна, «новое государственное управление» и роль современных электронных СМИ в политическом, государственном и местном управлении [3].

Существенное значение имел XX конгресс в Японии в 2006 г. «Работает ли демократия?». Его особенностью было участие более тысячи политологов из Дальнего Востока. Вопросы демократии в этом регионе были проанализированы с учетом воздействия на нее цивилизационных факторов и опыта дальневосточных государств. Ставился вопрос о нелиберальной восточноазиатской модели демократии. Ее черты: формирующийся массовый средний класс на основе быстрого экономического развития; влияние авторитаризма, традиционализма, неконфуцианства и корпоративизма [5. С. 112-130].

По мере продвижения форумов МАПН в ареалы других цивилизаций и развития национальных ассоциаций, усиливается внимание к сравни-

тельной политологии. Последние по времени конгрессы были посвящены анализу проблем эффективности политического и государственного управления в разных странах, углубления социального неравенства, обострения противоречий глобализации, генезиса политики и политической науки в цифровом обществе, прогностики [12].

В рамках МАПН проводятся коллективные исследования, есть информационный портал [19]. Можно выделить фундаментальную Международную энциклопедию политической науки в 8 т., включающую 600 статей. В шестилетней работе над подготовкой издания участвовали сотни политологов из 50 стран мира [8].

На XXV Всемирном конгрессе МАПН в Австралии в 2018 г. «Границы и разделительные линии» были проанализированы концептуальные аспекты формирования разделительных линий и противоречий глобализации. Отмечалось, что острая конкурентная борьба за ресурсы жизнедеятельности и влияния в целом, привели к резкому обострению мировой политики. Эгоистическая политика учреждения новых, искусственных границ и пределов, неоправданный протекционизм США и ЕС вызывают растущую озабоченность и противодействие других стран. Обсуждались также сужающиеся границы либеральной демократии и противоречивый глобальный подъем популизма [1].

Президентом МАПН была избрана Марианна Кнойер (профессор Университета Хильдесхайма в Нижней Саксонии) [23]. Следующий XXVI Всемирный конгресс МАПН состоится 23-28 июля 2020 г. в Лиссабонском Университете по теме «Новый национализм в открытом мире». По традиции, представителям очередного XXVI португальского конгресса был передан официальный флаг МАПН. На нем, на фоне земного шара размещены надписи IPSA-AISP и World Congress – Congress Mondial, выделены названия всех 25 городов, где проводились конгрессы (среди них есть и Москва, 1979 г.).

Многолетняя деятельность МАПН продемонстрировала важность создания этой организации и ее позитивный вклад в генезис мирового политологического сообщества и политической науки, однако ее функционирование пока не охватывает все ведущие национальные организации и школы политологов. Перед МАПН стоят сложные задачи организации дальнейшей плодотворной работы по взаимодействию с национальными организациями политологов в условиях многополярного мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Арон Р. Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М.: Политиздат, 2002.
2. Воробьев Д.М., Гаман-Голутвина О.В., Ирхин Ю.В., Никитин А.И., Патрушев С.В., Сморгунов Л.В., Филиппова Л.Е. История Российской ассоциации политической науки. М.: Аспект Пресс, 2015.

3. Гаман-Голутвина О.В., Ирхин Ю.В., Перегудов С.П., Смирнов В.В. XVIII Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки // Политические исследования. 2000. № 6.

4. Ирхин Ю.В. Начала российской политологии: факультет политических наук в Московском университете // Вопросы политологии. 2015. № 1.

5. Ирхин Ю.В. Международная ассоциация политической науки: институализация, генезис, концептуальные подходы и практики: монография. М.: Реал Принт, 2017.

6. Ирхин Ю.В. XXIV Всемирный конгресс международной ассоциации политической науки в Польше: «Политика в мире неравенства» // Вопросы политологии. 2017. № 1.

7. Медведев Н.П. Политико-административное управление: современная теория и новые подходы // Вестник РУДН. Серия: «Политология». 2003. № 4.

8. Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. International Encyclopedia of Political Science. In Eight Volumes. SAGE Publications, 2011.

9. Boncourt T. Une histoire de L'Association Internationale de Science Politique. Canada. Québec: IPSA, 2009.

10. Coakley J. and Trent J. History of the International Political Science Association 1949-1999. IPSA. Department of Politics, University of Dublin, Belfield. Dublin, 2000.

11. Coakley J. Handbook of the International Political Science Association. International Political Science Association. Dublin, 2000.

12. Global Development, Waves and Periods in 2000, 2020 and 2040 / Problems of Contemporary World Futurology / ed. by Vladimir I. Yakunin. Cambridge Scholars Publishing, United Kingdom, 2011.

13. IPSA Biennial Report 2013-2014. International Political Science Association. Ed. Guy Lachapel. Montréal (Québec). Canada, 2014.

14. IPSA Biennial Report 2015-2016. International Political Science Association. Ed. Guy Lachapel. Montréal (Québec). Canada, 2016.

15. IPSA Biennial Report 2017-2018. International Political Science Association. Ed. Guy Lachapel. Montréal (Québec). Canada, 2018.

16. IPSA Gender and Diversity Monitoring Report 2017. Montréal (Québec). Canada, 2017.

17. IPSA Triennial Report 2007-2009. International Political Science Association. Ed. Guy Lachapel. Montréal (Québec). Canada, 2009.

18. IPSA Triennial Report 2010-2012. International Political Science Association. Ed. Guy Lachapel. Montréal (Québec). Canada, 2012.

19. IPSAportal. Top 300 web sites for Political Science. Ed. M. Kalise. Montreal, Canada, 2006.

20. Lachapel G., Onate P. Borders and Margins: Federalism, Devolution and Multi-Level Governance. Berlin&Toronto: Barbara Budrich Publishers. Opladen, 2018.

21. Merritt R., Hanson E. Science, Politics and International Conferences. A Functional Analysis of the Moscow Political Science Congress. USA: Boulder, Colorado, 1989.

22. Moscow 1979: The IPSA World Congress. Remembering and Analyzing // Participation. 2014. Vol. 38. No 1.

23. Political Science and Digitalization – Global Perspectives. Edited by: Marianne Kneuer and Helen V. Milner. Publisher: Barbara Budrich Publishers Pages, 2019.

24. Program. 25th World Congress of Political Science 25eme Congrès mondial de science politique. Borders and Margins. Frontières et marges. 21-25 July 2018. Brisbane. Australia. Montreal, Canada: Concordia University, 2018.

25. Trent J., Stein M. The World of Political Science: A Critical Overview of the Development of Political Studies around the Globe: 1990-2012. Canada. Toronto: Barbara Budrich Publishers, 2012.

26. UNESCO. International Conference on: Methods in Political Science. 13-16 Sept. 1948. Statement issued by the members of the Conference, 16 Sept. 1948. Paris: UNESCO, 1949.

27. World Capitalism, Governance and Community: Toward a Corporate Millenium? 2000. Abstracts of Paper Presented at the XVIII World Congress of the International Political Science Association // Coakley J., Hayward J., Laponce J., Lowi T.J. Quebec, Canada, 1-5 August 2000.

YU. V. IRKHIN

D.Sc. (philosophy), professor, Chair of Political Science and Political Governance, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; professor, Chair of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University of Humanities, expert of IPSA, Moscow, Russia

70 YEARS OF THE INTERNATIONAL POLITICAL SCIENCE ASSOCIATION: STAGES OF GENESIS AND UNDERSTANDING OF THE POLITICAL WORLD

The article comprehensively complex analyzed of the formation and genesis of the International Political Science Association (IPSA), conceptual meanings, principles and goals of its activities for 70 years of existence (1949-2019 years). The author used historical, institutional, comparative, values and geopolitics approaches, realized expert analysis. He identifies three main historical periods in the formation and development of the International Political Science Association: 1. Creation of the first national associations of the political science researchers and

teachers (begin XX age – 1945 years). 2. Activities of the UNESCO Commission for the preparation of creation International Political Science Association and its founding conference (1946-1949 years). 3. The holding and realization twenty five World Congresses of the International Political Science Association during from 1950 to 2018 years. The author paid considerable attention to the analysis of significant role of world congresses of the International Political Science Association) in the genesis of IPSA and political studies.

Key words: *International Political Science Association (IPSA), Russian Political Science Association (RAPN), world congresses of IPSA, history of political science.*

Д.А. ВОХИДОВ
преподаватель Центрального института
повышения квалификации работников народного
образования имени А. Авлони, Республика
Узбекистан, г. Ташкент

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ КАК ОСНОВА СТАБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена современным факторам формирования легитимности власти в эпоху глобализации, механизмам формирования легитимности власти. Вместе с тем, следует отметить, что при общей положительной динамике легитимности власти за последние три года, вряд ли можно говорить о ее даже среднем уровне. Можно отметить лишь существенное увеличение доверия населения к центральным исполнительным органам федеральной власти, но кредит этого доверия зависит от той эффективности данной ветви власти, которую она сможет продемонстрировать в ближайшие несколько лет.

Ключевые слова: *легитимность власти, глобализация, государственные органы, делегитимация, доверие, концепция.*

Государственная власть может качественно функционировать в обществе только при том условии, что население данной территории поддерживает властные решения и не ставит под сомнение их законность. Как подчеркивает Э.Н. Примова, «государство, каким бы прочным оно ни казалось с первого взгляда, рано или поздно обречено на нестабильность, если большинство граждан не признают легитимность существующей власти и не высказывают готовность подчиняться ее законам» [8. С. 112].

Еще в XVIII веке А.Н. Радищев, рассуждая о легитимности власти и прочности государства, писал: «Познает всякий благорассуждающий, что твердость силы и власти в государстве имеет основание во мнении, и что оно делает закон законным, то есть делает его действительным» [9. С. 473].

Исследователи выделяют следующие критерии легитимности государственной власти:

- 1) применение властью насилия – зависит от уровня развития политической культуры общества и степени сформированности политического сознания;
- 2) уровень соответствия властных структур тем или иным нормам, как общеобязательным, так и не общеобязательным – необходимо помнить,

что нормы достаточно разнообразны и имеют противоречивый характер; зачастую они устанавливаются государством, но при этом не всегда поддерживаются обществом;

3) уровень электоральной активности населения государства [11. С. 20].

Концепция власти составляет ядро, основу политической науки. По словам Дж. Катлина, концепция власти носит фундаментальный характер в политологии. Р. Макивер считает, что все, что происходит вокруг нас, так или иначе связано с властью. Это власть, которая обеспечивает порядок и мир в государстве. Политология является областью изучения социального контроля или, более конкретно, контрольной взаимосвязи человеческих и даже животных отношений. Следует помнить, что власть не является чем-то абсолютным, это только инструмент, который используется по отношению к чему-либо [14].

По определению М.А. Василика, легитимность – это признание в обществе законности какого-либо действия, события или факта [2. С. 15]. Задача легитимности – обеспечить согласие в социуме, подчинение граждан власти без принуждения и насилия. При этом если власти необходимо применить силу, то ее пределы тоже определяются легитимностью.

Существуют следующие средства поддержания легитимности со стороны власти:

- внесение изменений в законодательство и механизм государственного управления в соответствии с новыми условиями;
- использование национальных традиций в законотворчестве и при принятии конкретных политических решений;
- реализация легальных мер предосторожности против возможного снижения легитимности власти;
- поддержание в обществе законности и правопорядка и др.

Показателями легитимности власти выступают:

- уровень принуждения, применяемый для проведения политики в жизнь;
- наличие попыток свержения правительства или лидера;
- сила проявления гражданского неповиновения;
- результаты выборов, референдумов;
- массовость демонстраций в поддержку власти (оппозиции) и др.

Легитимность власти соотносится с противоположным ей процессом делегитимации – утраты доверия, лишения политики и власти общественного кредита. Основными факторами делегитимации являются:

- 1) противоречие между универсальными ценностями, господствующими в обществе, и эгоистическими интересами властвующей элиты;
- 2) противоречие между идеей демократии и социально-политической практикой, которое проявляется в попытках решить проблемы силовым путем, нажимом на средства массовой информации;

3) отсутствие в политической системе механизмов по защите интересов народных масс;

4) нарастание бюрократизации и коррумпированности;

5) национализм, этнический сепаратизм в многонациональных государствах, проявляющийся в отвержении федеральной власти;

6) потеря правящей элитой веры в правомерность своей власти. Возникновение внутри нее острых социальных противоречий, столкновение разных ветвей власти [2. С. 210-211].

Одним из факторов, лежащих в основе определения степени эффективности процесса легитимации власти и уровня легитимности власти, является поддержка и признание народом таких институциональных основ.

Как считает Т.Ю. Фалькина, на уровень легитимности власти влияют такие факторы, как «избирательная система в целом и выборы в частности, институты местного самоуправления, участие населения страны и отдельных регионов в оценке эффективности деятельности структур, обладающих властными полномочиями, оценка эффективности государственной власти в виде индекса доверия граждан, непосредственное участие населения в функционировании отдельных государственных институтов; всеохватное признание возможности добиваться реализации своих прав и законных интересов через осуществление легальных процедур; степень персонификации власти в массовом сознании; критерии и показатели доверия граждан к властным структурам на уровне региональной и местной власти; присутствие элементов перевода потребностей населения и его оценки в отношении властных структур» [12. С. 18-19].

В политической теории существует понятие «кризис легитимности». Он возникает, «когда статусу основных социальных институтов грозит опасность, когда требования основных групп общества не воспринимаются политической системой» [5. С. 84]. Возникновение такого кризиса возможно и в обновленной общественно-политической структуре, если в течение долгого времени по тем или иным причинам власть не может оправдать доверие широких народных слоев.

Отметим, что легитимность – категория политическая, а легальность – юридическая (она устанавливается и гарантируется властью). По существующим оценкам, потенциальное воздействие геополитики и катастроф в сфере безопасности – гражданских и межгосударственных конфликтов и социальных беспорядков – значительно возросло с 2015 года. Это увеличение отражает совокупный высокий уровень политической турбулентности в развитых странах, стимулирующий налаживать отношения между гражданским обществом и государствами, что подтверждается ростом популизма, а также рисками для глобальной торговли и глобальной безопасности. Это единственная угроза, которая в целом возросла. Также способность кибератак наносить серьезный экономический ущерб возрастает по мере

увеличения числа и тяжести инцидентов, однако возможности по защите от них также совершенствуются [21].

Особое внимание угрозам политического характера уделяется в столице государства.

При условии отсутствия господствующей идеологии имеющийся плюрализм мнений и идейных течений способен приводить к нарушениям в устойчивом развитии городов, потере народонаселением политических ориентиров, а социумом – политической управляемости, в том числе к нанесению ущерба политической системе города и государства [1]. «Современный период положил начало тенденции к дифференциации возможностей, отделению потенциала личности, групп и организаций от субъектности в восприятии и продвижении безопасности. В ходе обсуждения актуальных вопросов на Всемирном политическом форуме (Ярославль, 9-10 сентября 2010 года) зарубежные ученые отметили: «Период современности положил начало новым социальным отношениям, которые уже не были напрямую связаны с культурными, религиозными и даже глобальными реалиями, а воспринимались в договорном контексте. <...> Характерный для современности дух “собственнического индивидуализма” породил стяжательные общества». <...> При создании государств акцент сместился с наднационального разделения власти на монополизацию легитимной власти национальными монархами. Изменения в характере войны способствовали дальнейшему сближению царей и олигархов: последние обеспечивали доход первым в обмен на защиту и безопасность. Этот процесс породил новую идею, ставшую квинтэссенцией периода современности – идею вечного, территориального, обезличенного государства [6. С. 231-246].

Стоит отметить следующее: Вебер утверждает, что подчинение государству является для людей не только привычкой, но и результатом их привязанности к государству и к тем сложным интересам, которые они могут удовлетворить в силу послушания ему [3. С. 77-79].

Следовательно, государство можно рассматривать в качестве средства поддержания чувства лояльности человека, той силы, которая способна выполнять желания своих граждан. Данные желания Вебер считает легитимными, потому что они сами по себе не зависят от политики или борьбы за обладание властью в государстве. Кроме того, Вебер утверждает, что вера в легитимность государства сродни тому, как сотрудник, занимающий определенное рабочее место, соглашается с правилами своего работодателя, чтобы получить право на оплату [22. С. 77-79].

С утилитарной точки зрения законная политическая власть должна основываться на принципе полезности. Эта концепция легитимности обязательно является морализированной: легитимность политической власти зависит от того, что требует мораль. Кроме того, поскольку личные интересы играют определенную роль в поддержании послушания в государстве, можно утверждать, что существует целенаправленный элемент послушания.

Другими словами, общество максимально заинтересовано в том, чтобы государство ограждало его от различных угроз (терроризма, насилия, голода, дискриминации по признаку национальности, экологических проблем и пр.) и содействовало повышению уровня и качества жизни граждан, их благополучия в интеллектуальном (достойное, актуальное для определенного времени, доступное образование), физическом и психологическом аспектах.

Вебер поддерживает эту концепцию, когда утверждает, что те, кто имеет скрытые мотивы или намерения ради личной выгоды, заинтересованы в подчинении государству, поскольку оно является источником осуществления их желаний.

Следовательно, если человек, подчиняясь распоряжениям власти, получает от государства то, что соответствует его личным интересам и потребностям, из этого закономерно следует, что такое государство человек признает законным, поскольку лояльность вознаграждается удовлетворением его нужд.

Как отмечал М. Фуко, система меркантилизма, применявшаяся в практике борьбы с дефицитом, которую государство когда-то использовало для предотвращения голода, имела неблагоприятные экономические и политические последствия. Теоретически считалось, что меркантилизм работает, поскольку он может ограничить реальную нехватку продовольствия, как можно скорее поставив продукты питания на экономический рынок, что, как казалось, позволяет обеспечить широкий оборот товаров. Поскольку теоретически товары перемещались с более чем достаточной скоростью, можно было утверждать, что если поток товаров не прекратится, стратегия меркантилизма масс может постоянно гарантировать отсутствие голода [13. С. 3-30].

С другой стороны, запрещая экспорт, накопление, повышение цен и производство определенных товаров, те государства, которые используют меркантилизм, склонны испытывать резкие экономические колебания. Кроме того, поскольку недостатки меркантилизма могут вызвать негативные экономические последствия, такие как сильно завышенные цены на товары, включая продовольствие, что может привести к голоду, в таких государствах повышался риск общественных волнений и протеста населения.

Следовательно, мрачные экономические реалии, являющиеся ключевой причиной революций, делают государство уязвимым для угрозы революционных восстаний, которые могут бросить вызов его легитимности и авторитету [10. С. 30-40]. Для устранения этой угрозы ряд государств взяли курс на то, чтобы новая идеология превратилась в экономическую практику, которая могла бы способствовать сохранению и укреплению легитимности и власти государства.

Таким образом, формируется угрозоустойчивость общества к голоду, который, к примеру, у россиян находится на третьем месте в рейтинге страхов.

По наблюдениям Фуко, после провала меркантилизма лидеры государств начали исправлять вызванные им проблемы различными способами.

В первую очередь были пересмотрены экономические подходы, которые потерпели неудачу на государственном уровне. Власть позволила народу самому устанавливать цены, торговать продовольствием и делать накопления. Были сняты запреты, устанавливавшие контроль над продовольствием, чтобы не только избежать политических беспорядков и голода, но и получить больше денег в казну государства [13. С. 21].

Лидеры аргументировали это тем, что государство выиграет от применения более либерального подхода к своей политической экономике, потому что при больших свободах для торговцев появляются перспективы роста конкуренции и прибыли. Таким образом, по Фуко, государственный аппарат, предоставив людям свободу иметь больший контроль над своим зерном, вызвал появление нового *raison d'état*.

Фуко называет этот новый подход в политической экономии либерализмом [13. С. 21]. Он утверждает, что в либеральной экономике люди свободны устанавливать цены на свои товары, поскольку это помогает им избежать ущерба и получить необходимые средства к существованию. Кроме того, люди, сами устанавливая цену на зерно, помогают государству избежать экономической катастрофы, так как при описанном подходе во времена хорошего урожая, когда цены на зерно низкие, свободное манипулирование может поднять цену на зерно. В свою очередь, когда цены на зерно повышаются, это свидетельствует о том, что был плохой урожай и что предложение зерна не соответствует спросу на него. Поэтому государство, позволяя людям сохранять, накапливать излишки зерна, тем самым гарантирует, что этот рынок в любом случае не будет серьезно поврежден [17. С. 38-39]. Кроме того, для поддержания стабильности на рынке государство может взимать импортные налоги на иностранное зерно, чтобы сбалансировать цены внутри страны и свободно экспортировать товар туда, где есть потребительский спрос и рынок сбыта.

Следует отметить, что посредством либерализации экономики, когда государство позволяет своему народу манипулировать ценами, сберегать товары, а также перемещать товары и торговать ими, оно создает условия для того, чтобы народ имел финансовую стабильность в жизни. Кроме того, помогая своему народу избежать нищеты, государство снижает риск крупных политических волнений и, соответственно, способствует формированию устойчивости общества.

Джереми Бентам отвергает идею Гоббса о том, что политический авторитет создается общественным договором. По мнению Бентама, именно государство обеспечивает возможность заключения контрактов. Проблема легитимности, с которой сталкивается государство, заключается в том, какой из ее законов оправдан. Бентам полагает, что легитимность должна определяться тем, способствует ли закон счастью граждан [15. С. 101-132].

Те, кто связывает политическую легитимность с проблемой обоснования власти, склонны считать политическое принуждение единственным

способом, который легитимные государства могут использовать для обеспечения своих полномочий.

По словам Лесли Грина, «принудительные угрозы обеспечивают второстепенную, усиливающую мотивацию, когда политический порядок терпит неудачу в его первичной нормативной технике авторитетного руководства» [18. Р. 75].

Согласно концепции второй группы ученых, напротив, главная функция легитимности – это оправдание силы принуждения. В интерпретациях, основанных на принуждении, главная проблема, которую должна решить концепция легитимности, заключается в том, чтобы отличить законное использование политической власти от простого принуждения. Один из способов понять это – проанализировать, ориентирована ли легитимность на законное использование политической власти или составляет политическую власть. Как индивидуальная свобода, так и право на участие в политике необходимы как для саморазвития отдельных лиц, так и для прогресса общества в целом, а это является одной из гарантий угрозоустойчивости социума.

Т. Гоббс отмечает, что политическая власть является результатом «общественного договора». По законам природы с самого рождения существование каждого человека находится под угрозой, и это, как утверждает Гоббс, делает разумным для всех граждан согласие на пакт, который уполномочивает определенное лицо (суверена) или группу лиц, способных гарантировать всем защиту, на выполнение властных функций. Когда в обществе нет таких лидеров, может быть создан «институт суверенитета», но в этом случае политическая власть также может быть установлена путем подчинения власти как авторитету. Оба способа определения суверена одинаково законны. И политическая власть будет законной до тех пор, пока суверен обеспечивает защиту граждан: как подчеркивает Гоббс, естественное право на самосохранение не может быть отменено. Однако помимо этого не может быть никаких дополнительных вопросов относительно легитимности суверена. В частности, по мнению Гоббса, нет различия между эффективной властью и законной властью. Можно даже утверждать, что Гоббс не проводит различия между законной властью и простым осуществлением власти [19. С. 30]. Тем не менее, согласно более поздним исследованиям, такое различие очевидно: попытка править без легитимности представляет собой применение силы принуждения, а не власть.

По мнению М. Вебера, определяющей характеристикой государства является его тотальное доминирование и исключительное право использовать законную силу для утверждения своей легитимности в рамках отведенной ему сферы. Другими словами, государство может принуждать людей, находящихся под его юрисдикцией, использовать средства власти или законное насилие для сохранения и утверждения своего доминирования, потому что государство монополизирует и контролирует средства достижения

цели, которую только оно может выполнить. Вебер считает, что государство является единственным субъектом, который может законно утверждать свою власть с помощью силы [22. С. 77-79].

Говоря о принятии решений, отметим: Т. Christiano и N. Kolodny утверждают, что легитимность демократически принятых решений проистекает из политического равенства, которое обеспечивает демократия и только демократия. Согласно Christiano [16], только при демократии люди публично рассматриваются как равные.

По мнению Kolodny [20. P. 195-229], политическая легитимность может быть поставлена под угрозу не только неравным доступом к политическим, социальным и экономическим институтам, но и необоснованной эпистемической привилегией. Исследователи предлагают концепцию демократической легитимности, согласно которой политические решения считаются законными, если они являются результатом дискуссионного демократического процесса принятия решений, который удовлетворяет некоторым условиям политической и эпистемологической справедливости.

На современном этапе важнейшей задачей общественного развития является «изменение доминирующей нетрудовой мотивации деятельности на трудовую». В отличие от эпохи феодального строя, сегодня население состоит из людей, которые вольны делать карьеру по своему желанию. Свобода выбора рода деятельности обуславливает две роли, которые гражданин должен выполнять: во-первых, роль члена государства, послушного и подчиняющегося его власти; во-вторых, роль вкладчика в общее благополучие государства. Поскольку все люди свободны делать ту карьеру, которая им по душе, государство не только может зарабатывать больше денег, но также должно использовать более инновационные методы для обеспечения того, чтобы его население оставалось политически лояльным и в то же время экономически активным [13. С. 38-39].

Прежде чем приступить к анализу методов, используемых государством для обеспечения политического и экономического подчинения граждан, следует изначально понять расклад политических сил и интересы, которые они, как правило, представляют.

По мнению Фуко, правительство является не только органом, который реализует государственные проекты, но и частью государственной структуры и государственного устройства. Иными словами, гражданские служащие и политические лидеры не только формируют логику государства, но и занимают определенную позицию с учетом структуры и потребностей правительства.

Для современного государства характерны политическая специализация, существование политических профессий [13. С. 8]. Это ведет к тому, что на первый план в значительной степени выходит функция, а не личность, происходит деперсонификация политической сферы [4]. Главная за-

дача, возлагаемая на современных представителей власти, – действовать легитимно, в интересах государства и общества.

Как отмечает В.К. Левашов, «гражданственность и патриотизм являются важнейшими нравственными качествами человека, в которых выражается сопричастность его к своей Родине, народу, государству, их истории и культуре, проявляется его способность участвовать в совместных действиях на благо общества, готовность отстаивать и защищать общественные устои и национальные интересы» [7. С. 67-69]. Чтобы государство было угрозоустойчивым, необходимо найти баланс между интересами народа и государства, учитывая при этом «традиции, моральные ценности, проводя идейно-воспитательную работу для укрепления патриотизма в обществе, что и станет своеобразным стержнем государства» [7. С. 67-83].

Отвечая на вопрос о том, каковы факторы, которые позволяют власти сохранять свое влияние, быть долговечной, Фуко полагает, что первостепенную роль в этом играют способы обеспечения безопасности государства, то есть, в контексте настоящего исследования, формирования угрозоустойчивости различных групп населения, с целью убедить их способствовать выполнению политических/экономических задач, стоящих перед государством. С этой целью, по мнению Фуко, государство должно уделять внимание, в том числе, и дисциплинарной нормализации, то есть закреплению таких моделей поведения граждан, которые способствовали бы достижению целей государства. При этом если поведение граждан не соответствует установленным нормам, возникают специальные государственные институты для исправления различных аномалий в поведении людей. Не вызывает сомнений, что угрозоустойчивость должна формироваться объединенными усилиями всего общества.

По мнению Фуко, современное государство принимает меры по обеспечению безопасности и угрозоустойчивости своего «социального тела» (то есть населения) с помощью различных методов, включая использование знаний. По Фуко, государство, власть управляет этим телом, действуя как своего рода «супер-эго», оно определяет стандарты поведения, что, в конечном счете, влияет на характер желаний, потребностей граждан, а также на уровень осознанности их поведения [17. С. 60-61].

Для воздействия на граждан и регулирования их поведения у государства есть такой институт, как образование. Государство финансирует учебные заведения, а значит, накладывает на них обязательство соблюдать устанавливаемые государством требования и стандарты. Следовательно, по утверждению Фуко, преподавание имеет политический аспект, ориентированный на то, чтобы убеждать учащихся в необходимости подчиняться государству [17. С. 13-15]. При этом, чем более интеллектуальным является общество и чем шире у него доступ к качественному и востребованному окружающей действительностью образованию, тем более угрозоустойчивым является такое общество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Безопасность жизнедеятельности / *Е.И. Холостова, О.Г. Прохорова*. М.: Дашков и К, 2017.
2. *Василик М.А.* Политология. М., 2014.
3. *Вебер А.Б.* Устойчивое развитие как социальная проблема (глобальный контекст и российская ситуация). М., 1999.
4. Доклад комиссии Брундтланд «Наше общее будущее» (1987 г.).
5. *Краснов Б.И.* Теория власти властных отношений // Социально-политический журнал. 1994. № 3-6.
6. *Пабст Э.* Рыночное государство и постдемократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / под ред. В.Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества; вступ. статья В.Л. Иноземцева. М.: Европа, 2010.
7. *Пахрутдинов Ш.И.* Угрозоустойчивое общество в качестве фактора развития государства и общества // Конфликтология. 2016. № 4.
8. *Примова Э.Н.* К вопросу о легитимности власти // Власть. 2013. № 8.
9. *Радищев А.Н.* О законоположении // Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения (К 150-летию со дня смерти. 1802-1952 гг.). М.: Госполитиздат, 1952.
10. *Сморгунов Л.В.* Политическое управление в глобализирующемся мире // Перспективы человека в глобализирующемся мире / под ред. В.В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003.
11. Стратегический вектор обеспечения международной информационной безопасности: сборник / сост. М.А. Вус, О.С. Макаров; предисл.: чл.-кор. РАН Р.М. Юсупов. СПб.: СПИИРАН, 2016.
12. *Фалькина Т.Ю.* Легитимация власти как фактор ее стабильности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 4.
13. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв / пер. с англ. под общ. ред. А.В. Александровой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.
14. *Arjun K.* Importance of Power, Influence, Authority and Legitimacy in Political Science // <http://www.preservearticles.com/>
15. *Binmore Ken.* "A Utilitarian Theory of Legitimacy," in *Economics, Values, and Organization* / Ben-Ner, Avner and Louis G. Putterman (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
16. *Christiano T.* The Constitution of Equality. Oxford: Oxford University Press, 2008.
17. *Foucault M., Senellart M. ed., Burchell G. trans.* Security, Territory, Population. New York: Picador, 2008.
18. *Green Leslie.* The Authority of the State. Oxford: Oxford University Press, 1988.
19. *Hobbes T.* Leviathan (1668) / ed. by Edwin Curley. Indianapolis: Hackett, 1994. Ch. 21.

20. *Kolodny Niko*. Rule Over None I: What Justifies Democracy // Philosophy and Public Affairs. 2014. № 42 (3).

21. *Ralph D.* (2018) Geopolitical and security shocks rise across the world // <https://insight.jbs.cam.ac.uk/2018/>

22. *Weber M.* (Gerth& Mills eds.) “Politics as a Vocation” as found in From Max Weber: Essays in Sociology. New York: Routledge, 2013.

D.A. VOKHIDOV

*Teacher of the Institute of retraining
and advanced training of public education workers
named after A. Avloni, Republic
of Uzbekistan, Tashkent*

LEGITIMACY OF POWER AS A BASIC FACTOR OF MODERN SOCIETY STABILITY

The article considers modern factors that are forming legitimacy of power in the globalization era, formation mechanisms of the legitimacy of power. It should also be noted that it can hardly be said that it is of even medium level despite overall positive dynamics of the government legitimacy over the past three years. Only a significant increase in public confidence towards central executive bodies of the Federal government can be seen nowadays, but this trust depends on the effectiveness of this government branch if it is able to prove such effectiveness in the next few years.

Key words: *legitimacy of power, globalization, state bodies, delegitimization, trust, concept.*

О НАУЧНОЙ КОННОТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Общественное сознание сообщества единой судьбы человечества – это взаимозависимость народов мира, основанная на идее о том, что «человек имеет только одну землю, все народы живут в одном общем мире». Как своего рода сознание, основанное на интересах всего человечества, оно является внутренней основой для содействия развитию и распространению Сообщества единой судьбы, содержит богатые и глубокие коннотации, которые сосредоточены в политическом сознании, концентрируя в себе принципы взаимного уважения, равенства бизнеса, открытого обмена и сотрудничества на взаимовыгодной основе. Экономическое сознание, поиск взаимопонимания при сохранении различий, эклектическое культурное сознание, координация «зеленых» и экологическое сознание устойчивого развития.

Ключевые слова: сознание, Сообщества единой судьбы человечества, внутреннее содержание, коннотация, КНР.

Начиная с 18-го Национального конгресса Коммунистической партии Китая, Центральный Комитет партии во главе с председателем Си Цзиньпином, находясь на позиции интересов всего человечества, координируя два основных направления внутренней политики и международных интересов Китая, предложил концепцию Сообщества единой судьбы человечества, взяв на себя мужество, присущее лидеру огромной державы.

Сообщество единой судьбы человечества включает в себе идею о том, что, преследуя собственные интересы, страны должны учитывать законные интересы других стран и содействовать общему развитию всех государств, одновременно стремясь и к собственному развитию. Эта идея обеспечила международному сообществу новую концепцию, которая поможет продвигать международный порядок и международную систему в более справедливом и рациональном русле. Поэтому содействие распространению идеи общности человеческой судьбы и углубление этого чувства, стало актуальной задачей. Углубление сознания Сообщества единой судьбы – это первое,

что нужно понять, чтобы понять его значение. У Сообщества единой судьбы есть политическая, экономическая, культурная и экологическая составляющая. Осознание общности человеческих судеб является идеологической основой формирования Сообщества и соответствующей потребности укрепления взаимного уважения. Осознание политического равенства, бизнес планирование, открытый обмен мнениями, взаимовыгодное экономическое сотрудничество, стремление к единению при сохранении различий, всеобъемлющее культурное сознание, координация действий «зеленых», как забота об окружающей среде – все это будет способствовать непрерывному развитию и росту общественного сознания в целом.

1. Сознание взаимного уважения, равенства и благоприятных условий для бизнеса.

С углублением процесса глобализации, страны обретают все большее взаимопроникновение в рамках концепции единой судьбы.

«Ни одна страна не может самостоятельно добиться своей абсолютной безопасности, и ни одна страна не сможет восстановить свою стабильность после беспорядков в других странах. «Мясо слабого – пища сильного» – так гласит закон джунглей, но никак не принцип совместного здорового развития государств. Метод борьбы, тирания и принцип управления силой – все это заведомо провальные тактики, способные привести в яму того, кто вырыл ее своему врагу» [2].

В то же время наряду с нарастающей многополярностью современного мира, политические интересы стран тесно переплетаются между собой, а конфликты и противоречия их политических интересов связаны со стабильностью глобальной политической структуры и международной безопасностью в целом.

Под покровом, казалось бы, безопасного мира, набирает обороты скрытая борьба. Незаметное на первый взгляд противостояние стран становится все более частым явлением. Игра между великими державами все еще очень жестока. Гегемонизм и политика силы занимают в мире тихое пристанище. Будь то политическая игра между США и Россией или продолжающиеся конфликты и войны на Ближнем Востоке, а также разрушительные последствия терроризма – все это приводит к напряженности в международной политической ситуации, которая, в свою очередь, представляет огромную угрозу безопасности всего человечества.

В контексте скрытого кризиса, для построения прочного мира и общей безопасности, создание Сообщества единой судьбы человечества является важнейшим инструментом, так как оно будет способствовать поддержанию взаимного уважения, равенства и единого политического сознания. Генеральный секретарь Си Цзиньпин в рамках 19-го большого отчета также провозгласил, что важно соблюдать: «взаимное уважение, деловое сотрудничество на равноправной основе, отказаться от менталитета и силовой по-

литики холодной войны, поддерживать принцип диалога, а не конфронтации, и партнерства, а не объединения отдельных стран в коалиции против других» [3].

Взаимное уважение, деловое сотрудничество на равноправной основе означает, что страны должны уважать суверенитет друг друга и соблюдать невмешательство во внутреннюю политику, сохранять неприкосновенность территориальной целостности и взаимного ненападения. В решении политических конфликтов между странами, мы должны придерживаться принципа равноправных соглашений, следовать по пути диалога и партнерства, не идти по пути силовой борьбы.

Оказывается, гегемонизм и политика силы угрожают международному миру, и блокируют его развитие, как злокачественная опухоль. Две мировые войны оставили столько болезненных последствий тяжелейшей катастрофы и страданий народа, на сегодняшний день все еще заметны последствия холодной войны.

В нынешнем сирийском конфликте видны очевидные признаки того, что власть может привести только к серьезной катастрофе, а равенство и взаимное деловое сотрудничество – это пути мирного решения проблем.

Внедряя концепцию единой судьбы человечества и вызывая к уважению идей сообщества, Китай преследует интересы всех народов, так как концепция основана на здравом смысле и интересах всех наций без исключения. С течением времени Китай стремится построить более справедливый и рациональный мировой порядок, который способствует международному благополучию и развитию человека.

Китай всегда уважал законные права всех государств и выступал за деловое сотрудничество на равноправной основе для урегулирования отношений между странами. Такое политическое сознание было признано огромным числом стран, и оно все больше демонстрирует свою жизнеспособность.

Можно наблюдать, что политический принцип взаимного уважения, равенства и равноправного построения бизнеса играют важную роль в устранении международных политических проблем и построении хорошего партнерства между народами. Только поддерживая и разделяя принципы Сообщества единой судьбы, страны могут достичь диалога и сотрудничества на равноправной основе в важных политических вопросах вместо использования силы для их решения. В целях обеспечения собственной безопасности, способствовать национальному развитию и достичь максимальных выгод в истинном смысле этого слова.

2. Открытый обмен, взаимовыгодное экономическое сотрудничество.

Экономическая глобализация и развитие социальной информатизации превратили мир в «глобальную деревню». Страны стали взаимозависимы, вынужденными делить радости и горести все более взаимопроникновенно, демонстрируя тот факт, что «когда хорошо одному, хорошо всем; когда плохо одному, плохо всем».

Под такой волной страны хотят выживать и развиваться, они должны поддерживать условия открытого обмена и взаимовыгодного сотрудничества. Политика открытости – единственный способ углубить торговое сотрудничество и способствовать экономическому развитию. С момента проведения политики реформ и открытости в 1978 году Китай всегда придерживался основной национальной политики открытости внешнему миру. Во время 40-й годовщины проведения политики реформ и открытости, Китай одновременно заставляет мир удивляться и восхищаться и твердо доказывает, что вступление на путь реформ и открытости является правильным путем для укрепления страны и обогащения людей.

Тем не менее, некоторые страны опасаются негативного воздействия экономической глобализации и предпочитают сохранять нейтралитет, полагая, что смогут противостоять «шторму» и поддерживать свою экономику на прежнем уровне, но в глобальном масштабе они уже упустили возможности к развитию и укреплению экономики, нарушили ход тенденции развития и роста.

Легко наблюдать, как страна с закрытыми дверями может полагаться только на себя, когда выход в открытии «дверей», так как там возможно действительное развитие. Страны, придерживающиеся концепции открытости, внедряют передовые зарубежные технологии, усваивают передовой опыт и уделяют внимание предотвращению рисков, чтобы не отставать от путей экономического развития и достигать экономического роста.

«Идея общедоступного развития является существенным признаком и важнейшей ценностью Сообщества единой судьбы человечества» [4]. Цель совместного развития достигается для общего блага народа, и плоды его используются людьми. Сообщество единой судьбы человечества предназначено для того, чтобы люди во всем мире могли шире использовать возможности развития и делиться его результатами. Современная развивающаяся экономика совместного использования является воплощением упоминаемой выше концепции: городской прокат велосипедов, каршеринг, пункты выдачи зонтов и даже портативных аккумуляторов для зарядки устройств – все это позволяет людям в полной мере наслаждаться удобством экономически продвинутого общества, а также повышать уровень удовлетворенности жизнью.

Тем не менее, сегодня в мире остается множество отстающих стран, живущих в бедности, например, их много в африканском регионе; и результаты экономического развития тех стран не являются общественным благом народа. В этих обстоятельствах все страны должны придерживаться принципа сознательного совместного пользования, брать на себя ответственность за искоренение нищеты, стремиться сделать результаты развития более справедливыми на благо всех людей, способствовать созданию прекрасного мира без голода и холода и содействовать строительству Сообщества единой судьбы человечества.

Экономическое сознание взаимовыгодного сотрудничества является важным воплощением общественного сознания Сообщества единой судьбы человечества. В настоящее время экономики всех стран тесно связаны между собой. Каждая страна является узловой точкой, входящей в большую экономическую сеть.

Произойдет небольшой финансовый кризис, и каждая страна будет затронута. Остаться непричастным становится попросту невозможно. Если страны хотят занимать место на экономическом рынке и снизить свои экономические риски, они должны разделять идею экономического сознания и принципов взаимовыгодной кооперации, так как эти вещи являются хорошим лекарством для содействия устойчивому и здоровому развитию мировой экономики.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин также неоднократно подчеркивал необходимость установления взаимовыгодного сотрудничества. Китай всегда высоко ставил принцип взаимовыгодного сотрудничества, а также инициативу «Один пояс – один путь». Создание и учреждение Азиатского инвестиционного банка свидетельствует о том, что Китай стремится содействовать развитию всех стран, одновременно добиваясь своего собственного развития, широко распространяя информацию о взаимовыгодном сотрудничестве в больших странах, а также способствует созданию Сообщества единой судьбы человечества.

3. Стремление к единению, всеобъемлющая культура сознательности.

Культура – это квинтэссенция человеческой мудрости, глубоко укорененная в характерном для той или иной нации многообразии и уникальности. Чтобы построить Сообщество единой судьбы человечества, мы должны твердо придерживаться принципа единства при сохранении различий. Прежде всего, каждая культура богата и насыщена, и каждая имеет свою уникальную ценность. За длительный период истории развития производственных сил, народы создали свои богатые культуры.

Мир богат разнообразием культур, будь то азиатская, европейская или африканская культура, каждая излучает свой неповторимый шарм и является духовным наследием человечества. Уникальная культура каждого народа и государства является не только национальным достоянием, но и достоянием мирового масштаба.

Каждая культура заслуживает нашего уважения и бережного отношения к ней. Кроме того, все культуры равны между собой. Мы не должны относиться предвзято по отношению к какой-либо культуре и должны стремиться к единению при сохранении различий. Председатель Си Цзиньпин на эту тему высказался следующим образом: «Если высокомерно относиться к культурным различиям, то невозможно не только постичь до конца ту или иную культуру, но и можно остаться в стороне совершенно чужим. История и современные реалии – все указывает на то, что предрассудки являются самыми большими препятствиями на пути культурного обмена» [1].

Каждая отдельная национальная культура в нашем мире несет в себе сгусток мудрости народов и искрится лучами знания этого народа. Культурные различия проявляются только в уникальном своеобразии, но никак не в преимуществах или недостатках; не существует какой-то идеальной или эталонной культуры, также не существует и ничтожной или недостойной культуры. Поэтому каждая культура заслуживает трепетного и уважительного с ней обращения, стремления к единству при сохранении различий, без отвержения ее отдельных элементов. Необходимо терпеливо обращаться с различиями и скромно принимать культурное многообразие.

Кроме того, всякая культура достойна того, чтобы ею делились. Мы должны всеобъемлюще подходить к национальным культурным достояниям других государств ради развития нашей собственной культуры. Прелесть отдельно взятой культуры заключается в ее многостороннем разнообразии, которое в свою очередь невозможно без развития инноваций. Диалог культур является важным источником развития общества и инноваций. Чем масштабнее развит культурный диалог, тем глубже и насыщеннее становится жизнь.

Чтобы толерантно принимать культурные особенности разных рас и регионов в нашем мире, необходимо придерживаться культурного сознания стремления к единству при сохранении различий и эклектизма, а также использовать культуру в качестве связующего звена для создания Сообщества единой судьбы человечества, тем самым реализуя прекрасное видение того, что «каждая нация обладает собственными красивыми традициями; нужно обязательно учиться у других культур; в процессе взаимного обучения и культурного расширения, мы создаем прекрасный, красочный мир, гармонично сочетающий в себе сокровища отдельных наций» (1).

4. Координация «зеленых», непрерывное развитие экологического сознания.

Сообщество единой судьбы человечества также является «сообществом жизни». Выживание человечества неотделимо от его развития. Материальное обеспечение, данное нам самой природой, это способность человечества размножаться. Источник жизни в том, что мы способны передавать ее из поколения в поколение.

Природа – это колыбель жизни, а история развития человеческого общества – это история взаимоотношений человека и природы. Эволюция природы происходит от отношений зависимости человека от нее. От отношений захвата природы, человечество приходит к гармоничному взаимодействию с ней, что свидетельствует о росте осознанности человека в отношении природы и пробуждении сознания самосохранения.

После недавней промышленной революции человечество стало расширять производство товаров, созданных за счет принесения ущерба природе. Этот процесс имеет также обратный эффект, естественным образом направляющий неблагоприятные последствия в сторону человека – кислотные

дожди, эрозию почвы, опустынивание земли, загрязнение почвы, наводнения и т.д.

Все болезненные уроки предупреждают нас о том, что мы становимся врагами природы и позволяем себя уничтожать. Правильный способ жить с природой – это добиться осознанности в экологических вопросах, координации «зеленых» и устойчивого развития.

Экологическая осведомленность вместе с координацией «зеленых» при скоординированном и устойчивом развитии оказывают стимулирующее воздействие на создание человеческих и естественных сообществ жизни, что способствует защите природной среды, стабильности экосистемы и выживанию и развитию будущих поколений. «Зеленое» развитие является неотъемлемым условием для построения Сообщества единой судьбы. Нынешняя экологическая ситуация в мире по-прежнему является основным фактором, сдерживающим экономическое развитие, и защиту окружающей среды нельзя игнорировать. Странам во всем мире срочно необходимо создать экосистему, которая уважает природу и экологическое развитие. Мы должны продвигать экологически чистое, низкоуглеродистое, перерабатывающее производство и образ жизни, развивать экологически чистые финансы, расширять индустрию чистого производства и индустрию экологически чистой энергии и стремиться к созданию чистой, безопасной и энергетической системы для колледжей и университетов (2).

Скоординированное развитие в основном нужно для людей и природы. Каждый шаг вперед в человеческом обществе, соответствующая природа будет терпеть мучительную боль в сердце. Как уменьшить значение боли и ускорить заживление ран стало трудной задачей для людей. Это предупреждает нас о том, что, когда мы просим природу, мы должны помнить о концепции гармоничного сосуществования и гармоничного развития между человеком и природой. Необходимо фундаментально установить осведомленность о защите окружающей среды, углубить понимание законов природной экологии и использовать соответствующие законы и нормативные акты для защиты окружающей среды, используя рыночный механизм в качестве средства сочетания экономического развития с охраной окружающей среды. Осознание устойчивости – это учет человеческой, социальной и природной среды и экономики как единого целого. Осознание устойчивого развития должно быть направлено на гармоничное развитие людей и природы, делая упор на устойчивое развитие людей и природы и устойчивое выживание природы. Чувство устойчивости в сообществе человеческой судьбы является одной из его важных коннотаций: Сообщество человеческой судьбы рассматривает человека и природу как сообщество судьбы не только для достижения устойчивого развития природы, но также для достижения устойчивого развития будущих поколений и достижения нынешнего сочетания интересов и долгосрочных интересов в будущем.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин четко заявил в отчете 19-го Национального конгресса: «Человек и природа – это сообщества жизни, и люди должны уважать природу, соответствовать природе и защищать природу» [5]. Охрана окружающей среды неотделима от усилий народов всех стран. Люди всего мира должны составить план гармоничного развития человека и природы. Все страны должны активно укреплять сотрудничество в области глобального экологического руководства, активно выполнять свои обязанности по защите окружающей среды, брать на себя инициативу по выполнению экологических обязательств, активно воплощать в жизнь дух Киотского протокола и других документов и содействовать созданию чистой и красивой экологической среды.

Страны мира никогда не были так тесно связаны, как сегодня – «сообщество людей, дышащих в унисон» – Сообщество единой судьбы демонстрирует, что стремление к общему развитию и процветанию в мире является глобальной тенденцией.

Укрепление общественного сознания в рамках концепции единой человеческой судьбы является идеологической основой Сообщества, поэтому мы должны придерживаться принципа взаимного уважения в политической сфере, равенства и взаимовыгодных условий для ведения бизнеса, сформировать экономическое сознание совместного ведения хозяйственной деятельности на основе взаимовыгодного сотрудничества; искать всевозможные точки соприкосновений, сохраняя при этом различия, а также почитать эклектичное культурное сознание, поддерживать координацию «зеленых» и понимать, что только все это позволит нам качественно решать мировые проблемы, содействовать созданию гармоничного, красивого и процветающего мира.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В декабре 1990 года, известный японский социолог профессор Накасонэ Тихиро и профессор Цяо Цзянь провели в Токио «Международный симпозиум по восточноазиатским общественным наукам», посвященный 80-летию со дня рождения Фэй Сяотуна. Это было высказывание в рамках доклада «Человеческие исследования в Китае – личный опыт», знаменитый 16-ти символьный девиз.

(2) Создание сообщества единой судьбы человечества – наилучший ответ на т.н. «китайскую угрозу» // <https://dknews.kz/kitai/sozдание-soobsestva-edinoi-sudby-celovecestva-na-lucsii-otvet-na-tn-kitaiskuu-ugrozu.html>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Zheng Wang*. Never Forget National Humiliation. Historical Memory in Chinese Politics and Foreign Relations. New York: Columbia University Press, 2012.

2. 习近平.携手构建合作共赢新伙伴同心打造人类命运共同体 - 在第七十届联合国大会一般性辩论时的讲话 [H] .人民日报, 2015年5月29日.

3. 习近平.决胜全面建成小康社会夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利 - 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [N] .人民日报, 2017年10月13日.

4. 王岩, 竟辉.以新发展理念引领人类命运共同体构建 [J] .红旗文稿, 2017(5).

5. 习近平.决胜全面建成小康社会夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利 - 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告.人民日报, 2017年10月13日.

U TIN

*Post-graduate student,
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

ON THE SCIENTIFIC CONNOTATION OF THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF THE COMMUNITY OF SHARED FUTURE FOR MANKIND

The public consciousness of the Community of shared future for mankind is the interdependence of the peoples of the world, based on the idea that “mankind has only one earth to live on, and countries have only one world to share.” As a kind of consciousness based on the interests of all mankind, it is an internal basis for promoting the development and spread of the Community of common destiny, it contains rich and deep connotations that are concentrated in the political consciousness, concentrating the principles of mutual respect, equality of business, open exchange and cooperation on a mutually beneficial basis. Economic consciousness, the search for mutual understanding while maintaining differences, an eclectic cultural consciousness, the coordination of the “green” and the environmental consciousness of sustainable development.

Key words: *consciousness, Community of shared future for mankind, internal content, connotation, China.*

*кандидат политических наук, доцент
кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

*доктор исторических наук, профессор
кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТЛИЧИЙ РОССИИ И ЗАПАДА В КОНЦЕПЦИЯХ С. ХАНТИНГТОНА И Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Данная статья посвящена концепциям цивилизационного подхода, в разработках С. Хантингтона и Н.Я. Данилевского, где рассматриваются два совершенно разных взгляда на природу цивилизации и место России в мире. Тем не менее, именно данные подходы обнаруживают сходство в идее замкнутости, «непередаваемости» цивилизации, закрытости и индивидуальном опыте каждой страны в переживании своего цивилизационного сценария.

Ключевые слова: *русская локальная цивилизация, цивилизационный подход, общественный процесс, транзит власти, особенности, специфика.*

Стремительные изменения в общественно-политической и экономической жизни подавляющих стран мира породили в современной политической науке неуклонный рост интереса исследователей к цивилизационному подходу, который приобретает все большую актуальность. Более того, кризис либеральной идеи, экономические проблемы и политическая нестабильность, это именно те факторы, которые являются современными научными вызовами для исследователей.

Относительно российских реалий ситуация актуализируется еще и предстоящим транзитом власти, а также изменением существующей два десятилетия парадигмы управления. Общество, пораженное в 90-е годы либеральной идеей, все больше начинает осознавать несостоятельность существующей идеи «вхождения в семью западных народов». Санкции, обострение международной ситуации, локальные конфликты, война на Украи-

не и почти тридцатилетний переходный период, закончившийся размытыми перспективами, заостряют социальные проблемы. Нам представляется, что все это вносит в исследовательский дискурс проблему, являющуюся наиболее актуальной и отвечающей современным вызовам. Это проблема о существовании русской локальной цивилизации как особого социально-политического пространства. В связи с этим для нас представляют интерес две ставшие классическими научные концепции цивилизаций С. Хантингтона и Н.Я. Данилевского [5]. Разные по своему содержанию и времени создания, но имеющие некоторое сходство, они заставляют по-новому подойти к рассматриваемому предмету.

Американский политолог С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» 1996 года, анализируя мир, становящийся все более однополярным, но от этого не более однозначным, замечает относительно России, что она была разорванной страной на протяжении нескольких столетий, и в отличие от той же Мексики или республиканской Турции является еще и стержневым государством основной цивилизации [6. С. 210].

Утверждение довольно спорное, так как не только Россия являлась страной с опытом разрыва. Есть более яркий пример разнородности – единое государство Германия, где германские земли, без поправки на последнее воссоединение, состоявшееся тридцать лет назад, существует около ста пятидесяти лет, поэтому говорить об уникальности опыта России в этом плане не слишком корректно [3].

Что касается стержневого положения России в локальном цивилизационном пространстве, то место лидера скорее будет определяться четкой самоидентификацией по данному вопросу и выработкой собственного «культурного кода» или же его генерирования на основе существующего базиса, в том числе и в политическом аспекте. Но пока существует идея примыкания к условному «объединенному западу», стать цивилизационным лидером для соседних народов перспектива едва ли возможная. По мнению С. Хантингтона, если Турция и Мексика определяют себя как членов западной цивилизации, то влияние – это влияние на исламскую или латиноамериканскую цивилизации, будет незначительным. Напротив, результат будет иным, если же Россия примет западные ценности. Православная цивилизация прекратит свое существование [6. С. 210].

Ключевую роль тут играет исторический фактор, попытки «примыкания» осуществлялись не раз, одна из них состоялась при Петре I. По словам самого С. Хантингтона, это и было второй фазой взаимоотношений России и запада, не принимая во внимание более ранних, неоформленных столь же четких контактов. Он утверждает, что взаимоотношения России с западной цивилизацией можно разделить на четыре фазы. Первая фаза длилась вплоть до царствования Петра Великого (1689-1725), при этом Киевская

Русь и Московское царство имели слабые контакты с обществами Западной Европы. Более того, они существовали отдельно от Запада [6. С. 211]. По его же мнению именно тогда и наметился разрыв внутри страны, разрыв цивилизационного характера: Петр I создал, как он выразился, «разорванную страну» и уже в девятнадцатом веке славянофилы и западники вместе сокрушались по поводу этого состояния. Они истоиво спорили по поводу того, стать ли России полностью европеизированной или отказаться от европейского влияния и прислушаться к истинно русской душе. При этом западники, в том числе П.Я. Чаадаев, утверждали, что «солнце – это солнце Запада», а Россия должна использовать его лучи для того, чтобы стать освещенной и изменить унаследованные институты [6. С. 213]. Но нам представляется, что здесь скорее уместно говорить не о разрыве, а включении инородных элементов в систему управления в следствии индоктринации элит западными идеями, ситуация которая и в будущем повторится не один раз.

Если рассмотреть отношения власти и населения, более пристально, то здесь можно заметить одну присущую всему историческому развитию России особенность. Страна всегда находится в условиях «внешнего управления». Ее элиты не сгенерированы «из народа», они инородны для общества или идейно, либо происхождением. В то же время, сам народ претерпевает раскол внутри себя, отчужден от самого себя, большая разобщенность и разница культурных традиций ощущается буквально с самого начала образования русского государства. Не только элиты инородны, но и население внутри себя имеет большую чем где-либо разнородность. Подобная ситуация усугубляется еще и географическим фактором, и своеобразным устройством общины в поселениях.

По мнению Е.Ю. Спицына, к моменту распада единого славянского этноса восточные славяне уже давно миновали стадию «дикости» и в отличие от соседних германцев и степняков жили в рамках соседской (территориальной) общины. При этом ее основу составляла не большая, а малая семья [4]. Исходя из такого устройства, можно делать вывод, что малая семья не представляет сама по себе группы с большим объединяющим потенциалом. Подобное отсутствие хоть какой-либо сплоченности, явление само по себе не уникальное, но делающее термин «разрыв» неуместным. Нечто не целое «разорвать» можно весьма условно. Именно поэтому все последующие поколения русской элиты с переменным успехом стремились усилить авторитарические тенденции. В этом отношении можно согласиться с утверждением Е.Ю. Спицына, что в соответствии с петровской моделью, В.И. Ленин, И.В. Сталин, и в меньшей степени Екатерина II и Александр II в той или иной степени испытывали различные способы, чтобы модернизировать и вестернизировать Россию, усилить ее авторитарическую власть. По крайней мере до 1980-х демократы в России были преимущественно западниками, но парадокс в том, что западники при этом не были демократами.

Важнейший урок истории России состоит в том, что предпосылкой к социальным и экономическим реформам была централизация власти [6. С. 213]. С этим суждением автора не согласиться нельзя. Для более предметного представления в своих рассуждениях он вводит в оборот такое понятие, как «гибридное общество». Своими реформами Петру I удалось добиться некоторых изменений в социально-политической жизни России, но его общество оставалось гибридом. Если не считать некоторой части элиты, в российском обществе господствовали азиатские и византийские модели, институты и убеждения. Все это, воспринималось как должное, как россиянами, так и европейцами [6. С. 214].

Анализируя точку зрения Е.Ю. Спицина, мы приходим к выводу, что в его суждениях входят в противоречие две дефиниции – разрыв и гибридизация, т.е. два по сути разнонаправленных процессов. Как можно гибридизировать, то что разорвано не совсем ясно, но думается, С. Хантингтону удалось ухватить тот самый «русский парадокс», в этом противоречии. Не до конца ясно является ли общество гибридом или оно имеет внутри себя некий разлом, либо произошло и то, и другое, тогда возникает вопрос в какой именно последовательности и какие исторические события были тому первоосновой? Несомненно, травматический опыт столкновения как с внешними силами, изначально вражескими, так и с чужеродной элитой и отсутствие сплоченности внутри общества накладывает определенный отпечаток. Но в чем именно стоит искать причину цивилизационных особенностей страны, которая, по мнению С. Хантингтона, является центром некой уникальной человеческой цивилизации? Вопрос остается открытым.

Возвращаясь к концепции С. Хантингтона взаимоотношений России и Запада, то третья фаза, по его мнению, это – большевистский период. Советский Союз отличался от Запада и находился в принципиальной оппозиции по отношению к нему, в основе которой лежала коммунистическая идеология. В этом идеальное решение проблемы. Октябрьская революция позволила России опередить Запад, отличаться от остальных не потому, что западное общество «другое», как утверждали славянофилы, а потому, что коммунистическое общество по своему социально-экономическому и политическому развитию значительно ушло вперед. Но парадокс в том, что советский строй, позволяя своим лидерам отгородиться от Запада, в то же время создал и тесную связь с Западом. Этому служило учение К. Маркса и Ф. Энгельса, которые были немцами, а большинство основных сторонников марксизма в конце девятнадцатого – начале двадцатого века также были выходцами из Западной Европы [6. С. 215].

Новая манера поведения теперь уже советских лидеров и была той самой цивилизационной альтернативой, в которой мессианские идеи славянофилов соединились с четким социальным проектом западной мысли. Возможно, в этом и была как историческая роль советского государства, так

и роль советского периода в раскрытии потенциала страны как цивилизационного центра. Центра цивилизации, устроенной по-новому и более эффективному принципу. Тем не менее, парадоксальная ситуация существования такого общества и политико-идеологического взаимодействия между Западом и Россией разрешилась не менее странно в политическом плане – геополитическим крахом Советского Союза и уходом в историческое небытие коммунистической идеологии. Однако объединенный Запад надеялся, что результатом этого будет триумф либеральной демократии на всей территории бывшего СССР, но совершил историческую ошибку. Либерализм не является альтернативой исторического развития общества [6. С. 215].

В своих прогнозах по поводу отношений России и Украины С. Хантингтон пришел к неверным выводам. Он считал, что если общность цивилизации имеет значение, то конфликт между русским и украинским народом маловероятен, так как они, прежде всего, славянские, преимущественно православные и между ними на протяжении столетий существовали тесные связи [6. С. 219]. Кроме того, он утверждает, что будущее либеральной демократии в России и других православных республиках остается неясным. Конфликт между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом был конфликтом между идеологиями, которые, несмотря на все свои основные отличия, имели сходство: обе были современными, светскими и ставили своей конечной целью достижение свободы, равенства и материального благополучия для каждого члена общества. При этом западный демократ мог спокойно вести интеллектуальные споры с советским марксистом, а вот сделать это с русским православным националистом для него было бы просто невозможно. Исходя из этого, С. Хантингтон правильно ставит вопрос, нужно ли России перенимать западные ценности, институты, политические практики и попытаться стать частью западного общества? Или все же Россия воплощает в себе отдельную, локальную православную и евразийскую цивилизацию [6. С. 216].

Современная же ситуация показывает, что при общих исторических корнях и огромных социальных и цивилизационных связях, в определенных условиях раскол неизбежен и почти необратим, когда в дело вступают инородные идеологии и технологии гибридной войны, традиционные связи между обществами становятся хрупкими, а сами общества практически беззащитными. Становление России «нормальной страной» как это не странно, отдалило ее от Запада. Эффект оказался прямо противоположным ожиданиям и прогнозам. Так в чем же в таком случае заключается цивилизационное отличие России?

В отличие от С. Хантингтона, Н.Я. Данилевский видит коренное отличие двух цивилизаций в «духе насильственности» европейской цивилизации [1. С. 221], в то время как славянская цивилизация полна «духа терпимости» и относительно молода по меркам цивилизации, а также в отличии

от раздробленной Европы представляет собой целостный организм, европейская цивилизация является относительно дряхлым обществом. Подобная точка зрения выглядит достаточно актуальной до сих пор, более того период экономических войн, то и дело перерастающих в локальные военные конфликты не без участия европейских объединенных сил достаточно остро ставит вопрос о агрессивной природе западноевропейской цивилизации. Если углубиться в этнографические изыскания то, можно отметить что западная мифологическая основа пропитана духом войны и во главе пантеона стоит воплощенная война – Один, покровитель военной аристократии: «Война и разбой в это время возводились в степень доблести, слава виделась в победе, достигнутой любыми средствами. Мир богов также подвергается сильной трансформации и приводится в соответствие с новыми взглядами на структуру и иерархию человеческого общества. На первые позиции в пантеоне выводят бога-воителя и покровителя военной дружины. У германских народов им стал Один (Водан, Вуотан) – демон бури и повелитель душ умерших, всевластный верховный бог, впускающий в свои небесные чертоги (валгаллу) только знатных людей и воинов» [2. С. 278]. Сакрализация войны до сих пор присуща западной цивилизации, достаточно проанализировать медиа продукцию популярных брендов, начиная от комиксов заканчивая кино. Юная славянская цивилизация, развивалась несколько иначе, чем западная соседка. Сам характер отношений внутри общества, а что важнее с соседями был иным.

Еще одной серьезной проблемой Н.Я. Данилевский считает «болезнь европейничания». В связи с этим (также как и С. Хантингтон) он обращает внимание на петровскую эпоху. Если Европа, по его мнению, внушала Петру страстную любовь, страстное увлечение, то к России относился он двояко. И любил, и ненавидел. Любил он в ней собственно ее силу и мощь, которую признавал. Любил в ней орудие своей воли и своих планов, любил материал для здания, которое под влиянием европейского образца намеревался возвести по образу и подобию зародившейся в нем идеи. Ненавидел же самые начала русской жизни, истоки этой жизни, как с ее недостатками, так и с ее достоинствами [1. С. 223]. Двойственность и парадоксальность этого русского феномена оба описывают как некий разрыв, как состояние между ненавистью и любовью, патриотизмом и отвращением к родине. Ни один из исследователей не смог точно описать как причины, так и следствия данного парадокса. Но Н.Я. Данилевский делает вывод, что причиной такому состоянию слабость духа образованных слоев.

Реальные же причины не только в этом, основными чертами, а, следовательно, и отличительными особенностями русской локальной цивилизации, исходя из вышесказанного, можно назвать следующие:

– приверженность линии традиционализма на каждом этапе новшества внедряются с трудом и возникает новая «традиционность», каждый раз ин-

терпретируемая иначе чем в предыдущий период. Из-за сложных отношений внутри общества и внешних угроз существует перманентный кризис самоидентификации, порождающий «европейничество» и попытки встраиваться, пока данная проблема не будет решена выработкой собственной самоидентификации попытка стать цивилизационным лидером обречена на провал;

– инородность власти либо идеологическая, либо происхожденческая, что усложняет коммуникацию между властью и обществом, и, следовательно, тормозит социальный прогресс;

– морально-нравственное состояние населения не коррелирует с увлеченностью религиозными учениями и ритуалами, как таковыми. Духовность не равна религиозности. Яркий пример тому – морально-нравственное состояние общества в Советском союзе и современной России;

– законсервированный потенциал развития. Если рассматривать русскую локальную цивилизацию, то на каждом этапе ее развития человеческий потенциал законсервирован жесткими социальными условиями. Если в XIX веке развитию потенциала препятствовали сословия, то в веке XXI огромное неравенство возможностей, что и ведет в закрепление неофициальных сословий. Здесь кстати также встает вопрос о цикличности.

Таким образом, в российском политическом сознании и культуре друг другу противостоят две парадигмы, построенные на условно религиозном принципе:

– православие против протестантизма;
– антропоцентричность и индивидуализм против человечности и коллектива.

Во властных отношениях этот раскол представлен противостоянием коллективной автаркии против феодализма (в основе модели феода – один или группа избранных, воин, автаркия-коллектив равных). Такое противостояние имело продолжение в красном проекте и длится в современных противоречиях. Основное из этих противоречий, это вопрос элитарного генезиса и рекрутинга в основе которого в современной России главным параметром является «лояльность», в ущерб профессионализму.

Таким образом, можно сделать вывод что, главная особенность «русской власти» это – восприятие коллективного управления как блага, при этом роль личности во власти рассматривается с позиции прав и обязанностей автохтона. На каждом этапе происходит искаженное по европейскому цивилизационному типу, то есть возведение личности или группы лиц в абсолют. Что несет в себе потенциальную опасность для всей русской локальной цивилизации, связанной с национализмом и попыткой реконструкции сословий, которые приходит вместо социальной интеграции общества. За первой опасностью скрывается более крупная, это – вторичное ресурсное положение России в мире, в качестве мелкой региональной державы.

Сущность любой цивилизация – способность элит создать свою субкультуру на основе национальных интересов и особенностей, способную к конкуренции в мировом масштабе. Следовательно, потенциал русской локальной цивилизации это – способность российской элиты создать подобную субкультуру на основе мягкой силы и социального процесса.

Две концепции совершенно разных исследователей при сравнении четко описывают ряд явлений, которые могут стать существенным препятствием России на пути становления русской локальной человеческой цивилизации как мирового цивилизационного центра.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / Составление и комментарии А.В. Белова / Отв. ред. О.А. Платонов. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011.

2. *Дворецкая И.А.* Западная Европа V-IX вв. 1990. Историки эпохи Каролингов / Отв. редактор А.И. Сидоров. М., 1999.

3. Журнал дилетант // <https://diletant.media/articles/25737591/>.

4. Журнал историк // https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/special_posts.

5. Словарь академик // https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/.

6. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Автор предисл. Н. Ютанов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

A.A. NIKOLENKO
*Graduate Institute of law
and administration of the Vladivostok State
University of Economics and service,
Vladivostok, Russia*

A.A. TUCHKOV
*Professor, Department of International
Relations and Law, Vladivostok State University
of Economics and Service, Vladivostok, Russia*

**THE PROBLEM OF CIVILIZATIONAL
DIFFERENCES BETWEEN RUSSIA AND THE WEST,
IN THE CONCEPT OF S. HUNTINGTON
AND N.I. DANILEVSKY**

This article is devoted to the concepts of the civilizational approach, in the developments of S. Huntington and N.Y. Danilevsky, two completely different views on the nature of civilization, on the place of Russia in the world. Nevertheless, there are similarities in the idea of isolation, «indescribability» of civilization, closeness and individual experience of each country in experiencing its civilizational scenario.

Key words: *Russian local civilization, federalism, social process, transit of power, features, specificity.*

В.Н. ДАВЫДОВ
кандидат политических наук, доцент,
заместитель директора Института современной
политики Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва

ОТЧУЖДЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА

Искусственный интеллект на службе шпионажа, негласный контроль над инакомыслием, вторжение в личное пространство граждан и другие обратные эффекты (издержки) цифровой революции привлекли внимание нашего постоянного автора. Отчуждение информации, покушение на интеллектуальную собственность, сопутствующие глобальным коммуникациям, требуют не только совершенствования международного права, но и возмещения ущерба правообладателям, создателям креативного контента.

Ключевые слова: авторское право, искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, IT-технологии, конституционные права и свободы граждан, частное пространство, неконвенционный контроль, политические коммуникации, манипуляции в информационном пространстве, НАТО, Пентагон, ФБР, «Форшунгсамт», цифровая экономика, ЦРУ, Wikileaks.

В моем архиве сохранилась статья из итальянской газеты «Corriere della Sera». Ее автор – французский философ Андре Глюксманн предположил публикации многозначительный заголовок: «Глубокий сон демократии в эпоху кибершпионажа» [28]. Типичный текст для современного, то есть, тенденциозного, эгоцентричного и высокомерного европейского дискурса. «На протяжении нескольких месяцев по причине состояния здоровья я был вынужден прервать повседневное чтение газет. Когда я вновь вернулся к контакту с реальностью, мне показалось, что ничего не изменилось» – признается публицист.

Оставим на совести редактора растражированное заблуждение ученого мужа относительного того, что контент СМИ, то есть, отображенная, вторичная реальность в истолковании философа стала первичной... Тем не менее Андре Глюксманн встретился с «газетной реальностью» и по-своему продолжил ее интерпретировать. К сожалению, в духе холодной войны: «Путин насвистывает припев о «заграничном заговоре», столь дорогой

сердцам Сталина и Брежнева, и устраняет, через друзей и недоброжелателей, ростки демократии на Украине и в Грузии, – пишет далее А. Глюксманн... – Страны, обладающие вредоносной властью (?!), блокируют деятельность СБ ООН, а демократические институты спят. Ничего не изменилось»...

Если последнее утверждение адресовать внешнеполитическому курсу США, то французский философ, несомненно, прав. За последние годы океанского патрона Европы много раз уличали в злоупотреблении информационными технологиями, в двойных стандартах, цинизме и лицемерии во внешней политике. Вашингтон, по мнению объективных аналитиков, давно утратил право говорить от имени эталона демократии [25; 7. С. 91-124; 14]. Каковым Америка виделась, к примеру, А. Токвилю в 1831 году [24]. Напротив, вопреки американской апологии А. Глюксманна, именно правозащитники и независимые эксперты из России [8. С. 33-44] и стран Латинской Америки указывали Белому дому на недопустимость шпионских практик в социальных сетях и коммуникациях. Имея в виду многочисленные нарушения конституционных норм и прав человека американскими спецслужбами – проводниками политики тотального кибершпионажа, вскрытых Д. Ассанжем и Э. Сноуденом.

Как выяснилось, Вашингтон в своем «крестовом походе» за эксклюзивной и закрытой информацией не делал исключений ни для своих европейских союзников, ни для ближайших соседей. США, например, использовали телекоммуникационную инфраструктуру Бразилии для перехвата гигантских объемов информации, циркулирующей между правительствами стран Латинской Америки. Беззастенчивые спецы Форт-Мида знакомились с перепиской президента Мексиканских Соединенных Штатов Ф. Кальдерона [9. С. 26] и других официальных лиц.

Что не вяжется с принципом, который еще в 30-е годы прошлого века обнародовал госсекретарь США Генри Стимсон: «Джентльмены не читают чужих писем». Напротив: его антипод из ЦРУ – Аллен Даллес настаивал на чтении иностранной дипломатической корреспонденции. Сопрягая при этом «технические инновации с мастерством классического шпионажа» [17. С. 10]. Сам руководитель ведомства плаща и кинжала посвятил теме перлюстрации целый раздел в своих мемуарах [6. С. 121-136]. Как следует из текста, функционеры из Лэнгли бесцеремонно вторгались в коммуникации государственных и общественных институтов, а также граждан зарубежных стран.

Информационное пространство демократии сжимается по стандартам тоталитаризма. Печально, что информационное пространство суверенных социумов под давлением всепроникающих шпионских программ продолжает сжиматься по стандартам тоталитаризма. Напомним, что лидером организации масштабного контроля и перлюстрации корреспонденции граждан в Европе была гитлеровская Германия. Коричневому режиму, как

и нынешнему столпу демократии, не были чужды ни слежка за сотрудниками зарубежных дипмиссий, ни прослушивание телефонных сетей немецких обывателей.

Юлиан Семенов, пожалуй, первым в отечественной документалистике – в повести «Лицом к лицу» описал технологии хищения конфиденциальной информации в Третьем рейхе. Нет нужды воспроизводить этот канонический текст автора саги о Штирлице. Но на некоторые сюжеты обратим внимание.

...«ФА», или «Форшунгсамт» (Forschungsamt – научно-исследовательский институт – В.Д.), подчинявшийся непосредственно Г. Герингу, с момента учреждения был влиятельной анонимной властью, которая вершила судьбы миллионов немцев. Имея в своем распоряжении 6000 служащих, станции подслушивания в 15 крупных немецких городах, представителей во всех почтовых отделениях, специалистов шифровщиков и дешифровщиков, «ФА» лучше, чем какое-либо другое учреждение в те времена, шпионил за немцами. В среднем прослушивалось 1000 телефонов.

Только в Берлине чиновники «ФА» читали ежедневно около 34000 телеграмм внутригосударственного значения и около 9000 телеграмм из-за границы. Необыкновенно высокой была производительность дешифровщиков. Во время войны они расшифровывали в месяц 3000 телеграмм иностранных дипломатов. «ФА» подслушивал разговоры европейских дипломатов со своими министрами, так как европейская кабельная система проходила через Берлин и Вену.

«ФА» следил не только за иностранцами, но и за своими партийными функционерами... Отчеты «ФА», которые печатались на коричневой бумаге с орлом (из-за этого в узком кругу назывались «коричневыми птицами»), нередко вызывали своим появлением панику и замешательство в учреждениях рейха. «Коричневыми птицами» начинались акции преследования, которые нередко заканчивались концлагерем и виселицей.

Считают, что в январе – апреле 1945 года почти все материалы «ФА» были сожжены. Однако в конце пятидесятых годов английский историк Дональд Ватт в одном из архивов Лондона натолкнулся на папку из 83 страниц, лежавшую в трофейных немецких документах и принадлежавшую «ФА». В папке содержались все переговоры, которые вел английский посланник в Берлине со своим правительством, что было незнакомо даже английским послевоенным историкам [22. С. 84-86].

Доподлинно известно, что оккупационные власти США в качестве трофеев вывезли из поверженной Германии ракетные технологии. Создав на иностранной научно-производственной базе собственные исследовательские центры и новые высокотехнологичные отрасли экономики [29]. Вероятно, шеф нацистской секретной службы, генерал Р. Гелен (1), партнер США в тайной войне против СССР, как и его соотечественник – штурм-

баннфюрер СС ракетчик В. фон Браун, делился с заокеанскими коллегами профессиональными секретами [30]. Включая методы тотальной слежки.

Впрочем, и своих виртуозов шпионажа с «тонким слухом» в Штатах достаточно. Не будет большим допущением мысль о том, что разведка и контрразведка США пополняли состав агентуры за счет новых граждан или лиц, претендовавших на «Green card». К примеру, упомянутый шеф ЦРУ в своих мемуарах утверждал, что наличие советских ракет на Кубе (1962 г.) подтверждалось в том числе с помощью свидетельств кубинских эмигрантов [6. С. 117].

Непрофильные активы ЦРУ. Переселенцы, если судить по опыту ЦРУ, как нельзя лучше подходили и подходят (?!) для неблагоприятных дел в чужих пределах. К примеру, в рамках проекта MKULTRA № 143 ЦРУ предоставило доктору Э. Беннету 20 тысяч долларов на создание бактерий, разрушающих нефтепродукты. Беннет нашел вещество, при добавлении которого в дизельное топливо разрушался любой двигатель или агрегат. Именно такое вещество использовали оперативники ЦРУ в 1967 г., когда направили диверсантов из числа кубинских беженцев, во Францию с целью заражения смазочных материалов, предназначенных для Кубы... Операция была успешно проведена; она являлась составной частью плана ЦРУ, который осуществлялся с 1960-х по 1970-е годы и был нацелен на разрушение кубинской экономики [16. С. 306-307].

Антигуманный стиль обращения с иммигрантами – непрофильным активом ЦРУ – равно как и тотальное подслушивание, подрывающее доверие в международном сотрудничестве, заимствован США у Старого Света. Трансграничный переток подрывных практик спецслужб и тайных организаций носит продолжительный и устойчивый характер.

К примеру, в монографии немецкого историка Эдгара Бауэра [27] вскрывается неприглядная роль прусских, саксонских, ганноверских и датских полицейских чинов в тайном сборе информации о жизни и деятельности участников революционных событий в Европе (1848-1849 гг.), жертв политических преследований, мигрантов, обосновавшихся в Лондоне. Как видим, европейская реакционная солидарность – изобретение давнее.

С применением шифров и кодов шпионская информация циркулировала в относительно защищенном режиме по техническим каналам, передавалась изустно агентами. Перекрестками транзита тайнописи оставались торговые сети, различные трансграничные коммуникации. Например, Лондон первым стал создавать трансконтинентальные шпионские сети, подняв на небывалую высоту оперативность и скрытность доставки стратегически важной корреспонденции. Вот как описывает П. Франкопан инициативу полковника Маклина из Пенджабской кавалерии и Индийской службы политики в зоне его ответственности – приграничье России, Персии, Индии в 1880-х гг. «Он организовал группы торговцев и операторов местной те-

леграфной связи и стимулировал их, чтобы они передавали информацию о том, что творится в регионе» [26. С. 398].

О красноречивом факте вопиющего эгоцентризма европейцев вспоминал и отец кибернетики – Норберт Винер. «В службе послов Венеции (эпохи Возрождения – В.Д.) чрезвычайно дотошная служба сбора информации (она, кстати, является одним из основных источников по европейской истории)» в сочетании с национальной ревностью в сбережении секретов разрослась до таких размеров, что «государство отдавало приказы о тайном убийстве эмигрантов-ремесленников, чтобы сберечь монополию на некоторые специфические навыки и ремесла» [3. С. 116]. Жестокий прообраз радикальной борьбы с промышленным шпионажем в Старом и Новом Свете прочно закрепился в арсенале спецслужб.

Отшлифовав методики тайного контроля циркуляции информационных потоков в условиях нового технологического уклада и извлечения выгод отчужденной информации у себя дома, разведсообщество США распространило их на Европу и другие континенты. Некоторые эксперты утверждают, что при помощи шпионской технологии «Эшелон», созданной в 1948 году, Вашингтону стало известно о подготовке контракта между Францией и Саудовской Аравией. Сделка предусматривала закупку Эр-Риядом французских самолетов «Аэробус» на сотни миллионов долларов. Американские «посредники» сумели воспрепятствовать подписанию этого контракта и предложили Саудовской Аравии свои «Боинги» по льготным ценам [31]. Как говорится, ничего личного, – просто бизнес...

Подобная участь постигла еще несколько международных сделок. Например, продажу французских танков «Леклерк» Арабским Эмиратам. Специалисты Еврокомиссии, помнится, в 2000 году намеревались передать это дело на рассмотрение в Международный суд в Гааге. Но скандал так ничем, кроме оживленной полемики в прессе не завершился.

В том же стиле недобросовестной конкуренции США ведут борьбу с Россией на энергетическом рынке Европы. Где Вашингтон навязывает партнерам – прежде всего по блоку НАТО – свои энергоносители (вопреки Европейской энергетической хартии) [23. С. 610], которые, к слову, на треть дороже российских. При этом США выставляют соперника в недобром свете в прессе, социальных сетях, упрекают в политическом своекорыстии; с трибуны международных площадок американские лобби запугивают потребителей топлива диктатурой московской энергетической монополии...

Но если в политической борьбе все же наступают передышки, то в тайной войне сезонных пауз нет. Особенно если речь идет о наращивании технического арсенала и специальных цифровых технологий. Так, Айра Гас Хант, экс-директор по технологиям ЦРУ, рассказывал о своем видении big data (больших данных), которыми оперирует «департамент тайных дел».

Выступление Ханта проливало в некотором смысле свет на многие проблемы шпионского ведомства, включая преодоление табуированных законом вторжений в личную жизнь сограждан, в интимную сферу отношений мужчин и женщин [32].

Неуемная страсть к чужим секретам двигала и разработчиками программы контроля телефонных переговоров – PRISM, а также алгоритма прямого доступа к данным IT-корпораций, включая Apple, Google, Facebook. При том, что сокровенные коммуникации составляют лишь малую толику больших данных. Например, на начало 2017 г. к Всемирной сети «Интернет» было подключено около 8,5 млрд. компьютерных устройств, причем число таких аппаратов в последнее время возрастает экспоненциально. «Для сравнения, – сообщает популярный еженедельник, – число нейронов в мозге человека оценивается в 86 млрд [21. С. 51]. То есть, в ближайшем будущем число компьютерных устройств, подключенных к Всемирной сети, сравняется с числом нейронов в мозге человека, причем каждое такое устройство будет обладать своим «локальным» интеллектом» [11. С. 29].

И еще несколько цифр о ресурсах Сети – поле деятельности шпионажа – более 35% всех мировых фотографий размещены в Facebook. Youtube – единственное хранилище экзатбайтного размера публичного видео-контента планеты. Размер ресурса – около 768 петабайт. В twitter приходят порядка 124 миллиардов твитов в год, 4500 в секунду. Но даже это немного по сравнению с количеством звонков по сотовым телефонам. Только в США осуществляется примерно 2,2 триллиона переговоров в год, а в пересчете на среднестатистического потребителя услуг связи приходится 19 минут в сутки.

В крупных европейских городах абоненты телефонных линий общаются с внешним миром на более, чем 300 языках [4. С. 156]. Представляю, каково напряжение царит в рядах синхронистов-переводчиков подразделений ЦРУ и ФБР Соединенных Штатов и их европейских коллег во время мониторинга трансграничных коммуникаций.

По некоторым данным, инфраструктура глобальной веб-паутины сплетена из 400 подводных кабелей протяженностью 1,1 млн километров. Это 58% всех мировых каналов связи. Ожидается, что к 2021 г. Сеть нарастят еще шестью десятками трансокеанских магистралей. Пропускная способность новых световодов (до 12 пар волокон в каждом!) – около 250 терабайт в секунду. Что сопоставимо, к примеру, с мгновенной передачей из США в Европу всех данных, содержащихся в фондах Национальной библиотеки Конгресса.

Объем, скорость и безопасность передачи трафика не единственное, ради чего наращивается кабельное хозяйство. По мнению Д. Роула, эксперта в области подводных коммуникаций, мотивация интернет-компаний, арендующих трансконтинентальные магистрали, скорее, в контроле контента [15. С. 62-65].

Препарируя международный информационный массив, спецслужбы США находятся в курсе всех событий. И особенно тех, которые, по мнению специалистов из Лэнгли, несут угрозы Америке. И не беда, если в шпионские сети попадет эпизод-другой чьей-то личной жизни. Это неизбежные издержки присутствия «Большого брата» в глобальных коммуникациях.

Но если государственные структуры могут быть снисходительны к слабостям маленького человека, то злоумышленники, овладевшие цифровыми технологиями, охотно используют личные тайны неосмотрительных сограждан для своих узкокорыстных интересов: шантажа, банкинга, или троллинга. «Одна из больших проблем Больших данных, – говорил А. Г. Хант, – как найти сигнал в постоянно увеличивающихся океанах шума... (2) Вы уже являетесь ходячей платформой для сенсоров, и я надеюсь, что вы это знаете. Ваши мобильные устройства – ваш смартфон, ваш iPad, чтобы там еще не было – у всех есть множество этих штук. Я думаю, что есть закрытый список того, что установлено внутри этих устройств и того, что возникает внутри этих пространств. По мере того, как вы прогуливаетесь по округе, как мобильная сенсорная платформа – вы должны быть в курсе, что кое-кто может знать, где вы находились все время, потому что у вас есть мобильное устройство. Даже если ваше мобильное устройство отключено» [33].

Значительно упрощает контроль спецслужб за населением своей и чужой территории – искусственный интеллект (ИИ). То есть, «свойство искусственных систем решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует алгоритм решения» [11. С. 29].

Супермозг способен стать мобильной платформой, следящей за здоровьем, физическим состоянием граждан. К примеру, с помощью программы кардиостимулятора, микродатчиков возможно осуществление мониторинга сердечной активности; давления, содержание глюкозы в крови и прочих важных для здоровья показателей.

Индустрия здравоохранения по гуманным соображениям ищет способы удаленного наблюдения за физическим и психическим состоянием пациентов. Чтобы оперативно оценивать самочувствие «очипованных» больных, а затем осуществлять дистанционную настройку оптимальных параметров жизнедеятельности, экстренно снимая проблемы... И это как раз тот прогресс в медицине, о котором приходится беспокоиться, поскольку кибератаки могут быть направлены не только на критически важные промышленные объекты, но и на чипы, внедренные в организм человека по жизненным показаниям. Особенно если этот человек – носитель государственных секретов.

Пентагон течет, как решето. Национальные интересы современное государство, судя по объемам инвестиций, оберегает, тогда как на защиту интересов граждан от произвола хакеров средства выделяются по остаточному принципу. Бизнес в этой деликатной сфере экономики, к сожалению, также демонстрирует непростительную беспечность. Так, в нарушение норм Фе-

дерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07. 2017 г., менее трети российских организаций в 2018 г. планировали в своем бюджете соответствующую статью расходов. И как следствие (по данным правоохранительных органов) – в нашей стране было зафиксировано 141 552 преступления, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий... Большая часть правонарушений, подпадающих под санкции ст. 272 УК РФ, связана с неправомерным доступом к компьютерной информации [34].

Эти удручающие факты одновременно свидетельствуют о сосуществовании двух тенденций в IT-коммуникациях. С одной стороны, национальные, региональные сетевые кластеры поддаются гравитации глобальных веб-сетей, тяготеют к ним; а с другой стороны, – наблюдается столь же очевидная закономерность – самоограничение контактов интернет-пользователей по мотивам безопасности.

О том, насколько защита информации важна для каждого пользователя IT-технологий неустанно повторяют российские специалисты по кибербезопасности [19. С. 1, 8]. Собственно, об этом же говорят красноречивые цифры: если в 2017 г. общий ущерб от киберпреступности оценивался в 1 трлн. долларов США, то к 2020 г. показатель может вырасти до 2 трлн. Как прогнозируют эксперты, с наступлением 5-й эры телекоммуникаций (5G) уязвимость компаний и потребителей станет еще очевиднее [12. С. 75].

Экономия на системах безопасности, беспечность персонала или злой умысел искусных взломщиков паролей приводят к одинаково плачевным итогам в России и за пределами ее информационных полей. Не случайно философ А. Глюксманн возмущается в прессе: «Меня, однако, удивило сообщение, прошедшее почти незамеченным, о том, что прототипы вооружений, планы и стратегические разработки за последние 25 лет, создававшиеся Госдепартаментом США и Пентагоном, были расшифрованы и переданы Китаю. Ущерб стратосферического масштаба. Такого не было ни во времена мировых войн, ни в годы холодной войны. Факт передачи сверхсекретной информации не был подвергнут сомнению, но очень быстро от сообщения не осталось следа. Быть может, все это мне приснилось? Или же масштабы утечки приговаривают к молчанию?» [35].

Действительно, ни обитатели Белого дома, ни руководство Госдепа США в связи с упомянутым фактом не посыпали головы пеплом. Дело в том, что подобный прискорбный факт в их политической истории не единичен. Менее известен в ряду злоумышленников Гарольд Мартин III – сотрудник Booz Allen Hamilton (один из подрядчиков Минобороны и спецслужб США), скопировавший огромный архив документов и код «кибероружия» АНБ в 2016 г. Благодаря несправдному интересу Гарольда к ведомственным секретам, в открытый доступ поступили материалы о физической и виртуальной инфраструктуре ЦРУ, европейском «филиале» Центра киберразвед-

ки, действующего на площадке американского консульства во Франкфурте-на-Майне, координирующего кибероперации ЦРУ в Европе, Африке и на Ближнем Востоке [35].

Французскому философу А. Глюксманну, сочувствующему американским спецслужбам, допустившим утечку секретной информации, следует порекомендовать публикацию в «Washington Post», в которой анализируют масштабы потерь США от «злонамеренной инициативы рядового Брэдли Мэннинга».

Для расследования этого правонарушения была создана оперативная группа во главе с отставным генералом Робертом Карром, состоявшая из 125 человек! Как сообщил Р. Карр на военном процессе, группа изучила более чем 700 тысяч грифованных документов об операциях США в Афганистане, Ираке и других регионах.

Военный суд в Форт-Мид, штат Мэриленд, оправдал рядового Мэннинга по наиболее серьезному обвинению – в помощи врагу, но признал виновным по большинству из более чем 20 других эпизодов, включая шпионаж, кражу и компьютерное мошенничество. По этим пунктам обвинений бывшему разведчику грозило до 136 лет тюремного заключения [36]. Однако 21 августа 2013 г. военный трибунал приговорил Мэннинга к 35 годам лишения свободы за передачу секретных документов сайту «Wikileaks». Сменившего пол трансгендера (новое имя Брэдли – Челси Элизабет) в январе 2017 г. Барак Обама помиловал, существенно сократив срок тюремного заключения. На свободу экс-мужчина – Челси Элизабет вышла 17 мая 2017 года. В порядке самооправдания новообращенная правозащитница написала статью «Палачи из ЦРУ и их руководители, которые одобрили их действия, должны предстать перед законом» [37].

Поддерживая праведный гнев де-факто узницы совести, отметим, что по формальным признакам рядовые брали пример со своих командиров и начальников. В частности, факты вопиющего небрежения служебными обязанностями по защите военной тайны демонстрировал генералитет Пентагона в годы правления 44-го президента США. Достаточно вспомнить скандальные увольнения генералов Стэнли Маккрисчала, Дэвида Петреуса, Джеймса Картрайта и других (3). И как после этого требовать служебного педантизма и верности присяге от рядовых бойцов видимого и невидимого фронтов? Не от того ли Б. Обама был снисходителен к проступкам рядового Мэннинга?

Возвращаясь к «китайскому следу», заметим, что киберлазутчики, завладевшие важными секретами экономических гигантов США, если они действительно причастны к хищению, поступают ровно так же, как и их оппоненты из Лэнгли хозяйничают в глобальных электронных сетях. Дабы придать весомость своим аргументам, ФБР разместила на сайте портреты пятерых хакеров, военнослужащих войсковой части № 61398, дислоциро-

ванной в Шанхае. Разумеется, официальный Пекин опроверг сообщение ФБР США [10. С. 23] о покушении на интеллектуальную собственность корпораций.

Интеллектуальная собственность священна, но... Хакерские атаки – это поверхностный слой, образно выражаясь, сканируемой проблемы; формальная оценка экстремальных отношений глобальных акторов в веб-пространстве. Суть проблемы безвозмездного анонимного потребления информационного продукта – в отчуждении информации – незаконной конфискации интеллектуальной собственности физических, юридических лиц, коллективных правообладателей. И, судя по анализу действующего международного права, этот аспект глобального оборота информации все еще беспокоит законодателей [1. С. 9-12]. Нет и абсолютных показателей финансовых потерь обворованных создателей контента. Хотя попытки осмысления актуальной политико-правовой проблемы предпринимались научным сообществом, правообладателями, судебными инстанциями, дипломатическими кругами [2. С. 54-71; 20. С. 86-96]. Так, по инициативе Москвы была принята резолюция Генассамблеи ООН 53/70 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности» от 04.12. 1998 г. В 2011 и 2015 гг. Россия также выступила коспонсором «Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности» (МИБ), распространенных от имени государств-членов ШОС в качестве официального документа 66-й и 69-й сессий ГА ООН. Итогом солидарных усилий наций стало утверждение Резолюции 73/27 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» на 73 сессии Генассамблеи ООН 5 декабря 2018 г.

К сожалению, в своде норм (13 правил) международно-правового акта не отражен новый класс угроз в сфере интеллектуального труда, на которые обращает внимание экспертное сообщество. Речь идет, как минимум, о трех категориях объектов, которые нуждаются в правовой защите: творчество искусственного интеллекта; права на автоматически собранную информацию и на большие данные (big data). «Посты в блогах, подкасты, музыкальные биты и картины нейросетей (4) – новые объекты авторского права, – выражает интересы креативного класса отраслевая газета. – Их правовой статус пока никак не урегулирован. Как авторам защитить права?» [18. С. 3].

Актуальный акт о кибербезопасности не предусматривает мер защиты или компенсаций при наступлении «страхового случая» для авторов-разработчиков, которые, пользуясь IT-ресурсами, пребывают в творческом процессе. Когда потенциальный правообладатель, продолжая совершенствовать рукопись романа или партитуру оперы, дизайнерский проект или диссертацию, формально еще не приобрел права называться автором. Не завершил процедур оформления патента, или не защитил произведение искусства знаком копирайта ã («copyright»).

Разумеется, Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву (ВОИС), функционирующего с 1996 г., никто не отменял! Но его юрисдикция распространяется на правообладателей состоявшихся, закон защищает авторов завершенных работ. Включая «произведения, выраженные в цифровой форме, и позволяет правообладателям защищаться от неправомерного использования произведений в Интернете и других сетях» [38].

Однако формирование механизма защиты новых образцов интеллектуальной собственности, специфика функционирования нематериальных активов ИТ-технологий, реализация произведений цифрового формата вызывают известные затруднения в правовых системах.

К примеру, классик современной социологии Н. Луман считает, что «безопасность в строгом, свободном от риска смысле, вообще не существует» [13. С. 240-247]. Что не значит, будто заботиться о защите информации – национальном достоянии, стратегическом ресурсе конкурентной борьбы – не следует. Напротив. Принимая логику немецкого социолога: информация (по Луману) распадающийся продукт. Она остается потенциальной и исчезает при актуализации. Иными словами, до тех пор, пока информацию не использовали, ее функциональный цикл – от создания до потребления (переработки) не завершен. В социальной практике чужие креативные идеи присваивают даже на этапе осмысления замысла, не говоря уже о плагиате, подражании или копировании коммерчески состоятельных проектов [5. С. 766-786].

В конкурентной борьбе за интеллектуальные ресурсы нечистоплотные соперники, о повадках которых сказано выше, – поглощают даже полуфабрикаты, черновики; копируют многообещающие разработки гуманитарных и точных наук. Если прежде агенты разведок не стеснялись перетряхивать содержимое урн в офисах конструкторских бюро и лабораториях. То сегодня, чтобы полистать архивы конкурентов в «облачных сейфах» Сети, не приходится даже надевать перчаток.

Печально, если правообладатель (автор, изобретатель) из-за произвола шпионских структур или хакеров оказывается на вторых-третьих ролях. Его изобретением, сочинением, фильмом и т.д. пользуются анонимно, извлекая выгоду от «актуализации» в частном или государственном потреблении. При этом правообладатель, если он по каким-то причинам не успел юридически закрепить свой статус, обречен испытывать материальные и моральные издержки. Терять время и средства на экспертизу, судебные тяжбы. При том, что ответчик, в силу специфики технологий отторжения информации, адреса не имеет. Анонимы страха судебного преследования не ведают.

* * *

И несколько слов в порядке предварительных выводов. Во-первых, статья mese А. Глюксманна, сподобившая меня на заочную полемику, хороша уже тем, что автор вольно или невольно подводит своих читателей к здоровой

мысли о том, что принцип равной и неделимой безопасности следует распространить на сферу информационных обменов.

Во-вторых, под действием гравитации эпицентра веб-сетей в единое информационное пространство вплетаются региональные узлы и национальные сетевые кластеры, а с другой стороны, – наблюдается самоограничение контактов интернет-пользователей по мотивам безопасности. Что следует признать ограничением возможностей цивилизации.

В-третьих, несмотря на различную скорость эволюции высоких технологий и регулирующего законодательства, международное сообщество будет вынуждено приводить их в соответствие с требованием времени. С учетом интересов Планеты людей и каждого веб-пользователя в отдельности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) О чем свидетельствуют мемуары Р. Гелена, в разные годы изданные в России: *Гелен Р.* Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942-1971. М.: Центрполиграф 1999; Отдел «Восток». Тайные операции западных спецслужб против СССР. М.: Алгоритм, 2011.

(2) Изрядную долю искусственного шума в веб-пространстве производит программа А. Роббина (США). Совершенное орудие гибридной войны – робототехнический комплекс, создающий контент из необработанных данных, воспроизводит до 2 тысяч текстов в секунду. Машинный интеллект (без участия журналистов) способен изготовить до миллиарда статей и 500 тысяч твитов в год. См.: *Давыдов В.Н.* Информационная экспансия: контроль, сдерживание, контрмеры. М.: Хранитель, ЭКА, 2014. С. 13.

(3) За короткий промежуток времени со своими постами по политическим, технологическим, коррупционным или личным мотивам расстались командующий войсками США и НАТО в Афганистане генерал Стэнли Маккристал; глава ЦРУ Дэвид Петреус; заместитель главы Объединенного комитета начальников штабов США, генерал морской пехоты в отставке Джеймс Картрайт фигурирует в расследовании дела об утечке служебной информации («совсекретно»!); в этом же ряду – глава Африканского командования вооруженных сил США четырехзвездный генерал Уильям «Кип» Уорд.

(4) Живописный портрет Эдмонда де Белами, созданный нейросетью и фантазией французских студентов, был продан на аукционе Christie's за 432 500 долларов США.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аналитические материалы к рабочим мероприятиям Международного форума «Развитие парламентаризма», 1-3 июля 2019 г., Москва. М.: Государственная дума РФ, 2019 // http://duma.gov.ru/en/international/forum_english.

2. *Бойко С.* Группа правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: взгляд из прошлого в будущее // *Международная жизнь*. 2016. № 8.

3. *Винер Н.* Кибернетика и общество / Пер. с англ. В. Желнинова. М.: Изд-во АСТ, 2019.

4. *Гидденс Э.* Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.

5. *Давыдов В.Н., Аршинова А.И., Софоклис С.* Культурные индустрии: клонирование идей и смыслов // *Вестник РУДН. Сер. Социология*. 2018. Т. 18. № 4.

6. *Даллес А.* ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М.: ЗАО Центрполиграф, 2017.

7. *Данн Д.* Не очаровываться демократией. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

8. *Демидов О.В.* ЦРУ везде и всюду. Что мы узнали о кибермире из очередной утечки Wikileaks // *Россия в глобальной политике*. 2017. Т. 15. № 2.

9. *Зубов Н.* Сноуден продолжает злить Америку // *Коммерсантъ Власть*. 2013. 28 октября.

10. *Зубов Н.* Китайско-американская кибервойна // *Коммерсантъ Власть*. 2014. 26 мая.

11. *Каляев И.* Гонка за цифровым призраком // *Огонек*. 2019. № 24.

12. *Латидус Л., Чумаков В.* Стратегии цифрового лидерства // *В мире науки*. 2019. № 10.

13. *Луман Н.* Самоописания. Пер. с нем. М.: Изд-во Логос, ИТДГК Гнозис, 2009.

14. *Майр П.* Управляя пустотой: размывание западной демократии / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.

15. *Мамедьяров З.* Интернет-гиганты уходят под воду // *Эксперт*. 2019. № 18-19.

16. *Маркс Д.* ЦРУ и контроль над разумом. Тайная история управления поведением человека. М.: Яуза: Издательство «Э», 2015.

17. *Мелтон К.* Искусство шпионажа: тайная история спецтехники ЦРУ / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2013.

18. *Охлопков А.* Право на новое творчество // *Интеллектуальная собственность*. 2019. № 14.

19. О цифровых угрозах говорит Наталья Касперская, глава группы компаний «InfoWatch» // *Завтра*. 2019. № 15.

20. *Ромашкина Н.* Глобальные военно-политические ИКТ-угрозы и проблемы: сотрудничество или конфронтация мировых держав? // *Международная жизнь*. 2018. № 12.

21. *Самойлова Н., Воробей И., Волков П. и др.* Научные революционеры // *Русский репортер* 2019. № 13-14.

-
22. Семенов Ю. Лицом к лицу. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1988.
 23. Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект-Пресс, 2018.
 24. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1992.
 25. Уилбер Кен. Трамп и эпоха постправды. М.: Изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2018.
 26. Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий. Пер. с англ. В.Ю. Шаршуковой. М.: Эксмо, 2019.
 27. Bauer E. Konfidentenberichte über die europäische Emigration in London 1852-1861. Trier. Karl-Marx-Haus, 1989.
 28. <http://www.inopressa.ru/article/24jun2013/corriere/cyber.html>.
 29. http://www.aif.ru/society/history/rassledovanie_aif_komu_dostalis_poslednie_sekrety_tretego_reyha?utm_source=pj17linkb&utm_medium=click&utm_campaign=pj17linkb.
 30. <https://www.litmir.me/br/?b=159и226&p=1>.
 31. <https://fakty.ua/109809-pri-pomocshi-shpionskoj-programmy-quot-eshe-lon-quot-soedinennym-shtatam-udalos-sorvat-neskolko-kрупnyh-mezhdunarodnyh-sdelok>.
 32. <https://www.youtube.com/watch?v=zHi8PHR>
 33. <https://habr.com/ru/post/177433>.
 34. <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/regional-information-security-2018>.
 35. <https://www.inopressa.ru/pwa/article/24Jun2013/corriere/cyber.html>.
 36. <http://ria.ru/world/20130801/953452813.html#ixzz2ahDNk3CF>.
 37. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%B8>.
 38. <https://sumip.ru/biblioteka/avtorskoye-pravo/mezhdunarodnoe-avtorskoe-pravo/#int1>.

V.N. DAVYDOV
*candidate of political Sciences,
associate Professor, Deputy Director
of the Institute of contemporary politics
Peoples' friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

ALIENATION OF INFORMATION AS A POLITICAL AND LEGAL PROBLEM

Artificial intelligence in the service of espionage, covert control over dissent, invasion of citizens' personal space and other back effects (costs) of the digital revolution have attracted the attention of our regular author. The alienation

of information and the encroachment on intellectual property that accompany global communications require not only the improvement of international law, but also the compensation of damage to rights holders and creators of creative content.

Key words: *copyright, artificial intelligence, intellectual property, IT-technologies, constitutional rights and freedoms of citizens, private space, unconventional control, political communications, manipulation in the information space, NATO, Pentagon, FBI, «Forshungsamt», digital economy, CIA, Wikileaks.*

ЛОКАЛЬНЫЙ РЕЖИМ В ГОРОДСКОМ ПОСЕЛЕНИИ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ РЕГИОНЕ¹

Статья посвящена анализу влияния реформы местного самоуправления в современной России на политическое положение и проблемы локальной политики на поселенческом уровне. В статье представлены исследовательские подходы изучения локальных политических режимов, предварительные выводы и оценки влияния различных факторов на политическое положение городских поселений в индустриальном регионе на примере Кемеровской области. Теоретической основой исследования выступают теории городских и региональных режимов, а так же концепция принципал-агентских отношений. Эмпирической базой пилотажной гипотезы являлись экспертные интервью, данные электоральной статистики и анализ документов, что позволило выявить особенности институционального выбора моделей местного самоуправления и конфигурации распределения власти на микроуровне.

Ключевые слова: *местное самоуправление, локальная политика, локальный политический режим, городские режимы, муниципальные образования Кемеровской области.*

Политические реформы неизбежно оказывают влияние на изменение характера федеративных отношений между центром и регионами. В силу того, что территориальная организация в федеративном государстве во многом определяет особенности распределения политико-административной власти между центром и регионами возникает потребность в исследова-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00566 «Поселенческий уровень местного самоуправления в России: политическое положение и проблемы развития».

нии параметров баланса политических отношений на субнациональном уровне. Анализ специфики самоуправления на региональном и локальном уровнях может позволить обозначить факторы, которые влияли на институциональный выбор в условиях моделирования государства как территориально-политической системы [15. С. 99-119]. В процессе моделирования политических отношений на разных уровнях управления и политики формируется конкурентный и не конкурентный институционализированный порядок [2. С. 105-129]. Следует отметить, что проблемы политической модернизации в современной России требуют изучения диффузии власти и взаимовлияния центра и регионов при формировании общенациональной политики [16. С. 86-99]. В социальных и политических науках продолжают исследования и дискуссии относительно роли и значения локальной политики в государственном и местном управлении. Так Э. Гидденс предлагал для анализа регионализации применять теорию структуризации для которой особое значение имеет артикуляция интересов регионов и способность осуществлять контроль над территорией [26. Р. 110-145]. В последующем понятия локалитет и локализм дополнялись политико-географическими подходами. Среди них можно выделить «место действия в политике и государстве» Дж. Эгню, которому присущи такие измерения как социальное взаимодействие, географическое пространство и чувство места [23]. В свою очередь К. Флинт и П. Тэйлор выделяли города как локалитеты, а место (place-space) определяли как пространство политического действия [25. Р. 271-330]. Однако К. Кокс обращает наше внимание на то, что пространство места на глобальном, общенациональном и региональном уровне может меняться исходя из специфики выражения интересов через локальную политику [24. Р. 1-23]. В этом смысле российский исследователь Р.Ф. Туровский отмечает, что поселение может рассматриваться как локальная административно-территориальная единица и муниципальное образование самого нижнего уровня [17. С.13-30]. Тем не менее, для понимания эффектов муниципальной реформы в современной России необходимо исследовать взаимовлияние в рамках модели «Центр-периферия» на трех территориальных уровнях политического режима: общенациональном, региональном и локальном по осям «автономия-зависимость», «демократия-авторитаризм», «консолидация-конкуренция» [18. С. 82-98].

Необходимо отметить, что для понимания специфики формирования и эволюции локальных политических режимов необходимо опираться на определенные категории и параметры режимов, которые определяют политико-институциональный дизайн. В связи с этим мы полагаем, что актуален кросс-региональный анализ структурных оснований политической организации власти, который в некоторой степени позволит оценить практики взаимодействия между региональной и локальной властью в ходе реформы местного самоуправления. В зарубежной и российской политической науке

применительно к исследованиям локальной политики последние несколько десятилетий опираются на теории «городских режимов» и «машин роста».

Теория «машин роста» была предложена Х. Молотчем и подразумевает наличие коалиции интересов в целях развития города [29. Р. 309-332]. В дальнейшем теория «машин роста» нашла отражение в исследованиях роли городов как драйверов регионального развития [31. Р. 391-411] и распределения власти в американских городах [27. Р. 35-54]. В оптике российских исследований анализ состояния и проблем развития местного самоуправления связано с изучением власти в российских городах. Исследовательские стратегии были связаны с концептом «городского политического режима», который позволял провести анализ особенностей формирования коалиций и режимов. Среди российских исследователей можно выделить работы В.Г. Ледяева [7. С. 32-60], А.Г. Чириковой [22. С. 263-294], Д.Г. Сельцера [12. С. 5-15], Т.Б. Витковской [3. С. 41-45], Ю.А. Пустовойта [11. С. 104-118], В.Я. Гельмана и С.И. Рыженкова [4. С. 130-151]. Следует отметить, что появились исследования поселенческого уровня, что ранее не рассматривалось с точки зрения влияния институционального выбора модели организации местного самоуправления на локальное политическое пространство [13. С. 124-137]. Для понимания особенностей формирования модели отношений «центр-периферия» и «регион-локалитет» в качестве кейса исследования мы рассмотрели Таштагольский район и пгт. Шерегеш со статусом городского поселения. В процессе исследования проводились экспертные интервью с целью получения ответов на вопросы и дальнейшего сопоставления с различными гипотезами о формировании локальных режимов. Для понимания модели «центр-периферия» и «регион-локалитет» экспертам предлагалось ответить на ряд вопросов о формировании регионального и локальных режимов, факторах рекрутирования местной элиты и возможностях построения коалиций власти и бизнеса, роли политических партий на местном уровне в артикуляции интересов локального общества, обозначение наиболее значимых проблем локальной политики. На этапе подготовки так же был проведен сбор эмпирических материалов: статистические сведения, аналитические материалы и биографии глав исполнительной и законодательной власти муниципальных образований.

Российский исследователь В.Г. Ледяев считает, что начало формирование теории городских политических режимов связано с появлением книги К. Стоуна «Режимная политика: правление в Атланте, 1946-1988 годы». Политический режим, по определению К. Стоуна, это «коалиция акторов, обладающих доступом к институциональным ресурсам и осуществляющих управление общностью» [7. С. 35]. На формирование городского режима влияют интересы и проекция бизнеса, степень интеграции, наличие кооперации ради достижения общей цели и политические традиции. Стоун К. выделяет 4 типа режимов в американских городах [8. С. 168-171]: 1) режим

поддержания статус-кво; 2) режим развития; 3) прогрессивный режим среднего класса, ориентированный на защиту окружающей среды и противодействие коалициям роста; 4) режим, осуществляющий массовую мобилизацию граждан с целью расширения возможностей бедных слоев населения. Режимы роста как отмечает В.Г. Ледаев вариативны и могут быть представлены как плюралистические, федералистские и предпринимательские режимы. В ситуации, когда наблюдается процесс смены режима, а формирование нового в состоянии политического транзита исследователи говорят о режиме ограниченном в силу отсутствия интересов основных акторов, которые обеспечивали развитие прежнего городского режима [30. Р. 48-73]. Таким образом, опираясь на оптику формирования и развития режима К. Стоуна можно говорить о том, что для режима важны формальные и неформальные отношения, которые содействуют образованию коалиций. Вместе с тем К. Стоун в исследовании подчеркивал, что городские режимы необходимы для достижения политических целей и в классическом понимании «городская машина» – это режим в котором политики получают электоральную поддержку [33. Р. 184, 235]. Другой задачей для локального сообщества, по мнению К. Стоуна, является способность создавать селективные стимулы, которые необходимы участникам коалиций. В то же самое время К. Стоун подчеркивает, что характер локальной политики зависит не только от распределения ресурсов и принятия решений, но и от общественной жизни сообщества [33. Р. 243]. В целом для понимания возможных операциональных подходов к анализу российских локальных кейсов важно понимать, что местное самоуправление – это общественно-политический институт. Российский исследователь Н.П. Медведева отмечает, что для местного самоуправления характерно в большей степени испытывать влияние центра в развивающихся странах нежели, чем в развитых, где центр опирается на широкое участие население в решении местных вопросов [9. С. 5-11].

Таким образом, в условиях, когда локальный режим формируется и функционирует во многом благодаря наличию коалиций, то можно говорить о необходимости выделения компонентов коллективных действий. На наш взгляд вполне можно рассмотреть предложенные Ч. Тилли компоненты коллективного действия [14. С. 20-21]: 1) интересы, которые возникают как результат взаимодействия группы с другими группами; 2) организация, отражающая способность реализовывать групповой интерес; 3) мобилизация, подразумевающая контроль над ресурсами, необходимыми для действий; 4) возможность, которая проявляется в отношениях группы с окружением.

Опираясь на исследования Д. Мак-Адама можно выделить следующие измерения политических возможностей, которые можно применить к анализу политического положения локальных режимов [28. Р. 23-40]:

- относительная открытость или закрытость институционализированной политической системы;

- стабильность или нестабильность конфигурации элит;
- наличие или отсутствие альянсов элит;
- возможности государства для репрессий.

Рассматривая локальные режимы в малых городах России В.Г. Ледяев и А.Е. Чирикова выявили ряд факторов, которые оказывают влияние на локальную политику [21. С. 389-401]: ресурсы влияния, роль неформальных отношений, влияние глобализации на города, возрастание многомерности социальных процессов, локальный социальный капитал. В свою очередь факторы и условия трансформации локального режима могут привести, по мнению К. Стоуна, к изменению политического порядка [33. Р. 101-137].

Таким образом, мы будем исходить из гипотезы, что слабая политическая субъектность местного самоуправления в условиях финансовых ограничений и усиления роли региональной власти вполне может рассматриваться с точки зрения модели «принципал-агент» [19. С. 35-51]. Вместе с тем для интерпретации проблем баланса политических отношений данная модель требует понимания степени влияния губернатора на ротацию муниципальных кадров, финансовую и партийную филиализацию, включения местных глав в клиентские сети региональной власти [19. С. 47]. Последнее на основе различных типов клиентских отношений влияли в 1990-2000-е годы на формирование различных типов региональных режимов [1].

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» территориальную организацию муниципалитетов определял исходя из демографического и пространственного критерия. В 2004 г. был принят Закон Кемеровской области «О статусе и границах муниципальных образований». В итоге было сформировано 223 муниципальных образования, из них 16 городских округов, 18 муниципальных районов, 22 городских и 167 сельских поселения. По данным статистического бюллетеня по состоянию на 1 января 2019 г. в Кемеровской области 210 муниципальных образований: 18 муниципальных районов, 16 городских округов, 22 городских и 154 сельских поселения [20]. Однако в связи с тем, что ГД РФ приняла поправки в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» о введении в систему местного самоуправления муниципальных округов. Таким образом, в Кемеровской области 11 муниципальных районов станут округами. А с июня 2019 года Топкинский муниципальный район получил статус округа путем объединения 11 сельских поселений и 1 городского.

Согласно Федеральному закону № 131-ФЗ главы муниципальных образований должны либо исполнять функции председателя представительного органа муниципального образования, либо возглавлять местную администрацию. Анализ статистических данных по сочетанию способов глав муниципальных образований говорит о том, что доминирует модель избрания

по конкурсу [5]. Более того в Кемеровской области в 2019 году отменили выборы мэров в городе Кемерово и Новокузнецке. С 2014 г. в Кузбассе отменили выборы глав муниципальных районов и городов, сделав выбор в пользу институционализации модели «сити-менеджера».

В условиях ограниченной финансовой автономии муниципальных образований на поселенческом уровне серьезную долю в бюджете региона занимают дотации, которая направляется на решение социально-экономических проблем [10]. На основе анализа данных мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах РФ на региональном и муниципальном уровнях за 2018 год отметим, что Кузбасс вошел в пятерку регионов с максимальным увеличением объема дотаций на 5,9 млрд. рублей (31,7%) [6]. Особенность заключается в том, что Кузбасс можно рассматривать как регион «ресурсного типа» для которого характерна деформализация правил в экономике и особая ситуация в институциональной среде, которая позволяет выстраивать коалиции и соглашения между властью и бизнесом. Собственно на локальном уровне в условиях сужения политических возможностей решать проблемы локального уровня через селекцию интересов и их продвижение крупные собственники оказывается в роли наиболее значимых «союзников» для наращивания политических ресурсов. Опираясь на исторический институционализм можно говорить о том, что в период губернаторства А.Г. Тулеева был сформирован политико-экономический механизм, который включал в себя участие финансово-промышленных групп в реализации социально-значимых проектов. На основе оценок экспертов можно обозначить, что в условиях институционального выбора в пользу модели «сити-менеджера» будет укрепляться позиция «принципала» в роли которого выступает региональная власть и ослабляться с точки зрения политических возможностей на локальном уровне.

Кейс-анализ ситуации с политическим положением и обозначением локальных проблем развития в Шерегешском городском поселении центром которого является пгт. Шерегеш осуществляли на основе анализа биографий, электоральной статистики, экспертных интервью, статистических данных и общественно-политической информации.

Выбор кейса был обусловлен тем, что в 2019 году в Шерегешском городском поселении внесли изменения в Устав муниципального образования и отказались от выборной модели в пользу конкурсной процедуры утверждения главы муниципального образования. Период анализа электоральной статистики был определен с 2010 года.

По итогам анализа можно сделать следующие выводы относительно особенностей электорального участия и роли политических партий, сопоставив с оценками ситуации в ходе интервью с экспертами:

- с 2006-2015 гг. на выборах главы Шерегеша одерживал трижды победу действующий глава администрации В.В. Дорогунцов, который выдвигался

как кандидат от партии «Единая Россия». Следует отметить, что в качестве кандидатов на выборах так же участвовали сотрудники местных учреждений и общественные активисты. Однако в 2016 г. В.В. Дорогунцов оказался под следствием по обвинению в получении взятки за незаконное переоформление договоров аренды муниципальных земельных участков. В связи с тем, что в 2019 году в Шерегешском городском поселении внесли поправки в Устав муниципального образования, то сейчас временно пока исполняет обязанности В.А. Лупенко до проведения процедуры конкурсного отбора;

- анализ выборов в Совет депутатов Шерегешского городского поселения за сходный период показал, что доминируют представители партии «Единая Россия». Однако биографический анализ депутатов не выявил представителей крупного бизнеса. Избранные депутаты представляют локальное сообщество: малый и средний бизнес, общественные активисты и предприятия расположенные на территории пгт. Шерегеш;

- на президентских выборах 2018 года в Таштагольском районе была одна из самых высоких явок избирателей и за победившего кандидата В.В. Путина в Шерегеше проголосовало 91,53%;

- с точки зрения формирования локального режима и типологизации можем говорить о том, что в полном смысле режима как способа функционирования местной власти не сложилось и скорее это ближе к стоуновскому типу «статус-кво». Вместе с тем парадоксальность ситуации заключается в том, что коалиции и драйвером развития взаимодействия между регионом и бизнес структурами выступают губернатор С. Цивилев и В. Макута. Эксперты отмечали, что глава района В. Макута, который с 1997 г. переизбирался трижды воспринимается как хозяйственник и представитель «периферийной власти», который способен урегулировать конфликты и выступать посредником. Однако крупные проекты и инициативы ни району ни самому Шерегешскому городскому поселению не реализовать без поддержки региональной власти, которая обеспечивает продвижения локальных интересов;

- однако как эксперты так и ряд региональных СМИ отмечают, что отсутствие выборов в муниципалитете может привести к развитию конфликтного потенциала вследствие разных интересов и оптики на экономический рост и производство символического капитала у местных жителей и бизнес структур, которые вне поля публичной политики. Экономические и социальные нотабли, которые были выделены Р. Далем, применительно к анализу Нью-Хейвена могут быть не заинтересованы в создании инфраструктуры воспроизводства символического капитала, что может привести без участия населения на локальном уровне к отсутствию стимулов в формулировании и реализации публичной политики.

Применительно к локальным территориям Кемеровской области достаточно показателен на наш взгляд кейс Гурьевского района относительно применимости модели «принципал-агент». Ситуация заключалась в том,

что экс-глава Гурьевского района, который с 2010 года дважды переизбирался на пост не смог сформировать коалицию поддержки и разработать план реализации комплекса мероприятий приуроченных ко Дню Шахтера 2019 за что и был отправлен в отставку. В условиях необходимости преодоления социального раскола и формирования коалиции между властью, бизнесом и общественными институтами было принято губернатором С. Цивилевым представить на пост главы района заместителя губернатора по инвестициям и инновациям С. Черданцева. Мы полагаем, что в условиях необходимости преодоления кризисов или политического перехода «принципал-агентские» отношения могут выстроить вертикаль, модель социального и экономического обмена, которая будет основа конструирования политического порядка. Однако исходим из позиции, что баланс (равновесие) политических отношений требует наличия механизмов представительства интересов и в этом смысле отказ от выборности на локальном уровне может не произвольно порождать модели ограниченных режимов роста и развития в условиях централизации.

Таким образом, на основе систематизации суждений, комментариев и ответов экспертов относительно проблем локальной политики и режимно-институциональных процессов можно обозначить следующее:

Выстраивание отношений по принципу «принципал-агент» применительно к Кузбассу оказывает непосредственное влияние на политическое положение поселенческого уровня. В условиях слабой финансовой автономии муниципалитетов возникает ситуация, когда формирование коалиции является необходимым для определения целей и стратегий «выживания» не только локалитетов, но и заинтересованных субъектов в решении общих модернизационных задач через реализацию локальной политики.

Применительно к Кузбассу как региону «ресурсного типа» возникла ситуация когда модель выборности необходима для преодоления последствий траектории развития предшествующего регионального режима правления. Речь идет о том, что в условиях национализации партийной системы и ориентации «политических машин» на высокие электоральные результаты столкнулись с обратными эффектами: ограниченность политической конкуренции и изменение структуры политических возможностей, которые определяют параметры возможного доступа к политическим ресурсам и социально-экономическому обмену в рамках регионального социума.

Выборы так же способствовали формированию признаков локального режима, по мнению местных экспертов. В качестве аргументов приводят тот факт, что по сути локальный режим в ограниченном варианте был только в г. Новокузнецк в период построения коалиций и консолидации вокруг экс-мэра С. Мартина. Отказ от выборной модели, по убеждению большинства опрошенных экспертов, приведет к продолжению линии по деполитизации муниципального уровня. Ослабление проекции регионального режима в ус-

ловиях укрепления «принципал-агентских» отношений в этом случае, скорее всего, приведет к тому, что региональная власть будет вынуждена создавать селективные стимулы в условиях укрепления моноцентричности власти.

В силу последнего фактора влияние на рекрутирование локальной элиты отмены выборов не значительно поскольку ориентируются не на партийные и электоральные механизмы, а на интересы и задачи региональной власти.

В оценках наибольшего влияния факторов на ситуацию зависимости от «принципал-агентской» модели эксперты ранжировали ответы по степени влияния в следующем порядке: 1) Состояние финансово-экономического блока (эффективность управления и бюджетная политика); 2) Социальная сфера, которая в наибольшей степени финансируется на всех уровнях и создает основу для «режимов роста»; 3) политико-управленческий сектор, который по убеждению экспертов может исходя из ситуации менять формы и механизмы консолидации в рамках коалиций и управления на локальном уровне.

Таким образом, некоторый опыт изучения возможного применения концепта локального политического режима убеждает нас в том, что необходимо развивать предложенную Р.Ф. Туровским концепцию баланса интересов применительно к проблемам политических отношений в рамках модели «центр-периферия» и «регион-локалитет» с учетом опоры на исторический и системно-динамический подход. Исследования власти в малых городах, которые проводились В.Г. Ледяевым и А.Е. Чириковой укрепляют нашу позицию в том, что осмысление и понимание регионального и локального уровня позволит выработать новые исследовательские стратегии изучения проблем лидерства и политической модернизации в современной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бирюков С.В.* Клиентела как модель политического порядка и политических изменений. М.: ТЕИС, 2009.
2. *Бусыгина И.* Отношения между Центром и регионами в контексте альтернативных путей развития // Страны гиганты: проблемы территориальной стабильности. М.: МГИМО, 2010.
3. *Витковская Т.Б.* Методологические проблемы анализа российских локальных элит // Социум и власть. 2011. № 1.
4. *Гельман В.Я., Рыженков С.И.* Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 4.
5. Информационно-аналитические материалы о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2018 г. – начало 2019 г.) // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. М., 2019 // https://minjust.ru/sites/default/files/inf_0.docx
6. Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Феде-

рации на региональном и муниципальном уровнях за 2018 год // Официальный Министерства финансов РФ. М., 2019 // https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/06/main/Rezultaty_provedeniya_monitoringa_mestnykh_budzhetrov_za_2018_god.pdf

7. *Ледяев В.Г.* Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования // Политическая наука. 2008. № 3.

8. *Ледяев В.Г.* Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования в городских сообществах. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2012.

9. *Медведев Н.П.* Местное самоуправление как общественно-властный институт // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2017. № 3.

10. Отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориально государственного внебюджетного фонда на 1 января 2019 года // Официальный сайт Главного финансового управления Кемеровской области // https://www.ofukem.ru/upload/iblock/51a/0503317_2018.xlsx

11. *Пустовойт Ю.А.* Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>

12. *Сельцер Д.Г., Чирикова А.Е., Ледяев В.Г.* Коалиции исполнительной и представительной власти в малых городах России // Вестник Тамбовского университета. 2015. № 2.

13. *Скорородова О.С.* Политическое положение и развитие местного самоуправления в городских поселениях: опыт кейс-анализа // Политическая наука. 2019. № 2. DOI: 10.31249/poln/2019.02.06

14. *Тилли Ч.* От мобилизации к революции. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2019.

15. *Туровский Р.Ф.* Центр-регионы: проблемы политических отношений. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

16. *Туровский Р.Ф.* Субнациональная политика: введение к возможной теории // Полития. 2014. № 4.

17. *Туровский Р.Ф.* Поселение как субъект локальной политики: теоретические основы исследований // Политическая наука. 2019. № 2.

18. *Туровский Р.Ф.* Местное самоуправление и эволюция политического режима // Pro nunc. Современные политические процессы. 2015.

19. *Туровский Р.Ф.* Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2.

20. Формирование местного самоуправления в Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. М., 2019 // <https://www.gks.ru/compendium/document/13263?print=1>

21. *Чирикова А.Е., Ледяев В.Г.* Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.

22. *Чирикова А.Е.* Муниципальная власть: мотивация акторов и практики взаимодействия с регионалами // Власть и элиты. 2018. Т. 5.

-
23. *Agnew J.A.* Place and politics. The Geographical Mediation of State and Society. Boston: Allen&Unwin, 1987.
24. *Cox K.* Spaces of dependence, spaces of engagement and the politics of scale, or: looking for local politics // Political Geography. № 17 (1).
25. *Flint C., Taylor P.* Political Geography. World Economy, Nation State and locality. NY, L.: Routledge, 2018.
26. *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
27. *Harding A.* Elite Theory and Growth Machines // Urban politics. London: Sage, 1995.
28. *McAdam D.* Conceptual origins, current problems, future direction // Comparative Perspectives on Social Movements. Cambridge, 1996. DOI:10.1017/cbo9780511803987.003
29. *Molotch H.* The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82. № 2.
30. *Orr M., Stoker G.* Urban regimes and leadership in Detroit // Urban Affairs Quarterly. 1994. Vol. 30. № 1.
31. *Scott A.J.* Regional motors of the global economy // Futures. LA, 1996. Vol. 28 (5).
32. *Stone C.N.* Regime politics: Governing Atlanta, 1946-1988. Lawrence, 1989.
33. *Stone C.N.* Reflections on Regime Politics: From Governing Coalition to Urban Political Order // Urban Affairs Review. 2015. Vol. 51. Issue 1.
34. The Power of Place. Bringing together geographical and sociological imaginations / J. Agnew J. Duncan. Boston: Allen&Unwin, 1989.

A.M. BARSUKOV

*Candidate of Sciences in Politics,
Assistant Dean of the politics faculty
and international relations of the Siberian Institute
of Management – branch of RANEP,
Novosibirsk, Russia*

LOCAL REGIME IN AN URBAN SETTLEMENT: POLITICAL SITUATION AND PROBLEMS OF LOCAL GOVERNMENT DEVELOPMENT IN AN INDUSTRIAL REGION

The article is devoted to the analysis of the local government reform's impact in modern Russia on the political situation and problems of local politics at the settlement level. The article presents research approaches to studying local

political regimes, preliminary findings and assessments of the influence of various factors on the political situation of urban settlements in the industrial region using the example of the Kemerovo region. The theoretical basis of the study is the theory of urban and regional regimes, as well as the concept of principal-agent relations. The empirical basis of the testing hypothesis was expert interviews, electoral statistics, and document analysis, which revealed the particularities of the institutional choice of local government models and the configuration of power distribution at the micro level.

Key words: *local government, local politics, local political regime, city regimes, municipalities of the Kemerovo region.*

Д.Ю. ПЕТРОВ
старший преподаватель кафедры управления
информационными процессами отделения
журналистики Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС),
Россия, г. Москва

РОЛЬ ЗЕМЕЛЬНО-ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассмотрены ключевые вопросы земельно-имущественных отношений в контексте реализации эффективной государственной информационной политики. Автор обосновывает необходимость создания единой учетной системы хранения пространственных данных.

Ключевые слова: информация, политика, политические процессы, государственная информационная политика, земельно-имущественные отношения, гражданское общество.

Фундаментальному переосмыслению политических процессов на рубеже XXI века способствовали глобальные социальные реформы, которые затронули практически все сферы жизни современного общества и послужили началом формирования гражданского государства, управление в котором, возлагается на само общество, а не на отдельных ее представителей.

Но невозможно представить развитие любого государства без использования земельных ресурсов. Так как земля является основным средством производства и источником жизни для людей. Методы и научные подходы к исследованию земельно-имущественных отношений весьма разнообразны. Их основу составляют несколько основополагающих факторов, таких как: способы использования, вид и форма собственности, условия развития [2].

В общем плане понятие земельно-имущественных отношений подразумевает складывающиеся отношения людей в процессе использования земли, недвижимости и любой другой собственности. Все это позволяет утверждать, что возникновение земельно-имущественных отношений обусловлено началом земледельческой и другой деятельности человека.

Существует несколько понятий связанных со словом «управление», в контексте земельно-имущественных отношений:

1) в первом случае оно определяется как деятельность органов государственной власти, направленная на создание благоприятных условий для охраны и рационального использования земель гражданами, имеющими права собственности на владение, распоряжение и пользование [9];

2) во втором имеется в виду воздействие на пользователей, иных участников земельно-имущественных отношений и контроль за информационными процессами, происходящих в них;

3) третье определение подразумевает под собой совокупность функций системы управления, действия которой направлены на благоразумное использование земельных ресурсов.

Под теоретическими целями исследования земельно-имущественные отношений понимается изучение закономерностей и развитие отношений людей в процессе пользования – землей и распределение между ними результатов коллективного труда.

Существует несколько аспектов, связанных с использованием земли:

– экономический (эффективное использование земельных ресурсов с целью получения прибыли);

– юридический (защита законных прав землепользователей с точки зрения нормативно-правового регулирования);

– политический (борьба за земельные ресурсы со стороны, партий, союзов, крупных объединений и госкорпораций);

– социальный (осознанное отношение человека к земле и повышение ответственности граждан за охрану и использование земельных ресурсов);

– экологический (создание благоприятных условий для выращивания культур и соблюдение природного равновесия на используемой территории).

Земельно-имущественные отношения, с точки зрения теоретического подхода представляют систему политических, социально-экономических и правовых мероприятий, служащих для рационального использования земельных ресурсов и имущества с целью повышения социально – экономического уровня жизни гражданского общества.

Управление данной сферой, с точки зрения экономического аспекта, может подразделяться на прямое и косвенное (опосредованное) управление.

Прямое управление создает условия и формы землепользования и носит дискретный характер, а опосредованное управление благодаря формированию нормативно-правовой базы и последующему внедрению современных информационных технологий, создает разрешенные рамки использования земельных ресурсов. Ведение опосредованного управления осуществляется постоянно и непрерывно [6].

По мнению С.А. Липски, основными функциями процесса государственного управления в области землепользования являются: анализ, планирование, регулирование, осуществление контроля, учет и исследование технологических процессов.

А.А. Варламов подразделяет функции управления на общие и специальные, а так же вспомогательные. Общие функции, которые предполагают: контроль, координацию, организацию, планирование, регулирование и учет. Специальные функции по обеспечению и организационному воздействию на участников процессов. Вспомогательные функции по обслуживанию процессов управления. Механизмы управления в экономико-организационной сфере – это совокупность методов по взаимодействию объекта с субъектом и внешней средой управления.

Под функциями понимается система стимулов, рычагов воздействия, побуждающих людей к действию, и рассматривается с трех ключевых управленческих подсистем: экономической (регистрация, учет, оценка), организационной и правовой [1].

Мировой опыт исследования состояния земельно-имущественных отношений, в большинстве своем зависит от уровня социально-экономического развития государства. С целью повышения уровня и имиджа органов государственной власти неизбежна тщательная проработка земельно-имущественных отношений, особенно в вопросах, связанных с теорией и методологией формирования современных информационных процессов и механизмов государственного управления.

Распространенную точку зрения выразил И.А. Покровский, написавшего в своих научных трудах, что общество должно научиться сосуществовать в мире и согласии, в противном случае это может привести к его гибели, что в свое время это произошло с Великой Римской империей. В основе этих взаимоотношений должны находиться имущественные отношения. Необходимо «прежде всего, понять их историческое происхождение, сущность и отношение к высшим идеалам человечества». В свою очередь, земля, территория, по нашему мнению, является основой любого общества, поэтому заслуживает особого внимания [5. С. 343-348].

Земля и тесно связанное с ней недвижимое имущество воплощают такие понятия, как неизменность, надежность, здоровый консерватизм. Недаром, по утверждению К.П. Победоносцева, выдающегося цивилиста и политического деятеля России XIX в., «любая консервативная партия сильна поддержкой интересов владельцев недвижимости, а собственно поземельное владение выступает лучшим обеспечением гражданского порядка». Он также писал: «История развития понятия о собственности в применении к недвижимости, к земле идет в параллель с историей общественного права». В соответствии с его авторитетным мнением, прежде чем овладеть землей, необходимо внести в клад в ее развитие «наречь имя свое на земле» [4. С. 89].

Следовательно, проблемы регулирования земельно-имущественных отношений находятся в одной плоскости с решением публично-правовых вопросов.

В России земля всегда рассматривалась как национальное достояние. Она охраняется государством и служит основой жизни общества, а вопросы

землепользования, владения и распоряжения были основными и определяющими в политической жизни общества и всего государства в целом.

Более того, земельные отношения не могут существовать сами по себе, они тесно связаны с культурной, историей развития общества, его психологической и ментальной спецификой. Земельные отношения лежат в плоскости аграрно-правовой политики властных структур, которые определяют нормативно-правовое регулирование данного вопроса.

Соглашаясь с этими выводами, необходимо добавить, что интерес к земельному отношению у человечества появился еще с появлением первых человеческих племен, проживающих на определенной территории. Но на первоначальном этапе он лежал за пределами политики и гражданско-правовых основ, и только благодаря появлению государственности и властных структур возникло право собственности в нынешнем его понимании.

Д.Б. Аратский и Л.И. Кошкина под понятием, земельно-имущественные отношения понимают информационное, экономическое, правовое и административное взаимодействие субъектов прав собственности, органов власти (государственных и муниципальных), а также юридических и физических лиц в вопросах, связанных с преобразованием и передачей объектов недвижимого имущества, включая землю.

Следовательно, с точки зрения сравнительно-исторического подхода к изучению земельного законодательства, наиболее важным является проработка вопросов становления и развития сферы земельно-имущественных отношений в различные исторические эпохи в сравнение с международным опытом [3].

Одной из важных и приоритетная задач современной России является процесс информатизация государственных структур. Первой попыткой ее решения можно назвать Федеральную целевую программу «Электронное Правительство», рассчитанную на период до 2002 года. Впоследствии ей было придан статус Концепции. За ней последовала другая Федеральная целевая программа «Электронная Россия» 2002-2010 гг., направленная на внедрение современных информационных технологий в органы государственной власти.

Так как основная цель данной программы не была достигнута, в 2010 году Правительство Российской федерации приняло решение создать на ее основе сразу несколько Федеральных целевых программ в соответствии с отраслями и направлениями развития.

На сегодняшний день на территории России действует отдельная Федеральная целевая программа «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости», рассчитанная на 2014-2020 годы [7].

Основной целью Федеральной программы является гармонизация сферы земельно-имущественных отношений, основывающаяся на соблюдении интересов, ответственности и скоординированных действиях государства,

бизнеса и общества, способных обеспечить переход к новому социально ориентированному направлению развития Российской Федерации.

А основными ее задачами является:

- создание единого государственного информационного ресурса в сфере земельно-имущественных отношений;
- повышение качества предоставления государственных услуг населению по принципу «одного окна»;
- корректировка данных информационных ресурсов для повышения эффективности налогооблагаемой базы недвижимого имущества;
- изменение государственной политики в сфере земельно-имущественных отношений для рационального использования земельных ресурсов и объектов недвижимости, создания рычагов регулирования и обеспечения государственных гарантий прав собственников объектов недвижимого имущества;
- развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости является составной частью задач по решению и обеспечению социально-экономического развития страны, решению социальных, экономических и экологических проблем, повышению качества и уровня жизни ее граждан.

Для реализации столь глобальных задач проводятся следующие административные мероприятия:

- обеспечивается переход к единой, открытой геоцентрической системе, для учета и ведения государственного кадастра недвижимости с помощью использованию отечественной Глобальной навигационной спутниковой системы (ГЛОНАСС) [8];
- осуществляется массовый государственный кадастровый учет земельных участков территории Российской Федерации;
- ведомства, задействованные в сфере земельно-имущественных отношений, оснащаются новым инновационным оборудованием, способным обеспечить создание единой системы контроля данных, имеющихся в государственных информационных ресурса;
- формируется единая интегрированную сеть координатно-геодезического обеспечения деятельности кадастровых инженеров, на основе создания открытого информационного ресурса, содержащего описание пунктов геодезических сетей всех уровней государственной власти, с возможностью получения информации в режиме реального времени через мировую глобальную сеть Интернет.

Сфера земельно-имущественных отношений сегодня неразрывно связано с информационно-коммуникационными процессами повсеместно проникающими во все сферы общественной жизни. Изучение данного направления является одним из приоритетов в области совершенствования информационной политики как важнейшего условия на пути формирования гражданского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Варламов А.А. Экономический механизм управления земельными ресурсами // www.guzmoskva.pf/media/file/ar24112006.doc
2. Горемыкин В.А. Современный земельный рынок России. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2004.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Статья 209. Содержание права собственности // <http://www.consultant.ru/document/cons>
4. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть. М., 2002.
5. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., Статут, 2000.
6. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.
7. Распоряжение Правительства РФ от 4 апреля 2014 г. № 527-р «О внесении изменений в план мероприятий («дорожную карту») «Повышение качества государственных услуг в сфере государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», утвержденный распоряжением Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 2236-р // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70532418/>
8. Суворов Е.Ф. Летопись зарождения, развития и первых шагов реализации идеи отечественной спутниковой системы. М.: Кучково поле, 2014.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986-1987.

D. Yu. PETROV

*Senior lecturer of the Department
of information Management, of the journalism
Department, Russian presidential Academy of national
economy and public administration under the President
of the Russian Federation (RANEPА),
Moscow, Russia*

THE ROLE OF LAND AND PROPERTY RELATIONS IN SHAPING STATE INFORMATION POLICY

The key issues of land and property relations in the context of the effective state information policy are considered. The author substantiates the need to create a unified accounting system of spatial data storage.

Key word: *Information, policy, political processes, state information policy, land and property relations, civil society.*

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ И МЕСТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В статье анализируются федеральные направления государственной научно-технической политики Российской Федерации, региональные направления научно-технической политики на примере Воронежской области, а также направления научно-технической политики муниципальных образований, имеющих статус наукограда, на примере Дубны. Предпринимается попытка определить направления взаимодействия разных уровней государственной власти и органов местного самоуправления в области научно-технического сотрудничества, исходя из выявленных совпадений основных направлений их научно-технической политики, необходимые для осуществления единой государственной научно-технической политики.

Ключевые слова: государственная научно-техническая политика, региональная научно-техническая политика, направления научно-технической политики, наукоград, научно-техническое сотрудничество.

Поскольку вопросы изучения государственной научно-технической политики (далее ГНТП) играют значимую роль в осмыслении не только процессов социально-экономического развития, но и в задачах их перспективного планирования, крайнюю важность для государств в федеративном административно-территориальном устройстве приобретает теоретическое и практическое обеспечение единой и взаимосвязанной ГНТП на всех уровнях организации органов государственной власти и местного самоуправления. Неслучайно в 114-й статье Конституции Российской Федерации отдельно упоминается единая государственная политика в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии [4].

Целью данной статьи является выявление направлений ГНТП РФ федерального, регионального и местного уровней, а также анализ их взаимосвязи.

Начнем наше рассмотрение направлений ГНТП РФ с федерального уровня. На федеральном уровне направления ГНТП сформулированы в следующих документах стратегического характера: «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» от 2002 года и Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации от 2016 года. В первом документе перечислены следующие направления ГНТП: 1) развитие фундаментальной науки, важнейших прикладных исследований и разработок; 2) совершенствование государственного регулирования в области развития науки и технологий; 3) формирование национальной инновационной системы; 4) повышение эффективности использования результатов научной и научно-технической деятельности; 5) сохранение и развитие кадрового потенциала научно-технического комплекса; 6) интеграция науки и образования; 7) развитие международного научно-технического сотрудничества [5]. Второй документ рассматривает в качестве направлений ГНТП: 1) кадры и человеческий капитал; 2) инфраструктура и среда; 3) взаимодействие и кооперация; 4) управление и инвестиции; 5) сотрудничество и интеграция [10].

Стоит отметить, что в последующих редакциях Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политики Российской Федерации» отсутствует регламентация предмета совместного ведения федеральных и региональных органов государственной власти о области ГНТП. Это обстоятельство, хотя и некоторым образом осложняющее ситуацию, не должно препятствовать организации взаимодействия федеральных и региональных властей на других правовых основаниях [1. С. 322]. Таким образом, анализ федерального законодательства не позволяет определить взаимосвязь федеральных и региональных направлений ГНТП России. Из этого следует необходимость поиска их взаимосвязи в законодательстве регионального и местного уровней ГНТП.

К полномочиям органов власти субъектов РФ в сфере ГНТП относятся: 1) право принятия законов и иных нормативных правовых актов регионального уровня об осуществлении деятельности данных органов в научной и (или) научно-технической сферах; 2) право создания государственных научных организаций субъектов РФ, реорганизация и ликвидация данных организаций; 3) принятие и реализация научных, научно-технических и инновационных программ и проектов субъектов РФ [13].

В качестве примера для выявления региональных направлений ГНТП рассмотрим Воронежскую область. Выбор данного региона обусловлен следующими обстоятельствами: 1) Воронежская область является одним из немногих субъектов РФ, в документах стратегического характера которых прямо сформулированы основные направления региональной научно-технической политики; 2) по числу организаций, выполняющих исследования и разработки, а также численности занятого на них персонала Воронежская

область характеризуется довольно неплохими позициями: 14-е и 10-е место среди субъектов РФ соответственно [11]; 3) в рейтинге по уровню развития науки и технологий среди регионов России Воронежская область стабильно входит в топ-15 или верхние 20% рейтинга за все время составления ежегодных рейтингов, начиная с 2014 года [3].

Прогноз научно-технологического развития Воронежской области до 2030 года содержит следующие ключевые направления ГНТП: 1) развитие процессов кластеризации социально-экономического пространства региона; 2) развитие государственно-частного партнерства; 3) развитие инфраструктуры инновационной деятельности; 4) развитие кадрового обеспечения инновационной деятельности; 5) развитие информационного обеспечения инновационной деятельности; 6) совершенствование организации производства и управления на предприятиях [6]. Некоторый уклон в сторону инновационной деятельности может быть объяснен равнозначным характером научно-технической и инновационной политики относительно их регламентации в Законе Воронежской области от 9 октября 2007 года № 98-ОЗ «О науке и научно-технической политике в Воронежской области» [2]. В перечисленных направлениях региональной научно-технической политики можно усмотреть некоторые соответствия с федеральными направлениями ГНТП. В первую очередь, они касаются формирования и развития регионального измерения национальной инновационной системы. Кроме того, значительное внимание уделено кадровому и информационному обеспечению научно-технической и инновационной деятельности. Отдельно следует отметить кластерный подход, объединяющий пространственные и отраслевые программы развития региона. Направление, связанное с развитием инструментов государственно-частного партнерства, имеет своей целью стимулирование активизации частных инвестиций в научно-технологическое развитие на региональном уровне.

На местном уровне главными муниципальными образованиями, относящимися к участникам ГНТП, являются наукограды. Федеральный закон от 7 апреля 1999 года № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» определяет наукоград как муниципальное образование со статусом городского округа, имеющее высокий научно-технический потенциал, с градообразующим научно-производственным комплексом. В соответствии с Федеральным законом наукограды обязаны разрабатывать и осуществлять стратегии социально-экономического развития, реализация которых контролируется уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти ежегодно [14]. Именно стратегия социально-экономического развития наукограда является важнейшим документом, содержащим направления научно-технической политики местного уровня. Рассматривая Федеральный закон «О статусе наукограда РФ», А.С. Сибиряев отмечает две его наиболее примечательные

особенности: 1) программный принцип социально-экономического развития наукоградов; 2) участие в разработке программы всех трех уровней власти (федеральной, региональной и местной) – принцип сотрудничества властей. Особо следует отметить принцип сотрудничества властей. Закрепление этого принципа по существу означает признание наукоградов в качестве партнеров государства в решении государственных задач с высокой степенью доверия к органам местного самоуправления [9. С. 231-232].

В качестве примера наукограда рассмотрим Дубну. Дубна является комплексным наукоградом, в специализацию которого входят различные виды деятельности: авиастроение и ракетостроение, машиностроение и приборостроение, биотехнологии и медицинские технологии, производство новых материалов, ядерные технологии, нанотехнологии. Все это обуславливает выбор данного наукограда в качестве примера рассмотрения. В Стратегии социально-экономического развития наукограда Дубна на 2017-2026 годы основные направления взаимодействия научно-производственного комплекса, органов местного самоуправления и организаций инновационной инфраструктуры, направленные на достижение целей и решение задач социально-экономического развития Дубны, группируются по следующим сферам: 1) сфера развития экономики (содействие развитию технико-внедренческой особой экономической зоны «Дубна»); 2) сфера развития инфраструктуры (развитие энергетических, тепловых и транспортных систем коммуникации); 3) сфера кадровой политики (развитие взаимодействия научно-производственного комплекса с Университетом «Дубна», развитие взаимодействия с профильными ВУЗами России по трудоустройству их выпускников в Дубне, переподготовка и повышение квалификации специалистов организаций научно-производственного комплекса); 4) сфера жилищной политики (организация муниципального целевого жилищного строительства в интересах научно-производственного комплекса и бюджетной сферы города); 5) сфера градостроительной политики (разработка документов градостроительного планирования с учетом перспектив развития градообразующих предприятий и технико-внедренческой особой экономической зоны) [12]. Перечисленные направления научно-технической политики местного уровня перекликаются с федеральным и региональным уровнями развитием локальных структур национальной инновационной системы, инфраструктурными проектами развития научно-производственного комплекса, интеграцией образования и науки с производством для наиболее эффективного кадрового развития.

Отдельно следует выделить взаимосвязь с таким федеральным направлением ГНТП, как международное научно-техническое сотрудничество. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27.04.2016 г. № 783-р одобрено подписание Соглашения между Правительством Российской Федерации и Объединенным институтом ядерных исследований о ре-

ализации Мегaproекта – создании и эксплуатации комплекса сверхпроводящих колец на встречных пучках тяжелых ионов NICA [7]. Помимо того, что Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ) находится на территории муниципального образования со статусом наукоград – город Дубна – данный институт является еще и международной межправительственной организацией. Членами ОИЯИ сегодня являются 18 государств: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Белоруссия, Республика Болгария, Социалистическая Республика Вьетнам, Грузия, Республика Казахстан, Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Куба, Республика Молдова, Монголия, Республика Польша, Российская Федерация, Румыния, Словацкая Республика, Республика Узбекистан, Украина, Чешская Республика. На правительственном уровне заключены Соглашения о сотрудничестве Института с Венгрией, Германией, Египтом, Италией, Сербией и Южно-Африканской Республикой [8]. Поэтому данное Соглашение носит также характер международного научно-технического сотрудничества.

Таким образом, исследование данной статьи выявило четыре взаимосвязи федерального, регионального и местного уровней ГНТП. Во-первых, это территориальное размещение объектов национальной инновационной системы, представленных научно-технической базой научных организаций. Во-вторых, это территориальный характер инфраструктуры научной и инновационной деятельности, позволяющий говорить о кластеризации подобной инфраструктуры в пределах наукоградов, особых экономических зон, технологических парков, технологических коридоров и так далее. В-третьих, это кадровая политика, заключающаяся в подготовке и переподготовке научно-технических работников за счет образовательно-научно-производственных комплексов, а также в развитии социально-экономических программ социального обеспечения научно-технических работников. В-четвертых, это программы и соглашения по международному научно-техническому сотрудничеству, позволяющие создавать и развивать на региональном и местном уровнях объекты уникальных научных установок коллективного пользования, имеющих международную значимость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Андреев Ю.Н. Потенциал взаимодействия регионов и федеральных органов власти в научно-технической сфере // Наука. Инновации. Образование. 2006. № 1.
2. Закон Воронежской области от 09.10.2007 № 98-ОЗ «О науке и научно-технической политике в Воронежской области».
3. Индексы научно-технологического развития субъектов РФ за 2014-2018 годы, рассчитанные рейтинговым агентством РИА Рейтинг // <https://riarating.ru>.

4. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993.
5. Письмо Президента РФ от 30.03.2002 № Пр-576 «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», гл. 3, ст. 9.
6. Прогноз научно-технологического развития Воронежской области до 2030 года, утвержденный Постановлением Правительства Воронежской области от 26.03.2014 № 245, разд. 5.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.04.2016 № 783-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и международной межправительственной научно-исследовательской организацией Объединенным институтом ядерных исследований о создании и эксплуатации комплекса сверхпроводящих колец на встречных пучках тяжелых ионов NICA».
8. Сайт Объединенного института ядерных исследований // <http://www.jinr.ru/about/>.
9. *Сибиряев А.С.* Нормативно-правовые и концептуальные основы государственной инновационной политики // NovaInfo.Ru. 2017. Т. 5. № 58.
10. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642, п. 31-35.
11. Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года, утвержденная Законом Воронежской области 20.12.2018 № 168-ОЗ, разд. 1.
12. Стратегия социально-экономического развития наукограда Дубна на 2017-2026 годы, утвержденная Решением Совета депутатов города Дубны Московской области от 18.01.2017 № РС-1(36)-3, разд. 2.
13. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», ст. 12, п. 3.
14. Федеральный закон от 07.04.1999 № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации», ст. 3, п. 1, 3.

I.V. KUPRIYANOV

*Post-graduate student, the Public Policy
Department, the Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

FEDERAL, REGIONAL AND LOCAL DIRECTIONS OF THE SCIENCE AND TECHNOLOGY POLICY OF RUSSIAN FEDERATION: THEIR INTERRELATION AND INTERACTION

The article analyzes the federal directions of the science and technology policy of the Russian Federation, its regional directions on the example of the Voronezh region, as well as its directions of municipalities with the status of a science town on the example of Dubna. The article pursues an attempt to determine the ways of interaction between different levels of governance in the field of scientific and technical cooperation, based on the identified similarities of their main science and technology policy directions, which are necessary for the implementation of a unified science and technology policy.

Key words: *federal science and technology policy, regional science and technology policy, science and technology policy's directions, science town, scientific and technical cooperation.*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена текущим проблемам российской государственной политики в сфере обеспечения информационного суверенитета. Показаны механизмы противодействия запрещенной информации в рамках системы различных ветвей власти. При помощи метода анализа документов рассмотрен ряд основных законодательных инициатив в указанной сфере. Кроме того, приведены статистические данные, обосновывающие проблемный характер сложившейся ситуации. Отмечены упущения в сфере обеспечения информационно-психологической составляющей информационного суверенитета РФ, а также представлен ряд соответствующих мер реагирования на проблемную ситуацию. Сделан вывод о том, что в России в настоящее время заложены нормативно-правовые основы, обеспечивающие суверенитет в информационной сфере, которые тем не менее требуют своего дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: *информационный суверенитет, информационная безопасность, национальная безопасность, регулирование информационного пространства, ИКТ.*

В статье рассматриваются основные моменты, связанные с технологиями реализации государственной политики обеспечения информационного суверенитета (ИС) России в настоящее время, в частности обозначаются дальнейшие пути политико-правового регулирования информационной сферы.

В России одним из первых в научный концептуальный оборот ввел данное понятие санкт-петербургский исследователь М.М. Кучерявый, который обозначил ИС как «верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве» [6. С. 12].

Созвучное определение с учетом юридического фактора представили также санкт-петербургские ученые И.Ф. Кефели и С.А. Мальмберг: «Государственный информационный суверенитет заключается в способности государства проводить независимую информационную политику и обеспечивать верховенство государственного законодательства в информационном пространстве» [4. С. 33]. Следует отметить, что общим в данных определениях являются понятия верховенства и независимости.

Прикладную политологическую трактовку предложил американский исследователь Ш. Пауэрс, которая в целом совпадает с позицией отечественных ученых. Согласно его мнению, «под информационным суверенитетом понимается попытка государства контролировать информационные потоки в пределах своей территории» [13. Р. 92]. Тем не менее в представлении Ш. Пауэрса не учитываются свойства верховенства и независимости государственной власти при реализации ИС, сводясь непосредственно к функции государственного контроля.

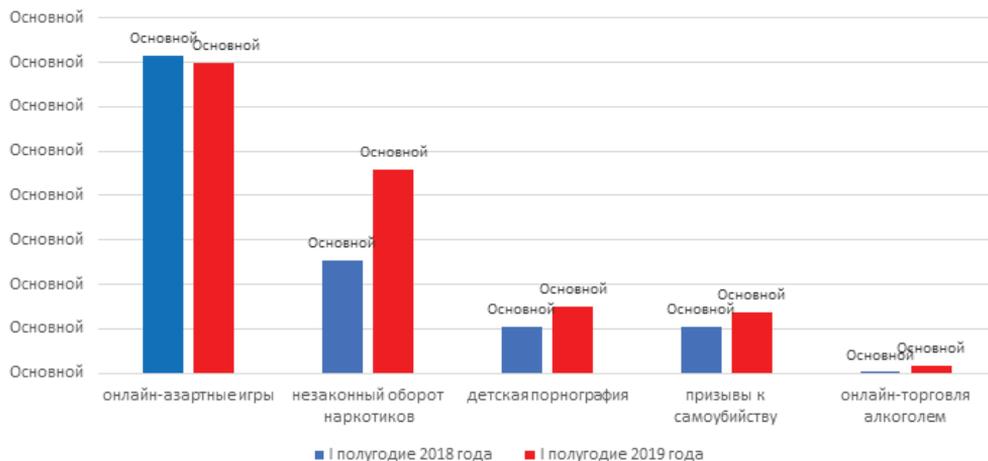
Таким образом, ИС может быть обозначен как **способность государства на самостоятельной основе определять и реализовывать свои цели и задачи в информационной сфере.**

Одним из важнейших аспектов политики обеспечения ИС является система выявления и блокирования противоправной информации. В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в России блокировку социально опасной информации осуществляет Роскомнадзор. На представленной диаграмме № 1 показана динамика нарушений, выявленных информационным регулятором по итогам обращений граждан в I полугодии 2018 и 2019 гг. Согласно данным, возможно наблюдать, насколько в настоящее время значительны вызовы перед государством в информационной сфере, так как количество выявленных нарушений (к сожалению, представляется, что число необнаруженного запрещенного контента существенно больше) исчисляется десятками тысяч. При этом отмечается увеличение выявленных единиц противоправной информации практически по всем категориям: «по линии незаконного оборота наркотиков на 81%; по линии детской порнографии на 44%; по линии призывов к самоубийству на 31%» [12].

Следует также отметить, что Роскомнадзор действует на основе судебных решений и требований Генпрокуратуры РФ. В данном случае возможно наблюдать взаимодействие судебной и исполнительной ветвей власти.

В свою очередь, по линии законодательной власти в РФ также осуществляется обеспечение ИС. В структуре Совета Федерации Федерального Собрания РФ была создана специализированная временная комиссия по защите государственного суверенитета, которая в 2018 году выпустила доклад, где существенная часть уделена проблемам обеспечения ИС. Так, в указан-

Диаграмма № 1. Динамика выявления Роскомнадзором социально опасной информации в I полугодии 2018 и 2019 гг.

ном докладе 2 пункта из 9 посвящены проблемам деструктивного информационного воздействия на Россию [3].

Позднее в составе Госдумы РФ была создана подобная структура, именуемая Комиссией по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России [8]. При этом, что примечательно, одним из первых расследований Комиссии стал анализ вмешательства иностранных медиаресурсов («Радио Свобода», «Настоящее время», «Медуза», «Русская служба Би би си», «МБХ медиа», «Голос Америки») в российское избирательное законодательство в период проведения выборов 8 сентября 2019 года, что напрямую связано с проблемами ИС РФ [2]. Таким образом, возможно наблюдать создание системы противодействия деструктивной информации в различных ветвях власти.

На основании проведенного мониторинга российского законодательства с помощью системы «КонсультантПлюс» был сделан вывод о том, что оно содержит более 50-ти основных документов, относящихся к обеспечению ИС России, в частности документы стратегического характера: доктрины, стратегии, концепции, федеральные законы (к примеру, Доктрина информационной безопасности от 2016 года, Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы, Концепция информационной безопасности детей и ряд иных), а также указы Президента РФ, специализированные подзаконные акты военных и силовых ведомств.

Отдельно остановимся на рассмотрении нескольких документов. Так, в 2016 году была утверждена новая версия Доктрины информационной безопасности РФ и принята новая Стратегия развития информационного обще-

ства в РФ на 2017-2030 годы. Следует отметить, что в указанной стратегии впервые было зафиксировано наличие феномена т.н. «клипового мышления» [9], что, безусловно, должно способствовать дальнейшему развитию и осмыслению на качественно ином уровне воздействия сети Интернет на сознание пользователей. Причем не менее важным является то, что использование данной модели восприятия было признано способствующим наиболее эффективному достижению своих внешнеполитических целей заинтересованными субъектами (государствами и организациями), которые имеют преимущество в информационно-коммуникационной сфере [9]. Кроме того, не менее важным стало своевременное отражение такого актуального для России вызова в информационной сфере как продуцирование информации теми средствами, которые юридически не относятся к СМИ: «(интернет-телевидение, новостные агрегаторы, социальные сети, сайты в сети Интернет, мессенджеры)» [9]. В частности, в Стратегии предлагается наравне с официально признанными СМИ совершенствование механизмов законодательного регулирования данных распространителей информации.

Нельзя также не упомянуть Концепцию информационной безопасности детей, которая была утверждена распоряжением Правительства РФ от 2 декабря 2015 года № 2471-р. Важно подчеркнуть, что в Концепции фиксируется факт ускоренной социализации детей и подростков в условиях гиперинформационного общества, а также на первый план выносятся озабоченность снижением роли традиционных институтов социализации молодого поколения и заменой их на средства массовой информации и сеть Интернет [5].

Среди прочих инициатив, направленных на обеспечение ИС России следует выделить Федеральный закон от 6 июля 2016 года № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» (т.н. «закон Яровой») и Федеральный закон от 26 июля 2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», а также ряд других правовых нововведений.

Одной из недавних законодательных инициатив, направленных на упрочение технологической составляющей ИС РФ, является принятие 1 мая 2019 года поправок к федеральным законам № 126-ФЗ «О связи» и № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», получивших название «закона о суверенном Рунете» [10]. Указанный документ направлен на обеспечение устойчивого функционирования сети Интернет на территории России в случае принудительного отключения со стороны контролирующих его ключевую инфраструктуру государств. Закон вступил в силу 1 ноября 2019 год и выполнение его требований в части установки специализированного телекоммуникационного оборудования операторами связи, позволяющего контролировать российский сегмент Всемирной паутины, активно осуществляется с проведением соответствующих тестовых испытаний [1].

Вместе с тем следует отметить, что в документах, посвященных информационно-психологическим аспектам ИС, содержатся определенные упущения. Так, согласно оценкам экспертов, из новой версии Доктрины информационной безопасности Российской Федерации 2016 г.: «исчезли отдельные разделы, касающиеся обеспечения информационной безопасности РФ в сфере духовной жизни» [7]. Кроме того, если произвести подсчет количества упоминаний слова «духовный» в доктринах 2000 и 2016 гг., то явный перевес получится в Доктрине 2000 г. 23 упоминания вместо 3, содержащихся в Доктрине 2016 г.

Таким образом, следует отметить, что отраслевая нормативно-правовая база к настоящему времени сформирована, однако имеется дальнейшая потребность в ее систематическом оперативном совершенствовании по причине динамичного развития ИКТ.

В одном из своих интервью выдающийся теоретик в области информационной безопасности, профессор С.П. Расторгуев заметил, что «лучшей защитой от информационной агрессии является проповедование своих истин, правил, своей культуры. В связи с этим следует рассказывать «о себе» [11]. Следуя логике данного тезиса, представляется важным обозначить ряд необходимых мер в нескольких сферах, которые направлены на обеспечение должного уровня ИС РФ.

Политическая сфера:

- разработка и реализация основных направлений организационного обеспечения информационного сопровождения внешней политики России;
- предотвращение информационно-пропагандистского вмешательства во внутреннее пространство России, используя при этом возможности современных ИКТ;
- совершенствование системы информационно-аналитической поддержки принятия управленческих решений по обеспечению реализации интересов личности, общества и государства в информационной сфере;
- организация информационно-пропагандистской работы по формированию в обществе морально-нравственных ценностей и устойчивых поведенческих стереотипов, направленных на сохранение историко-культурной, национальной идентичности российских граждан.

Социальная сфера:

- использование современных информационных технологий для противодействия информационно-психологической агрессии, деструктивному информационно-психологическому воздействию со стороны зарубежных государств;
- пропаганда, с использованием возможностей современных ИКТ, здорового образа жизни и нравственного потенциала семьи как важнейшего института развития и социализации детей и подростков;

- дальнейшая разработка правовых и организационных механизмов противодействия деструктивным информационно-психологическим воздействиям на массовое сознание;
- совершенствование на основе передовых разработок в области ИКТ системы мониторинга процессов, происходящих в различных сферах общества (политическая, экономическая, социальная, духовная и др.) с последующим выявлением деструктивных потенциалов и принятием соответствующих мер противодействия;
- проведение на системной основе анализа применения форм и способов информационно-психологического воздействия.

Научно-технологическая сфера:

дальнейшее развитие отечественной информационной инфраструктуры для обеспечения российского информационного суверенитета;

предотвращение экспансии современных ИТ-разработок зарубежных стран во избежание технологической зависимости.

Таким образом, следует отметить, что в настоящее время в России заложены основы для политики обеспечения ИС. В целях последующей реализации суверенного политического курса также продолжается формирование соответствующей нормативно-правовой базы.

Однако, помимо этого, требуется детальная проработка вопроса дальнейшего нормативного закрепления регулирования новых видов СМК (мессенджеров, Telegram-каналов, новостных агрегаторов, социальных сетей, блогосферы, интернет-сайтов). Одновременно с этим содержатся определенные упущения в обеспечении информационно-психологической составляющей ИС РФ.

Стоит отметить, что сохранение суверенитета и территориальной целостности России в эпоху широкого распространения ИКТ во многом будет зависеть от способности государства выработать своевременные и адекватные системные меры противодействия информационным вызовам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Басс А. Фильтры заработали в тестовом режиме. На Урале испытывают оборудование для защиты суверенного Рунета // ФГБУ «Редакция «Российской газеты»». 2019 // <https://rg.ru/2019/10/03/reg-urfo/na-urale-nachali-spytyvat-oborudovanie-dlia-zashchity-runeta.html>.

2. Достоевский Г. Госдума нашла нарушения закона со стороны «Медузы», Би-би-си и «Радио Свобода» // Daily Storm. 2019 // <https://dailystorm.ru/news/gosduma-nashla-narusheniya-zakona-so-storony-meduzy-bi-bi-si-i-radio-svoboda>.

3. Ежегодный доклад Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации (февраль 2018 г.) // Официальный сайт Совета Федерации ФС РФ. 2019 // <http://council.gov.ru/media/files/G6hNGZ3VbQNiMdZki1BKbrsvuRxPwim.pdf>.

4. Кефели И.Ф., Мальмберг С.А. Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета // Управленческое консультирование. 2019. № 1 (121).

5. Концепция информационной безопасности детей // Распоряжение Правительства РФ от 2 декабря 2015 г. № 2471-р. // <http://government.ru/media/files/mPbAMyJ29uSPhL3p20168GA6hv3CtBxD.pdf>.

6. Кучерявый М.М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2014. № 9 (69).

7. Мецерыкова А. Сравнение Доктрин ИБ РФ 2000 года и 2016 года // НвсФ ФГУП «НТЦ «Атлас»». 2017 // <http://www.atlas-nsk.ru/news/186>.

8. О Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России // Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ. СОЗД ГАС «Законотворчество». 2019 // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/778923-7>.

9. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ.РУ».

10. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Расторгуев С.П. Защищаться от информации бессмысленно // Интервью проф. С.П. Расторгуева на радио «Голос России». 2013 // <https://youtu.be/RUMAAJaXrhM>.

12. Результаты анализа сведений о выполнении мероприятий плана деятельности Роскомнадзора за 1 полугодие (2 квартал) 2019 года // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. 2019 // https://rkn.gov.ru/docs/docP_2550.pdf.

13. Powers Sh. Towards Information Sovereignty // BEYOND NETMUNDIAL: The Roadmap for Institutional Improvements to the Global Internet Governance Ecosystem. Philadelphia: Center for Global Communication Studies, 2014.

V.N. KURKOV
*Post-graduate of the Department
of Political Science and Political Administration,
Institute of Social Sciences, the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow, Russia*

STATE POLICY OF ENSURING INFORMATION SOVEREIGNTY OF RUSSIA: CURRENT STATE AND PROBLEMS

The article is devoted to the current problems of the Russian state policy in the sphere of information sovereignty. Mechanisms of counteraction of the prohibited information within system of various branches of the power are shown. By using the method of documents' analysis, the number of the main legislative initiatives in the mentioned sphere is considered. Besides the statistical data justifying the problematic nature of the situation are presented. Omissions in the sphere of ensuring the information and psychological component of the information sovereignty of the Russian Federation are noted, as well as number of appropriate response measures to the problem situation are presented. It is concluded that Russia currently has a legal framework to ensure sovereignty in the information sphere, which nevertheless require further improvement.

Key words: *information sovereignty, information security, national security, regulation of information space, ICT.*

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: КТО И КАК СТРОИТ НОВУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ РЕАЛЬНОСТЬ?

В статье выявлены ключевые аспекты теоретического осмысления цифровой экономики, определены наиболее значимые концепции цифровой экономики и современной экономико-политической среде. На примере анализа государственной политики и политической поддержки выявлены особенности развития цифровой экономики в России. Также автором разработаны мероприятия, направленные на оптимизацию политического аспекта развития цифровой экономики, который является определяющим в условиях современной геополитической неопределенности.

Ключевые слова: *цифровая экономика, глобальная конкурентоспособность, политические институты, государственная поддержка цифровизации, медиаконвергентность, транзакционные издержки, цифровые технологии.*

На современном этапе формирования мировых экономических связей без применения ресурсов научно-технического прогресса невозможно представить возведение стран и корпораций на конкурентоспособный уровень. Эффективность рыночных инструментов оптимизации бизнеса является определяющей в формировании глобальной конкурентоспособности [3].

Конкурентоспособность является определяющим критерием эффективности любого экономического субъекта. Уровнем конкурентоспособности определяются и мирохозяйственные позиции стран. Зарубежные и отечественные ученые не могут прийти к единому мнению касательно сущности понятия «международная конкурентоспособность страны», а также нет единства по определению его соотношения с другими различными взаимосвязанными категориями, такие как конкуренция, конкурентный статус, конкурентные позиции и конкурентные преимущества. Некоторые ученые даже утверждают, что на мировой арене конкурируют не государства, а корпорации, а после глобализации конкуренция между странами совсем исчез-

нет, что делает исследования конкурентоспособности стран бессмысленным. Но даже в условиях усиления тенденции глобализации, интеграции и регионализации в мировой экономике наблюдается не исчезновение конкуренции между государствами, а наоборот идет обострение, при этом конкурентная борьба приобретает новые формы своего проявления. Как известно, конкурентоспособность в общем определении – это владение субъектом определенными свойствами, которые дают ему возможность развиваться на инновационной основе и побеждать в конкурентной борьбе. Если субъект их не имеет, то не способен вступить в длительную конкурентную борьбу на соответствующем рынке.

Глобальную конкурентоспособность страны следует интерпретировать, как способность государства принимать активное участие в мировых экономических отношениях, создавая такую внутреннюю бизнес-среду, которая бы способствовала прогрессивному развитию конкурентных преимуществ отечественных экономических субъектов и формированию устойчивой позиции этой страны на мировых рынках, тем самым обеспечивая прозрачность экономического хозяйствования, высокий уровень жизни граждан, а также эффективность мировой торговли [7].

Основной инновацией развития мировой торговли является возникновение цифровой экономики. По мнению аналитиков, цифровая экономика играет одну из ключевых ролей в области достижения страной глобализационного лидерства, а также ее успешной интеграции в мировое хозяйство [14]. Именно поэтому повышается значимость развития данного направления цифровой деятельности.

Теоретическое осмысление цифровой экономики. Цифровые технологии в виде персонального компьютера и Интернета уже трансформировали труд, образование, управление, развлечения, досуг, породили новые рыночные возможности, обусловив существенные экономические последствия в широком диапазоне секторов. Возникновение новых цифровых инфраструктур, в том числе беспроводных сетей, мобильных устройств и технологий, способствует радикальному сдвигу в сфере информационных технологий, их интеграции во все проявления социально-политической и экономической жизни общества, формированию новой парадигмы международной экономики – цифровой. Развитие цифровой экономики в большинстве развитых стран, например, США, Канаде, Японии, Германии в последующие десятилетия – стратегическая цель. Цифровые технологии должны стать движущей силой инноваций и для российской экономической системы.

Идея «цифровой экономики» происходит от концепции, известной еще с 1960-х гг.: сначала это была теория Дэниела Белла об «информационной экономике», позднее трансформирована в понятие «сетевое общество» или «сетевая экономика» Мануэля Кастелла [11].

Дон Тапскотт первым предложил термин «цифровая экономика» [6]. Ученый воспользовался теорией нобелевского лауреата Рональда Коуза

Рисунок 1. Ключевые виды конвергенции, выделяемой в современной экономико-политической среде [8]

и заявил, что интернет сократит внутренние транзакционные издержки фирмы. В последствии изучения тенденция развития мировой экономики, можно он также отметить, что он сократил и координационные издержки.

Николас Негропonte описал цифровую экономику как «биты вместо атомов» [9]. В своей книге «Being Digital» основной новизной стало предложено специфической модели конвергенции. Модель основана на трех пересекающихся кругах, которые представляют собой три медиаотрасли (СМИ, средства связи и компьютеры). В результате слияния они образуют целостную единицу – новые медиа. Современный этап современного цифрового развития является следствием технических трансформаций, которые были приведены выше [10].

Понимание медиаконвергенции не ограничивается исключительно областью массмедиа. В разработку проблематики конвергенции внес высокий вклад профессор Генри Дженкинс. В своей статье [8] он пишет о том, что, говоря об конвергенции стоит разграничивать по меньшей мере пять ее видов и объясняет каждый из них (рисунок 1).

В России этому процессу пока не уделяется должного внимания, недостаточно глубины и масштаба осмысления. Поэтому в настоящее время существует не так много работ, в которых проведен комплексный, системный анализ данной проблематики.

Предпосылки и факторы развития цифровой экономики в России.

Современные экономические условия стимулируют инвестиции в цифровые преобразования, потому как развивающиеся рынки пытаются наращивать свой спрос на технологии, чтобы стимулировать дальнейший рост, а развитые рынки – ищут новые способы сокращения затрат и внедрения инноваций. Цифровые технологии выступают драйвером потребительского спроса и доходов, образования и профессиональной подготовки, а также эффективного использования капитала и ресурсов, что приводит к увеличению экономического роста, особенно на развивающихся рынках [13]. Эффективность международных инвестиций в современных условиях проявляется через скорость цифровых изменений и больших вложений государств и компаний в исследования и разработки инженерной робототехники, ИКТ, информатизации, облачных платформ, «больших данных» («big data», нано – и микросистемных технологий, возобновляемых источников энергии, механизмов хранения энергии и т.п.

Инвестиционные возможности глобальных ИТ-компаний (Informational technologies companies) растут более быстрыми темпами, чем ТНК, ориентированные на традиционные сектора экономики. Уровень доходности акций таких компаний, как Facebook, GOOGLE и AMAZON в 2016 г. составил 19 процентов и ожидается положительный тренд на текущий год. Быстрыми темпами растут доходы Exchange Trade Funds (далее – ETF) – биржевых фондов, которые инвестируют в базовые активы (акции, облигации, сырьевые фьючерсы, иностранная валюта и т.д.) и выпускают на них акции. По мере изменения стоимости активов, меняется и цена ETF. Глобальный рынок ETF контролируется тремя финансовыми структурами: BlackRock (iShares), Vanguard и State Street Global Advisors (SPDR ETF). По состоянию на середину 2016 года на эти организации приходится 70% мировых активов ETF. По данным Citigroup, совокупные активы под управлением этих фондов в США составляют около 2,5 трлн. долл. С 2000 года рост активов под управлением американских ETF составляла 2500%, а в 2016 году чистые приток денежных средств в ETF США составил 283 млрд. долл. При этом США доминируют на глобальном рынке ETF (80% активов) [1].

Согласно отчету World Development Report 2016: Digital Dividends, доля сектора ИКТ в ВВП составляет 6 процентов в странах-членах ОЭСР и значительно меньше – в развивающихся странах [15]. В Соединенных Штатах Америки, где действуют 8 из 14 крупнейших в мире по размерам дохода высокотехнологичных компаний, вклад сектора ИКТ в ВВП составляет около 7 процентов. Соответствующий показатель составляет 12 процентов для Ирландии. В Кении доля добавленной стоимости услуг ИКТ в ВВП составила в 2013 году 3,8 процента. В докладе Всемирного банка «Перспективы мировой экономики» анализируется замедление роста инвестиций в развивающихся странах, на долю которых приходится треть мирового ВВП

и около 75 процентов мирового населения и бедного населения мира. Рост инвестиций снизился, в среднем, с 10 процентов в 2010 году до 3,4 процента в 2015 году и еще на 0,48 процента в 2017 г. [12]. Основными факторами негативных тенденций стали: снижение цен на нефть (для стран-экспортеров нефти), замедление притока прямых иностранных инвестиций (для стран-импортеров биржевых товаров), а также, в более широком плане, – растущий уровень индивидуальной задолженности и политические риски. Экспертами прогнозируется улучшение показателей за счет внедрения ИКТ [2].

Под влиянием глобальной информатизации и применения ИКТ компании практически всех секторов экономики, в частности, телекоммуникаций, развлечений, средств массовой информации, банковского дела, розничной торговли и здравоохранения, изменили свои бизнес-модели. Искусственный интеллект, беспилотные автомобили, дополненная реальность являются наиболее перспективными в 2017 г. по уровню инвестирования. В исследования и развитие искусственного интеллекта инвестируют Apple, Facebook, Amazon, Google, Microsoft, Uber, ряд крупных фондов по всему миру. Компания Apple приобрела стартап Turi Inc. за 200 млн. долл., который занимается разработками в области искусственного интеллекта [1]. Также следует отметить, что более 20 частных компаний, работающих над развитием технологии искусственного интеллекта, были поглощены за последние 3 года такими корпорациями, как Google, Amazon, Apple, IBM, Yahoo, Facebook, Intel и с недавнего времени Salesforce [5].

Глобальное цифровое пространство динамично развивается под влиянием активной инвестиционной деятельности ведущих стран мира и агрессивной политики крупнейших ИТ-компаний мира [12]. Наблюдаются структурные сдвиги на рынке капитала, во-первых, тенденция роста инвестиций в глобальные проекты на основе формирования консорциумов и интеграционных группировок с участием стран-лидеров и стран, которые интенсивно развиваются. Во-вторых, глобальные инвестиционные потоки направляются, как на технологии «массового спроса» (интернет-игры, электронную коммерцию), так и на технологии хранения массивов баз данных, что ведет к монополизации глобальных компаний по уровню интеллектуального капитала и влияния на цифровое пространство. В-третьих, развитие глобального и локальных цифровых рынков создает благоприятные предпосылки для стран с высоким уровнем образования населения и уровня информатизации национальных экономик.

По нашему мнению, именно эти сдвиги будут иметь серьезные последствия для инвестиционной политики корпораций в последующие годы. Для работы на глобальном цифровом рынке новые конкуренты из развивающихся стран, не обремененные жесткой государственной политикой и мышлением традиционных западных фирм, отходят от иерархической модели построения компании сетевой структуры, которая является более

рыночной и органической. Отечественный электронный бизнес может сотрудничать с цифровым сообществом в сфере электронной коммерции, электронной таможи, электронного здравоохранения. А также в вопросах сетевой и информационной безопасности, кибербезопасности, электронной идентификации и доверительных услуг, цифровых навыков и продвижения инноваций, электронного правительства и открытых данных [4]. Оценка перспективных ниш и сегментов глобального цифрового рынка требует разработки новых методических подходов по прогнозированию доходности инвестиций и оценки инвестиционных рисков цифровых технологий.

Проблемы и перспективы развития цифровой экономики в России.

Результат экономического роста национального хозяйства обычно рассматривается как смещение кривой производственных возможностей, дающее возможность производить больший объем потребительских и инвестиционных товаров. Процесс такого расширения охватывает обычно все виды ресурсов, но важным моментом выступает повышение технологичности, совокупной производительности факторов.

Граница производственных возможностей определяется не только сочетанием потребительских и инвестиционных продуктов (предметов потребления и средств производства), но и прочими факторами, например, институциональными, а также инструментами экономической политики.

Эти моменты реже учитываются в моделях роста, особенно, когда сложившаяся хозяйственная структура детерминирует экономическую динамику, выступая своеобразным правилом перелива ресурсов в ней. При росте может происходить, например, сокращение национального богатства, что не отражается и самой границей возможностей, и многими моделями, описывающими экономическую динамику. Но самая важная детерминанта – это насколько ресурсы доступны для организации определенной модели роста, и с какой эффективностью они используются. Последнее обстоятельство связано с тем, каков текущий уровень технологичности экономики, хотя даже отстающие в технологическом смысле страны могут демонстрировать темп роста, превышающий темп роста развитых стран.

Это определяется вкладом иных факторов и секторов деятельности. В связи с этим прямой связи между величиной расходов на НИОКР (по доле в ВВП) и темпом экономического роста для ряда стран совершенно не обнаруживается. Часто именно качество связи факторов влияет на экономический рост, а не значение одного или двух каких-то факторов или условий. Технологические сдвиги влияют на перелив ресурсов между секторами и видами деятельности. Однако, инструменты экономической политики и вводимые институты также влияют на этот перелив. Так, в российской экономике на протяжении уже более двадцати лет наблюдается перелив ресурсов из обрабатывающих секторов в транзакционные (услуги, финансово-банковская деятельность) и добывающие секторы. Это явление происходит

с разной интенсивностью в различные годы, однако сохраняет свое определяющее для экономического роста значение. Таким образом, возникающая хозяйственная структура и институты, а также методы воздействия задают параметры данного явления перелива ресурсов, что сказывается на динамике системы.

В связи с этим, структурная политика, направленная на изменение экономических пропорций и базовых институтов способна, повлияет на качество и динамику экономики. Если темп роста низкий, то можно попытаться стимулировать совокупный спрос, в случае, когда он низкий, посредством стимулирования расходов, при сдерживании инфляции мерами денежно-кредитной политики. Однако, расходы канализируются по направлениям, определенным сложившейся структурой секторов и видов деятельности, без серьезного изменения пропорций, так что напрямую это не изменит характера распределения ресурсов в экономике.

Еще одним механизмом стимулирования спроса является расширение производственных возможностей, то есть, наращивание инвестиций, что позволит на следующих этапах развития расширить производственные мощности, создав условие для нового роста. Стимулы для бизнеса, снижение налогов и административных барьеров, снижение рисков обычно относят к методам стимулирования предложения.

Макроэкономическая политика роста за счет трансформации хозяйственной структуры должна напрямую влиять на формирование новых рынков и перелив ресурсов под них, а не ограничиваться задачей перераспределения текущего ограниченного ресурса по величине созданного продукта/дохода.

Основной целью структурной политики должно быть формирование секторов, создающих новые средства производства, на которых в дальнейшем будут производиться продукция конечного потребления, либо которые будут повышать качество управления, обслуживания, обработки и распределения информации и прочих услуг.

Компьютерная техника, телефония, телекоммуникационные системы, связь, применение программного обеспечения, системы автоматического управления, телемеханические системы и т.д. развиваются на базе цифровой технологии, дают множество преимуществ в решении многих задач, повышают оперативность оказываемых услуг, экономят время, порождают новые виды труда, функций, которые становятся имманентными в информационной экономике. Это приводит к расширению доли сектора услуг в валовом продукте, что само по себе означает структурный сдвиг в большинстве развитых экономиках.

При этом, доля промышленности и обрабатывающих секторов в среднем снижается (по вкладу в ВВП, а также по числу занятых), но процесс этот происходит за счет небывалого роста технологичности промышленности, при росте общего объема производства. Только некоторые страны,

такие как Индия и Китай, пока демонстрируют некоторое увеличение доля промышленности в своем ВВП, контролируя рост доли услуг, хотя внедрение цифровых технологий приобретает не меньший размах. Видимо, такое положение дел со временем, также будет изменено, при повышении доли науки, образования и услуг в создаваемом продукте, при одновременном росте технологичности промышленности и снижении ее доли за счет революционных технологических изменений.

Для организации новой модели экономического роста в России за счет изменения экономической структуры, требуется решить, как минимум, две центральные задачи:

1) осуществить развертывание высоко технологичных производств, создающих базис (в виде средств производства) для цифровой экономики;

2) в рамках государственной программы цифровизации, принятой в августе 2017 года сформировать мультиплицирующие цепочки производства, с обоснованным выделением ресурсов под них сразу с замещением импорта по целому набору поступающих в страну приборам и оборудования, компьютерной техники.

Заключение. По результатам проведенного исследования, можно сделать вывод, что структурная политика, которая будет научно-обоснованной может и должна сделать программу цифровизации в качестве основного ядра изменения экономической структуры, образующей новые факторы и мотивы экономического роста, но для этого требуется иной уровень подготовки аналитических решений, внедрения методов аналитического планирования, которые бы приводили к согласованному принятию и реализации различных программ развития, с точным расчетом ресурсов и эффективности их использования.

Уровень транзакционных издержек на одну полезную транзакцию, создающую единицу добавленной стоимости высоко технологичных производств (операций) должен стать наиболее важным показателем эффективности цифровизации, конечно, с учетом затрат на саму цифровизацию. Это потребует расчет так называемой полной хозяйственной эффективности разрабатываемых и реализуемых государственных программ развития. Важен также аспект того, кто владеет цифровыми производствами, как распределяется прибыль, и какая часть ее вывозится или реинвестируется в стране на развитие тех же цифровых технологий. Указанные моменты необходимо учитывать в рамках системы государственного планирования развития и организации нового роста в России. Вопросы роли политического аспекта в развитии цифровой экономики становятся определяющими в процессе трансформации политических институтов и института власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Главное на рынке акций // <http://www.invest-rating.ru/financial-forecasts/?id=6898>.

2. Доклад о мировом развитии – 2016. Цифровые дивиденды: обзор // <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf>.

3. Костин К.Б., Березовская А.А. Современное состояние и перспективы развития мирового электронного бизнеса // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 24. doi: 10.18334/гп.18.24.38563.

4. Цифрова економіка: структурні зрушення на міжнародному ринку капіталу. О.А. Джусов, С.С. Апальков. Міжнародні відносини Серія «Економічні науки», 2017.

5. Asia and Pacific: Building on Asia's Strengths during Turbulent Times / International Monetary Fund // World Economic and Financial Surveys. Regional Economic Outlook. 2016 // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2016/apd/eng/pdf/areo0516.pdf>.

6. Don Tapscott. (1995). The Digital Economy: Promise and Peril in The Age of Networked Intelligence, McGraw-Hill, 1995.

7. Human Development Report. 2017 // hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-report-en-1.pdf.

8. Jenkins H. Convergence? I Diverge // MIT Technology Review. 2001 // <http://www.technologyreview.com/article/401042/convergence-i-diverge/>.

9. Negroponte N. Being Digital. NY: Knopf, 1995.

10. Storsul T. Digitization and Media Convergence // The International Encyclopedia of Communication. 2008 // http://www.communicationencyclopedia.com/public/tocnode?id=g9781405131995_yr2013_chunk_g97814051319959_ss39-1.

11. The Concept of a «Digital Economy» // <http://odec.org.uk/the-concept-of-a-digital-economy/>.

12. Top global market trends and predictions for 2016 and beyond / KPMG // Key findings from KPMG's Global Sourcing Advisory 4Q2015 Pulse Survey. 2016 // <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2016/02/top-global-market-trends-and-predictions.pdf>.

13. The New Digital Economy. How it will transform business / Oxford Economics // A research paper produced in collaboration with AT&T, Cisco, Citi, PwC & SAP // <http://myclouddoor.com/whitepapers/The-New-Digital-Economy.pdf>.

14. UNCTAD (2004:61-94), E-Commerce and Development Report 2004, contains a comprehensive analysis of this matter.

15. World Development Report 2016: Digital Dividends // www.worldbank.org/en/publication/wdr2016.

N. KISEL
*Post-graduate student
of the comparative political science
department the Peoples' Friendship University
of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

DIGITAL ECONOMY: WHO AND HOW IS BUILDING A NEW ECONOMIC REALITY?

The article reveals the key aspects of theoretical understanding of the digital economy, identifies the most significant concepts of the digital economy and the modern economic and political environment. On the example of the analysis of state policy and political support the features of the digital economy in Russia are revealed. Also, the author has developed measures aimed at optimizing the political aspect of the digital economy, which is crucial in today's geopolitical uncertainty.

Key words: *digital economy, global competitiveness, political institutions, state support of digitalization, media convergence, transaction costs, digital technologies.*

УДК 32.323
DOI 10.35775/PSI.2019.52.12.011

И.А. БОГОМОЛОВ

*магистрант кафедры политического анализа и управления
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва*

К.А. ГАБДУЛЛИН

*магистрант кафедры политического анализа и управления
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва*

Д.В. ПЕРКОВА

*кандидат политических наук, директор
Информационно-аналитического центра
«Национальный диалог»,
Россия, г. Москва*

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данная статья посвящена особенностям молодежной политики в России, ее основным направлениям и перспективам реализации. Авторы исследуют данную социальную группу в качестве важнейшего объекта политического курса государства, а также анализируют взаимосвязь и взаимозависимость молодежной политики и обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: *государство, молодежь, социальные группы, молодежная политика, национальная безопасность.*

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [1; 2; 3; 5; 7; 8; 9].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Потенциал современной российской молодежи как социальной группы при непосредственном влиянии существующих в государстве политических и общественных сил и течений может быть как конструктивным, так и деструктивным, как в ущерб государственной безопасности в целом, так и самим представителям молодого поколения, в частности [6. С. 10-13].

Еще в начале текущего столетия, в Доктрине государственной молодежной политики 2002 г., представленной рабочей группой Госсовета РФ

на заседании расширенного Госсовета, с участием президента России была обозначена «особая роль молодежи в обеспечении национальной безопасности, конкурентоспособности и развития страны». Такой подход не только не потерял своей актуальности, а напротив, становится все более важным с точки зрения развития нашего общества и государства.

В частности, среди важнейших целей современной Российской Федерации можно назвать обеспечение своей глобальной конкурентоспособности, как решающего фактора национальной безопасности и успешного развития.

А это, в свою очередь, требует укрепления позиций нашей страны в контексте развития международных экономических отношений, мировой науке и технике, культуре и информации, в мировых коммуникациях и открытиях, изобретениях и инновациях, повышения привлекательности образа жизни, обеспечения достаточного уровня обороноспособности.

Согласно положениям указанного ранее документа, для эффективной реализации поставленных целей они должны быть понятны и поддержаны народом России, в том числе, и молодым поколением. «Во-первых, молодежь наследует достигнутый уровень развития общества и государства и уже сегодня формирует в себе образ будущего, несет функцию социального воспроизводства, преемственности развития общества.

Во-вторых, в силу объективных причин молодежь отличает несформированность ценностных, духовно-нравственных ориентиров и недостаток жизненного опыта, что увеличивает вероятность ошибочного выбора при принятии ответственных решений.

В-третьих, молодежь является главным участником социальной мобильности и экономической инициативы, ей присуще неполное включение в существующие социально-экономические и политические отношения.

В-четвертых, как и любая социальная группа, молодежь имеет собственные цели и интересы, которые не всегда полностью совпадают с целями и интересами всего общества.

В-пятых, молодые люди составляют основную часть кадрового состава силовых ведомств, отвечающего за обеспечение правопорядка и безопасности страны в целом» [4].

В действующих «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» предлагается следующее определение термина «государственная молодежная политика» – направление деятельности государственных институтов, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной

самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене» [10].

В связи с этим, с целью обеспечения и сохранения национальной безопасности страны, государственная молодежная политика должна отличаться последовательностью и эффективностью, направленной на формирование благоприятного социально-правового, экономического и общественно-политического климата для воспитания и самореализации молодежи с высоким уровнем правовой, политической культуры и гражданской ответственностью.

Основные функции в организации деятельности в русле противодействия идеологиям экстремизма и терроризма среди молодежи возложены на органы федеральной, региональной и муниципальной власти, занимающихся реализацией политического курса страны в сферах образования, культуры, межнациональных отношений, спортивного воспитания молодого поколения.

Кроме того, каждый год при участии сотрудников правоохранительных органов, научных, религиозных и общественных организаций проводится более 300 тысяч мероприятий, имеющих просветительскую и профилактическую направленность. Среди традиционных форматов – лекции, семинары, круглые столы, конференции и дискуссии, форумы и соревнования, открытые кинопоказы фильмов антиэкстремистского и антитеррористического характера. Подобные мероприятия, безусловно, имеют большое значение в контексте повышения духовно-нравственного иммунитета и формирования общегражданских принципов и ценностей, изложенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [12], и должны носить системный и целенаправленный характер.

Однако в условиях современного коммуникационного пространства, развития технологий и скоростей передачи информации, необходимо развивать и другие подходы и методы работы с молодежью, не принижая значение общепрофилактических мероприятий, проводимых вышеуказанными структурными подразделениями и организациями.

Некоторые исследователи относят молодежь в целом к потенциальной группе риска. Это объясняется тем, что в молодом возрасте происходит становление личности, у молодого человека расширяется круг знакомств и интересов, а в условиях стремительной информатизации и развития социальных сетей, целые группы молодых людей могут оказаться под негативным влиянием. Это происходит не только у детей из социально-неблагополучных семей, отдаленных регионов, где традиционно меньше возможностей для саморазвития. К сожалению, участниками террористических организаций или экстремистских движений (непосредственно угрожающих нацио-

нальной безопасности государства) становятся и молодые люди из крупных городов, социально обеспеченные и получающие образование.

Радикализация молодежи и связанное с ней применение насилия стали растущей проблемой и в Российской Федерации, и в Европе и в соседних регионах. Наблюдается рост радикальных идеологий, заявлений, случаев преступлений на почве ненависти и нападений на мигрантов и беженцев, пропаганды и насильственной ксенофобии, а также рост религиозного и политического экстремизма и террористических актов в Евразии в целом.

Существуют различные индивидуальные, реляционные, общественные и макросистемные факторы, а также возможности и траектории, которые могут повернуть молодежь к радикализации и применению насилия. Насильственная радикализация может происходить, когда молодые люди находятся под влиянием этноцентристских или других идеологий и течений или если они сталкиваются с социальной изоляцией и маргинализацией по различным причинам, включая, помимо прочего, более широкий политический контекст в своей стране и мире: бедность, безработицу и неполную занятость, инвалидность, отсутствие образования, расизм, дискриминацию по признаку этнической принадлежности, происхождения, религии, сексуальной ориентации и т. д., а также возникающие в результате этого вопросы об их социальной, национальной и этнической принадлежности, а также чувство несправедливости и разочарования из-за ограниченных возможностей.

Хотя экстремизм и радикализация, ведущие к насилию, сами по себе не являются новыми явлениями, их последствия для молодежи, а также для молодежного сектора были в центре внимания в российской общественной повестке в последние годы.

В настоящее время серьезной проблемой также является распространение так называемого «скулшутинга» (среди лидеров по количеству стрельбы учащихся в образовательных учреждениях находятся США). Однако начиная с 2015 года в России вооруженные нападения подростков на своих сверстников и преподавателей в школах стали повторяться неоднократно. Самые массовые потери (смерть 20 человек) были зафиксированы после стрельбы студента Керченского политехнического колледжа 17 октября 2018 года [11], а один из последних инцидентов произошел в Амурском колледже строительства и жилищно-коммунального хозяйства, в результате которого 2 человека погибли, а 3 были ранены. Стоит сказать, что подобные случаи имели большую географию, «скулшутинг» затронул практически каждый федеральный округ России.

Надо отметить, что среди причин этих трагедий не всегда можно выявить идеологическую, политическую или идейную направленность в целом, чаще всего, стрельбе предшествовали различного рода конфликты или противоречия с преподавателями или сверстниками, т.н. «травля» подрост-

ков со стороны одноклассников или одноклассников, противоправная доступность приобретения огнестрельного оружия и др.

Возникающие проблемы, связанные с экстремизмом и радикализацией, ведущей к насилию, выявили необходимость работы с молодыми людьми с целью предотвращения и устранения причин экстремизма, а также повышения моральной устойчивости молодежи, предотвращения маргинализации, содействия равенству, демонстрации созидательных альтернатив и укрепления сплоченности гражданского общества.

Среди мер по предупреждению подобных явлений можно назвать развитие профилактической работы социологической, психологической и профориентационной направленности, процедур школьной и студенческой медиации (альтернативного урегулирования споров и конфликтов), а также необходимо предлагать новые и эффективные варианты для самореализации молодых людей: на основе инновационных цифровых платформ, программ по стажировкам и волонтерству, приобщения молодых людей к любым формам созидательной деятельности и занятости.

Основными сложностями в такой работе являются высокая скорость распространения негативной информации и отрицательных примеров в современных коммуникационных системах, невозможность эффективного отслеживания подобной информации, а, как следствие – невозможность предупреждения преступлений такого рода, латентный характер многих бытовых конфликтов, недостаток компетентных специалистов, способных сформировать атмосферу доверительного отношения у молодежи и не ограничивающих вместе с тем их возможности для личного развития, а также отсутствие должной финансовой поддержки в сфере профилактической работы.

В современной России нет общего подхода к формированию нормативно-правовой базы, в которых находили бы полное отражение вопросы государственной молодежной политики. Особую тревожность вызывает факт отсутствия основного федерального закона в данной сфере. Несмотря на долгий процесс обсуждения различных проектов такого закона в российском парламенте, в настоящий момент его не существует, и нет уверенности, будет ли он принят в ближайшей перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Болтенкова Л.Ф., Степанов В.В. Федеральные государственные органы в системе духовно-нравственного воспитания молодежи // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 3.
2. Болтенкова Л.Ф., Смирнова С.К. Формы воспитательной работы среди молодежи в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. № 1 (24).

3. Головки Ю.М. Развитие государственной политики в разрезе участия региональных молодежных политических элит // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. № 4 (27).

4. Доктрина государственной молодежной политики будет представлена рабочей группой Госсовета в ноябре этого года. 11.09.2002 // <https://ria.ru/20020911/222758.html>

5. Кирюхина Е.Ю. К проблеме этнической идентификации молодежи в современной России: политическая социализация и инкультурация // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. № 2 (25).

6. Кузнецов В.В. Государственная молодежная политика в системе безопасности страны. Издательство: Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 2016. № 3.

7. Мальшев В.В. Геополитический экстремизм как угроза национальной безопасности России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. № 3 (26).

8. Нигматуллина Т.А. Формирование потенциала молодежи в новой системе социокультурных координат // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2.

9. Нигматуллина Т.А. Патриотическое воспитание молодежи в системе государственной политики: идеологическое многообразие // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 3.

10. Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>

11. Случаи стрельбы в российских школах. Хронология // <https://tass.ru/info/7114399>

12. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

I.A. BOGOMOLOV

*Master student of the Department
of Political Analysis and Management
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

K.A. GABDULLIN

*Master student of the Department
of Political Analysis and Management
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

D.V. PERKOVA

*Candidate of Political Sciences,
Information and Analytical Center
«National Dialogue»'s Director,
Moscow, Russia*

TO THE QUESTION OF THE INTERRELATION OF STATE YOUTH POLICY AND NATIONAL SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article is devoted to the features of youth policy in Russia, its main directions and perspectives for implementation. The authors examine this social group as the most important object of the state's political course, and also analyze the interrelation and interdependence of youth policy and national security.

Key words: *state, youth, social groups, youth policy, national security.*

ФАКТОР ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ТАРГЕТИНГА: В КОНТЕКСТЕ КОНКУРЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ УКРАИНЫ

В рамках статьи осуществляется ретроспективный анализ успешных и неудачных коммуникационных практик и стратегий в контексте управления элитой Украины актуальной политической повесткой. Автором выявляются и специфические особенности географического таргетинга в контексте рассмотрения проблематики конкуренции, а также сотрудничества ключевых групп и коалиций украинской элиты. Формулируются основные подходы к электоральным кампаниям ведущих политических партий и их лидеров, на основании чего дается комплексная оценка эффективности предпринятых PR-инициатив, включая избранные слоганы, использованные стратегии позиционирования, а также публично заявленные политические акценты.

Ключевые слова: *Украина, политическая элита Украины, политический транзит, геотаргетинг, электоральные циклы, фрагментация элит, «Оранжевый лагерь».*

Так называемый «бесформенный плюрализм», как подтип гибридных политических режимов, описанный видным американским политологом Томасом Карозерсом в целом, а также адаптированный исследователем Цыплаковой Е.П. [4. С. 338-344]. для политических реалий Украины исключает общенациональную поддержку для политических лидеров и/или партий.

Таким образом, в рамках повестки дня особую актуальность приобретает географический таргетинг, то есть концентрированные политические месседжи для конкретных регионов, а не для всей страны в целом.

Важно отметить, что второй украинский Президент, Л.Д. Кучма стал де-факто последним лидером в истории суверенной Украины, что в рамках электоральных циклов не делал осязаемого акцента на конкретные регионы страны, хотя и являлся уроженцем одного из ключевых промышленных центров страны, города Днепропетровска.

С другой стороны, именно в период президентства Л.Д. Кучмы (1994-2005) в силу роста влияния альтернативных игроков сложились необходимые предпосылки для неформального распада Украины на несколько электоральных субрегионов, что, в свою очередь, будет иметь решающее значение на всех Президентских и Парламентских выборах как второй половины 2000-х, так и периода второго десятилетия XXI века.

Как отмечали и российско-украинский политолог Станислав Белковский, и российский политический технолог Алексей Ситников: для Украины важнее географический таргетинг [4] нежели целевое продвижений посылов, ориентированных, например, на конкретные социальные группы украинского общества (*Военные/Пенсионеры/Молодежь/Интеллигенция* и так далее).

Обозначенный выше тезис может быть подтвержден, в том числе через анализ президентской гонки 2004-2005 годов: в рамках этой кампании особенно наглядно проявилось, что опора на избирателей из конкретных групп вторична по отношению к нарастающему противостоянию субрегионов и их кандидатов: с одной стороны, юго-восток Украины, представленный Виктором Януковичем, а с другой стороны, украинское Правобережье, в том числе Западная Украины, ориентированная на Виктора Ющенко [4. С. 338-244].

Основной меседж Виктора Януковича был размыт, что открывало возможности для политического заигрывания с различными представителями электората.

Но кампания Януковича проходила в условиях существования стойкого консенсуса, что последний не станет демонтировать политико-экономическое наследие времен президентства Леонида Кучмы, как следствие, его победа будет отчасти «третьим Кучмовским сроком» с точки зрения сохранения статус-кво во внутренней и внешней политики.

В свою очередь, альтернативный кандидат Виктор Ющенко успешно позиционировал себя как политического лидера, идущего на высший пост с конкретным меседжем.

В наиболее общей форме политический посыл Виктора Ющенко предполагал форсирование евроатлантического пути Украины, что должно было быть реализовано в виде вступления страны в Североатлантический Альянс с одной стороны и в Европейский Союз с другой стороны [2. С. 52-55].

Ведущий политический журналист Украины Татьяна Николаенко резюмировала, что кампания 2005 года, в том числе стала окончательным становлением Юлии Тимошенко политиком всеукраинского масштаба [1].

Примечательно и то, что в среднесрочной политической перспективе рейтинг Тимошенко не только обойдет рейтинг оранжевого лидера, Виктора Ющенко, но и приблизится к рейтингу Леонида Кучмы на пике популярности последнего (1) (1999 и 2002).

Обозначенное выше имеет особое значение с точки зрения формирования тренда на распад «Оранжевого Лагеря» и, как следствие, перераспре-

деление его ядерного электората между ключевыми акторами: Виктором Ющенко, Юлией Тимошенко, Юрием Луценко, а также впоследствии и Арсением Яценюком.

Уже к парламентским выборам 2007 года Юлия Тимошенко вошла в гонку за Верховную Раду как фаворит, в то время как, например, некоторые ранее популярные партии левого спектра, «Коммунистическая Партия Украины» Петра Симоненко и «Социалистическая Партия Украины» (2) Александра Мороза, не без оснований опасались не преодолеть даже трехпроцентный барьер.

Антивоенная риторика с одной стороны и жестко сформулированный курс на уничтожение элитарной и бытовой коррупции с другой стороны был симпатичен настолько большому количеству людей, что Тимошенко стала уникальным политическим лидером, что набирала миллионы голосов украинских избирателей без осязаемой привязки к региональной повестке: за «Блок Юлии Тимошенко» в 2007 году, например, активно голосовала промышленная, преимущественно русскоязычная Кировоградская область, не менее высокие результаты имели место и в украинской столице, Киеве.

Видный украинский политический технолог Сергей Гайдай фиксировал, что украинские матери, весьма многочисленная социальная группа, что регулярно ходит на избирательные участки, например, выступает за безусловное нивелирование института призыва, доставшегося суверенной Украины в наследство от ранее существовавшей советской военной доктрины и, в свою очередь, Юлия Тимошенко как кандидат давала прямые обещания ликвидировать этот советский рудимент в пользу формирования вооруженных сил Украины именно на контрактной основе.

Другой примечательный кейс в этой связи – это появление фольклорной косы как специфической черты визуального имиджа Юлии Тимошенко: как отмечал политтехнолог Алексей Ситников инкорпорации косы в образ Тимошенко была частью кампании по некоторому уменьшению сексуальности кандидата ради формирования стойких ассоциаций между Украиной с одной стороны и лидером «БЮТ» с другой стороны [3].

В конце концов, на выборах в Верховную Раду Украины «Блок Юлии Тимошенко» даже несмотря на прямую конкуренцию с другой прооранжевой политической силой «Наша Украина – Народная Самооборона» Юрия Луценко набрал более 30%, что конвертировалось в 156 мандатов. Единственная политическая партия, набравшая больше голосов в рамках кампании 2007 года – это «Партия Регионов» (34.37%/175 мандатов).

С одной стороны, обозначенная выше победа была следствием плеяды левых обещаний [1]: роста заработных плат работников бюджетной сферы, рост стипендий студентов, рост пенсий, а также статус «русского языка» как второго государственного в Украине и курс на децентрализацию в пользу местного самоуправления.

Особое место в политической пропаганде «регионалов» занимал вопрос о выплатах украинским семьям за рождение второго и последующих детей, который был реализован в урезанном формате уже после электорального цикла.

Во внешней политике «регионалы» обещали поддерживать баланс между Российской Федерацией, Европейским Союзом и Соединенными Штатами.

С другой стороны, успех «Партии Регионов» не являлся триумфом, набранного количества депутатских мандатов не хватало для безапелляционного продвижения собственных инициатив, что не могло не подрывать доверие к партии и ее лидеру, Виктору Януковичу, в целом.

Выборы Президента Украины 2010 года были по степени политической интриги сопоставимы с кампанией 2005 года, хотя исходные данные отличаются: так, например, мировой финансовый кризис 2008-2009 годов серьезно ударил по престижу оранжевой элиты, особенно сильно упал рейтинг Президента Виктора Ющенко, нейтрализовав его как возможного кандидата на переизбрание.

Относительно низкий рейтинг не остановил третьего Президента Украины, Виктора Ющенко, от участия в гонке, однако фаворитом от «оранжевого лагеря» была все же Юлия Тимошенко, занимающая на момент старта президентской гонки пост премьер-министра страны.

Как отмечал видный политический технолог Сергей Гайдай для кампании Юлии Тимошенко существовали так называемая «сельская» (3) и «молодежная» (4) стратегии.

Кандидат от «Партии Регионов» Виктор Янукович и его глава избирательного штаба Джон Пол Манафорт Младший для нейтрализации части электората Тимошенко запустили кампанию с предложением «голосовать против всех»: расчет Манафорта был на то, что от иссушения явки Юлия Тимошенко потеряет намного больше голосов, чем кандидат от «регионалов» (5), так как в решающий момент мобилизационные возможности команды Януковича в полной мере компенсируют заниженную явку на избирательные участки.

По итогам президентских выборов украинский политолог Дмитрий Выдрин и технолог Алексей Ситников, руководивший PR-кампаниями Тимошенко в конце 1990-х и начале 2000-х отмечали, что поражение Тимошенко, хоть и не фатальное, было следствием другого провала, а именно не вполне удачного курса на наращивание нового электората [3].

С другой стороны, с высоты второго десятилетия XXI века представляется, что противостоять иссушению явки, форсированную Манафортом можно было только актуализацией качественно новой повестки, но последняя ни только не была навязана оппонентам, но даже не была сформулирована, Юлия Тимошенко предпочитала комфортную для нее среду поступательной популистской кампании, а не комплексную конкуренцию в области противостояния смыслов и идей.

Исходя из обозначенного выше можно сформулировать следующие выводы: кампании 2005, 2007 и 2010 годов стали наглядной демонстрацией того, что географический таргетинг, акцент на привлечение электората из конкретных субрегионов Украины, сопоставим по своему значению с традиционными политическими месседжами, рассчитанными на какие-либо социальные группы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Около 59% (по данным Института Социологии Национальной Академии Украины) // <http://i-soc.com.ua/>

(2) «Социалистическая Партия Украины» так и не сумела преодолеть трехпроцентный барьер, набрав лишь 2.8%.

(3) «Сельская» стратегия продвигалась Александром Турчиновым и основывалась на прямом и косвенном подкупе сельских жителей: старосты должны были получить не менее 1000 долларов, а жителям предполагалось активно раздавать акты на землю.

(4) В свою очередь, «молодежная» стратегия предполагала всеукраинский тур со звездами эстрады Украины с посещением всех крупных городов, даже тех, что традиционно голосуют за «Партию Регионов». Именно эта стратегия была избрана как основная. Избранные слоганы «Она работает!» и «ТигрЮля».

(5) Победа в рамках президентской кампании 2010 года досталась все же Виктору Януковичу который на 10% обошел Юлию Тимошенко в первом туре, набрав более 35%, а также на 3% во втором туре, заполучив 48.9%.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Гельман В.Я.* Украина: фрагментированное пространство // СССР после распада / под общей редакцией О.Л. Морганя. СПб.: экономическая школа, 2007.

2. *Ефремов Д.И.* Перспективы российско-украинских отношений в условиях глобальной нестабильности // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. 2019. № 1.

3. *Ситников А.П.* Политический консалтинг. Харьков: «Знания», 2011.

4. *Цыплакова Е.П.* Особенности украинской и российской политической элиты // Известия РГПУ им. Герцена. 2009. № 2.

D.I. YEFREMOV
*Post-graduate of the Financial University
under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

GEOTARGETING AS FACTOR: IN COMPETITION OF THE UKRAINIAN ESTABLISHMENT

The article provides a retrospective analysis of successful and unsuccessful communication practices and strategies in the context of managing the political elite of Ukraine on the current agenda. The author reveals the specific features of geographical targeting in the context of examining the problems of competition, as well as the cooperation of groups of key groups and coalitions of the Ukrainian elite. The main approaches to the electoral campaigns of leading political parties and their leaders are formulated, on the basis of which a comprehensive assessment of the effectiveness of the undertaken PR initiatives is given, including selected slogans, used positioning strategies, and publicly announced political accents.

Key words: *Ukraine, Ukrainian Establishment, political transit, geo-targeting, electoral circles, elite's fragmentation, the Camp of «Orange».*

магистрант кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток

магистрант кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток

магистрант департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТА» ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ГРАЖДАН

На сегодняшний день виртуальная сеть «Интернет» стала неотъемлемой частью нашей жизни. При помощи Интернета люди узнают новости, делятся информацией с окружающими, общаются, совершают покупки и т.д. Это приводит к тому, что значительную часть времени люди проводят в виртуальной сети и если политические силы хотят быть услышанными и понятыми, то им необходимо также использовать Интернет. В статье рассматривается проблема использования политического аспекта интернет-технологий как инструмента борьбы в избирательной гонке, а именно как способа влияния на электоральные предпочтения граждан. Анализируется содержание термина «электоральные предпочтения», доказывается его тесная связь с понятием «политическая культура», проводится сравнительный анализ подходов к термину «политическая культура». Рассматриваются свойства виртуальной сети «Интернет», особенности «политического интернета», его преимущества перед традиционными СМИ. Делается вывод о том, что благодаря уникальным свойствам «политического интернета», он является качественным инструментом для формирования и изменения ценностных ориентаций индивидов в политической сфере, и максимально эффективно может быть использован политическими силами именно во время избирательного процесса.

Ключевые слова: избирательный процесс, интернет-технологии, политический интернет, электоральные предпочтения, политическая культура.

Сегодня «Интернет» стал полноценной частью нашей жизни. Согласно результатам исследования агентства Pingdom, за июнь 2017 г. в мире было 1,98 млрд Интернет-пользователей, что говорит о росте на 14% за год. Больше всего пользователей насчитывается в Азии – 826 млн. Затем идут Европа – 475 млн, Северная Америка – 266 млн и Латинская Америка – 204 млн. Меньше всего пользователей сети Интернет в Австралии и Океании – 21 млн [3].

На 2018 год доступ в Интернет имеют 49% населения земного шара, то есть более 3,5 млрд человек.

В течение 2016 г. пользователи просматривали ежедневно в среднем около 2 млрд видеороликов на сервисе YouTube, загружая на этот сайт более 35 часов видеоконтента в минуту. На Facebook ежемесячно загружают около 20 млн видеороликов.

Также исследователи подсчитали, что на крупнейшем фотохостинге Flickr уже хранится более 5 млрд фотографий, а ежеминутно загружается на сайт по 3 тыс. новых изображений [3].

Вышеперечисленные факты доказывают, что виртуальная сеть «Интернет» становится наиболее эффективным средством массовой коммуникации, и поэтому политические силы стремятся использовать возможности «Интернета» в избирательной борьбе.

Целью данной работы является рассмотреть возможность использования политического интернета для влияния на электоральные предпочтения граждан.

Термин «электоральные предпочтения» является частью понятия «политическая культура» и поэтому, чтобы точнее определить понятие «электоральных предпочтений», необходимо сначала разобраться с термином «политическая культура».

Впервые данное понятие было введено в науку немецким ученым И.Г. Гердером в его работе «Идеи к философии истории человечества». Самыми известными исследователями феномена «политической культуры» принято считать М. Вебера и О. Шпенглера [1]. В российскую науку данный термин принес В. Герье. На сегодняшний день в политической науке, существует более 40 определений этого термина и нет единой точки зрения, каковы основные элементы и функции политической культуры. Рассмотрим три основных подхода к пониманию термина «политическая культура».

Первый подход – марксистский. Данный подход базируется на том, что каждая общественно-политическая формация имеет свойственную ей политическую культуру. Например, в буржуазном социуме политическая культура маскирует частные интересы буржуазии и выдает их за общественные. А политическая культура в социалистическом обществе, наоборот, подчиняет частные интересы общественным.

Второй подход – интерпретативный. Суть данного подхода заключается в поиске смыслов политической жизни. Ключевыми категориями полити-

ческой культуры в рамках данного подхода являются символы и смыслы, а предметом являются фундаментальные представления, которые являются основанием для этих символов и смыслов. При определении сути политической культуры с точки зрения данного подхода речь должна идти о сфере политики в целом, от смысла социального существования и основных социальных приоритетов и до актуальных вопросов современных политических процессов [1].

Третий подход – поведенческий, основанный Г. Алмондом. Он рассматривал политическую культуру как совокупность скрытых и явных ориентаций на политическое действие, которая отражает особенности конкретной политической системы. По мнению Алмонда, политическая система является двухуровневой. На первом уровне находится реальная структура общества, на втором – формы ориентаций на определенные структуры. Именно второй уровень тесно связан с политической культурой [1]. Данные виды ориентаций делятся на три группы:

1) познавательные (информация о политической системе, ее акторах функциях и т.д., ее субъектах и т.д.);

2) эмоциональные (чувственное отношение к этой системе, ее субъектам и т.д.);

3) оценочные (суждения о субъектах и элементах политической системы, базирующиеся на ценностных представлениях индивида и имеющихся познавательных и эмоциональных ориентациях).

По мнению А. Боднера, политическая культура представляет собой как общность ориентаций и позиций участников политической системы, так и субъективная сфера, которая является фундаментальным основанием электорального поведения избирателей. Оно включает в себя несколько различных видов ориентаций индивидов: знания о политических объектах и идеях, связь с политическими объектами, т.е. противодействие, вовлечение и т.д. по отношению к ним, а также оценочные суждения избирателей об элементах политического и избирательного процесса [2]. В данном подходе сделан акцент на изучение субъективного контекста политики. Такой подход является предпочтительным для исследования, т.к. субъективное мнение, оценки, ориентации избирателей могут быть эффективно изучены при помощи инструментов прикладной политологии, что дает возможность наблюдать динамику изменений электоральных предпочтений индивидов.

Рассуждая о ценностных ориентациях избирателей, необходимо понимать, относятся те или иные ориентации к «входу» в политическую систему или к «выходу». «Вход» в политическую систему – это процесс коммуникации между обществом и политическими силами, в рамках которого формируется общественный запрос на определенные изменения, политические решения, и в соответствии с ними различные партии и группы интересов получают поддержку. «Выход» – это принятые акторами, на-

деленными властью, определенные решения и действия, их последствия и реакция общества как на сами решения и действия, так и на их последствия. Электоральные предпочтения связаны со «входом» в избирательную систему. При входе под влиянием программ, тезисов кандидатов, партий, групп поддержки и т.п. формируются типы электоральных предпочтений, базирующиеся на системе ценностей индивидов, социальных и этнических групп, которые оказывают влияние на принятие решений по поддержке того или иного кандидата и той или иной партии. При выходе из избирательной системы подтверждаются итоги реализации политических решений. Электоральные предпочтения включают в себя знания о кандидатах, партиях, их программах, а также ценности, эмоции и ориентации, которыми объясняется электоральное поведение граждан до выборов и на выборах непосредственно. Электоральные предпочтения включают в себя только те ориентации, которые определяют позиции граждан в избирательном процессе, то есть именно от предпочтений граждан зависит поддержка того или иного политического решения и той или иной политической силы, что особенно важно во время избирательного цикла. Именно поэтому политические силы стремятся различными способами повлиять на электоральные предпочтения граждан.

В сравнении с традиционными средствами массовой информации виртуальная сеть в качестве средства коммуникации имеет целый ряд преимуществ. Интернет имеет такие свойства как: динамичность, коммуникационная многофункциональность, интерактивность, мультипрезентативность, высокая гибкость, неподцензурность, контроль над получением информации и ее поиском, возможность различных «запросов», т.е. не линейный поиск информации, сравнительная дешевизна, оперативность, высокая скорость получения информации, а также ее распространения, внимание со стороны традиционных СМИ.

Довольно сложно четко определить рамки политического аспекта Интернет-технологий. Кроме того, так как сами Интернет-технологии подразумевают прежде всего способы создания и поддержания в работоспособном режиме различных сервисов, а термин «политический аспект» подразумевает властные субъект-субъектные отношения в каком-либо виде, следовательно, политические Интернет-технологии – это способы оказания влияния на индивидов при помощи данных сервисов, что значительно отличается от исконного понятия «Интернет-технологий». Чтобы избежать данного противоречия необходимо обратиться к существующему в политической науке термину «политический Интернет» [4] и поставить знак тождества между этим понятием и понятием «политических Интернет-технологий».

Н.В. Соленкова дает следующее определение термина «Политический Интернет» – это часть современного информационного пространства, важная составляющая глобальных социально ориентированных электронных

сетей, вбирающая в себя информационно-коммуникационные ресурсы политической направленности» [4].

Таким образом, политический интернет представляет собой новейший вид цифрового средства массовой коммуникации в политической сфере, главной особенностью которого является принцип обратной связи и полная децентрализация функции генерации контента. Именно благодаря двум этим особенностям «политический интернет» выступает ресурсом политической борьбы, так как позволяет принять прямое участие в конкуренции как политическим акторам, так и обычным пользователям сети на одном уровне.

В большинстве своем исследователи говорят не о политических функциях Интернета, а либо о политических функциях конкретного элемента Интернета (например, о политических функциях сайта), либо о политических функциях Интернета относительно какого-то субъекта политики (например, функции Интернета в деятельности партийных элит). Таким образом, набор политических функций Интернета и характер их взаимосвязи может варьироваться в зависимости от различных параметров.

По мнению автора, у виртуальной сети есть своя, особая роль в воздействии на практическую сторону политики в соответствии с действиями заинтересованных групп. В отличие от традиционных СМИ, благодаря особенностям Интернета, в сети представлено большее количество заинтересованных групп и политических сил. Исходя из этого выделяются следующие функции политического интернета: информационная, коммуникационная, функция формирования общественного мнения, политико-интегративная, политико-мобилизационная, функция политической социализации, политико-рекламная, политико-имиджевая, манипулятивная функция, функция контроля за проведением избирательных кампаний. Подход к политическому Интернету как к определенной системе, состоящей из элементов и, в свою очередь, включенной в другие, более крупные системы, ставит перед необходимостью определения структуры политического Интернета.

Таким образом, «политический интернет» способен оказывать влияние на реальную политику. Если посредством информационных ресурсов сети Интернет, к которым мы можем отнести сайты политических партий, движений или отдельных кандидатов либо лиц, уже занимающих государственные должности или находящихся на государственной службе, аккаунты политических акторов в социальных сетях, поисковые системы, такие как Google или Yandex, популярный видеохостинг «Youtube» и различные Интернет-проекты, формировать позитивное или негативное отношение пользователей виртуальной сети к определенной политической силе, то это отношение сохранится и вне виртуальной сети и окажет влияние на электоральные предпочтения граждан, которые и являются пользователями «Интернета».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Будаева Д.Ц. Электоральное поведение и электоральные предпочтения как элементы политической культуры / Д.Ц. Будаева, Е.Ю. Черкун // Вестник БГУ. 2015. № 6.
2. Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1990.
3. Интернет-технологии // Сайт Tadviser. 23.05.2017 // <http://www.tadviser.ru/index.php/%82>.
4. Соленикова Н.В. Политический Интернет в российских избирательных кампаниях тенденции развития // Общественные науки и современность. 2007. № 5.

D.D. PROKOPCHUK

*Master Student of the Department
of International Relations, Far Eastern
Federal University, Vladivostok, Russia*

R.A. GRITSENKO

*Master Student of the Department
of International Relations, Far Eastern
Federal University, Vladivostok, Russia*

A.A. DELGADO

*Master Student of the Department
of History and Archeology, Far Eastern Federal
University, Vladivostok, Russia*

FEATURES OF USING THE “POLITICAL INTERNET” TO FORM THE ELECTORAL PREFERENCES OF CITIZENS

Today, the virtual network «Internet» has become an integral part of our lives. With the help of the Internet, people learn news, share information with others, communicate, make purchases, etc. This leads to the fact that most of the time people spend in a virtual network, and if political forces want to be heard and understood, then they also need to use the Internet. The article considers the problem of using the political aspect of Internet technologies as an instrument of struggle in the election race, namely as a way of influencing the electoral preferences of citizens. The content of the term “electoral preferences” is analyzed, its close relationship with the concept of “political culture” is proved, a comparative analysis of approaches to the term “political culture” is carried out. The properties of the virtual network «Internet», the features of the «political Internet», its advantages over traditional media are considered. It is concluded that due to the unique properties of the “political Internet”, it is a high-quality tool for forming and changing the value orientations of individuals in the political sphere, and can be used most effectively by political forces during the election process.

Key words: *election process, Internet technologies, political Internet, electoral preferences, political culture.*

УДК 32.323

DOI 10.35775/PSI.2019.52.12.014

С.В. ЛЬВОВ

*кандидат социологических наук,
директор по стратегическому развитию
Всероссийского центра исследования
общественного мнения,
Россия, г. Москва*

А.А. МАКСИМОВА

социолог-аналитик, Россия, г. Москва

Н.А. ТЮКОВ

*кандидат исторических наук,
исполнительный директор Центра
общественно-политических проектов и коммуникаций,
доцент кафедры социально-политических
исследований и технологий Московского педагогического
государственного университета, Россия, г. Москва*

В.Л. ШАПОВАЛОВ

*кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры социально-политических
исследований и технологий Московского педагогического
государственного университета, Россия, г. Москва*

ЦЕННОСТНЫЙ ПРОФИЛЬ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ И МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ¹

В статье представлены результаты исследования гражданских, личностных и профессиональных ценностей студентов педагогических вузов и молодых учителей как фактора формирования политической идентичности учащихся. Исследование было проведено в Москве и ряде российских регионов. Были использованы следующие исследовательские методы: групповые и индивидуальные интервью. В качестве респондентов выступали студенты направления педагогических направлений подготовки московских педагогических вузов и молодые преподаватели московских школ в возрасте до 25 лет. Результатом исследования является создание ценностного профиля будущих педагогов.

¹ Статья подготовлена в рамках совместного гранта РФФИ и АНО ЭИСИ № 19-011-31306 «Гражданские, личностные и профессиональные ценности будущих педагогов как фактор формирования политической идентичности новых поколений в России».

Ключевые слова: политическая идентичность, гражданские, личностные и профессиональные ценности, ценностные ориентации, ценностный профиль, карта ценностей.

В данной статье представлены результаты исследования «Гражданские, личностные и профессиональные ценности будущих педагогов как фактор формирования политической идентичности новых поколений в России», проведенного в апреле-декабре 2019 г.

Проблема анализа индивидуальных ценностных ориентаций в контексте формирования общегосударственной политической идентичности является предметом серьезного интереса со стороны исследователей. Высокая степень изученности характерна для анализа вопроса восприятия населением, определенными социальными группами политических процессов в современной России [2; 8; 9; 10; 11].

Большой интерес у отечественных и зарубежных исследователей традиционно вызывает изучение особенностей политики идентичности в России и других странах постсоветского пространства [1; 6; 7]. Значительное внимание отечественных ученых было привлечено молодежному аспекту формирования политической идентичности в России [4; 5; 12].

Вместе с тем необходимо отметить отсутствие работ по проблематике ценностных ориентаций будущих педагогов, влияния ценностей студентов педагогических вузов на формирование политических представлений будущих поколений. Это обуславливает необходимость научной разработки данной темы.

Целью исследования являлась оценка готовности и способности студентов педагогических вузов и молодых учителей в возрасте до 25 лет выступать проводниками морально-этических и идейных установок, включающих ценности, символы и смыслы общероссийской политической и исторической идентичности, лично соответствовать предлагаемым школьникам моделям поведения исходя из личностных, профессиональных и гражданских ценностных ориентиров.

Эмпирическую базу исследования составили результаты качественных социологических исследований, проведенных среди студентов бакалавриата и магистратуры педагогических высших учебных заведений; учителей государственных средних образовательных школ со стажем работы от 1 года до 5 лет. Возраст участников – от 18 до 25 лет. В рамках исследования было проведено 16 фокус-групп и 64 глубинных интервью. География исследования охватывала Москву и регионы, являющиеся локальными центрами подготовки педагогических кадров (Кемерово, Ставрополь, Ростов-на-Дону, Таганрог, Тула).

Выборка респондентов осуществлялась по уровню вхождения в профессию: студенты бакалавриата I-II курсов, студенты бакалавриата III-IV курсов, студенты магистратуры, молодые учителя.

Одной из задач исследования стало выявление ценностного профиля молодых и будущих педагогов, оценка его влияния на потенциальную стратегию работы в школе с точки зрения эффективности трансляции гражданских и личностных ценностей.

Для определения совокупного ценностного профиля (см. рис. 1.) будущих и молодых педагогов всем участникам исследования было предложено тестовое задание, в рамках которого требовалось оценить по 10-балльной шкале («0» – минимальная оценка, «10» – максимальная оценка) значимость шести основных ценностей: Свобода (свобода, смелость, риск, готовность нарушать устоявшиеся нормы и традиции), Успех (борьба за успех, признание, положение в обществе, влияние, власть), Порядок (порядок, здравый смысл, расчет, стремление к пунктуальности, законопослушность), Безопасность (безопасность, одобрение общества, традиции, стремление к стабильности), Комфорт (бытовой комфорт, материальное благополучие, стремление к удовольствиям, развлечениям, беззаботному образу жизни), Творчество (творчество, созидание, новаторство, стремление к переменам, к исследованию окружающего мира, создание новых идей и решений (креативность), прогресс)¹.

Оценки участников исследования позволили оценить их позиционирование относительно модельных триад ценностей «Стабильность» (Порядок, Безопасность, Комфорт) и «Прогресс» (Свобода, Успех, Творчество).

Наиболее важными ценностями участники исследования назвали Творчество и Комфорт (8,2 и 8,0 баллов), на втором месте оказалась пара Безопасность и Порядок (7,9 и 7,7 баллов). Наименее важными для участников оказались ценности Свобода и Успех (7,0 и 6,8 баллов).

Следует отметить, что ценностная пара «Комфорт» «Творчество» являлась доминирующей для участников исследования их всех регионов за исключением Москвы, где «Комфорт» несколько уступает по важности таким ценностям, как «Порядок» и «Безопасность». Это является следствием уровня наличия условий внутреннего и бытового комфорта и, соответственно, необходимостью актуализировать важность достижения этой цели. Московских участников исследования чаще констатировали отсутствие проблем и вызовов.

Нацеленность на «творчество», в сочетании с низкой значимостью «успеха» может оцениваться как маркер потенциальной профессиональной состоятельности педагогов – для большинства участников исследования творческая реализация и самореализация значительно превосходит по значимости успешность, воспринимаемую в первую очередь как внешние, карьерные проявления.

¹ Разработана на основе системы имплицитных целей маркетолога Фила Бардена. [3. С. 221-227].

Карта ценностей

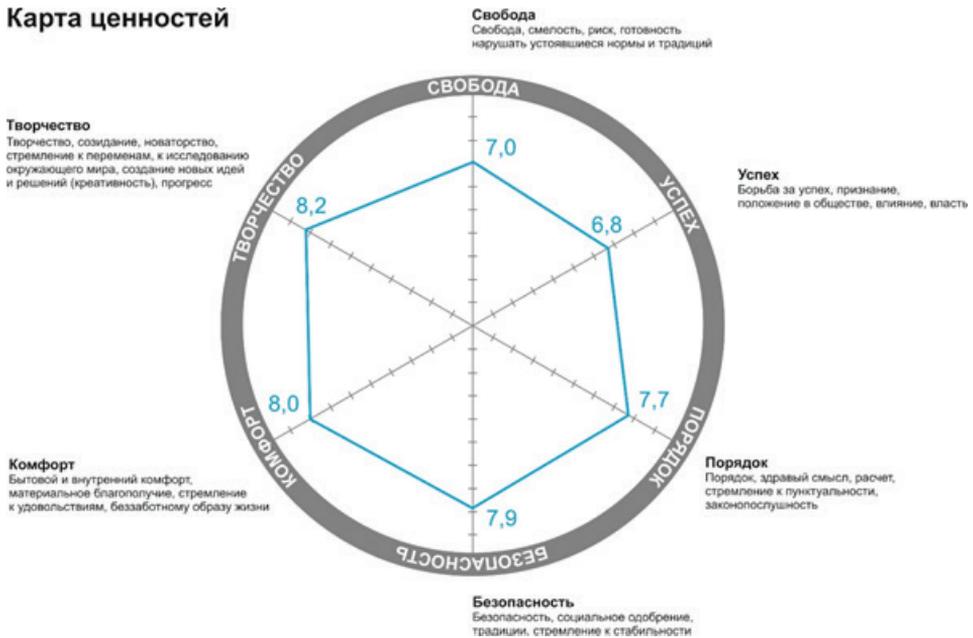

Рис. 1. Карта ценностей

Совокупный ценностный профиль будущих и молодых российских педагогов может характеризовать их как людей с большим творческим потенциалом и высокой потребностью в его реализации.

Однако низкая ориентация на успех, неверие в него в реалиях современной социально-экономической обстановки, неготовность совершать для его достижения существенные усилия, жертвовать «безопасностью», отставлять свои права, добиваться «свободы» действий в направлении личных и общественных целей, накладывают на портрет будущих и молодых педагогов отпечаток подавленности, бессилия и обреченности, прежде всего в социальном смысле.

Диссонанс между желанием «комфорта» и невозможностью лично достичь его естественным образом требует необходимости вмешательства внешнего актора. Следует отметить, что если в решении бытовых проблем большинство участников исследования описывает экстенсивные стратегии достижения комфорта (прежде всего материального), то для личного и социального уровня это трансформируется в стратегии избегания и ухода.

Одной из главных черт нормативной модели коллективного поведения педагогов как социальной группы является упование на государство в удовлетворении собственных социальных (и прочих) нужд. В ситуации, когда

деятельность государства перестает соответствовать их социальным ожиданиям, молодые педагоги впадают в состояние фрустрации, в общем-то, свойственное в настоящее время всему российскому обществу.

В системе наиболее значимых жизненных стратегий будущих и молодых педагогов первое место занимает семейная самореализация (семья как основной приоритет признается практически всеми участниками исследования), на втором месте – профессиональная, творческая самореализация. Часть участников исследования отмечают, что в их картине мира в равной степени важны оба приоритета – семья и профессиональная деятельность. Следует отметить, что гражданская самореализация не просматривается в качестве ключевых ни в одной из групп респондентов, ни в одном из регионов исследования.

Связана с этим и стратегия профессиональной деятельности. В определении ключевой задачи педагога большинство участников исследования считают, что педагог в работе одновременно сочетает и воспитательную, и образовательную функции («и то, и другое»), данные направления взаимосвязаны между собой – «невозможно только учить, в любом случае оказываешь влияние на ребенка». Подобное сочетание двух функций, по мнению многих участников исследования, способствует гармоничному развитию личности учащегося («оставить хороший отпечаток в душе, что-то подсказать, в плане жизни, я думаю, что это главнее»). Тем не менее, такая стратегия работы не является абсолютно доминирующей, значительная часть участников полагает, что воспитание является прежде всего или исключительно функцией семьи.

Можно предположить, что в работе значительная часть молодых и будущих педагогов предпочтет наставническую модель, сочетающую функции передачи знаний с непрямой передачей личных и социальных практик. Дополнительным аргументом в пользу такого предположения являются описанные участниками исследования варианты выбора профессии – одним из значимых среди них был личный пример «своих» педагогов, у которых участники исследования обучались в школе.

Участники исследования продемонстрировали достаточно высокий уровень профессиональной адаптации, возрастающий по мере вхождения в профессию. Участники – студенты бакалавриата не имеют четкой установки, что пришли в профессию один раз и надолго. В силу возрастных особенностей у них нет единой установки относительно возможной длительности профессионального пути. Они демонстрируют стратегии поиска путей дальнейшего профессионального развития, среди которых школа является значимым, но не доминирующим вариантом. Следует отметить такие модели профессионального развития как частное преподавание, наука и вузы. Заметной является тенденция радикально сменить сферу деятельности, однако четкого определения в какую именно сферу они хотят уйти,

респонденты не имеют. При этом студенты старших курсов бакалавриата более четко связывают свое будущее, по меньшей мере, ближайшее, с работой в школе.

Студенты магистратуры, как правило, уже приступили к работе по специальности – довольно значительная часть из них уже преподает в школе. Свое дальнейшее будущее они представляют более четко, нежели студенты бакалавриата. Большая часть из них сообщает о готовности работать в школе. Даже для студентов, не желающих работать в школе, сферой применения своих профессиональных навыков остается преподавание, либо наука.

Молодые педагоги демонстрируют устойчивость в выборе профессии и желание пройти первичную профессионально-социальную адаптацию. Лишь небольшая часть молодых педагогов намерена в ближайшем будущем покинуть школу. Большинство из них уже втянулись в рабочий процесс. Основные задачи в первые годы преподавания в школе – «удержаться»: влиться в коллектив, научиться контролировать учеников и обстановку в классе, найти свой уникальный способ завоевания авторитета в глазах учеников, их родителей, а также более опытных коллег.

Таким образом, можно предположить, что значительная часть студентов в ближайшем будущем будет, а значительная часть молодых педагогов продолжит работать в школе.

В коммуникативном поле образования, обеспечивающем эффективную трансляцию через учителя к ученику ценностей и смыслов, обозначился ряд конфликтных точек, усложняющих такую трансляцию.

Прежде всего, следует отметить, что государство предлагает системе образования для трансляции взаимоисключающие наборы ценностных установок. Педагоги дезориентированы, они не понимают, какую личность и какие качества они должны воспитывать: потребителя или ответственного гражданина; патриота-государственника или космополита, способного интегрироваться в мировой рынок; терпимость к сексуальным меньшинствам или следование традиционным семейным ценностям российской православной культуры. Несовместимые, противоречащие, взаимоисключающие фрагменты разных идеологических систем приводят к ценностному конфликту не только у педагогов, но и у родителей, у всего общества в целом.

С другой стороны, общество создает запрос на качественное образование, на воспитание как неотъемлемую часть образовательного процесса, при этом воспринимая и образование, и воспитание как должностное учителя. В описание этого противоречия укладывается и конфликт учитель – общество, которое уже научилось потреблять, но еще не избавилось от ценностных стереотипов СССР. Фактически, среднестатистический родитель требует от учителя одновременно оказания услуг (категория одной ценностной модели) и подвижничества, соответствия «советскому» идеалу учителя (категория совсем другой ценностной модели).

При этом сочетании учитель должен качественно учить и воспитывать. Но понимание качества относится к персональной оценке родителей. Следствием этого становятся такие явления, как активное вмешательство в образовательный процесс, транслирование ценностей, защита моделей поведения детей выпадающих за рамки общепринятых школьных норм, восприятие педагога как представителя сферы услуг и отсутствие уважения с одновременным требованием к педагогу быть идеалом и примером. При этом сам педагог может как пойти на контакт и избрать стратегию решения конфликта, так и закрыться, обозначив формально-юридические границы своей профессиональной деятельности.

В этих условиях учитель становится самодостаточной фигурой коммуникации. Учитывая значимость ценности «творчество» он может являться самостоятельным центром генерации ценностей и смыслов, исходя из собственного понимания, а опираясь на предпочитаемую наставническую модель – осуществлять их трансляции. Ключевым звеном в реализации такой модели является личное желание педагога.

В такой ситуации носители триады ценностей «Стабильность» (Порядок, Безопасность, Комфорт) заметно проигрывают в профессиональной реализации носителям триады «Прогресс» (Свобода, Успех, Творчество). Последние в числе участников исследования составляли меньшинство. Если в Ставрополе таких оказалось 8,2%, в Ростовской области – 10,4, а в бывших промышленных центрах со сложившейся городской культурой и соответствующим менталитетом – в Кемерово и Москве – 19,6 и 13,7% соответственно.

Однако есть основания полагать его статистически и социально значимым. Анализ анкет и высказываний этих участников позволяет выделить общие для них характеристики и обозначить существенные отличия этой микрогруппы от основной массы участников.

Представители этой микрогруппы обладают эрудицией и широким кругозором, обретенными благодаря личным усилиям по саморазвитию и самообразованию, и, как следствие, высоким уровнем дискурса, содержательной глубиной при ответах на вопросы. Их трудно забыть, они запоминаются, – этому способствует довольно посредственный фон, который создает основная масса участников исследования. С большой долей вероятности они будут или являются яркими наставниками.

Они демонстрируют высокий этический запрос к себе, к собственным детям, к ученикам, к обществу в целом, выделяя понятие «честность» (для большинства – «ответственность»). Они активно идут на контакт, способны предлагать и отстаивать свою позицию, в том числе убеждая и «навязывая» ее правильность. При наличии конфликта они с большой долей вероятности смогут его решить в пользу той модели, которую они считают правильной.

Являясь такими же патриотами, как и основная масса участников исследования, микрогруппа «Прогресс» в ответ на просьбу перечислить современные достижения России называют не события и факты, а людей – альтруистов, которые совершают конкретные действия по улучшению обстановки в обществе здесь и сейчас, не дожидаясь «лучших времен» или команды сверху. Представители данной микрогруппы чаще, и преимущественно не в рамках организованного волонтерского движения занимаются общественно-полезной деятельностью. Следует отметить, что представители этой микрогруппы сознательно интересуются политикой, имеют четко обозначенные политические убеждения (от оппозиционных до провластных), чем заметно отличаются от большинства, избегающего политики. У представителей микрогруппы имеется собственный опыт гражданско-политических практик (участие в выборах в качестве независимых наблюдателей; добровольное участие в политической организации).

Для этой микрогруппы вообще крайне важна «свобода» – и как высшая ценность; и как необходимый, с их точки зрения, признак социальной среды; и как свобода самовыражения.

Таким образом, у представителей этой небольшой части будущих и действующих педагогов – микрогруппы «Прогресс» – гораздо больше возможностей передавать свои ценностные ориентиры ученикам (транслировать ценности юному поколению), чем у подавляющего большинства будущих и молодых учителей. Тем более, что, в отличие от большинства, они готовы это делать свободно и открыто.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Андреева Л.А., Бардин А.Л., Баринов И.И. и др. Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Ответ. редактор Семенов И.С. М.: Весь Мир, 2017.

2. Бажова Н.Б., Букреева О.В., Виноградова Н.С. и др. Психология политического восприятия в современной России. Под ред. Шестопал Е.Б. М.: Изд-во МГУ, 2012.

3. Барден Ф. Взлом маркетинга. Наука о том, почему мы покупаем. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2018.

4. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4 (87).

5. Попова О.В. Особенности политического сознания современной российской молодежи // Политическая наука. 2017. № 1.

6. Семенов И.С. Социокультурная модернизация и конфликт идентичностей // Россия реформирующаяся. 2013. № 12.

7. Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5.

8. Шестопал Е.Б. Образы будущего в сознании российского общества как фактор политического развития // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 2.

9. Шестопал Е.Б. Проблемы восприятия демократии в современном российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 3.

10. Шестопал Е.Б. Сдвиги в восприятии власти российскими гражданами в 2010-х гг. // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1.

11. Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В. Какой видят страну сегодня российские граждане? // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 2 (89).

12. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография. М.: Издательский дом ГУУ, 2017.

S.V. LVOV

*Candidate of Sociological Sciences,
Director of strategic development All-Russian
Center for public opinion research,
Moscow, Russia*

A.A. MAKSIMOVA

sociologist-analyst, Moscow, Russia

N.A. TUKOV

*Candidate of Historical Sciences,
Executive Director Of the center for social and
political projects and communications, associate Professor
of social and political research and technology
of the Moscow pedagogical University state University,
Moscow, Russia*

V.L. SHAPOVALOV

*Candidate of Historical Sciences, associate Professor,
associate Professor of the Department of social and
political research and technology Moscow state
pedagogical University, Moscow, Russia*

VALUE PROFILE OF STUDENTS OF PEDAGOGICAL UNIVERSITIES AND YOUNG TEACHERS

The article presents the results of the study of civil, personal and professional values of students of pedagogical universities and young teachers as a factor in the formation of political identity of students. The study was conducted in Moscow and a number of Russian regions. The following research methods were used: group and individual interviews. The respondents were students of the direction of pedagogical directions of training of Moscow pedagogical universities and young teachers of Moscow schools under the age of 25 years. The result of the study is the creation of a value profile of future teachers.

Key words: *political identity, civic, personal and professional values, value orientations, value profile, value map.*

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСЛАМА КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕГО ФАКТОРА НА КАВКАЗЕ

В статье дается анализ места и роли ислама в формировании национального сознания народов Кавказа, исповедующих эту вероисповедную систему. Главное внимание концентрируется на обосновании тезиса о несостоятельности идеи тех аналитиков, которые убеждены в том, что в условиях Кавказа ислам может служить чуть ли не систематизирующим фактором, определяющим характер политической и экономической модернизации региона, политическое поведение и, выбор соответствующими народами формы политической самоорганизации. В пользу данного тезиса приводятся убедительные данные, свидетельствующие о том, что выбор или неприятие политических партий, политического курса властей, самой властной системы определяются в основном не столько религиозными приверженностями, а характерными для каждого народа социо-культурными, политико-культурными, этнонациональными и иными факторами.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, регион, народ, религия, вера, ислам, национальное сознание, политика, ценности.

Кавказ представляет собой специфический регион, который населен множеством народов, порой предъявляющих друг другу немало претензий этнонационального, территориального и иного характера. Здесь завязано множество трудно разрешимых в обозримой перспективе узлов противоречий и конфликтов, касающихся вопросов экономической и политической модернизации, системных и структурных составляющих государственного устройства. Среди них одно из ключевых мест занимают весьма сложные проблемы, порождаемые в конфессиональной сфере плюрализмом различных течений в кавказском исламе. Этот вопрос приобретает дополнительную значимость в силу того факта, что немало аналитиков, публицистов, политических деятелей, даже ученых рассматривают ислам как один из важнейших факторов, определяющих формы политической самоорганизации соответствующих народов Кавказа и даже могущих стать основой их объединения в единое политическое целое.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [2; 3; 5; 8; 9. С. 100-108].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Естественно это сложная тема, требующая весьма осторожной оценки, которой в отечественной политической науке посвящено множество работ. Поэтому в предлагаемой статье внимание концентрируется на некоторых ее аспектах, требующих, на взгляд автора, тех или иных корректировок.

Как правило, мировые религии в силу комплекса факторов провозглашают своей целью нейтрализацию или даже стирание этнических, культурных, политических и иных различий между племенами, этносами, народами, нациями. Аналогично тому, как в христианстве нет ни грека, ни иудея, а есть верующие христиане, так и в исламе нет ни араба, ни перса, ни турка, а есть верующие мусульмане – члены единой Уммы, независимо от каких бы то ни было различий. Однако, как свидетельствует исторический опыт человечества, религия играет немаловажную роль в формировании национального самосознания. Некоторые авторы даже склонны говорить об этнической религии. Во многих арабских странах ислам прочно отождествляется с национализмом. Как справедливо отмечает К.С. Гаджиев, «восприятие жизненных реалий через призму религиозных верований стало частью мирозерцания многих кавказских народов, их культуры, истории, образа жизни. Зачастую весьма трудно провести четкую грань между религиозными и национальными сторонами их жизни» [4. С. 283]. Особенно отчетливо это обнаруживается в политизированном исламском фундаментализме.

В этом контексте следует учесть, что ислам представляет собой не только культурно-конфессиональный, духовный феномен, ориентированный на сохранение и дальнейшее развитие вероисповедной, морально-нравственной сфер жизни общества, но и важная составляющая социо-культурной и политико-культурной сфер, оказывающая более или менее существенное влияние на политическое сознание и поведение людей. Его можно использовать для достижения конкретных политических целей, определяемых конкретными интересами политической борьбы. В данном смысле ислам приобретает признаки своего рода сложной религиозно-политической доктринальной системы. Как утверждал, например, вождь исламской революции в Иране 1979 года аятолла Хомейни, «ислам является политико-религиозным учением, в котором политику дополняет богослужение, а богослужение дополняет политику». Такой тезис он обосновывал идеей о том, что «в исламе больше политических предписаний, чем религиозных» [7. С. 17]. В этом русле интерес представляет тот факт, что, хотя, согласно конституции, Азербайджан является светским государством, ислам среди

народа этой страны занимает заметное место. Одним из символов на государственном флаге Азербайджана является зеленая полоса. Президент страны при инаугурации присягает на Коране. Праздничными днями объявлены дни религиозных праздников мусульман Курбан-байрам и Ураза-байрам.

Правильное понимание места и роли ислама в менталитете, различных сферах общественной жизни предполагает преодоление получивших в последние несколько десятилетий негативных его трактовок и оценок в определенных кругах российского общества. Нередко прослеживается склонность отождествлять ислам в целом с одним из фундаменталистских течений радикального исламизма в лице салафизма, который служит идеологической основой различных проявлений экстремизма и терроризма.

На самом деле опасность коренится не в исламе и не в Коране, а в превратных их трактовках теми или иными радикальными течениями, преследующими свои специфические интересы. Важно учесть, что в основе множества этнонациональных, территориальных и политических противоречий, пертурбаций и конфликтов, потрясающих за последние два-три десятилетия общественно-политическую жизнь Кавказско-Ближневосточного региона, лежат не те или иные религии, а, прежде всего, внутренние факторы социально-экономического, политического, духовного, идеологического и иного характера.

Поэтому, можно утверждать, что нельзя рассматривать ислам как исключительно негативный фактор в жизни кавказских народов, якобы способствующий дестабилизации и стимулированию радикалистских, сепаратистских настроений и движений в регионе. Роль ислама, понимаемого в самом широком смысле слова, во всем кавказско-ближневосточном регионе нельзя оценивать однозначно негативно или позитивно. В нем, как и в любой вероисповедной системе в тех или иных сочетаниях присутствуют оба начала, и выдвижение одного из них на передний план зависит от конкретной ситуации в каждой конкретно взятой стране. С одной стороны, фундаменталистский исламизм действительно используется радикальными и экстремистскими группировками для достижения конкретных корыстных целей материального, финансового, политического и иного характера. С другой стороны, при соответствующем использовании ценности, нормы, установки ислама в принципе способны внести немаловажный вклад в оздоровление нравственного климата в республиках, сохранение и укрепление социальной и политической стабильности в обществе. Можно утверждать, что традиционный ислам играет немаловажную роль в плане противодействия распространению узкого национализма, этнизма, различных форм исламского фундаментализма. Действительно, в ряде национальных республик Северного Кавказа, прежде всего, в Республике Дагестан, Чечне, Ингушетии служители традиционного ислама не раз удерживали наиболее горячие головы у той черты, переход через которую был бы чреват непредсказуемыми негативными последствиями для всех народов региона.

При всем том, для раскрытия заявленной в названии статьи темы, необходимо иметь в виду следующие обстоятельства. Процесс распространения и принятия ислама разными народами региона занял весьма длительный период. Если в ряде районов Южного и Северо-Восточного Кавказа он был принят уже в VIII-IX веках, то некоторые народы Северного Кавказа окончательно приняли его только в XVII-XVIII веках. Этот процесс на всех этапах протекал в постоянных противоречиях и борьбе с местными адатами – системой обычного права горцев, регулирующей социально-экономические, семейно-бытовые, духовные, морально-нравственные отношения. В этом вопросе можно согласиться с В. Акаевым, по мнению которого «утверждение ислама среди народов Северного Кавказа происходило через столкновение и борьбу с горскими адатами – системой обычного права горцев, регулирующей социально-экономические, семейно-бытовые и духовно-нравственные отношения. Первоначальное неприятие ислама кавказскими горцами во многом объясняется значительным расхождением образа жизни, социального устройства, нравственно-этических норм, их мировосприятия от форм социо-культурного бытия, духовных воззрений арабов-завоевателей» [1]. Корни традиционной народной культуры оказались настолько глубокими, что ислам был вынужден приспособиться к общественной и духовной жизни кавказских народов.

Как показывает анализ содержания и особенностей ислама у кавказских народов, приспособляясь к местным условиям, он вобрал в себя и усвоил многие элементы традиционных доисламских верований, мифов, норм регулирования поведения народов региона. В результате он приобрел синкретический характер. Как известно, в ряде высокогорных районов Кавказа долго сохранялись некоторые архаичные черты хозяйственного и общественного уклада, пережитки патриархально-родовых отношений. Как отмечал известный советский религиовед С.А. Токарев, «хотя на Кавказе еще с IV-VI вв. распространилось христианство..., а с VII-VIII вв. – ислам..., под внешним покровом этих официальных религий у многих отсталых народов горных районов фактически сохранялись очень сильные пережитки более древних и самобытных религиозных верований, частью, конечно, перемешавшиеся с христианскими или мусульманскими представлениями» [11].

Можно утверждать, что на Кавказе ислам представляет собой сплав обще-мусульманских духовных ценностей с местными языческими верованиями и культурами. В этом вопросе можно согласиться с Н.М. Емельяновой, по мнению которой «доисламские верования оказывали и продолжают оказывать значительное влияние на образ жизни кабардинцев, под их влиянием кабардинский ислам принял своеобразную, отличную от существующих в других северокавказских регионах форму» [6. С. 5]. Так, в Республике Северная Осетия ислам стал составной частью особого синкретического соединения домонотеистических верований, ислама и христианства. Более

или менее отчетливо синкретический характер ислама проявляется в поминальном обряде осетин-мусульман.

Со значительной долей уверенности можно утверждать, что на Кавказе зачастую следует говорить не только о возрождении собственно исламских вероисповедных ценностей, норм, установок, принципов, но также в сочетании с ним норм и правил жизнеустройства, унаследованных от исторических традиций соответствующих народов.

Особо важное значение, с рассматриваемой точки зрения, имеет тот факт, что почти все стороны жизни подавляющего большинства кавказских народов к настоящему времени подверглись социальной, экономической, культурной и политической модернизации. Они освоили и интегрировали важнейшие аспекты и атрибуты общероссийского образа жизни. В этом контексте представляется не совсем соответствующим реальному положению вещей тезис о некоей архаизации общества, которая якобы возрождает те пласты сознания, поведения, политической культуры, которые были присущи этим народам в далеком историческом прошлом. Лишен реальных оснований также тезис о предполагаемом переходе части населения Кавказа после многих лет господства советской идеологии из зоны российского культурного, языкового, политического пространства в зону влияния ислама. Как утверждает, например, М. Сиверцев, на Кавказе стратегические, геополитические перспективы начинают определяться новой культурно-религиозной ориентацией отхода от «имперского» центра в сторону религиозных центров исламского мира [10. С. 18].

Поэтому необходимо весьма осторожно оценить степень религиозного пробуждения людей, поскольку зачастую речь идет о религиозности в житейском плане, на уровне здравого смысла, как это имеет место у большинства православных, называющих себя христианами и зачастую не обязательно связывающих это со своим политическим выбором. Особенно отчетливо это обнаруживается в политизированном исламском фундаментализме. Оценивая политические симпатии и антипатии подавляющего большинства населения национальных республик Северного Кавказа, Азербайджана, а также Грузии, где присутствуют анклавные представители народов, исповедующих ислам, нельзя игнорировать этот аспект вероисповедной сферы всего кавказского региона.

Как известно Кавказ отличается крайним разнообразием народов, которые разделены чуть ли на все более или менее крупные языковые семьи с их ответвлениями – Индо-европейскую, Кавказско-иберийскую или Иафетическую, Тюркскую. Таким же разнообразием характеризуется конфессиональная карта Кавказа. Если в Армении определяющую роль играет Армяно-Григорианская церковь, то грузины и русские в основном – Православие. Что касается ислама, то он многолик и представлен десятками различных школ и направлений – от консервативного (например, ваххабизм в Саудовской Аравии) до модернистского (исмаилиты, возглавляемые Ага Ханом IV).

Есть случаи, когда представители одного и того же народа придерживаются разных верований. Например, коренной малочисленный народ удины, принадлежащие к лезгинской культурно-языковой группе, придерживаются Армяно-григорианской ветви христианства, незначительная часть лезгин (жители одного единственного, но крупного села) – шиизма, а подавляющее их большинство – суннитской версии ислама. Аджарцы – мусульмане, а грузины – православные. Среди осетин есть приверженцы как христианства, так и ислама. В период с конца XV по XIX вв., когда Абхазия находилась под господством Турции, часть населения была обращена в ислам. Однако в конце XIX в. многие стали христианами и т.д. Подавляющее большинство азербайджанцев – шииты по вере. При этом шиизм в Республике Азербайджан отличается от его аналога в иранском Азербайджане.

В исламе Кавказа множество течений или масхабов, зачастую противоречащих друг другу, не терпящих друг друга и конфликтующих между собой. В некоторых республиках возникло по два-три (а то и больше) муфтията, между которыми постоянные трения и противоречия, споры и конфликты. В настоящее время на Северном Кавказе насчитывается семь духовных управлений мусульман: Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, а также Адыгеи и Краснодарского края.

Особую остроту их противоречиям и конфликтам придали появление и рост влияния в регионе разномастных фундаменталистских, салафитских течений радикального исламизма, прежде всего, ваххабизма, которые стали идеологической основой сепаратистского экстремизма и терроризма. Как известно, их представители развязали настоящую войну против не только официальных властей федерального центра и соответствующих национальных республик Российской Федерации, но также против традиционного ислама.

Нет никаких сомнений в том, что религия налагает отпечаток на отношение людей к происходящим вокруг них событиям. Тем не менее, является явным преувеличением утверждение о том, что в регионе существует некий «исламский» путь решения тех или иных жизненно важных проблем. Как представляется, были бы явным преувеличением выводы о неких «исламских партиях», «исламском электорате», «исламском пути», будто способном определить формы, направления общественного развития, политической и экономической модернизации региона в целом и соответствующих национальных республик Российской Федерации и Азербайджана. Об обоснованности данного тезиса свидетельствует тот факт, что почти во всех национальных республиках Российской Федерации потерпели неудачу всякие попытки создать сколько-нибудь устойчивые политические партии, основанные на исламских ценностях, нормах и установках.

Этнонациональные, территориальные, племенные, клановые, языковые, политические, социально-экономические интересы, отношения, установки,

политические симпатии и антипатии у подавляющего большинства населения преобладают над религиозными ценностями. К примеру, противоречия между лезгинами и азербайджанцами коренятся, прежде всего, в факте разделенности лезгинского народа государственными границами между Российской Федерацией и Азербайджаном, а не в том, что первые исповедуют суннизм, а вторые шиизм. Сближение шиитско-исламского Ирана с григорианской Арменией в противовес альянсу шиитского Азербайджана и суннитской Турцией (правда, на этнонациональной основе) говорит о переоценке конфессионального фактора в отношениях между государствами.

Во многих случаях приверженность ваххабизму и другим формам фундаментализма прикрывает стремление лиц авантюристического склада искать приключения, поля приложения своих сил, а иногда стремление заработать деньги. Апелляция некоторых оппозиционных, да и не только, организаций к исламским ценностям обусловлена, помимо всего прочего, стремлением привлечь к себе внимание общественного мнения, а также финансовых фондов, властей, неправительственных организаций и структур мусульманских стран.

Анализ реального положения вещей показывает, что возрождение и распространение среди определенной части населения религиозных верований носят во многом формальный, атрибутивный характер. Наблюдавшаяся на первых после распада СССР порах эйфория относительно возвращения этой части людей в лоно мечетей постепенно меняется на трезвую оценку секулярных реалий современного мира. При таком положении вещей вряд ли корректно утверждать, что на Кавказе имеет место повальное увлечение населения национальных республик исламскими ценностями и нормами, рассматриваемыми как руководство не только в повседневной жизни, но и в выборе форм политической самоорганизации, государственного устройства и политического поведения в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Акаев В.* Ислам и горские адаты на Северном Кавказе. 13 августа 2012.
2. *Акжиева С.И., Гекчиев А.Б., Магомедова Р.М.* Трансформация общественных институтов народов Северного Кавказа в XIX веке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).
3. *Арапханова Л.Я.* Этноэлиты в национальных движениях на Северном Кавказе в конце XX века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).
4. *Гаджиев К.С.* Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М., 2010.
5. *Гятов Т.Т.* Основные этапы трансформации религиозных групп Северо-Кавказского региона: от умеренно-радикальных до экстремистских (на примере Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 3 (22).

6. Емельянова Н.М. Мусульмане Кабарды. М.: Граница, 1999.
7. Изречения, афоризмы и наставления великого вождя исламской революции имама Хомейни (да упокоит Аллах его душу). Тегеран, 1995.
8. Костоев З.И. Особенности национальной политики России на Северном Кавказе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).
9. Медведев Н.П. Межнациональные отношения и национальная политика // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2016. № 3 (17).
10. Сиверцев М. Перспективы исламской геополитики в регионе Северного Кавказа // Россия и мусульманский мир: бюллетень реферативно-аналитической информации. 1993. № 9.
11. Токарев С.А. Религии народов Кавказа // <http://religion.historic.ru/>

R.M. EMIROV

*Candidate of Sciences (political sciences),
Moscow Russia*

TO THE QUESTION OF THE PROSPECTS OF ISLAM AS A BACKBONE FACTOR IN THE CAUCASUS

The article gives an analysis of the place and role of Islam in the formation of the national consciousness of the peoples of the Caucasus who profess this religious system. The main attention is focused on substantiating the thesis that the ideas of those analysts who are convinced that in the conditions of the Caucasus Islam can serve as a systematizing factor determining the nature of the political and economic modernization of the region, political behavior and, the choice of appropriate nations forms of political self-organization. In favor of this thesis, convincing evidence is given that indicates that the choice or rejection of political parties, the political course of the authorities, the power system itself is determined basically not so much religious commitment, but socio-cultural, politico-cultural, ethno-national and other factors characteristic of each nation.

Key words: *Russia, the Caucasus, region, people, religion, faith, Islam, national consciousness, politics, values.*

ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ИМЕЮТ ЛИ ЗНАЧЕНИЕ

В данной статье мы задаемся целью определить, имеют ли значение ценности в современном государственном управлении и какова их роль. Структура изложения задана решением двух последовательных задач: во-первых, выяснением роли ценностей в ключевом процессе государственного управления – принятии решений, а во-вторых, в процессе реализации этих решений в обществе. Задачи решаются путем логического анализа ведущих научных подходов к этим вопросам вкупе с соотнесением их с современной мировой практикой. Относительно влияния ценностей непосредственно на государственное управление, разработку государственной политики (принятие решений), существует три научные позиции: от приписывания ценностям основополагающей, исходной, неотъемлемой роли до их почти полного исключения из этой деятельности как сугубо рациональной через «золотую середину» в виде ценностно-рационального подхода. Что касается мировой практики, то она демонстрирует ценностную предзаданность государственной политики в высших законах большинства стран мира, которые, по крайней мере, формально, определяют государственную политику и управление. Единство научных мнений наблюдается во взгляде на роль ценностей в реализации принятой государственной политики, т.к. для этого необходимо общественное согласие и поддержка, а массовое сознание более всего воспринимает ценностные параметры проводимой политики. Существует три и теоретических, и практических способа приведения государственной политики в согласие с ценностями общества: подстраивание политики под общественные ценности; формирование в обществе ценностей, соответствующих выбранному курсу политики; прояснение актуальных ценностей общества путем публичной дискуссии и их учет при разработке политики. Однако научная рефлексия над практической реализацией последнего способа выявила, что на деле он зачастую превращается в формирование у населения удобных для государства предпочтений по поводу разрабатываемой или реализуемой политики. Таким образом, ценности сталкиваются с ограничителями в ключевом процессе государственного управления – принятии решений, но имеют большое значение в пространстве их реализации.

Ключевые слова: ценности, государственное управление, государственная политика, принятие государственных решений, публичное пространство политики, ценностный подход, рациональный подход, ценностно-рациональный подход, ценности общества, массовое сознание, ценностные параметры государственной политики, менеджмент публичных ценностей.

Для того чтобы правильно и полно понимать государственное управление, надо всегда держать в уме, что оно фактически осуществляется не просто институтом, а конкретными людьми, которые в данный период времени выступают от имени государства. При этом это управленческое воздействие направлено также на конкретных людей. И те, и другие люди, в силу природы человека, осознаваемо или нет – обладают определенными ценностями. Поэтому для правильного понимания функционирования государственного управления недостаточно внимания только к его институциональным – административным и нормативно-правовым – аспектам. Важным также является изучение роли ценностей в нем. Поэтому и теория рационального выбора, доминировавшая в том числе в политической науке в XX веке (и обосновавшая, в частности, экономический подход к государственному управлению с эффективностью в качестве основного критерия его оценки, а также модную еще совсем недавно концепцию нового государственного управления («new public management»)) с ее магистральными принципами клиентоориентированности и, так же, экономической эффективности не смогла дать ответы на многие важные вопросы, возникающие в процессах управления государством (1). В связи с чем, главным образом, и стало внимание ученых все больше и больше направляться на изучение ценностных аспектов государственного управления, формируя различные аксиологические подходы к исследованию соответствующих процессов.

Данная статья связана с предыдущей, первой, статьей нашего цикла «Идеология и ценности в государственном управлении современной России», посвященной роли идеологии в современном государственном управлении. Ведь ценности, наряду с идеями, являются основной составляющей идеологий. Существует даже мнение, что в современном обществе ценности вытекают из идеологий: господство какой-либо идеологии или определенный идеологический консенсус определяет ценности (или шире – состояние морали) современных обществ [8. С. 158]. Однако мы считаем такое утверждение слишком смелым, потому как в реальности ценности не только формируют идеологии и проистекают из них, но могут действовать в современном государственном управлении и публичной политике совершенно безотносительно к какой-либо идеологии. При этом, объективно определяя ценности как морально-этические убеждения и мировоззренческие принципы, важно отметить, что «ценности в структуре личности занима-

ют особое место, они представляют собой не только интериоризированные суждения о важном и значимом, но и способны превращаться в сильные мотивы» [7. С. 109]. Однако, обладая, таким образом, потенциально сильными мотивирующими возможностями, ценности не обладают «выраженной предметно-целевой направленностью», распространяясь на весь спектр направленностей сознания и «проявлений жизненной активности человека» [12. С. 20]. Возможно, по этой причине есть мнение, что «ориентационно-целевое и направляющее содержание ценностей чаще всего в национальном государстве выражается в идеологических требованиях» [14. С. 116]. Ведь идеи, которые как раз являются второй, наряду с ценностями, основной составляющей идеологии, – вот что задает целеполагание в государственном управлении. Идеи можно определить, как «в основном обобщенную характеристику рациональных и целенаправленных форм мышления, выполняющих целеориентационную и коммуникативную функции человеческой активности» [14. С. 18]. Следует отметить, что, конечно же, идеи, так же как и ценности и даже гораздо более них, действуют в государственном управлении далеко не только в рамках идеологий.

Как и вопрос о значении идеологии, *исследование роли ценностей в государственном управлении следует начать с изучения возможности их влияния на его ключевой процесс – принятие государственных решений*, воплощающихся в устанавливаемых целях и принимаемых стратегиях. В предыдущей статье мы показали, что *ценностные установки присутствуют в конституциях и других высших законодательных актах большинства стран современного мира. А эти высшие законы задают тон государственному управлению на политическом, а через него и управленческом, уровнях (2)*, что также было подробно продемонстрировано в предыдущей статье. При этом есть *подход, приписывающий ценностям первостепенную роль в государственном управлении*. Согласно этому подходу, государственное управление осуществляется по следующей схеме: определение базовых ценностей управляющего субъекта (путем ответа на вопрос «во имя чего формируется соответствующая государственная политика?» [1. С. 17]), затем постановка целей на основании этих ценностей, после этого формирование перечня управленческих задач (понимаемых как решение проблем, преодоление препятствий на пути к достижению поставленных целей) и, наконец, нахождение перечня государственно-управленческих решений [1]. В качестве доказательства истинности такого подхода приводится утверждение, что изначальный выбор государственной цели определяется «тривиальным предпочтением», а предпочтения имеют ценностную природу [1. С. 41]. Поэтому в качестве исходного для управленческого проектирования выдвигается понятие «ценностная цель» [1. С. 42].

Однако есть научно доказанное утверждение, согласно которому произвольные предпочтения, заданные субъективными ценностями, не могут

направлять государственную политику и управление. Так же, как и действие идеологии, *влияние ценностей в процессе принятия решений в государстве* (и на политическом, и на управленческом уровнях) *сильно ограничивают* два основных фактора – требование высокой рациональности, предъявляемое к нему со стороны усложненной, многомерной реальности, в которой существует современное государство, а также активная вовлеченность в этот процесс латентных структур – «сетевых ассоциаций правящего класса» с их преимущественно прагматическими интересами [11. С. 58; 12. С. 20, 34-35].

Нам кажется, что истинное положение дел отражает своеобразная «золотая середина» между этими условно «крайними» подходами. Так, еще представитель бихевиоризма Лассуэлл в первой половине XX века в своих трудах демонстрировал *влияние ценностей на различных уровнях политической системы*, и тем самым превращение частных интересов в общественные цели [4]. Его последователи в настоящее время (Зей, Марч и др.) считают, что *рациональность означает, в том числе, и соответствие принимаемых решений культурным нормам* [4].

Ведь, как и идеология, в ее широком, современном понимании *играет роль в реализации принятых государством решений, в достижении поставленных им целей*, так и ценности имеют значение для этого процесса. Дело в том, что *массовое сознание более всего откликается на ценностные аспекты установленных государством ориентиров развития*, поставленных им целей и, в целом, проводимой им политики. Неслучайно некоторые ученые при анализе массового сознания рассматривают рациональность как минимально значимую величину, в то время как при анализе действий элиты – как основной фактор [16]. (Это дополнительно подтверждает наши выкладки о том, что ценности и идеология ограничены в принятии решений в государственном управлении, осуществляемых элитой, но имеют значимое положение в их реализации, ведь в нее вовлечено общество). Принятым государством решениям, поставленным им целям для их успешной реализации и достижения следует быть «в ладу» с ценностями массового сознания. Иначе общество не поймет, вернее, в более релевантной, как мы показали, для него системе координат «не прочувствует» их смысл, и восприятие им реализуемой государственной политики будет двигаться в отрицательном направлении, а за ним и уровень легитимности власти. *Достичь соответствия принимаемых государством решений и массовых ценностей можно несколькими путями.*

Во-первых, *государство может подстраивать свои стратегии под доминирующие в обществе ценности*. Здесь кстати подчеркнуть тот факт, что ценности представляют собой «наиболее глубокие структуры человеческой рефлексии», которые «содержат устойчивые, а подчас архетипические составляющие» [12. С. 20], а потому ценности массового сознания характе-

ризируются значительной консервативностью. Поэтому такой тип ценностно обусловленного принятия решений в государстве повышает легитимность власти и стабильность политической системы. Однако его инновационный потенциал невысок, что несет в себе существенные риски для развития государства, в особенности, в современном динамично меняющемся мире с соответствующими высокими требованиями ко всем государствам [7. С. 109-110].

Во-вторых, *государство может, наоборот, целенаправленно формировать в обществе ценности, соответствующие выбранному им курсу политики*. Можно сказать, «государство потенциально способно регулировать ценностные ориентиры народонаселения, направляя развитие соответствующих потенциалов в направлении оптимума обеспечения жизнеспособности страны» [3. С. 80]. Этот способ некоторые ученые называют «второй коммуникативной системой идейно-ценностного механизма государственного управления политическими процессами» [5. С. 660]. Этот путь в потенциале, в своем крайнем положительном варианте, может быть наиболее инновационным, т.к. позволяет государству реализовывать смелые решения и притом, насколько это возможно, менять ментальность общества в соответствии с ними. То есть, он позволяет производить инновации как в политике, государственном управлении, экономике, так и соответствующую этим инновациям модернизацию менталитета населения. Однако ценности в обществе, в силу характера их природы, о котором уже говорилось, меняются крайне медленно. Поэтому, на наш взгляд, такой способ проведения ценностно обусловленной политики подходит, преимущественно, для реализации долгосрочных стратегий и при этом предполагает трудоемкую, кропотливую работу по трансформации ценностей общества. Кроме того, по нашему мнению, этот способ в своем крайнем отрицательном варианте может превратиться исключительно в механизм легитимизации принятых и реализуемых государством решений, когда «взрачиваемые» в общественном сознании ценности служат лишь прикрытием реального характера этих решений и не имеют ничего общего с ними и их ценностным фундаментом (которого при этом, как такового, зачастую и нет по причине их рациональной и прагматической основы). Поэтому при этом способе включения общественной ценностной компоненты в государственное управление его направленность значительно зависит от характера лиц и групп, принимающих решения в государстве. Прежде всего от их ориентации в большей степени на общественное благо или, наоборот, на свои интересы, а также от их способности улавливать «дух времени» и проектировать в соответствии с ним государственную политику и подобающе ценности.

В-третьих, *государство может выяснять актуальные ценности общества и учитывать их при разработке своей политики*. Это делается путем организации или поддержания обсуждения ценностей в публичном про-

странстве и выбора тех, которые станут ориентирами в государственной политике. Этот способ некоторые ученые называют «первой коммуникативной системой идейно-ценностного механизма государственного управления политическими процессами» [5. С. 658]. Такой путь включения компоненты общественных ценностей в процесс принятия государственных решений в своем идеальном варианте является «золотой серединой» между двумя вышеречисленными способами, т.к. он нивелирует их обозначенные выше возможные нежелательные последствия. Он, в отличие от первого способа, имеет инновационный потенциал, т.к. здесь государство ведет с обществом диалог, в процессе которого уже так или иначе может влиять на ценности, задавая направление обсуждению. При этом, в ходе этого диалога выясняя реальные актуальные ценности общества, в отличие от второго способа, государство может приводить в оптимальное соответствие с этими ценностями линию инновационного развития как государства, так и общества. Кроме того, в отличие от второго способа, такой путь позволяет предотвратить подмену общественных ценностей интересами правящей элиты. Иными словами, это демократический и либеральный путь включения компоненты общественных ценностей в процесс принятия государственных решений. Этот способ получил концептуальное оформление в виде *менеджмента публичных ценностей* («public value management»).

Однако широкая научная проработка данного концепта вкупе с его практической реализацией показали, что, во-первых, этот способ направлен не на базовые политические и социальные ценности общества (3), а, скорее, на его интересы, имеющие отношение к текущей повестке дня государства [7. С. 119]. Иными словами, он нацелен на выяснение соотношения интересов различных групп общества, так или иначе касающихся намечаемой государственной политики, при этом теоретически будут приниматься решения, соответствующие интересам, имеющим наибольший удельный вес. Можно сказать, что это способ определения предпочтений по поводу решения конкретных проблем [15. С. 593]. Однако важно то, чтобы выносимые на публичное обсуждение проекты государственных решений были в рамках сложившихся базовых ценностей массового сознания, в противном случае уровень их принятия обществом будет заведомо низок. Во-вторых, однако, на деле этот механизм превращается не в выяснение интересов, а в их согласование, говоря точнее – в формирование приемлемой для большинства граждан системы предпочтений, при этом соответствующей параметрам намечаемой или формируемой политики государства. Это связано с тем, что в условиях ограниченности ресурсов государства как поставщика общественных благ удовлетворить интересы всех общественных групп в принимаемых государством решениях объективно невозможно, тем более, в условиях сильной фрагментированности современного общества и, следовательно, многообразия социальных интересов. А вызывать сво-

ими решениями недовольство «обделенных вниманием» общественных групп государству не впрок [6. С. 178-179]. То есть государство направляет формально демократический процесс (делиберативный процесс) создания общественных ценностей в нужном ему направлении, тем более что его ресурсы для этого, как правило, всегда превышают ресурсы каких-либо других заинтересованных в том же групп. Поэтому фактически менеджмент публичных ценностей часто превращается в направление государственного управления, обеспечивающее легитимизацию государственных решений, нежели являет собой деятельность по определению ориентиров государственных целей и стратегий, и реализуется исключительно в публичной сфере [8. С. 112-113]. Кстати, еще в работе М. Мура 1995 г. был поставлен вопрос о необходимости создания общественной ценности принимаемых государством решений [17. С. 22-23]. В то же время, делиберативный процесс все же «позволяет власти своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов и производить коррекцию управленческих решений» [13. С. 62]. Сильнее всего функция легитимизации государственных решений наряду с отсутствием функции «собираения» общественных ценностей для их принятия проявляется при слабых публичных институтах и неразвитых структурах гражданского общества, т.е. в государствах авторитарного и переходного типов. В таких случаях часто инструментом создания публичных ценностей может быть идеология [2].

Подводя итоги всему вышесказанному, выделим, что ценности, как и идеология, сталкиваются с ограничителями в ключевом процессе государственного управления – принятии решений, но имеют большое значение в пространстве их реализации, т.к. массовое сознание более всего резонирует именно с их ценностными параметрами. При этом при формировании государством массовых ценностей, они часто транслируются в общество и в форме идеологии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Так, например, по мнению некоторых авторитетных ученых, «принцип экономической эффективности может вступать в противоречие с другими принципами, которые являются более важными для публичной жизни, например принципом справедливости» [9. С. 93].

(2) Определение этих уровней государственного управления дано в предыдущей статье нашего цикла.

(3) Эти ценности складываются в ходе исторического развития общества, в том числе в процессе идеологической борьбы за право определять принципы и стратегические цели развития государственности [8. С. 112]. Это представления о значимости тех или иных социальных и политических объектов, явлений, процессов, способов организации социальной и политической жизни [10. С. 175].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Багдасарян В.Э.* Ценностные основания государственной политики. М.: Информ.-изд. упр. МГОУ, 2016.
2. *Волкова А.В.* Публичные ценности и система государственного управления в России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013.
3. Высшие ценности Российского государства. Материалы научного семинара / Под ред. Якунина В.И., Багдасаряна В.Э. М.: Научный эксперт, 2010. Вып. 6.
4. Принятие и исполнение государственных решений / Под ред. А.И. Соловьева. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015.
5. *Пушкарева Г.В.* Идеино-ценностные механизмы в государственном управлении политическими процессами // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы / Материалы 15-й Международной конференции «Государственное управление в XXI веке». М.: КДУ, Университетская книга, 2018.
6. *Пушкарева Г.В.* Менеджмент публичных ценностей // Идеи и ценности в государственном управлении: Монография / Г.В. Пушкарева, А.И. Соловьев, О.В. Михайлова. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2018.
7. *Пушкарева Г.В.* Менеджмент публичных ценностей: государственное управление в поиске новых концептуальных оснований // Политика и управление государством: Новые вызовы и векторы развития: Сборник статей / Под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкаревой. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2019.
8. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / Под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М.: РОССПЭН, 2016.
9. *Сморгунов Л.В.* В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XXI веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 6. Вып. 4.
10. *Соловьев А.И.* «Государственные идеологии» и «национальные идеи» в политике современного государства // Идеи и ценности в государственном управлении: Монография / Г.В. Пушкарева, А.И. Соловьев, О.В. Михайлова. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2018.
11. *Соловьев А.И.* Идеино-ценностные источники государственной политики. // Идеи и ценности в государственном управлении: Монография / Г.В. Пушкарева, А.И. Соловьев, О.В. Михайлова. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2018.
12. *Соловьев А.И.* Методологические принципы исследования идей и ценностей в государственном управлении // Идеи и ценности в государственном управлении: Монография / Г.В. Пушкарева, А.И. Соловьев, О.В. Михайлова. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2018.

13. Якимец В.Н., Никовская Л.И. Проблема состоятельности институтов публичной политики в контексте менеджмента публичных ценностей // Ка-спийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3 (44).

14. Якунин В.И. Процессы и механизмы формирования государственной политики в современном российском обществе. Дис. ... д.п.н. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007.

15. Alford J., Douglas S., Geuijen K., Hart P. Ventures in public value management: introduction to the symposium // Public Management Review. 2017. Vol. 19. No. 5.

16. Fiorina M.P. Congress: Keystone of Washington Establishment. New Haven (Conn.): Yale University Press, 1989.

17. Moore M. Creating public value: Strategic management in government. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.

M.V. OKUN

*Post-graduate of the Faculty
of Political Science of Lomonosov
Moscow State University,
Moscow, Russia*

VALUES IN MODERN PUBLIC ADMINISTRATION: DO THEY MATTER

In this article we aim at determining whether values are important in modern public administration and what their role is. The structure of the narrative is defined by the solution of two successive problems: firstly, by clarifying the role of values in the key process of public administration – making decisions, and secondly, in the process of implementing these decisions in society. The tasks are solved by logical analyzing of leading scientific approaches to these issues, coupled with their correlating to modern world practice. Regarding the influence of values directly on public administration, the development of public policy (decision-making), there are three scientific positions: from attributing to the values a fundamental, initial, inalienable role to their almost complete exclusion from this activity considered to be purely rational, through the “middle ground” in the form of a value-rational approach. As for world practice, it demonstrates the value predisposition of state policy in the highest laws of most countries of the world, which, at least formally, determine state policy and governance. The unity of scientific opinions is observed in the view on the role of values in the implementation of adopted state policy, because this requires public consent and support, and the mass consciousness most of all perceives the value parameters of the policy. There are three theoretical and practical ways of bringing public

policy into harmony with the values of society: adjusting politics to social values; forming social values corresponding to the chosen policy course; clarifying the current values of society through public discussion and further consideration of these values in the development of policies. However, scientific reflection on the practical implementation of the latter method has revealed that in practice it often turns into forming preferences in society convenient for the state regarding the policy being developed or implemented. Thus, values face constraints in the key process of public administration – decision-making, but are of great importance in the space of their implementation.

Key words: *values, public administration, public policy, government decision making, public policy space, value approach, rational approach, value-rational approach, society values, mass consciousness, value parameters of state policy, public value management.*

УДК 32.327

DOI 10.35775/PSI.2019.52.12.017

Д.И. ГАЛИМУЛЛИНА

аспирант кафедры международных
отношений Дипломатической академии
МИД России, Россия, г. Москва

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЧЕХИИ

В статье рассматривается положение национальных меньшинств в Чехии, а также приведена некоторая правовая политика в отношении них. Даны основные понятия исследуемой проблемы, приведены количественные данные этнических групп. Целью было рассмотреть состояние меньшинств на текущий момент и какие органы законодательства присутствуют, а также как решают языковые проблемы, проблемы сохранения культуры и т.д. Основным источником послужил официальный сайт правительства Чехии. Было выяснено, что на местном уровне основным органом, координирующим деятельность национальных меньшинств, является Совет при Правительстве ЧР по делам национальных меньшинств. Рассмотрены его основные функции. В качестве законодательной базы помимо Конституции, Хартии (декларация) по правам человека, Концепции внешней политики Чехии упомянут Закон «О национальных меньшинствах». В Законе закреплены права на двуязычные наименования и обозначения населенных пунктов, районов и улиц проживания представителей нацменьшинства; право пользования национальным языком при поддержании официальных контактов и в суде; право на образование на языке нацменьшинства; право на распространение и получение информации на языке нацменьшинства, а также право на сохранение своих традиций и развитие культуры. Еще одним основополагающим документом Чехии в области политики национальных меньшинств является Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. Далее в статье указаны обязательства ЧР на региональных уровнях, а именно Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод, в Совете ООН по правам человека.

Таким образом, вопросам защиты основных прав и свобод человека в Чехии уделяется большое внимание, как на уровне государства, так и на уровне различных НПО.

Ключевые слова: Чехия, четырнадцать национальных меньшинств – белорусское, болгарское, хорватское, венгерское, немецкое, польское, цы-

ганское, русинское, русское, греческое, словацкое, сербское, украинское и вьетнамское, Закон «О национальных меньшинствах», Совет при Правительстве ЧР по делам национальных меньшинств.

Национальное меньшинство – понятие, возникшее в начале XX века, когда появлялись так называемые национальные государства, государства одного народа. Людей, не принадлежавших к национальности правящего народа, называли национальными меньшинствами [1].

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [2. С. 100-108; 5; 6; 10. С. 111].

Однако проблему национальных меньшинств нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Чешская Республика, как и большинство европейских государств, имеющих богатую историю, связанную с завоеваниями, вхождением в состав других государств и территориальными переделами, имеет неоднородный национальный состав.

Во времена социализма, когда Чехословакия состояла из Чехии и Словакии, в Чехии в качестве национальных меньшинств признавали только поляков и немцев, а в Словакии – венгров и украинцев.

После того, как Чехословакия распалась на две страны, возникли новые меньшинства: в Чехии национальными меньшинствами стали словаки, а в Словакии – чехи. После распада помимо изменений, связанных с отношением чехов к словакам также и изменилось отношение ко второму многочисленному меньшинству, проживающему в республике – цыганам. Произошло осознание чехов в отношении их совместного существования с цыганской диаспорой – то есть того, что раздельно они уже не смогут существовать.

Помимо этого, со времен «бархатной революции» 1989 года Чехию посетило также большое количество людей разных вероисповеданий и национальностей и впоследствии осталось там жить. Однако стоит заметить, что национальным меньшинством не может стать группа иностранцев, приехавшая в Чехию на основании визы. Всеми льготами, которые вытекают из статуса представителя национальных меньшинств, могут пользоваться исключительно граждане страны. Кроме наличия чешского гражданства, другими основными условиями признания статуса национального меньшинства являются: несомненная стабильность проживания на территории страны и выражение желания стать официальным меньшинством со стороны данной этнической группы. Необходимо желание этнической группы, чтобы их этим меньшинством признали. Так утверждает член Совета национальных меньшинств при правительстве Чешской Республики Андрей Сулитка в ин-

тервью чешскому радио «radio.cz», опубликованном на интернет-портале. В момент его выступления он и его команда готовили выход в свет новый закон о национальных меньшинствах. Перепись населения играет важную роль в определении того, кого из проживающих на территории страны национальностей можно назвать национальными меньшинствами. На основании анализа данных переписи можно узнать об их численности, структуре. Но, конечно, этого недостаточно.

В связи с этим тема национальных меньшинств не перестает быть актуальной для страны. Вопросы диаспор являются темой, которой уделяется постоянное внимание.

Понятие «национальное меньшинство» существует в правовом порядке Чешской Республики и прошло определенное развитие в контексте защиты прав человека с момента принятия Чехией Декларации прав и свобод человека в 1993 году.

По состоянию на начало 2019 года население Чехии составляет 10,6 миллионов человек, из которых 5% – иностранцы. Основные народы Чехии – это этнические чехи, моравы и силезцы. Все народы, населяющие Чехию, пользуются на ее территории одинаковыми правами.

Мораване на момент создания самостоятельной Чехословакии в 1918 году являлись одним из трех (наряду с чехами и словаками) государствообразующих народов, что было зафиксировано в конституции того времени. Сейчас они проживают компактно на своих исторических территориях на востоке нынешней Чешской Республики и фактически составляют единое культурное и языковое (моравское наречие практически не отличается от чешского языка) пространство совместно с титульной нацией – чехами. Вторая по численности национальность – мораване (521 801 человек) официально в качестве нацменьшинства в Чехии не признается.

Подавляющее большинство десятиmillionного населения страны составляют чехи (95%). Официально в Чешской Республике зарегистрировано 14 национальных меньшинств: белорусское, болгарское, хорватское, венгерское, немецкое, польское, цыганское, русинское, русское, греческое, словацкое, сербское, украинское и вьетнамское [13]. К остальным чешское правительство относит еврейскую общину и общины меньшинств из азиатских стран (китайскую и т.д.).

На том же интернет-портале, в опубликованном интервью с Андреем Сулиткой была дана информация о том, что свой статус меньшинств украинцы и венгры получили после переписи 1991 года.

Согласно официальным данным, опубликованным на сайте чешского правительства vlada.cz самым многочисленным нацменьшинством (данные переписи 2011 года) являются словаки (147 152), за ними следуют украинцы (53 253), поляки (39 096), вьетнамцы (29 660), немцы (18 658) и русские (17 872). Полученные в ходе переписи цифры носят ориентировочный ха-

раक्टर еще и потому, что четверть респондентов отказались сообщить свою национальность, как утверждается на сайте. По итогам той же переписи в Чехии проживало 5 135 граждан ЧР, относящих себя к цыганской национальности, однако реальное количество цыган, согласно данным министерства внутренних дел, колеблется от 130 до 300 тысяч человек.

На территории Чехии также проживает большое количество граждан других национальностей, особенно приехавших с целью учебы или поиска работы. Они, как правило, объединены в различные общественные организации, однако не имеют статуса национальных меньшинств. Это граждане Китая (5 тыс.), Молдавии (10 тыс.), Монголии (6 тыс.), Казахстана (4 тыс.), США (6 тыс.).

За решение проблем национальных меньшинств отвечает кабинет министров Чехии. Основным консультативным органом, осуществляющим координирующую деятельность в вопросах национальных меньшинств в Чехии, является учрежденный в 2001 г. Совет при Правительстве ЧР по делам национальных меньшинств [12]. Его основной задачей является содействие сохранению национальной и культурной самобытности диаспор, проживающих на территории страны. Председателем Совета назначается член правительства, в настоящее время эту должность занимает премьер-министр Чешской Республики ЧР Андрей Бабиш. В его состав также входят министр юстиции, президент Законодательного совета правительства Чешской Республики – Роберт Пеликан, уполномоченный правительства по правам человека (заместитель начальника отдела по правам человека) – Мартина Штепанкова, представители 7 министерств (на уровне заместителей министров), заместители руководителя канцелярии президента, сотрудники других учреждений и ведомств Чешской Республики.

Совет, состоящий из 36 членов, является рекомендательным и инициативным органом по вопросам, касающимся проблем нетитульных наций, проживающих в Чехии, координирует деятельность комитетов по работе с нацменьшинствами на краевом и коммунальном уровнях, а также участвует в подготовке соответствующих законопроектов. В сферу его деятельности также входит взаимодействие с органами местного самоуправления в вопросах реализации национальной политики государства и внесение предложений по распределению финансовых средств, выделяемых из госбюджета на поддержку национальных объединений.

Помимо госчиновников в Совет входят 14 представителей нацменьшинств (белорусского, болгарского, хорватского, венгерского, немецкого, польского, цыганского, русинского, греческого, русского, словацкого, сербского, украинского и вьетнамского и остальные – евреи, китайцы и т.д.). Русскую диаспору представляет член объединения российских соотечественников «Русская традиция» А.Н. Келин [11].

Совет ежегодно готовит Доклад о положении национальных меньшинств в Чешской Республике и представляет его на утверждение в правительство [7; 17].

Права нацменьшинств в Чехии и соответствующие компетенции министерств, административных учреждений и органов местного самоуправления в этой области непосредственно регулирует Закон «О национальных меньшинствах», вступивший в силу 2 августа 2001 года [4; 3]. В нем закреплены основные общегражданские права национальных диаспор, их право на национальную и этническую идентичность, сохранение и развитие своих традиций. Еще одним основополагающим документом является Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, участником которой ЧР стала в 1997 г. Чехия является участником ряда международных договоров, касающихся данной проблемы. В частности, присоединение Чехии в 2007 г. к Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств позволило нацменьшинствам пользоваться правом на получение образования и информации на родном языке, на употребление национального языка в контактах с официальными учреждениями и судебными органами и на использование двуязычных наименований населенных пунктов в местах компактного проживания. Кроме основных общегражданских прав, представляющих широкие возможности активного участия в культурной, общественной и хозяйственной деятельности, в Законе закреплены права на двуязычные наименования и обозначения населенных пунктов, районов и улиц проживания представителей нацменьшинства; право пользования национальным языком при поддержании официальных контактов и в суде; право на образование на языке нацменьшинства; право на распространение и получение информации на языке нацменьшинства, а также право на сохранение своих традиций и развитие культуры. Кроме того, статья 3 Конституции Чешской Республики [14] определяет, что Хартия (декларация) по правам человека является частью конституционного порядка ЧР [9].

Значимость обеспечения прав и свобод граждан независимо от их национальной (этнической) принадлежности также прописана в Концепции внешней политики ЧР [8] в пункте 4.3. «Человеческое достоинство и права человека» – это поддержка глобальных усилий по обеспечению достойной жизни. Далее объясняется: «При этом она исходит из предположения, что достижение человеческого достоинства является ценностью само по себе, и параллельно это способствует укреплению международной безопасности, так как одновременно предотвращает или ограничивает возникновение угроз опасности, таких, например, как региональные конфликты, терроризм или нерегулируемая миграция, а также способствует устойчивому развитию».

В области защиты прав человека и демократии Чехия претендует на роль активного и ответственного члена международного общества. Через

механизмы ЕС Чехия, являясь участником Лиссабонского Договора, имеет обязательства в рамках Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод [16]. В чешскую законодательную базу инкорпорированы также антидискриминационные правовые нормы ЕС (закон № 198/2009 Св. зак. «О равном обращении и о правовых средствах защиты от дискриминации») [15].

Ангажируется по этой проблематике в ОБСЕ и Евросоюзе, где отстаивает принципы всесторонней и конкретной поддержки демократии и прав человека и максимального использования в этих целях финансовых инструментов ЕС. Сама ЧР учредила Программу т.н. трансформационного сотрудничества и из ее средств активно поддерживает проекты негосударственных некоммерческих организаций по развитию демократии, защите и поддержке прав человека.

В 2008 г. и 2011 г. ЧР избиралась в состав Совета ООН по правам человека (членство закончилось в 2014 г.).

Вопросам защиты основных прав и свобод человека, таким образом, в Чехии уделяется большое внимание, как на уровне государства, так и на уровне различных НПО.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Закон о национальных меньшинствах // <https://www.radio.cz/ru/rubrika/tema/zakon-o-nacionalnyx-menshinstvax>.

2. *Медведев Н.П.* Межнациональные отношения и национальная политика // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2016. № 3 (17).

3. Меньшинства и иммигранты в политике Чехии. Правовые рамки положения национальных меньшинств в Чешской Республике // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы» // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35920>

4. Ориентиры внешней политики Чехии // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы» // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35925>.

5. *Похожяев В.И.* Государственная национальная политика в современных условиях, ее содержание и особенности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 6 (51).

6. *Сулейманова Ш.С.* Роль СМИ и национальных общественных объединений в реализации стратегии национальной политики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 7 (52).

7. Dokumenty Rady // <https://www.vlada.cz/scripts/detail.php?pgid=125>.

8. Koncepce zahraniční politiky České republiky // Ministerstvo zahraničních věcí České republiky // http://www.mzv.cz/file/675937/koncepce_zahranicni_politiky_2011_cz.pdf.

9. Listina základních práv a svobod. (Ústavní zákon č. 2/1993 Sb. ve znění ústavního zákona č. 162/1998 Sb.) // Poslanecká sněmovna Parlamentu České republiky // <http://psp.cz/docs/laws/listina.html>.

10. Medvedev N.P., Slizovskiy D.E., Glebov V.A., Medvedev V.N., Amini A.R. Ethno-Language Issue as a Source of Separatism and Instability in Ukraine // Journal of Politics and Law. 2019. T. 12. № 5.

11. Průvodce právy příslušníků národnostních menšin v české republice II // <https://www.vlada.cz/assets/ppov/rnm/dokumenty/publikace/pruvodce.pdf>

12. Rada vlády pro národnostní menšiny // <https://www.vlada.cz/cz/pracovni-a-poradni-organy-vlady/rnm/historie-a-soucasnost-rady-15074/>

13. Statut Rady vlády pro národnostní menšiny // https://www.vlada.cz/assets/ppov/rnm/Statut-Rady-vlady-pro-narodnostni-mensiny_1.pdf

14. Ústava České republiky ze dne 16. prosince 1992 // Poslanecká sněmovna Parlamentu České republiky // <http://psp.cz/docs/laws/constitution.html>

15. Zákon o rovném zacházení a o právních prostředcích ochrany před diskriminací a o změně některých zákonů (antidiskriminační zákon). Předpis č. 198/2009 Sb. // Zákony pro lidi // <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-198>

16. Zasilání aktualit o eu // Věcně o evropě // <https://www.euroskop.cz/76/sekce/institute-eu/>

17. Zpráva o situaci národnostních menšin v České republice za rok 2018 // <https://www.vlada.cz/assets/ppov/rnm/dokumenty/dokumenty-rady/Zprava-o-situaci-narodnostnich-mensin-v-Ceske-republice-za-rok-2018.pdf>.

D.I. GALIMULLINA

*Post-graduate part-time student of the Department
of International Relations of the Diplomatic Academy
of the Russian Ministry of Foreign Affairs,
Moscow, Russia*

NATIONAL MINORITIES IN THE POLITICAL SYSTEM OF THE CZECH REPUBLIC

The article examines the situation of national minorities in the Czech Republic, and also provides some legal policies regarding them. The basic concepts of the studied problem are given; quantitative data of ethnic groups are given. The aim was to consider the state of minorities at the moment and which legislative bodies are present, as well as how they solve language problems, problems of preserving culture, etc. The main source was the official website of the Czech government. It was found that at the local level, the main body coordinating the activities of national minorities is the Government Council for National

Minorities. Its main functions are considered. In addition to the Constitution, the Charter (declaration) on human rights, the Czech Foreign Policy Concept, the Law “On National Minorities” is mentioned as a legislative base. The Law enshrines the rights to bilingual names and designations of settlements, areas and streets of residence of representatives of the national minority; the right to use the national language while maintaining official contacts and in court; the right to education in the language of a national minority; the right to disseminate and receive information in the language of the national minority, as well as the right to preserve their traditions and develop culture. Another fundamental document of the Czech Republic in the field of national minority policies is the Framework Convention for the Protection of National Minorities. The article further indicates the obligations of the Czech Republic at regional levels, namely the Council of Europe Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, in the UN Human Rights Council.

Thus, the Czech Republic pays great attention to the protection of fundamental human rights and freedoms, both at the state level and at the level of various NGOs.

Key words: *The Czech Republic, fourteen national minorities – Belarusian, Bulgarian, Croatian, Hungarian, German, Polish, Roma, Ruthenian, Russian, Greek, Slovak, Serbian, Ukrainian and Vietnamese, the Law on National Minorities, Government Council for National Minorities.*

ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ ГРАНИЦ КАВКАЗА

В данной статье рассмотрена проблема обоснования границы Кавказа, которая на сегодняшний день еще обсуждается в научной сфере. Проанализированы характерные особенности обоснования границ региона Кавказа: северная граница Кавказа определяется физико-географическим фактором, а южная – геополитическим, проходя по бывшей границе СССР. Выявлена и обоснована необходимость комплексного использования методов природно-географического, этнографического, культурно-географического и геополитического анализа. На основе проведенного исследования, автором предлагается применить уникальный подход к проблеме, углубиться в историю формирования границ региона, а также уделить внимание динамической политической ситуации на Кавказе.

Ключевые слова: границы Кавказа, геополитика, регионоведение.

Кавказ – это не просто природно-географический, или историко-этнографический район, его зарождение и развитие всегда сопровождается геополитический фактор. Границы Кавказа изменялись и, наверняка, будут изменяться в случае изменения границ, расположенных на территории Кавказа стран. Среди ученых идет дискуссия о том, какую территорию охватывает Кавказ и с помощью каких методов ее можно определить.

Исследование вопроса границ Кавказа имеет важное теоретическое значение для ряда научных областей таких, как культурная география, этнография, регионоведение и т.д., а также имеет практическое значение в сферах политики, экономики, культуры. В общем, географическому районированию в современное время уделяется мало внимания, несмотря на важность самой темы, а дискуссия о границах Кавказа как раз послужит поводом для глубокого обсуждения данного вопроса.

Как отмечают в своей работе американские географы П. Джеймс и Дж. Мартин, по сравнению с исключительно физическими факторами для определения границ в физической географии, в географии культуры или географии человека всегда включаются «нефизические», человеческие факторы, т.е. человеческие представления в рамках конкретных идеологий [2].

В качестве примера я бы привел принципы разделения Китая на северную и южную части, и выделение Северо-Восточного района Китая. Граница между северной и южной частями задается по изотерме января, равняющейся 0 градусов, к югу от нее территории относятся к субтропическому и тропическому поясам, а севернее ее – к умеренному поясу. Северо-восточный район Китая, судя по названию, должен занимать северо-восточную часть китайской территории, включая северо-восточную часть Внутренней Монголии и Провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, но, на самом деле, это не совсем так. В 1907 году правительство династии Цин административно назначил три провинции (родина нации «Маньчжу») на территории северо-восточного Китая и с того момента стали называть эти три провинции «Дун Бэй» (Северо-Восток).

Если говорим о Юго-Восточной Азии, Средней Азии, то их границы имеют более культурное значение, в каждом из этих регионов существует однородная культура. Что касается Ближнего Востока, то народы здесь объединяются единой религией. Итак, можно сказать, что все крупнейшие образующие и существующие регионы скорее обладают культурными сходствами, чем едиными политическими и экономическими целями.

Кавказ ни в географическом, ни в геополитическом, ни в культурном отношении, нельзя назвать единым регионом. Кавказ выступает сегодня не столько как регион, сколько как геоконцепт, как продукт концептуализации территории, формирующийся под воздействием науки, искусства, политики, СМИ. При комплексном подходе к районированию, принцип однородности критериев теряет свою строгость, что дает авторам широкие возможности их интерпретации.

Перед тем, как начать анализировать отличающиеся от общепризнанных границ варианты, представим сегодняшнее районирование Кавказа.

Северный Кавказ входит в Россию, и северной границей Кавказа признана Кумо-Маньчская впадина; на Южном Кавказе расположены три независимых государства: Грузия, Армения, Азербайджан, южная граница Кавказа совпадает с границами с сопредельными странами Турцией и Ираном. Берега Азовского и Черного морей с запада составляют западную границу Кавказа, а берег Каспийского моря с востока считается восточной границей Кавказа (рис. 1).

Грузинский профессор Р.А. Топчишвили со ссылкой на административное деление во времена Российской Империи, выразил свое возражение на вышеуказанный вариант границ Кавказа. В досоветский период, территория Российской империи была обширной, охватывала ту часть, которая принималась как Кавказ, включая историческую Грузию и Западную Армению. С точки зрения Р.А. Топчишвили, политический фактор в определении территории Кавказа всегда пользовался приоритетом, а географический фактор игнорировался. Он отметил: «Если оставить в стороне физико-гео-

Рис. 1. Кавказ: Историко-географические области и современные границы [7]

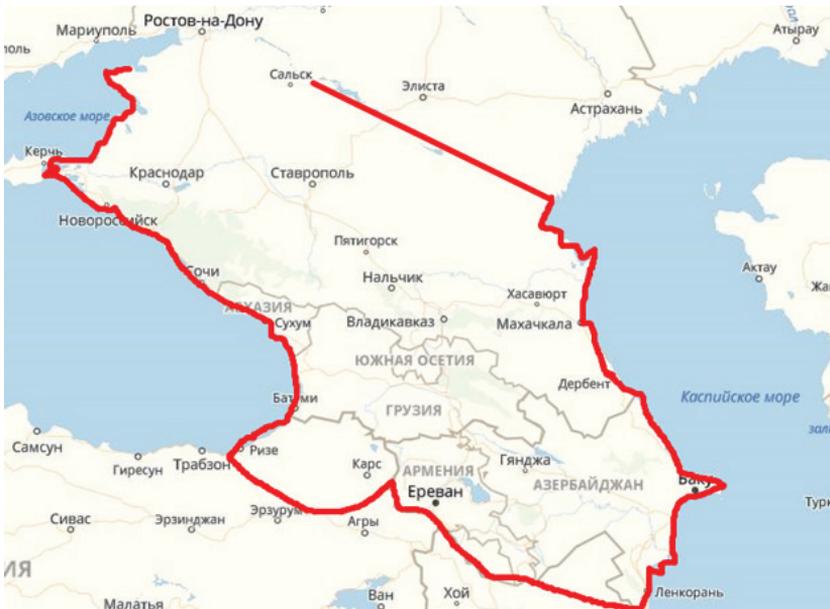

Рис. 2. Границы Кавказа по Р.А. Топчишвили [6]

графический фактор, большой ареал, расположенный южнее Грузии, Армении и Азербайджан, как с исторической, так и с культурной точки зрения является неотъемлемой частью Кавказа» [6. С. 62].

Более того, грузины, проживающие на территории Турции, идентифицируют себя как кавказцы и проводят ежегодное праздничное мероприятие с названием «Кавкасор». Регион исторической Грузии, Лазети, Аракское ущелье рассматривают в научной сфере Турции как часть Кавказа, даже университет Карса носит название «Кавказский Университет». Поэтому по мнению Р.А. Топчишвили в Южный Кавказ нужно включать Лазети, бассейн Чорохи, исток и верхнее течение Куры и бассейн Аракса (рис. 2).

Полностью согласен с автором в том, что границы Кавказа определяются частично по физико-географическим, частично по геополитическим факторам, что нарушает главный принцип районирования – однородности критериев. Однако, на мой взгляд, мнение Р.А. Топчишвили представляется мне однобоким. С одной стороны, автор настаивает подходить к исследуемому вопросу с физико-географической точки зрения, как А.Н. Ямсков отметил, «это явная абсолютизация физико-географического понимания Кавказа», а в современном мире при сложных политических, экономических и культурных обстоятельствах невозможно рассматривать вопросы районирования только по отдельному принципу, необходимо учитывать всесторонние факторы. С другой стороны, приводя административное деление Кавказа в исторической Российской Империи, идентичность турецких грузин себя как кавказцев, автор пытается убедиться в том, что сопредельные регионы Турции и Ирана также относятся к территории Кавказа.

В ответ на статью Р.А. Топчишвили, А.Н. Ямсков сначала отметил несколько допущенных ошибок, потом обозначил представление Кавказа с точки зрения разных областей науки, в конце попытался показать оптимальное восприятие Кавказа – историко-географический регион, рассмотреть исторический процесс и причины формирования его границ [8. С. 66-76].

Прежде всего, А.Н. Ямсков в отличие от Р.А. Топчишвили проводит северную границу Кавказа как границу между Европой и Азией по Кумо-Манычской впадине и возражает против отождествления горной части Северного Кавказа с Предкавказьем. А.Н. Ямсков считает, что Р.А. Топчишвили нарушает установленные им самим правила, что границы Кавказа должны определяться только по природно-географическим критериям. Так, в одном случае для включения северо-восточной части Турции в регион Кавказа, он использует этнографический критерий, показывая идентичность этнически грузинского (лазского) населения. В то же время, когда автор говорит о территории Кавказа, относящейся к сегодняшнему Ирану, он игнорирует этнографический критерий, обращает внимание только на физико-географические показатели [8].

Дальше по тексту Ямскова рассматриваются основные существующие трактовки для выделения или районирования регионов в рамках разных на-

Рис. 3. Западная Армения

Рис. 4. Иранский Азербайджан

учных дисциплин, и он пытается описать Кавказ и выяснить территориальные пределы Кавказа.

Он считает, что на основе историко-этнографического критерия относить приблизительно половину сегодняшней Турции (Турецкая Армения) или почти равную Азербайджану площадь территории Ирана (Иранский Азербайджан) к Кавказу неприемлемо. Оказывается, что лишь исторические ареалы Грузии и народы Северного Кавказа включаются в Кавказ (рис. 3, 4).

Геополитическое понимание Кавказа оказывается просто и понятно, оно основывается на государственных и административных границах. В этом аспекте, вопрос о границах Кавказа не вызывает никакой неясности: он состоит из трех независимых государств Южного Кавказа и Северного Кавказа, включая в себя республики и края Российской Федерации: Дагестан, Чечню, Ингушетию, Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, Адыгею, Ставропольский край и Краснодарский край.

Карта выполнена в Азербайджанской Демократической Республике (1918-1920). Она показывает «Кавказский Азербайджан», включая по мнению правительства Азербайджана спорные территории, и «Персидский Азербайджан». Хранится в Музее Истории Азербайджана.

Последний подход к обсуждаемой проблеме: Кавказ как историко-географический регион. Здесь самое главное в том, как жители и общество в целом исследуемого региона и населения сопредельных регионов осознают свою идентичность. В данном случае, в представлении российского общества или закавказских государств, прежде всего, отражается история установления связей России с этой территорией. Долгое время Кавказ выступал как природно-географический и военно-политический барьер на пути экспансии Российской Империи. Естественно, граница региона Кавказа не совпадают ни с этнографическими, ни с физико-географическими рубежами, так как формирование Кавказа имеет военно-политический характер.

В результате длительного пребывания в составе Российской Империи и СССР сформировалась региональная общность «кавказцы», представление о которой укоренилось в сознании россиян и жителей других постсоветских государств. Массовые миграции в Россию привели к возникновению кавказофобии в принимающей стране, что послужило дополнительным фактором формирования кавказской идентичности. Армяне и азербайджанцы, которые проживают на территории Турции и в Иране, могут позиционировать себя как «кавказцы», но между ними и постсоветскими армянами и азербайджанцами уже создан серьезный барьер из-за укрепляющейся кавказской идентичности.

В целом, я согласен с мнением А.Н. Ямскова о том, что Кавказ как горная территория с давних времен выступал в качестве естественно-природного барьера. Формирование региона Кавказа отражает военно-политический характер, так что границы Кавказа не совпадают ни с физико-географическими, ни с историко-этнографическими рубежами.

Относительно южной границы Кавказа, как физико-географического понятия, С.А. Арутюнов отмечает, что это понятие имеет место только при случае, когда Кавказ существует как большая горная страна или система, которая образуется Большим Кавказским хребтом и его отроги и параллельные гряды, и на юге ее граница соединяет Колхидскую низменность, среднее и нижнее течение реки Куры. Проанализировав историю развития языков и территории проживания народов, которые ныне живут на территории Кавказа, С.А. Арутюнов утверждает, что племена, говоривших на древних кавказских языках, жили достаточно далеко от территорий, сегодня с названием Большого и Малого Кавказа. Что же касается общих черт внешности – «кавказкости», то не все кавказские народы показывают однородные характеристики.

С этнографической точки зрения, «кавказские азербайджанцы» и «иранский азербайджанцы» представляют собой совсем разные общности, несмотря на их близкие диалекты общего языка, оснований их соединить не больше, чем у объединения сербов и хорватов под общим колпаком югославов. Подводя итоги, автор утверждает, что Кавказ имеет только один вариант южной границы: это политическая граница между государствами Закавказья, с одной стороны, и Турцией и Ираном, с другой.

По моему мнению, обсуждать южную границу Кавказа как физико-географическое понятие имеет смысл только тогда, когда мы понимаем Кавказ в целом как горную систему. Итак, можно сказать, что Кавказ представляет собой топоним, по крайней мере, в первоначальном виде. После того, как территория нынешних трех независимых государств была принята в состав Российской империи, регион был назван Кавказ в составе двух областей – северокавказской и закавказской. Географы придумали эти названия на основе имевшего топонима – горная система Кавказ, и последний превращен в географическое название. Кавказ со статусом географического названия представляет собой регион, который под управлением Российской Империи и географически находится в горной системе Кавказ. Власти Российской Империи или Советского Союза для народов, проживающих на Кавказе, сконструировали идентичность «кавказец». После долголетнего взаимодействия, народы Кавказа восприняли себя как кавказский народ и такая идентичность со временем только укреплялась в представлении народов Кавказа. Подводя итоги, современные границы Кавказа (северная граница Кавказа проходит по Кумо-Манычской впадине, а южная граница Кавказа совпадает с границами с сопредельными странами Турцией и Ираном) совершенно оправданы и устойчивы, что для России имеет исключительно важное геополитическое значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Арутюнов С.А. Где кончается Кавказ и где начинается истина? // Этнографическое обозрение. 2013. № 5.

2. Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. История географических идей. М.: Прогресс, 1988.

3. Калуцков В.Н. О трех столпах географической ономастики: топоним – географическое название – геоконцепт // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. № 3.

4. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1969-1978.

5. Соколовский С.В. Заметки о принципах выделения регионов в географии и антропологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 5.

6. Топчишвили Р.А. Какую Территорию Охватывает Кавказ? // Этнографическое обозрение. 2013. № 5.

7. Цуциев А. Атлас Этнополитической Истории Кавказа (1774-2004). М.: Европа, 2007.

8. Ямсков А.Н. О Кавказе и его границах // Этнографическое обозрение. 2013. № 5.

U JUN

*Magistrate student of the foreign
languages and regional studies faculty
of Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

THE PROBLEM OF JUSTIFYING OF THE CAUCASUS BORDERS

This article considers the problem of the Caucasus borders justification, which is still being discussed in the scientific field. Characteristics of justifications of the boundaries of the Caucasus region were analyzed, for example, the Northern border of the Caucasus is determined by physical-geographical factors while South is determined by a geopolitical factor and lies along the former USSR border. The necessity of complex use of natural-geographical, ethnographic, cultural-geographical and geopolitical analysis methods is highlighted and justified. Based on this research, the author proposes to apply a unique approach to the problem, delve into the history of this region borders formation and pay attention to the dynamic political situation in the Caucasus.

Key words: *the Caucasus boundaries, geopolitics, regional studies.*

УДК 32.327

DOI 10.35775/PSI.2019.52.12.019

А.И. МУРАВЬИХ

*доктор экономических наук,
профессор кафедры государственного управления
и национальной безопасности Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Россия, г. Москва*

Е.Г. НИКИТЕНКО

*генерал-майор, кандидат исторических наук,
профессор кафедры государственного управления
и национальной безопасности Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Россия, г. Москва*

МОБИЛИЗАЦИОННОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ Часть II

В статье вопросы мобилизационного стратегического планирования рассматриваются на основе системной антикризисной консолидации усилий российского общества и государства в ответ на критические вызовы и угрозы безопасности и развитию страны. Предложена схематическая модель «идеальной» социально-экономической системы для конкретизации функции целеполагания. Критически анализируется роль элиты в развитии и обеспечении безопасности РФ. Сформулирован ряд условий обеспечения «жизнеспособности» документов стратегического планирования. Показана необходимость разработки и реализации единого мобилизационного плана под «патронажем» Президента РФ и Администрации Президента РФ, в которой целесообразно произвести ряд соответствующих структурно-функциональных изменений. Аргументированы беспрецедентные условия и предпосылки «форсажного» развития российской экономики. Реализация огромного потенциала развития России позволиткратно повысить благосостояние широких слоев населения и власть имущей элиты, обеспечить национальную безопасность России в условиях ожесточенной конкурентной борьбы на мировой арене.

Ключевые слова: мобилизация, стратегия, план, интересы, угрозы, безопасность, развитие, элита, политика, экономика.

Условия «жизнеспособности» стратегии безопасности и развития России. В условиях обострения внешней опасности объективно оправдано сглаживание противоречий внутри правящей элиты и сплочение ее патристической части вокруг Президента и его команды. Для обеспечения «жизнеспособности» социально-экономических реформ мобилизационного характера необходим не только «вынужденный» консенсус правящих элит под эгидой влиятельной национально ориентированной элитарной группы, но и доверие, и поддержка широких слоев населения. В России чрезвычайно важно восстановить и укрепить доверие народа к Президенту РФ, которое пошатнулось после принятия пенсионной реформы и ряда действий Правительства РФ. Нужно действенными мерами опровергнуть главный циркулирующий в народе тезис: коррупционная власть защищает интересы богатых за счет ущемления интересов бедных. Можно рассмотреть целесообразность следующих мер, направленных на создание необходимых условий для социально-экономических преобразований.

1. *Смягчение пенсионной реформы.* Вернуться к прежней пенсионной системе при едином размере пенсии на уровне прожиточного минимума сроком на пять лет. Помимо социального эффекта данная мера увеличит совокупный оплаченный спрос, необходимый для оживления экономического роста. Тем самым средства международных резервов, обширного ФНБ и беспрецедентного профицитного бюджета РФ (суммарно около 45 трлн. руб.) будут работать на отечественную экономику. Через пять лет в условиях высокого экономического роста можно будет вернуться к проблеме повышения пенсионного возраста.

2. *Введение прогрессивной шкалы налогообложения.* Ввести ставки налога для обложения сверхдоходов на уровне средних ставок, принятых в демократических странах. Для бедных слоев населения принять пониженную ставку (менее 13%), конкретное значение которой определяется компенсацией поступлений в бюджет за счет налогообложения сверхдоходов. Остальные граждане платят НДФЛ по прежней ставке – 13%. Прогрессивная шкала налогообложения – наиболее эффективный и убедительный для массового сознания способ решения проблемы социальной справедливости. Отсутствие такой меры нельзя объяснить людям никакими отговорками.

3. *Реальная борьба с коррупцией.* Ратификация 20-й статьи о незаконном обогащении Конвенции ООН против коррупции, которая уже ратифицирована во многих странах мира. В этих странах эффективно борются с коррупционными явлениями и не пытаются оправдаться «презумпцией невиновности» государственного служащего. Данная правовая норма значительно повышает управляемость бюрократии. Широкая профессионально организованная компания представления результатов борьбы с коррупцией в СМИ и Интернете.

4. *Действенные антирейдерские меры.* Незаконный захват активов предприятий, а также имущества юридических и физических лиц принял

в РФ невиданные масштабы, что уничтожает предпринимательскую инициативу и разрушает конкурентную среду. Принятие специального правового акта по борьбе с рейдерством и создание специализированной организационной структуры в правоохранительных органах РФ с широким освещением результатов антирейдерской деятельности в Интернете и СМИ.

5. *Полная амнистия капиталов и имущества.* Оглашая Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, 4 декабря 2014 г., В.В. Путин заявил: «Предлагаю провести полную амнистию капиталов, возвращающихся в Россию. Именно полную. И конечно, нужно разъяснить для людей, которые должны принять соответствующие решения, что это значит – полная амнистия. Это значит, что если человек легализует свои средства и имущество в России, он получит твердые правовые гарантии, что его не будут тащить по различным органам, в том числе и правоохранительным, «трясти» его там и тут, не спросят об источниках и способах получения капиталов, что он не столкнется с уголовным или административным преследованием и к нему не будет вопросов со стороны налоговых служб и правоохранительных органов». Результаты проведенной в РФ амнистии капиталов нельзя признать убедительными, что свидетельствует о низкой эффективности принятой модели ее реализации. Согласно сделанному заявлению министра финансов РФ А. Силуанова [2], амнистированы активы на общую сумму 35 млрд. евро, тогда как вывоз капиталов из России за период 2006-2018 годы оценивается примерно в 700 млрд. долларов США. Изложенным выше тезисам Президента РФ в наибольшей степени, на наш взгляд, отвечает успешный опыт проведения амнистии капиталов и имущества в Турции, что послужило мощным импульсом для известного «рывка» турецкой экономики. Принятая программа легализации капиталов позволила значительной части населения Турции перевести десятки млрд. долларов на счета отечественных банков, не опасаясь, что кто-то заинтересуется историей их происхождения. В мировой практике амнистия капиталов является общепризнанной тенденцией.

6. *Решительная кадровая политика.* Существенное повышение ответственности работников, имеющих отношение к госсектору, за получение конкретных результатов (особенно по реализации нацпроектов) вплоть до их увольнения. Именно отсутствие положительной динамики в достижении установленных целевых показателей может служить основанием для смены руководящего состава, реорганизации или расформирования неэффективной управленческой структуры. Использование современных информационных технологий для регулярного освещения общественно значимых результатов. Совершенно недопустима со стороны ответственных работников негативная оценка (тем более публичная) принятых национальных проектов, иных государственных программ и планов. Большие имиджевые потери наносит власти «непотопляемость» дискредитировавших себя чи-

новников. Уровень заработной платы руководителей государственных организаций и организаций с госучастием не должен превышать средний уровень зарплаты высшего звена менеджмента.

Единый мобилизационный план. В Федеральном Законе «О стратегическом планировании в РФ (от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ)» изложены принципы стратегического планирования, среди которых одним из основных является принцип единства и целостности. Данный закон определяет также наличие на федеральном уровне трех ключевых стратегий безопасности и развития РФ. В настоящее время стратегическое управление в России базируется на следующих принятых документах стратегического планирования: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года», Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности РФ», Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 года № 642 «О Стратегии научно-технологического развития РФ». До сих пор не принята *Стратегия социально-экономического развития РФ*, которая должна определить условия и факторы достижения конкретных национальных целей, и служить первичной основой для разработки соответствующей налогово-бюджетной и кредитно-денежной политики государства. Следует выделить две принципиально различающихся группы документов государственного планирования. Стратегии безопасности и развития не имеют утвержденного ресурсного обеспечения в отличие от Национальных проектов и федерального бюджета РФ с горизонтом планирования на три года. В настоящее время именно Национальные проекты имеют реальную возможность воплощения в жизнь, поскольку они обладают финансовым и организационно-управленческим обеспечением. Поэтому важнейшие документы стратегического планирования, на наш взгляд, следовало бы существенно доработать в контексте реализуемых национальных проектов.

Все вышеназванные документы призваны определить единое стратегическое видение развития и безопасности России, что, на наш взгляд, весьма затруднительно сделать при отсутствии генерального разработчика этих документов. На сегодняшний день можно констатировать определенную незавершенность и несогласованность совокупности стратегических документов, которые разрабатывались разными авторскими коллективами и имеют различные сроки действия. Представляется целесообразным провести системную доработку комплекса документов стратегического планирования с учетом мобилизационных аспектов и с акцентом на «стратегическую поддержку» Национальных проектов. Такую систематизацию можно осуществить на основе единого мобилизационного плана по обеспечению национальной безопасности и социально-экономического развития России, который структурно и содержательно объединил бы всю совокупность стратегических документов. На федеральном уровне необходимо согласо-

вать на мобилизационной основе Стратегию национальной безопасности РФ, Стратегию научно-технологического развития РФ, Стратегию социально-экономического развития и Национальные проекты РФ. Макроэкономические условия, внешние и внутренние параметры безопасности, стратегические национальные приоритеты и ряд других условий, задаваемые вышеперечисленными стратегиями создают необходимую «обеспечивающую среду» для достижения национальных целей. Мобилизация усилий общества и государства должна опираться на четкий согласованный план, разработка и реализация которого имеет единое организационно-управленческое обеспечение.

В кризисные судьбоносные времена объективно необходима централизация государственной власти и ее легитимное усиление, о чем свидетельствует исторический опыт многих стран мира. «Мобилизационный» стиль государственного управления предусматривает наличие сильного признанного лидера, антикризисного штаба и единой команды для достижения общих целей. Представляется, что Администрация Президента РФ могла бы стать центром антикризисных реформ во главе с лидером нации и Президентом РФ В.В. Путиным. В рамках Администрации Президента РФ целесообразно, на наш взгляд, создание Национального совета по социально-экономическому развитию РФ, а также Управления налогово-бюджетной политики и Управления кредитно-денежной политики. В США с 1993 года функционирует Национальный экономический совет (The National Economic Council), входящий в состав Администрации Президента США и отвечающий за внешнюю и внутреннюю экономическую политику страны. Также в составе Администрации Президента США работает Административно-бюджетное управление (Office of Management and Budget), отвечающее за разработку Федерального бюджета, за представление этого бюджета в Конгрессе США и за контроль его исполнения. Кроме этого, Административно-бюджетное управление занимается совместно с Национальным экономическим советом и Министерством финансов рядом вопросов налогово-бюджетной и финансовой политики. Такая централизация реальной экономической власти в рамках президентской вертикали не вызывает отторжения у либеральной американской общественности. Адаптационное заимствование для российских реалий положительного управленческого опыта США вполне уместно и даже необходимо в ряде случаев. На наш взгляд, Администрация Президента РФ и Совет Безопасности РФ могли бы сыграть определяющую управленческую роль в разработке и реализации единого мобилизационного плана, объединяющего все поле стратегического планирования развития и обеспечения безопасности РФ. На первом этапе этот план послужил бы доработке в мобилизационной трактовке утвержденных документов стратегического планирования и Национальных проектов в целях наиболее эффективного осуществления

последних. На втором этапе целесообразно разработать и принять единую мобилизационную стратегию национальной безопасности и социально-экономического развития России.

Российское социально-экономическое «чудо». В различные периоды времени во второй половине XX века «экономические чудеса» наблюдались в таких странах как Германия, Япония, Сингапур, Малайзия, Южная Корея, Китай, Италия, Польша, Швеция и ряд других стран. Социально-экономическое развитие Сингапура и Китая – это феноменальные явления, не имеющие аналогов в мировой истории. Две полярные по внешним признакам страны в тоже время применяли общие схожие способы и средства достижения поставленных целей. К ним относятся: преодоление противоречий и консолидация усилий элит на решение общенациональных задач, сделавших ставку на человеческий капитал, жесткая почти авторитарная политика государства, четкие контролируемые планы развития, действенная борьба с олигархическими кланами и коррупцией. В итоге мобилизация здоровых сил общества и государства воплотилась в уникальный результат. Ожидание российского социально-экономического чуда несколько затянулось.

Самое поразительное экономическое чудо могло бы свершиться именно в Российской Федерации. Эффективное использование богатейших в мире природных ресурсов России (земельные и водные ресурсы, нефть, газ, уголь, лес, металлы, минеральные удобрения и др.) позволит минимизировать налоговую нагрузку на бизнес, снизить тарифы на энергоресурсы и осуществить масштабные государственные инвестиции в реализацию инфраструктурных проектов. Перечисленные выше меры являются антиинфляционными и значительно повышают конкурентоспособность экономики. Особую роль природных ресурсов в экономике России наглядно демонстрирует структура ее экспорта, в которой доля машин и оборудования составляет 6,5% от общего объема экспорта (450 млрд долл. США, 2018 г.). Только экспорт топливно-энергетических товаров (нефть, нефтепродукты, газ) обеспечивает доходную часть федерального бюджета РФ. Отметим для сравнения, что государственный пенсионный фонд (нефтяной фонд) Норвегии в 2018 году имел активы в размере одного триллиона долл. США, тогда как Фонд национального благосостояния РФ – 68 млрд. долл. США (!). В том же 2018 году в России было добыто 555 млн. тонн нефти и 725 млрд. куб. м. газа, а в Норвегии, соответственно, 86 млн. тонн нефти и 122 млрд. куб. м. газа. Приведенные примеры свидетельствуют об огромном потенциале эффективного использования природных ресурсов Российской Федерации. Норвегия реализовала преимущества своего ресурсного потенциала и преодолела так называемое «ресурсное проклятие», став одной из самых благополучных стран мира.

Российский человеческий капитал, признанный одним из самых мощных в мире, также ждет своего раскрытия и реализации. Только московский мегаполис мог бы выйти на уровень города-государства – Сингапура (5,9 млн. человек), в котором объем ВВП составляет 364 млрд. долл. США, США, что соответствует 23% объема ВВП России с населением 146,8 млн. человек (**1630 млрд. долларов США**). Одним из главных конкурентных преимуществ российской экономики является емкий внутренний рынок, тогда как на Западе все перспективные рынки давно освоены, что подрывает сами основы капиталистической экономики. Развивая внутренний рынок, прежде всего, за счет привлечения внутренних весьма значительных инвестиций [1], ориентироваться нужно не столько на рост ВВП, сколько на значительное повышение оплаченного совокупного спроса и соответствующего совокупного предложения (товары и услуги). Именно в этом случае происходит существенный рост реальных заработанных доходов широких слоев населения и бизнеса, а значит и укрепление позиций национально ориентированной властвующей элиты. Есть все объективные и беспрецедентные предпосылки для «форсажного» развития российской экономики и, соответственно, социальной сферы. «Классическим» препятствием на пути социально-экономического развития России являются доминирующие интересы узких олигархических групп.

Еще раз подчеркнем, что Россия обладает богатейшим ресурсным и человеческим капиталом, эффективное использование которого (приближение к «идеальной схеме») могло бы дать колоссальный результат. Реализация огромного потенциала развития России позволиткратно повысить благосостояние широких слоев населения и власть имущей элиты. Экономическая мощь страны является важнейшей составляющей обеспечения национальной безопасности России в условиях ожесточенной конкурентной борьбы на мировой арене. В противном случае Россия, включая ее элиту, будет обречена на вассальное от Запада существование и постепенную деграцию. Российская элита не может не понимать, что «сдача» национальных интересов приведет в итоге к «сдаче» будущего их детей и внуков, которые в лучшем случае станут менеджерами среднего звена на нефтегазовых вышках американских или иных ТНК. За рубежом без российского источника обогащения и в условиях полной правовой зависимости их будущее также бесперспективно. Инерционный ход событий раньше или позже, но неминуемо приведет к социальному бунту. В российском обществе ускоренно растет запрос на решительные и масштабные перемены [3]. Достаточно жесткие мобилизационные меры, проводимые национально ориентированной элитой и имеющие народную поддержку, гораздо результативнее долговременной разлагающей общество и власть «стабильности» в условиях усиления внешних и внутренних угроз.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аганбегян А.Г. Финансы, бюджет и банки в новой России. М., 2018.
2. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/11/11/815949-amnistirovali>.
3. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/11/05/815494-pochti-60-rossiyan>.

A.I. MURAVYKH

*D.Sc. (economics), professor,
Department of Public administration and National
safety of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

E.G. NIKITENKO

*Major General, Cand. Sc. (History),
professor, Department of Public administration
and National safety of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

MOBILIZATION STRATEGIC PLANNING FOR THE DEVELOPMENT AND SECURITY OF RUSSIA Part II

The issues of mobilization strategic planning are considered in the article based on the systemic anti-crisis consolidation of the Russian society and the state efforts in response to critical challenges and threats to security and development of the country. A schematic model of an “ideal” socio-economic system is proposed for concretizing the goal-setting function. The role of the elite in the development and ensuring the security of the Russian Federation is critically analyzed. A number of conditions are formulated to ensure the “viability” of strategic planning documents. The necessity of developing and implementing a single mobilization plan under the “patronage” of the President of the Russian Federation and the Presidential Administration, in which it is advisable to make a number of appropriate structural and functional changes, is shown in the article. The unprecedented conditions and prerequisites for the “afterburning” development of the Russian economy are substantiated. Realization of Russia's huge development potential will make it possible to multiply the well-being level of wide sections of the population and the power elite, and to ensure Russia's national security in the context of fierce competition on the world stage.

Key words: *mobilization, strategy, plan, interests, threats, security, development, elite, politics, economy.*

УДК 32.327
DOI 10.35775/PSI.2019.52.12.020

О.В. ЖУРАВЛЕВ

контр-адмирал, начальник Тихоокеанского
высшего военно-морского училища им. С.О. Макарова,
Россия, г. Владивосток

А.А. ТУШКОВ

доктор исторических наук,
профессор кафедры международных
отношений и права Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток

ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: ГОТОВА ЛИ РОССИЯ К МОРСКОМУ ПРИСУТСТВИЮ В ЭТОЙ ОТДАЛЕННОЙ МОРСКОЙ ЗОНЕ?

В данной статье рассматривается актуальная тема – исследование ключевых проблем по реализации национальной морской политики России в такой дальней морской зоне, как Индо-Тихоокеанский регион. Современная конфигурация международных отношений в значительной мере сузила поле деятельности России в мировой экономике и Мировом океане. Эти обстоятельства крайне негативно повлияли на все компоненты морского потенциала. В том числе, транспортный, промысловый, военно-морской и научно-исследовательский флоты, отрасли морехозяйственного комплекса, систему базирования флотов и т.п. С образованием в международной практике нового геополитического региона – Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), для России открываются новые возможности по практической реализации национальной морской политики в дальней морской зоне. Сегодня важно понять, готова ли страна к морскому присутствию в этой отдаленной морской зоне.

Ключевые слова: национальная морская политика России, концепция «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», КНР, Япония, США, Индия, Индонезия, стратегия «проактивного миротворчества», дальняя морская зона, АСЕАН.

Одним из важнейших для России является Юго-Восточная Азия как регион, который все больше и больше становится весомым актором в мировой политике. Рассматривая локальные международные политические

процессы, характерные для такого региона, можно сделать вывод, что это перспективный регион в современной геополитике, поскольку в нем находятся как региональные державы, оказывающие воздействие на все объекты ЮВА благодаря своему экономическому и военному превосходству, так и быстроразвивающиеся страны с их потенциалом, активно включившиеся в общемировые процессы. Для России важнейшую роль здесь играет выполнение задач, поставленных Президентом РФ в Указе от 20 июля 2017 г. № 327 в области морской деятельности [5]. При этом необходимо исходить из заинтересованности многих стран АТР в образовании нового геополитического региона – Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) (Рис. 1).

В ноябре 2017 года на Восточноазиатском саммите (ВАС) в Маниле прошла рабочая встреча представителей дипломатических миссий США, Японии, Индии и Австралии, которая вызвала большой интерес у экспертного сообщества, которая предвещает очередной геополитический сдвиг в Азии. Вслед за этим в американском внешнеполитическом лексиконе стало все чаще использоваться понятие «Индо-Тихоокеанский регион». Концепция «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (free and open Indo-Pacific) закрепились и в официальных американских документах, а также в политической риторике большинства крупных стран этого региона.

Министр обороны США Джим Мэттис объявил о переименовании Тихоокеанского командования в Индо-Тихоокеанское командование. Так, самая большая (в географическом смысле) структура Пентагона приобрела еще

Рисунок 1. Индо-Тихоокеанский регион

большой размер [3]. По мнению американских СМИ ребрендинг не связан со сдерживанием Китая и Ирана. Однако анализ политики США подтверждает вывод о стремлении противодействия их растущим возможностям в данном регионе. Это заявляла еще администрация Барака Обамы, а при Трампе – стало воплощаться в действия. 23 мая 2018 г. Пентагон объявил, что Китай больше не будет принимать участие в военно-морских маневрах Rim of the Pacific (RIMPAC), которые раз в два года проходят под эгидой США у Гавайских островов. Формальным поводом этому послужили учения, проведенные Национально-Освободительной Армией Китая в районе Южно-Китайского моря, когда ядерные бомбардировщики КНР приземлились на оспариваемые острова [11].

Политическая активность стран Восточной Азии вокруг концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (free and open Indo-Pacific) стала очевидной в последние два года. Хотя идеи политического формата США-Япония-Индия-Австралия уже больше десяти лет. Еще во время своего первого премьерского срока в 2006-2007 годах ее активно пропагандировал глава правительства Японии Синдзо Абэ. Выступая в августе 2007 года в индийском парламенте с речью «Слияние двух морей», он говорил о появлении «большой Азии» и призывал создать на ее просторах «дугу свободы и процветания» [11]. Выбор четырех стран очевиден. Это упор на стратегический характер взаимодействия по выстраиванию системы сдерживания Китая. В 2012 году Синдзо Абэ вернулся к идее формирования «четверки», назвав ее «азиатским демократическим бриллиантом безопасности», а в качестве стратегического взаимодействия четырех морских стран снова была заявлена китайская угроза. В своей программе Синдзо Абэ вновь заявил о возможной угрозе в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. По словам Абэ, Южно-Китайское море Китай намеревался превратить в «Пекинское озеро» по модели Охотского моря в руках СССР» [11].

Сегодня можно сказать, что именно четыре страны (США, Индия, Австралия и Япония), которые придали новый аспект политической активности Индо-Тихоокеанскому региону, ведут свою энергичную деятельность и в настоящее время формируют политическую повестку дня. Они входят в неофициальный консультативный механизм «**Quad**» (Четверка), выступающий в качестве основы для выстраивания новой архитектуры региональной безопасности, а также противостоящий росту влияния и милитаризации КНР в данном регионе.

Однако, несмотря в целом на активность данных стран, судьба данного четырехстороннего диалога остается неопределенной. Во многом из-за неготовности Индии к его формированию, хотя и подчеркивает широкую заинтересованность в таких спектрах, как экономическом, политическом и военном консультационном сотрудничестве. Индия продемонстрировала свое неприятие Quad в июне 2018 года во время Азиатского саммита по безопас-

ности Шангри-Ла Диалог в Сингапуре. Более того, премьер-министра Индии Нарендру Моди отказался от возможности использовать Quad и вместо этого отметил, что: «Индия не рассматривает Индо-Тихоокеанский регион, как закрытый клуб с ограниченным числом членов» [4]. Моди отказался от критики и даже упоминаний о военной экспансии Китая в Южно-Китайском море. Речь Моди резко контрастировала с речью министра обороны США Джеймса Мэттиса, который раскритиковал деятельность КНР.

Но реальность заключается в том, что Индия и Китай по-прежнему испытывают серьезное недоверие друг к другу. Индия выступила против китайской инициативы «Один пояс и один путь» на ежегодном саммите ШОС (2018 г.), поскольку считает, что данная инициатива направлена на сотрудничество в области инвестиций, торговли и инфраструктуры с такими южно-азиатскими странами, как Непал, Бангладеш, Мальдивы и Шри-Ланку, традиционно входившими в геостратегическую орбиту Индии.

Сегодня можно с уверенностью констатировать, что регионообразующий фактор не только играет важнейшую роль в образовании ИТР, но и влияет на формирование всей конфигурации международных отношений, в том числе военно-политической составляющей. Хотя идея создания данного региона неохотно принималась странами ASEAN, которые не понимали необходимость в смене АТР на ИТР. Однако, спустя некоторое время термин «Indo-Pacific» стал активно употребляться не только в научном сообществе, но некоторыми политиками и Юго-Восточной Азии [10]. На сегодняшний момент существует концепция сотрудничества государств на территории Индо-Тихоокеанского региона с ASEAN во главе. Здесь необходимо подчеркнуть, что государства, образующие Quad, имеют свои планы в налаживании сотрудничества в данном регионе [8]. Но кроме общей цели – в сдерживании Китая в данном регионе, страны имеют и существенные противоречия, основанные на национальных, историко-культурных, военно-политических, конфессиональных и других факторах, что не дает полностью объединить их усилия в выстраивании общей конфигурации безопасности ИТР.

Так, японская политика по организации свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона ставит в основу своей стратегии экономическую и морскую безопасность региона, а также рассматривает ее как ответ на китайскую инициативу «Один пояс – один путь», способствующую возвышению его современном геополитическом ареале. Особенность японской политики придает тот факт, что ее последовательно проводит Синдзо Абэ в рамках провозглашенной им стратегии с 2016 г. [1]. Несмотря на то, что почти весь регион в настоящее время участвует в китайском масштабном проекте, Япония и КНР соперничают за влияние в таких странах, как Камбоджа. Недавно администрация Синдзо Абэ объявила о планах по увеличению значительного числа инвестиций именно на острова Тихого океана, где правительство председателя КНР Си Цзиньпина уже выделило миллиарды

в виде помощи. Не обошел Синдзо Абэ и военно-морской аспект сотрудничества. Он неоднократно подчеркивал необходимость поддержания основанного на правилах порядка в региональных водах, особенно в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, где действия Пекина беспокоят не только Японию, но и Вьетнам, КНДР, Южную Корею и др. [1].

Политика США в данном регионе предусматривает, прежде всего, увеличение финансовых расходов на такие сферы развития ИТР, как инфраструктура, технологии и энергетика. «Мы стремимся к Индо-Тихоокеанскому региону – от США до Индии, от Японии до Австралии и между ними, – где соблюдается суверенитет, где беспрепятственно осуществляется торговля и где независимые страны являются хозяевами своей судьбы», – написал Вице-президент США Майк Пенс в комментарии для *The Washington Post* [9]. Предметно анализируя роль США, можно с уверенностью утверждать, что Соединенным Штатам Индийско-Тихоокеанский регион нужен, прежде всего, для того, чтобы сбалансировать очевидную стратегию экономического развития Китая в Восточной Азии. Именно Восточная Азия является естественной осью Азиатско-Тихоокеанского региона. Расширение геополитического пространства за рамки восточноазиатского побережья и смещение ее в сторону Индийского океана позволяет Соединенным Штатам ввести новых политических игроков, которые будут нивелировать влияние Китая. Это, в первую очередь, Индия. Поэтому Индо-Тихоокеанский регион практически точно соответствует зоне ответственности Тихоокеанского командования США.

За активностью США, кроме антикитайской риторики, стоит тесное военно-техническое сотрудничество США с Индией. Интерес Пентагона к Индии вполне закономерен, так как Пакистан и Китай имеют к ней определенные территориальные претензии. Это тоже было учтено американским и индийским стратегическим командованием. Уделяя этому повышенное внимание, наряду с Японией, Австралией и другими своими союзниками, Вашингтон характеризует Индию как один из ключевых факторов в строительстве региональной безопасности. Премьер-министр Индии Нарендра Моди 3 июня 2018 г. на конференции *Shangri-La Dialogue (SLD)* в Сингапуре прокомментировал изменение названия американского командования, отметив, что для Индии объединение Индийского и Тихого океанов в единый географический массив выглядит вполне естественно [3]. Поэтому США, Австралия, Япония и Индия, объединенные в группу *Quad*, стали рассматривать два океана как единое стратегическое военно-политическое пространство.

Соединенные Штаты подталкивают Индию взять на себя ведущую роль, которая соответствует ее локальному человеческому и экономическому потенциалу. Эксперты США ставят в заслугу экс президенту Бараку Обаме придание Индии статуса «важного партнера в сфере обороны» (*major*

defense partner). Можно спрогнозировать, что в ближайшие 10-15 лет Индии придадут новый статус – статус «основного союзника вне НАТО» (major non-NATO ally, MNNA).

Стратегия активного вмешательства Соединенных Штатов в дела Восточной Азии была предложена в концепции «свободной и открытой Индо-Тихоокеанской стратегии» (U.S. concept of a free and open Indo-Pacific strategy, FOIP) [3]. Цель стратегии состоит в замещении Транс-Тихоокеанского торгового партнерства (администрация Дональда Трампа отказалась от него), создать стратегические союзнические отношения со странами ASEAN и вывести их из-под влияния Китая. Есть еще один ключевой аспект проблемы, это формирование нового геополитического нарратива, т.е. воображаемых географических образов, которые в последующем создают геополитические модели и формируют внешнеполитический ареал международных отношений. США начали активно продвигаться вглубь Евразии, с востока на запад. Это означает глобальное морское присутствие Соединенных Штатов, т.е. официальное обоснование присутствия американской военной силы от Африканского Рога до Малаккского залива. Индо-Тихоокеанский регион для американцев становится «структурой длительной продолжительности» (long-term structure). При этом возросшая политическая и экономическая активность Китая на международной арене, быстрый рост его военного потенциала, неминуемо должны были вызвать и вызвали противодействие. Симметричный американский ответ в виде политики поворота (pivot to Asia) и перебалансировки (rebalancing) в Азию, имеет обратный эффект. В сложившейся новой парадигме страны Восточной Азии взяли на себя ответственность за балансирование Китая.

Помимо США, Японии, Австралии и Индии в образовании Индо-Тихоокеанского региона заинтересованы государства-члены ASEAN. Претендующая на роль лидера ASEAN Индонезия предлагает свою стратегию сотрудничества: «Индонезийская концепция Индо-Тихоокеанского региона обещает взаимовыгодную геополитическую ситуацию, сотрудничество ради общего блага и создание новых экономических центров», – заявила министр иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди на геополитическом форуме в Джакарте 24 октября 2018 [2]. При этом ключевым фактором является то, что Индонезия отказывается от противостояния с Китаем взамен на тесное сотрудничество со всеми желающими в данном регионе. При реализации данной концепции этот замысел сделает Индонезию одним из ключевых государств ИТР, поскольку под ее контролем находятся основные проливы (Зондский, Макасарский, Малаккский, Торресов проливы и др.), соединяющие Индийский и Тихий океаны. Несомненно, Индонезийская концепция придаст дополнительную ценность существующим механизмам международного сотрудничества ASEAN, в том числе с точки зрения военно-политического. Кроме того, Индонезия представила это концептуальное

предложение ряду таких партнеров, как Китай, Россия, США, Япония, Австралия, Южная Корея и Индия.

Анализируя взаимодействие всех основных игроков Индо-Тихоокеанского региона, нельзя обойти особую роль Китая, вокруг которого строятся все многоаспектные международные отношения. Со своим экономическим, политическим и военным потенциалом, локальным человеческим капиталом это один из ключевых игроков не только Азиатско-Тихоокеанского региона, но и современного мирового геополитического пространства. Можно с большой долей уверенности утверждать, что ИТР не является приоритетным в выстраивании международных отношений Пекина с странами АТР. Прежде всего, Китай рассматривает ИТР как основного конкурента схожего с ним по интересам Азиатско-Тихоокеанского региона. Все это не устраивает Пекин, ни в военно-политическом, ни в экономическом плане. Можно предположить, являясь региональным лидером Азиатско-Тихоокеанского региона, в ИТР Китаю будет трудно стать единственным доминирующим государством. Конкуренцию ему составит Индия.

При условии, если Индо-Тихоокеанский регион из выстраиваемой политической станет геополитической реальностью он, несомненно, будет определять в целом состояние мировой политики и экономики. Ключевым фактором формирования мировой политической повестки дня станут отношения Китая и Индии, которая по темпам экономического роста отстает от КНР. Китай с объемом ВВП \$12,4 трлн (по паритету покупательной способности) сегодня уступает по экономической мощи только Соединенным Штатам, а показатель Индии почти в три раза уступает китайскому. Он составляет \$4,7 трлн и занимает 4-е место в мире. Если Китай уже в течение длительного времени демонстрирует рост 8-10% в год, то скорость приращения индийского ВВП с конца 1990-х годов составляла около 7%, а в 2012 году она и вовсе снизилась до 5,4% [6].

Предварительный прогноз дает все основания считать, что ось Дели – Пекин, наряду с осью Пекин – Вашингтон, будет выступать в качестве доминантой важнейших двусторонних отношений мировой политики XXI века и диктовать условия формирования нового миропорядка. Поэтому если Индия и Китай сумеют договориться, образовав так называемый «азиатский альянс» в Индо-Тихоокеанском регионе, они легко смогут претендовать на мировую гегемонию. Однако это выглядит маловероятным, так как Пекин и Дели в силу исторических и политических причин являются, по сути, не стратегическими партнерами, а непримиримыми соперниками. Индия категорически не приемлет союз КНР с Пакистаном. У Дели вызывает обеспокоенность возрастающее присутствие китайцев в Индийском океане, а китайцы недовольны увеличивающимся проникновением Индии в Юго-Восточную Азию, которую Пекин считает своей сферой влияния и зоной национальных интересов. У КНР вызывает беспокойство еще один аспект.

Это укрепление военно-технического сотрудничества Дели с Вашингтона. Кроме того, некоторые государства целью создания ИТР видят противостояние Пекину, что прекрасно осознает правительство КНР. Так, можно сказать, что Китай против создания ИТР и будет стремиться по-прежнему удерживать главенствующее положение в АТР. Этому способствует военно-морская составляющая боевого потенциала. Сейчас китайский военно-морской флот располагает одним авианосцем, тремя десантными кораблями, 42 фрегатами, 25 эсминцами, восемью подводными лодками с ядерным потенциалом и порядка 50 обычных подлодок [7].

Таким образом, анализируя современную конфигурацию международных отношений, можно констатировать, что геополитические изменения в значительной мере сузили поле деятельности России в мировой экономике и Мировом океане. Эти обстоятельства крайне негативно повлияли на все компоненты морской составляющей ее государственного потенциала. В том числе, транспортный, промысловый, военно-морской и научно-исследовательский флоты, отрасли морехозяйственного комплекса, систему базирования флотов и т.п. Сложившаяся обстановка убедительно диктует немедленного переосмысления значительного числа устоявшихся приоритетов внутренней и внешней политики России, в том числе в таких ключевых морских зонах, как и Индо-Тихоокеанский регион.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Васильев В.С., Чудинова К.О.* Сводный и открытый Индо-Тихоокеанский регион как новая основа японской торговой политики АТР // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 4 // <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2018-4-21-30>
2. Индонезия предлагает концепцию сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе // <https://regnum.ru/news/2506524.html>
3. Индо-Тихоокеанский регион: США в пространстве двух океанов // <https://www.fondsk.ru/news/2018/07/04/indo-tihookeanskij-region-ssha-v-prostranstve-dvuh-okeanov-46398.html>
4. *Исаев М.* Индия подрывает коллективные усилия по сдерживанию КНР // <https://regnum.ru/news/polit/2452766.html>
5. Морская доктрина РФ. Утверждена Президентом РФ 26 июля 2015 года № Пр-1210. Основы государственной политики РФ в области военно-морской деятельности на период до 2030 года. Утверждены Указом Президента РФ от 20 июля 2017 года № 327.
6. На смену АТР идет ИТР? // http://www.eastrussia.ru/material/na_smenu_atr_idet_itr/
7. Россия уступила США и Китаю в рейтинге самых мощных в мире флотов // <https://rns.online/industry/Rossiia-ustupila-SSHa-i-Kitayu-v-reitinge-samih-moschnih-v-mire-flotov-2019-12-12/>

8. Стратегия экономического развития «Один пояс – один путь» // <https://ria.ru/spravka/20170514/1494097368.html>

9. США, Япония и Индонезия разрабатывают концепции развития Индо-Тихоокеанского региона // <https://www.vestifinance.ru/articles/109918>

10. Филатов С. Индия: особенности национальной внешней политики // <https://interaffairs.ru/news/show/20657>

11. Цветов А. Индо-Тихоокеанский фронт: зачем на геополитической карте появился новый регион и что это сулит России? // <https://carnegie.ru/commentary/75706>

O.V. ZHURAVLEV

*rear Admiral, head of the Pacific
higher naval school. S. O. Makarova,
Vladivostok, Russia*

A.A. TUSHKOV

*Professor, Department of International
Relations and Law, Vladivostok State University
of Economics and Service, Vladivostok, Russia*

INDO-PACIFIC REGION: IS RUSSIA READY TO ENTER THESE MARITIME ZONES IN THIS REMOTE MARITIME REGION?

This article discusses the topical topic – the study of key problems on the implementation of Russia's national maritime policy in such a distant maritime zone as the Indo-Pacific region. The modern configuration of international relations has significantly narrowed Russia's field of activity in the world economy and the oceans. These circumstances have had a very negative impact on all components of maritime capacity. Including transport, fishing, naval and research fleets, the maritime industry, the system of naval base, etc. Indo-Pacific Region (ITR), Russia opens up new opportunities for the practical implementation of national maritime policy in the far sea zone. Today it is important to understand whether the country is ready for a maritime presence in this remote maritime zone.

Key words: *Russia's national maritime policy, «concept of a free and open Indo-Pacific region», China, Japan, The United States, India, Indonesia, «proactive peacekeeping» strategy, far sea zone, ASEAN.*

УДК 32.327
DOI 10.35775/PSI.2019.52.12.021

В.В. ПЫЖ

доктор политических наук, профессор
кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Национального государственного университета
физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта,
эксперт комиссии по вопросам обороны и безопасности
Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ,
Россия, г. Санкт-Петербург

С.И. ПЕТРОВ

кандидат психологических наук, профессор
кафедры теории и методики борьбы
Национального государственного университета
физической культуры, спорта и здоровья
имени П.Ф. Лесгафта, Россия,
г. Санкт-Петербург

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Статья раскрывает содержание понятия международного спортивного движения, которое является как важным социальным фактором общественного развития, так и политическим фактором, влияющим на международные отношения. Спортивные достижения на международном уровне служат отражением силы государства, его авторитета в международных делах.

Ключевые слова: физическая культура и спорт, международное спортивное движение, олимпизм, инструмент политического воздействия, государственное управление сферой физической культуры и спорта.

По мере возрастания требований к практическому решению социальных проблем современного общества возникла настоятельная необходимость в изучении и объяснении социальных явлений, происходящих в отдельных областях жизнедеятельности людей, в отдельных социальных общностях и социальных институтах.

Спорт реализует множество функций: морфофункциональную, воспитательную, коммуникативную, а также политическую, дипломатическую и экономическую.

Во-первых, спорт, международное спортивное движение являются важным социальным фактором общественного развития. Спорт выполняет воспитательную функцию, способствует распространению здорового образа жизни, гуманистических идеалов. Кроме того, развитие спорта способствует созданию дополнительных рабочих мест.

Во-вторых, международные спортивные связи выполняют коммуникативную функцию, способствуют общению людей различных национальностей и культур, обмену информацией, опытом, знакомству с культурными традициями других стран, активизируют межкультурный диалог [15. Р. 596-607].

В-третьих, современный спорт – это важный экономический фактор развития общества. С одной стороны, развитие спорта требует от правительств серьезных капиталовложений, с другой – само дает экономический эффект

И, наконец, спорт, международное спортивное движение – важный политический фактор. Развитие спорта на национальном уровне, спортивные достижения на международном уровне служат отражением силы государства, его авторитета в международных делах.

В научной литературе отмечается, что за последнее время понимание сущности спорта значительно изменилось. В политической науке вопрос об объектах государственной политики в области физической культуры и спорта является дискуссионным. Основная проблема, разделяющая ученых, связана с тем, способно или нет государство воздействовать на такие динамично развивающиеся и относительно самостоятельные системы, как физическая культура и спорт.

То, что государственное вмешательство в данный сегмент общественной жизни в настоящее время активно проводится и даже усиливается, – неоспоримо. Но в какой степени такое вмешательство результативно? Имеет ли оно положительный эффект? С какого момента спорт становится объектом государственной политики? Каковы в этом ракурсе пределы самостоятельности спорта и физической культуры как самоуправляемых систем? [12. С. 219-221].

Без ответа на эти вопросы невозможно полноценно раскрыть сущность государственной политики в физкультурно-спортивной области.

За последние десятилетия в контексте геокультурной парадигмы развития глобального мира четко обозначился процесс оформления гуманитарного измерения в мировой политике. Существенное значение в современных международных отношениях приобретают гуманитарные проблемы. Их решение зависит от состояния международных отношений, уровня их напряженности и конфликтности, а также участия в этом процессе не только официальных представителей государств, но и представителей широкой общественности, в том числе спортивной.

В последнее время все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с гуманизацией спортивной культуры, пронизанной духом олим-

пизма. На наш взгляд, А.Ю. Кошкарев в своей диссертации на тему «Идеи и практика олимпизма в современной культуре» справедливо отмечает, что «трудно найти иное социальное явление, которое вызвало бы к себе столько большое внимание и симпатию как олимпизм, шагнувший в третье тысячелетие своего существования. В наше время его роль и значение стали такими весомыми и, в то же время противоречивыми, как никогда в прежней истории. Современный олимпизм занимает особое место в социальной и культурной жизни общества, существенно влияет на образ жизни людей, формирует спортивный образ жизни человека. Он признан в мире как значимая социокультурная формация, в которой заложены гуманистические ценности: добрая воля людей, стремление к миру, сотрудничество к взаимопониманию» [2].

Сегодня спорт выступает инструментом политического воздействия с мощнейшим потенциалом и возможностями. В современном мире спорт стал неотъемлемой частью международных отношений. Он выступает средством активизации международного сотрудничества, служит инструментом преодоления конфликтов и налаживания межкультурного диалога. Спорт универсален.

Уже в XX столетии международный спорт превратился в важное социальное явление. успешно функционирует система регулярных международных спортивных состязаний и связей. Международный спорт как социально-культурный феномен весьма противоречив. Он выполняет важные культурные функции в межгосударственных отношениях, полагающей между различными странами и народами.

Но вместе с тем он может породить национализм и шовинизм, не столько объединять, столько разъединять различные страны и народы. Практическая реализация культурного потенциала международного спорта, его реальная культурная ценность зависит от целого ряда факторов, прежде всего от характера самого спорта, социально-политической и экономической системы, а также культурных отношений различных стран, в которую он включен.

У спорта и политики традиционно много общего. В современном обществе спорт все чаще становится «заменителем» политики, средством, позволяющим выпускать накопившийся у народа «пар». В спортивных состязаниях сугубо политическое разделение на «друзей» и «врагов» находит свое более цивилизованное выражение.

Достижения национальных спортивных команд являются важнейшим фактором усиления роли государства на международной арене, повышения патриотических настроений в обществе. С другой стороны, российский спорт столкнулся с рядом допинговых скандалов и беспрецедентным внешним давлением. Российские спортсмены были лишены права выступать под национальным флагом, и были вынуждены выступать под нейтральным

флагом на XXIII Олимпийских зимних играх и XII Паралимпийских зимних играх 2018 года в Пхенчхане, дисквалифицированы Всероссийская федерация легкой атлетики и Федерация тяжелой атлетики России. В связи с новым антидопинговым скандалом Россия может пропустить Олимпийские игры 2020 и 2022 гг. Увы – это может оказаться реальностью.

Это ставит новые задачи как обеспечения защиты прав и интересов российского спорта, спортсменов и тренеров в международном спортивном движении, так и совершенствования системы подготовки спортивного резерва, развития системы ценностей духовного и нравственного содержания, профессиональной этики у спортсменов, тренеров и иных специалистов.

Физическая культура и спорт как социокультурное явление объединяет в себе множество смыслов. На наш взгляд это вызвано тем, что:

– спорт как социокультурное явление объединяет в себе множество дискурсов, множество смыслов. Причем, стоит отметить, что спорт играет важную роль не только в жизни отдельного индивида, определенных социальных общностей, общества в целом, но также и в жизни государства, поскольку способствует формированию и укреплению имиджа, как во внутренней, так и во внешней политике;

– спорт, в силу своего массового характера, является мощным каналом целенаправленного активного воздействия, которое оказывают на эмоции и умы людей политически и экономически господствующие в государстве группы. Воздействие направлено на утверждение мировоззрения, стиля жизни, общественно-политического строя;

– спорт выступает инструментом в борьбе за распространение в широких кругах взглядов, убеждений и ценностей, выражающих интересы политических элит. Спортивные организации используются политической элитой для оказания политического воздействия на общество, а также для решения других задач политического характера;

– использованию спорта в качестве инструмента политического воздействия на общество свойственна двойственность, что зависит от господствующей в обществе и государстве социально-политической системы.

Спорт является отражением того общества, в котором он существует и развивается, так как определенная система ценностей и взглядов служит основой для развития спорта в стране.

Французский барон Пьер де Кубертен хотел преодолеть национальный эгоизм и сделать вклад в борьбу за мир и международное взаимопонимание. Молодежь мира, по его мнению, должна была мериться силами в спортивных состязаниях, а не на полях битв. Возрождение Олимпийских игр казалось в его глазах лучшим решением, чтобы достичь обеих целей [9. С. 7-11].

Первым россиянином – членом международного олимпийского комитета (МОК) стал генерал-лейтенант русской армии Алексей Дмитриевич Бутовский. В зрелом возрасте он познакомился с Пьером де Кубертенем.

И сразу же загорелся благородной идеей объединения спортсменов всех континентов на Всемирном спортивном празднике.

Бескорыстно помогая Пьеру де Кубертену, Алексей Дмитриевич активно содействовал развитию идеи возрождения олимпийских игр. Благодаря его упорному труду наша страна одна из первых стала у истоков возрождения Олимпийского движения, тем самым, претворяя в действительность самую главную мечту человеческого сообщества – жить в мире, работать и созидать во имя прогресса.

Россия имеет богатую олимпийскую историю. Безусловно, в ней есть и феерические победы, и неожиданные поражения. Российский спорт переживал периоды бурного развития и временного спада, но есть в нашей истории немало спортсменов, которые смогли подняться на вершину спортивного Олимпа. Олимпийское движение в России всегда было и будет олицетворением красоты, силы и стойкости человеческого духа.

Поскольку олимпийское движение должно активно и деятельно служить высшим идеям гуманизма, то оно должно исследоваться в рамках гуманистической парадигмы олимпийского движения. Еще П. Кубертен считал, что «олимпийское движение не может ограничивать свои цели и задачи чисто спортивными. Сами Олимпийские игры были для него лишь институциональным обрамлением для реализации «антропософских» принципов, которые первоначально он обозначал термином «Олимпийская идея», а после 1910 г. чаще всего термином «олимпизм» (этот термин он ввел в 1912 г.). В соответствии с этими принципами спорт, спортивные соревнования и прежде всего Олимпийские игры, призваны быть инструментом совершенствования человека, человеческих отношений и общества в целом» [11. С. 133-136].

Главной, по сути дела, задачей, которую Кубертен стремился решить, выступая за возрождение Олимпийских игр, – объединить, скоординировать усилия всех лиц, вовлеченных в международный спорт, для максимально полной реализации его гуманистического потенциала и предотвращения возможности использования в антигуманных целях.

Опираясь на гуманистические идеалы мира, дружбы и взаимопонимания, важной задачей олимпийского движения П. де Кубертен считал, прежде всего, утверждение мирных отношений между народами и государствами. Олимпийское движение он рассматривал как «течение, родившееся в результате великого стремления к миру, дружбе и братству, идущего из глубины человеческого сердца. Мир стал своего рода религией, к алтарям которой приходит все больше верующих» [13. Р. 370].

В современных международных отношениях роль спортивных связей значительно возросла. Это обусловлено увеличением числа спортивных международных соревнований и заинтересованностью политическими силами в их информационном и социальном потенциале. Олимпийские игры,

Чемпионат мира по футболу неизменно концентрируют вокруг себя внимание большинства людей в мире. К тому же соревнования подобного масштаба сами по себе подразумевают межгосударственные контакты, поскольку являются интернациональными. Помимо точек соприкосновения в рамках спортивных федераций, спортивных комитетов и даже спортсменов различных стран активизируются и политические взаимодействия. Именно в этой плоскости спорт становится нечто большим, нежели чем просто соревнования атлетов.

В современном мире спорт – явление, затрагивающее интересы больших групп людей. Спорт выполняет ряд социальных и политических функций, прежде всего, культивирует здоровый образ жизни, что весьма важно и для экономики, и для обороноспособности любой страны. Именно поэтому государство осуществляет контроль над спортом посредством издания соответствующих нормативно-правовых актов, государственных программ и выделения финансирования.

Однако социально-политические функции спорта на этом не исчерпываются. Получение страной права на проведение престижного международного соревнования или победа спортсмена (группы спортсменов) активизируют патриотические чувства граждан, сплачивают нацию, выступают как эффективное средство воспитания масс. Все это позволяет политической элите использовать спорт в качестве инструмента политического воздействия на общество.

Спортивные успехи страны способствуют формированию у определенной части граждан представлений о верности осуществляемого властью курса, истинности господствующей системы ценностей. Проведение в стране крупного международного спортивного соревнования позволяет отвлечь внимание населения от внутригосударственных социальных, экономических, политических и других проблем. Спорт также может использоваться как составляющая предвыборной кампании отдельных личностей и политических партий.

Таким образом, спорт может выступать и выступает как инструмент манипуляции массовым сознанием граждан.

Началом активного использования спорта в качестве инструмента политического воздействия на общество является период «холодной войны», характеризующийся складыванием биполярной системы международных отношений.

Соперничество двух политических, социально-экономических и идеологических систем вынуждало политические элиты СССР и США прибегать к изощренным технологиям ведения политической борьбы, использовать применительно к противнику элементы «психологической войны». Одним из компонентов такой войны и стал спорт. Однако большинство механизмов использования спорта для политического воздействия на общество,

придуманных и апробированных в годы «холодной войны», используются и поныне. Многие из этих механизмов являются «черными» технологиями, осмысление которых доступно далеко не каждому члену общества.

Спортивные организации используются политической элитой для оказания политического воздействия на общество, а также для решения других задач политического характера [5. С. 28-32].

В последние годы преимущественно в западной науке активно дискутируется вопрос о достоинствах и недостатках разных моделей построения спортивных систем, а также вопросы вмешательства государства в сферу физической культуры и спорта. Новацией зарубежных исследований в области государственной политики в физкультурно-спортивной сфере является типология общих моделей построения взаимоотношений государства и спорта.

Ряд работ зарубежных авторов, касающийся государственного управления сферой физической культуры и спорта, заслуживает серьезного внимания.

В частности, работы французских ученых, прежде всего Г. Хемелина (Hamelin G.) «*Le sport comme continuation de la politique*» («Спорт как продолжение политики», где автор говорит о «браке» спорта и политики, рассматривая это на примерах СССР и Англии) [14].

В этой связи интересны взгляды итальянских ученых. Н. Шбети в статье «*Sport e Politica*» («Спорт и политика», свидетельствует, что политика всегда использует спорт, акцентирует внимание на том, что спорт играет важную роль в процессе государственного строительства).

Р. Джияльянотти «*Sport e politica: identita nazionali e locali nella societa moderna*» («Спорт и политика: местные и национальные идентичности в современном обществе», отмечает, что связь между спортом и политикой настолько тесная, что эти сферы невозможно разъединить, акцентирует внимание на том, что спорт играет важную роль в росте чувств местной и национальной идентичности среди населения).

Интересные мысли мы находим у английских исследователей К. Санто и Дж. Милднера «*Sport and Public Policy*» («Спорт и гражданская политика») [16] и у других авторов.

Например, у Н. Манделы «*Lo sport come politica di inclusione sociale*» («Спорт как политика социальной интеграции»).

Новацией зарубежных исследований в области государственной политики в физкультурно-спортивной сфере является типология общих моделей построения взаимоотношений государства и спорта. Пониманию физической культуры и спорта как объектов международной политики в современных условиях способствуют и международные форумы спортсменов с участием видных ученых и общественных деятелей.

В отечественной политологической и педагогической литературе затрагиваются внутренние и внешние факторы формирования государственной физкультурно-спортивной политики. обстоятельный анализ взаимоотно-

шений между субъектами национальной спортивной системы содержится в многочисленных коллективных монографиях и сборниках, сформированных по итогам тематических научно-практических конференций.

О слиянии спорта и политики говорится в трудах Д. Стровского, П. Степового, Д. Ислямова, М. Курбанова и др [10; 8; 1; 3].

Роль спорта как социокультурного феномена в жизни человечества рассматривает Ю. Сазонова [7]. По ее мнению, спорт как социокультурное явление объединяет в себе множество дискурсов, множество смыслов. Причем, стоит отметить, что спорт играет важную роль не только в жизни отдельного индивида, определенных социальных общностей, общества в целом, но также и в жизни государства, поскольку способствует формированию и укреплению имиджа страны во внешней политике.

Таким образом, становится очевидно, что спорт и политика тесно связаны между собой, хотя пока и не удастся их разделить, однако для поддержки спорта делается немало.

Довольно точно писал о влиянии спорта на различные стороны жизни Пьер де Кубертен. По его словам, спорт и международные спортивные связи могут вдохнуть в человечество «дух свободы, мирного соревнования и физического совершенства», способствовать сохранению и укреплению здоровья людей, их физическому совершенствованию, формированию и развитию высокой нравственности, утверждению мирных отношений между государствами, укреплению дружбы и взаимопонимания между народами, их культурному сотрудничеству, «прекращению споров, разногласий и недоразумений», преодолению националистических предрассудков, помогут улучшить политические отношения между народами, принадлежащими к разным культурам.

Он считал, что «вместе со спортом растет новая и мощная опора делу мира» и что «мирные рыцарские соревнования создадут наилучший интернационализм». «Истинная демократия и мудрый и миролюбивый интернационализм придут на обновленный стадион, чтобы поддерживать на нем культ чести и бескорыстия, который позволит атлетизму осуществить духовное совершенствование и социальный мир одновременно с телесным развитием».

Однако реализация таких высоких задач, возлагаемых на спорт, возможна лишь при соблюдении установленных для всех равных правил, а именно следуя основополагающим постулатам, которые также нашли свое отражение и в Олимпийской Хартии, содержащей принципы Олимпизма. А возглавляет эти правила, безусловно, принцип честной игры (Fair Play). Принцип честной игры в широком смысле имеет своей задачей претворение в жизнь идеалов чести и благородства, в узком смысле он направлен на борьбу с допингом в спорте и с насилием на спортивных аренах.

На данный момент известно несколько документов международных организаций, характеризующих и раскрывающих принципы Fair Play. К ним

относятся «Манифест о спорте» (1971), «Манифест СИЕПС о Честной игре» 1977, Декларация «Фэйр Плей для всех» 1992, Олимпийская хартия, Декларация «Спорт, терпимость и честная игра» 1998.

В них отмечается, что главный показатель честной игры – поведение самого спортсмена. Честная игра представляет собой результат образа действия спортсмена, складывающийся из чувства собственного достоинства, честности, добросовестности, уважения к партнеру, осознания необходимости соперничества как обязательного условия соревновательного спорта, умения с достоинством принимать победу и поражение.

В документах также уделяется внимание и ответственности тренеров, спортивных руководителей, зрителей и других лиц, связанных со спортом, которые прямо или косвенно влияют на спортсмена. Подчеркивается их особая роль и обязательство придерживаться честной игры не меньше, чем спортсмен.

На сегодняшний день самым вопиющим нарушением «Честной игры» является использование допинга. Допинг – вещество, временно усиливающее физическую и психическую деятельность организма и запрещенное для применения спортсменами во время соревнований. Задача контролировать использование на соревнованиях любых вспомогательных средств, занесенных в список запрещенных, возложена главным образом на Всемирное Антидопинговое Агентство (ВАДА). Некоторые государства в свою очередь также имеют подобные национальные организации, например, в Российской Федерации действует РУСАДА (Российское Антидопинговое Агентство).

Однако, как показывает практика, ВАДА не в состоянии самостоятельно регулировать процесс использования запрещенных веществ, и, исходя из сложившейся ситуации, другими международными организациями были приняты необходимые меры. Так, борьба с допингом в спорте попадает под контроль ЮНЕСКО. Вполне очевидно, что такая организация как ЮНЕСКО, провозглашающая принципы справедливости, будет способствовать разработкам программ по защите честной борьбы.

На наш взгляд, сегодня мы можем говорить о том, что спорт превращается в важнейший фактор политического процесса, а деятельность ЮНЕСКО, реализующая программы развития спорта и защиты его идеалов, помогает достичь положительных результатов в решении глобальных проблем человечества.

Спорт как часть человеческой культуры дает широкую возможность людям общаться друг с другом без границ. Развитие спорта без соревнования, как важной составляющей, невозможно представить без международных связей. Этот фактор дает возможность рассматривать спорт как современную форму коммуникаций, а спортивные связи как важную часть международного культурного обмена. «Спорт, международные спортивные связи – одна из форм межкультурных коммуникаций». Они способствует знакомству

с традициями и обычаями других народов, активизируют развитие культурного обмена, содействуют построению межкультурного диалога.

Международные спортивные связи выполняют ряд важнейших позитивных функций:

- интегративную – развитие сети мирно регулируемых спортивных соревнований, встреч, связей, контактов;
- миротворческую – важная роль в укреплении мира и дружбы между народами;
- символическую – спорт выступает как образец мирного соперничества (в противовес вооруженной борьбе).

Обмен опытом, методиками тренировок, инновациями, квалифицированными специалистами, тренерами, спортсменами способствует укреплению международных контактов. По прогнозам социологов, в дальнейшем развитие спорта предполагает размытие национальных и континентальных границ» [4. С. 105].

Спорт сегодня становится одним из ключевых механизмов международного сотрудничества, об этом свидетельствует повышение его как на национальном, так и мировом уровне. Международные спортивные связи способны внести огромный вклад в воплощение гуманистических идеалов и ценностей, в совершенствование человека и общества. Значительный потенциал спорта рассматривается как неотъемлемая часть культуры и международных отношений, а также важнейший процесс взаимодействия и взаимообогащения культур народов мира [6. С. 16-27].

Выводы. Для современного социума характерно понимание общественной и личной ценности феноменов физической культуры и спорта, важнейшую часть составляющих общей культуры общества. Сегодня нельзя найти ни одной сферы человеческой деятельности, не связанной с физической культурой и спортом. В современных международных отношениях роль спортивных связей значительно возросла.

Спорт является одной из главных составляющих социальной сферы. Он так или иначе связан со здоровьем любого человека. Человек занимающийся спортом гораздо крепче, у него лучше работают внутренние органы, он меньше болеет. Кроме того, спорт развивает в человеке такие качества как настойчивость, целеустремленность, ответственность. Спорт как часть человеческой культуры дает широкую возможность людям общаться друг с другом без границ. Развитие спорта без соревнования, как важной составляющей, невозможно представить без международных связей. Этот фактор дает возможность рассматривать спорт как современную форму коммуникаций, а спортивные связи как важную часть международного культурного обмена.

Международные спортивные связи способны внести огромный вклад в воплощение гуманистических идеалов и ценностей, в совершенствование человека и общества. Значительный потенциал спорта рассматривается как

неотъемлемая часть культуры и международных отношений, а также важнейший процесс взаимодействия и взаимообогащения культур народов мира. Сегодня спорт стал реальной политической величиной и занял прочное место в международных отношениях. В XXI в. спорт стал неотъемлемой частью политики, инструментом формирования позитивного имиджа страны.

Российский спорт как часть самобытной культуры российского народа имеет весомое значение для налаживания межгосударственных связей. Проведение общемировых спортивных мероприятий актуализирует международное спортивное взаимодействие и, как следствие, политические связи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ислямов Д.* Олимпийские игры современности: бизнес, политика или спорт? // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2007. Т. 1. № 2.

2. *Кашкарев А.Ю.* Идеи и практика олимпизма в современной культуре. Автореферат дис.... кандидата культурологии // <https://dlib.rsl.ru/01004358019>.

3. *Курбанов М.* Спорт и политика, или политика и спорт? // <http://http://www.sports.ru/tribuna/blogs/fox1980/288035.html?comments=1>.

4. *Лубышева Л.И.* Социология физической культуры и спорта: Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2009.

5. *Подвигин Е.А.* Государственно-властная элита в условиях информационного общества: вызовы и перспективы // Информационные войны. 2018. № 1.

6. *Пыж В.В., Фролов А.Е.* Политическая безопасность государства и политическая стабильность общества как объект политологического анализа // Вопросы политологии. 2018. № 3 (31).

7. *Сазонова Ю.А.* Концепция спорта как политики и ее реализация на страницах СМИ // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 2 // <http://human.snauka.ru/2014/02/5905>.

8. *Степовой П.* Спорт, политика, идеология. М., 1984.

9. *Столяров В.И.* Пьер де Кубертен. Идеи и их воплощение // Спорт в школе. 2013. № 7-8.

10. *Стровский Д.* Журналистика и политическая культура: к вопросу о взаимодействии // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 1999. № 5-6.

11. *Томенко А.* Особенности становления и развития олимпийского образования в современной практике // Наука в олимпийском спорте. 2007. № 2.

12. *Якубов Ю.Д.* Физическая культура как объект государственной политики. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. в 3-х ч. Ч. I. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26).

13. *Coubertin P.* Discours a Athenes // Pierre de Coubertin. Textes choisis. Tome II. Zurich-Hildesheim-New York: Weidmann, 1986.

14. *Hamelin G.* Le sport comme continuation de la politique // <http://http://www.archipel.uqam.ca/2560/1/M11161.pdf>;

15. *Puzh V.V.* THE ROLE OF UNESCO IN PROTECTING THE INTEGRITY OF SPORT AND THE PRESERVATION OF SPORTING IDEALS // INTERNATIONAL CONFERENCE ON MODERN RESEARCHES IN SCIENCE AND TECHNOLOGY. Conference Proceedings. Scientific public organization "Professional science". 2017.

16. *Santo C., Mildner G.* Sport and Public Policy // <http://http://www.humankinetics.com/.../sport-and-public-p>.

V.V. PYZH

*Doctor of Political Sciences, Professor
of the Department of social Sciences and Humanities
FSBEI NSU them. P.F. Lesgaft, expert of the defence
and security Commission Inter-parliamentary Assembly
of CIS member States, Saint-Petersburg, Russia*

S.I. PETROV

*Candidate of Psychological Sciences, Professor
of the Department of theory and methods of struggle
FSBEI NSU them. P.F. Lesgaft, St. Petersburg, Russia*

PHYSICAL CULTURE AND SPORT AS AN INSTRUMENT OF POLITICAL INFLUENCE ON MODERN SOCIETY AND INTERNATIONAL RELATIONS

The Article reveals the content of the concept of international sports movement, which is both an important social factor of social development and a political factor affecting international relations. Sports achievements at the international level are a reflection of the power of the state, its authority in international Affairs.

Key words: *physical culture and sport, international sports movement, Olympism, instrument of political influence, state management of the sphere of physical culture and sport.*

СДВИГИ В ОТНОШЕНИЯХ ЗАПАДА С РОССИЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ СБЛИЖЕНИЯ С КИТАЕМ

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать ключевые факторы, способствующие в последние полтора-два года некоторым позитивным сдвигам в позициях ряда государств Запада в отношениях с Россией. Показано, что в силу комплекса причин по целому ряду ключевых вопросов мировой политики в целом и в оценке политической стратегии России в особенности между самими западными государствами характеризуются более или менее серьезными разногласиями и противоречиями. Это положение обосновывается на том факте, что ряд государств, отказавшись от резко антироссийской политики, предпринимают определенные шаги по нормализации отношений с Россией, в то время как другие государства в том числе на уровне Евросоюза решительно выступают против таких изменений. Критически проанализировав эту тенденцию, показано, что положительные сдвиги в этой сфере помимо комплекса других причин, определяются стратегическим поворотом России к Востоку и стремительно нарастающим ее сближением с Китаем.

Ключевые слова: *Россия, Европа, Евросоюз, США, Китай, государство, политика, стратегия, отношения, безопасность, противоречия, сдвиги, нормализация.*

В условиях беспрецедентной санкционной кампании и все еще не прекращающейся русофобии в силу целого комплекса факторов в ряде ведущих западных стран в последнее время наблюдается более или менее четко проявляющаяся тенденция к пересмотру политического курса в отношении России. Показательно, что такая тенденция прослеживается, правда, у довольно узкого круга более или менее узкого круга политических и государственных деятелей США, где демонизация России и русофобия приняли весьма крайние формы. В этом смысле интерес представляет позиция известного

американского дипломата, посла США в СССР в 1987-1991 годах Дж. Мэтлока. Оценивая ситуацию в этой сфере, он назвал обвинения Вашингтон в адрес России о ее вмешательстве в президентскую избирательную кампанию в ноябре 2016 года «смехотворными» (Ludicrous), «жалкими» Pathetic) и «постыдными» (Shameful), он добавил к ним еще одно прилагательное: «опасными» (Dangerous). Констатировав, что политическая система США «настолько слаба, недоразвита и больна», он пришел к выводу, что «превращение во врага второй ядерной державы – России... сродни политическому безумию» [15]. Начав свою статью с призыва: «мы должны положить конец русофобскому безумию» (*We must end this Russophobic insanity*), Мэтлок выступает за восстановление сотрудничества между США и Россией в вопросах нераспространения и сокращения ядерных вооружений. Заявив, что «США, их союзников и Россию поразил опасный политический паралич, который, по ошибке или недосмотру, может привести к военной конфронтации и даже применению ядерного оружия, бывшие государственный секретарь при президенте Р. Рейгане Дж. Шульц, министр обороны при президенте Б. Клинтоне, сенатор от штата Джорджия с 1972 по 1997 годы от Демократической партии, бывший председатель комитета по вооруженным силам С. Нанн в совместной статье для The Wall Street Journal пришли к выводу, что «необходим смелый политический сдвиг: чтобы отойти от этой смертельной пропасти, мы должны пойти на возобновление стратегического сотрудничества с Россией» [21]. К этому кругу относятся один из патриархов мировой дипломатии Г. Киссинджер, который в течение длительного времени настоятельно советует действующим властям США нормализовать американо-российские отношения, утверждая, что русофобия – это не политика, а отказ от политики. Однако во властной системе США не склонны отказаться от эскалации напряженности между двумя великими, на которые приходится более 90% ядерных вооружений в мире.

Такие тенденции особенно отчетливо наблюдаются в Европе. Можно говорить даже о наметившемся сдвиге влиятельных политических сил и руководства ряда ведущих государств-членов Евросоюза в сторону нормализации отношений с Россией по основополагающим вопросам мировой политики.

Единство Запада всегда органически сочеталось с множеством противоречий, обусловленных различиями национальных интересов в важнейших сферах общественной жизни. Они зачастую становились и продолжают оставаться серьезным фактором противоречий и дискуссий как в Евро-атлантическом сообществе в целом, так и внутри Евросоюза. Чтобы убедиться в этом достаточно привести лишь несколько примеров, свидетельствующих о том, что так называемая единая политика Запада по целому ряду ключевых вопросов современного мироустройства, в том числе и по вопросу об отношениях с Россией, требует внесения более или менее существенных оговорок. К примеру, ряд государств-членов Евросоюза и НАТО, такие,

например, как Франция и Германия не поддержали американско-английскую агрессию против Ирака в 2003 году. В последние годы во все более осязаемой форме наблюдается рост противоречий между новоевропейскими государствами-членами Евросоюза Восточной Европы, с одной стороны, и государствами, составляющими ядро этого интеграционного объединения, с другой стороны. Так, несмотря на давление Вашингтона, состоявшееся 25 сентября 2018 года заседание Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке превратилось в демонстрацию солидарности ЕС с Россией и Китаем против США из-за одностороннего выхода Вашингтона из иранского ядерного соглашения. Не случайно, Госсекретарь США М. Помпео по этому поводу заявил: «Это одна из самых контрпродуктивных событий для регионального и глобального мира и безопасности... за все 70 лет, на протяжении которых США и ЕС совместно выступали против общих врагов в лице, например, России, в рамках так называемых «трансатлантических отношений» [20]. Было бы не совсем корректно делать вывод о каком бы то ни было едином антироссийском энергетическом или ином едином антироссийском блоке на Западе. Об этом наглядное представление можно получить на примере той ожесточенной полемики и открытой борьбы, которые как внутри самой Европы, так и по обе стороны Атлантики развернулись по поводу строительства газопровода «Северный поток-2».

В последние годы тенденции к росту таких противоречий все очевиднее проявляются в связи с событиями на Украине. В странах Восточной Европы, особенно трех прибалтийских республиках и Польше, одержимых пещерной русофобией, в обозримой перспективе какое-либо ослабление напряженности в этом направлении исключается. Что касается большей части ведущих государств-основателей Евросоюза, то, в отличие от США, которые продолжают рассматривать Россию как экзистенциальную угрозу своей национальной безопасности, начинают менять свою позицию в вопросах о месте и роли России в мировой и европейской политике. Дискуссии и споры в этой сфере разворачиваются по целому комплексу вопросов от отмены санкций до глобальных геополитических проблем единой Европы от Лиссабона до Владивостока и ключевых вопросов перспектив развития современного мира на путях формирования нового миропорядка.

Одной из первых снятие санкций с России потребовала Италия. В июле 2019 года премьер-министр этой страны Дж. Конте назвал санкции, наложенные Россией на ЕС, «печальными» и заявил, что они «не выгодны ни для России, ни для ЕС, ни для Италии» [1]. Наблюдаются более или менее серьезные сдвиги в этом направлении в Германии, Австрии, Венгрии, Словакии и других странах.

Особый интерес с данной точки зрения представляют трансформации во внешней политике Франции. Так, обозреватель французской газеты *Les Echos* Э. Тетро сетует на то, что Европа очутилась в ситуации, когда ей угро-

жают не внутренние раздоры, а извне «две ненасытные державы XXI века» (deux puissances dévorantes du XXIe siècle): с Востока Китай Си Цзинпи-на с его проектом Великого шелкового пути и безграничной способностью скупать земли, порты и природные ресурсы, а с Запада – США Дональда Трампа с их «испытанным цифровым, юридическим, валютным и военным империализмом» (avec leur impérialisme numérique, juridique, monétaire et militaire éprouvé). Назвав США «странным союзником, не прекращающим оскорблять или шантажировать своих партнеров», Тиро пришел к выводу, что в создавшихся условиях Европе следует сделать выбор: «позволить США властвовать над собой сегодня, а Китаю – разграбить себя завтра», или же пойти по пути «стратегической автономии». Он убежден в том, что в условиях, когда Великобритания вслед за США отворачивается от Европы, европейцам необходимо «ориентироваться в своих стратегических инициативах на восток» (c'est vers l'est que nous devons désormais orienter nos initiatives stratégiques). Разумеется, говоря о повороте к Востоку, Азии, Тиро имеет в виду, прежде всего, Россию. Соответственно, речь идет о нормализации отношений с ней, что, по его мнению, необходимо для противодействия США и Китаю [23]. Таких позиций придерживаются экс-главы МИД Франции Ю. Ведрин, которого считают одним из идеологов новой российской политики Макрона, целый ряд представителей политической интеллигентной, медийной элиты этой страны.

Разумеется, особо важное значение с данной точки зрения имеют очевидные сдвиги в политической стратегии действующих властей Франции, прежде всего, президента Э. Макрона и его администрации. Так, в своем выступлении на встрече с французскими дипломатами в самом конце августа 2019 года назвал политику выталкивания России из Европы серьезной стратегической ошибкой. По его мнению, Европе необходимо расширить контакты с Россией для ее сохранения в западном пространстве. «Европейский континент никогда не будет стабильным, никогда не будет в безопасности, если мы не успокоим и не проясним наши отношения с Россией», утверждал президент Франции [9].

Как справедливо отмечает французский журналист из газеты Le Figaro Р. Жирар, встреча Э. Макрона с В. Путиным в Брегансоне 19 августа 2019 года, и его позиция о необходимости улучшения отношений с Россией, обнаруженная в его вышеупомянутом выступлении свидетельствует о «новом повороте в российской политике Франции» [19]. Как считает Жирар, «вопреки мнению маленькой «секты» неоконсерваторов, которые немногочисленны, но очень влиятельны во французском МИДе (la petite «Secte» néoconservatrice, peu nombreuse mais très influente au Quai d'Orsay), президент Французской Республики считает, что нужно говорить с Россией, а не пытаться изолировать ее» [19].

По мнению, главы МИД Франции Ж.-И. Ле Дриана политика Э. Макрона строится на убеждении в том, что «подтверждение европейского

характера России должно помочь образумить одичавший мир и закрепить стратегическую роль ЕС и, следовательно, Франции» [13]. Как подчеркивал Ле Дриан, Макрон пытается найти «возможности перехода от практически абсолютного недоверия – к элементам доверия» в отношениях между Парижем и Москвой [5]. Россия и Франция после семилетнего перерыва возобновили работу двустороннего Совета сотрудничества по вопросам безопасности (ССВБ). 9 сентября 2019 года, в Москве прошла встреча министров иностранных дел и обороны России и Франции в формате «2+2». Цель встречи Ле Дриан определил, как попытку «установить откровенный и требовательный диалог» с Россией.

Министр иностранных дел Германии Х. Маас в июле 2019 года заявил, что «без России мы не найдем ответов на насущные вопросы в мировой политике» [1]. Исходя из такой постановки вопроса, он выступает за нормализацию отношений с Россией в тех вопросах, которые представляют интерес для самой ФРГ и Евросоюза. Примерно такой подход наблюдается у руководства оппозиционной Свободной демократической партии (СвДП) Германии. Так, ее руководитель К. Линднер 14 сентября 2019 года в интервью немецкой новостной корпорации Redaktionsnetzwerk Deutschland призвал внести корректировки в политический курс правительства Германии в отношении Российской Федерации [4]. Такой позиции придерживаются ряд руководителей ХДС/ХСС, праворадикальной партии Альтернатива для Германии и Левой партии Германии (Die Linke).

При всем том, в кругах правящего класса государств Запада пока что множество противников нормализации отношений с Россией. Как представляется, достаточно привести несколько примеров, подтверждающих этот тезис. Так, показательна публикация немецкой газеты Handelsblatt от 10 сентября 2019 года, которая обозначила свою позицию по данному вопросу заголовком материала – «Тайные и зловещие авансы Макрона Путину» [4]. Глава комитета Бундестага ФРГ по иностранным делам Н. Реттген обвинил руководителей Франции в том, что они «поощряют Путина, несмотря на то, что он ни на дюйм не отступил от своих позиций» [14].

Интерес представляет также рассуждения немецкого журналиста Ш. Корнелиуса, который, утверждая, что предложение Х. Мааса о нормализации отношений с Россией «не имеет смысла, поскольку вклад России в мировую политику на протяжении многих лет носит не конструктивный, а деструктивный характер» (nicht konstruktiv, sondern destruktiv ist) [12].

В этом же контексте характерны материалы английского Королевского института международных отношений (The Royal Institute of International Affairs) Chatham House. Осуждая Макрона за предложение отказаться от политики «отталкивания России от Европы», авторы материала Дж. Никси и М. Булег обвиняют его в содействии восстановлению России в Парламентской ассамблее Совета Европы в июне 2019 года и «фактическом осво-

бождении России от какой бы то ни было ответственности за замороженные конфликты на ее периферии» [17].

Часть представителей данной группы аналитиков, политических и государственных деятелей в принципе не против установления нормальных отношений, но исключительно на условиях Запада. Предельно ясно эту позицию изложил глава Пентагона М. Эспер, который заявил, что было бы прекрасно, если бы Россия «могла вести себя как более нормальная страна, которая разделяет западные ценности, разделяемые США, Францией и другими союзниками по НАТО» [3]. Здесь под нормальностью Эспер, как и руководители США и целого ряда европейских стран подразумевают принятие Россией западных либеральных ценностей, западного образа жизни, западного мировидения. При переводе на нормальный человеческий язык эта позиция означает предложение фактической капитуляции России перед Западом, прежде всего, перед США. Здесь вряд ли есть резон говорить о позициях по данному вопросу руководителей Польши и трех малюсеньких прибалтийских государств, одержимых пещерной русофобией.

Наивным и опасным считает потепление отношений между Москвой и Парижем Европарламент. Новый председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен, будучи убежденной транс-атлантисткой, является противником нормализации отношений с Россией. Новый глава европейской дипломатии. Ж. Боррель, обращаясь к Европарламенту, заявил о необходимости сохранения санкций в отношении России. Впрочем, примеров, свидетельствующих о позициях Евросоюза в этой сфере, можно привести множество.

Следует обратить внимание на тот факт, что, как рассмотренные выше сдвиги, как уже отмечалось определяются комплексом факторов, среди которых всевозрастающее значение приобретает азиатское направление внешней политики России, прежде всего, в отношении таких крупнейших акторов миропорядка как Китай, Япония, Индия, новые индустриальные страны. Ключевое значение в этом русле имеют расширение и укрепление торгово-экономических, военно-политических, геополитических и иных отношений между Китаем и Россией.

Естественно, этот разворот вызван объективными факторами, коренящимися в трансформациях системных и структурных составляющих современного миропорядка и стремлением России обеспечить многовекторную ориентацию своей внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии. Одна из главных причин данного разворота состоит в стремлении руководства России уменьшить свою экономическую зависимость от Запада особенно в свете попыток соответствующих стран изолировать Россию или, во всяком случае, ограничить его возможности отстаивать свои жизненно важные национальные интересы. Речь идет, прежде всего, о навязанной ими так называемой санкционной войне. Тем не менее, разворот на Восток отнюдь не означает для России поворот спиной к Западу в целом и в особен-

ности Европе, которая остается главным ее партнером в торгово-экономической сфере.

О характере внешнеполитической стратегии России в этом направлении наглядное представление можно получить на примере начала переориентации экспортных энергетических потоков на Восток. В мае 2014 года, т.е. в период разгара украинского кризиса и воссоединения Крыма к России в ходе визита В.В. Путина в Шанхай между Газпромом и Китайской Национальной Нефтегазовой Корпорацией (China National Petroleum Corporation – CNPC) подписан грандиозный 30-летний газовый контракт стоимостью в 400 млрд. долл. К настоящему времени завершено строительство гигантского газопровода «Сила Сибири» длиной более двух тыс. км, а с учетом китайского отрезка три тыс. км. в китайскую провинцию Хэйлунцзян, предусмотренное этим соглашением и по которому из России в Китай будет транспортироваться 38 млрд кубометров газа в год. 2 декабря 2019 года президенты России В.В. Путин и Китая Си Цзиньпин торжественно дали старт функционированию трубопровода и газ начал поступать в Китай. Не случайно это событие вызвало огромный резонанс в мире, особенно на Западе. Как считает американское издание Bloomberg, запуск российского трубопровода «Сила Сибири», призванный обеспечить всевозрастающие потребности («ненасытный энергетический аппетит») Поднебесной в голубом топливе, приведет к заметным изменениям на мировом энергетическом рынке. Назвав «Силу Сибири» «*большим достижением в энергетической инфраструктуре и политической инженерии*», The Wall Street Journal пишет: «этот газопровод представляет собой *«физическую связь, укрепляющую новую эпоху сотрудничества между двумя мировыми державами, которые каждый в отдельности бросили вызов США»* [11]. Особенно показательна в оценке этого события американского аналитика Э. Даунс: «*Объединяющие свои силы Китай и Россия шлют сигнал, что существуют альтернативы мировому порядку под руководством США»* [11].

В 2018 году руководители России и Китая подписали декларацию о стратегическом сотрудничестве. Проводятся совместные военные учения с участием воинских подразделений Российской Федерации и Китая. Совместные военно-морские учения проводятся не только в Тихом океане, но также в Балтийском море и Северном Ледовитом океане. В этом ряду особого внимания заслуживает первое совместное воздушное патрулирование в Индо-Тихоокеанском регионе, проведенное 23 июля 2019 года двумя китайскими бомбардировщиками Н-6К и двумя российскими стратегическими бомбардировщиками Ту-95МС. Китай является одним из крупнейших покупателей российских вооружений, включая самые современные, такие как истребители Су-35 и системы ПЗРК С-400). В этом направлении особо важное значение имеет заявленная В.В. Путиным 3 октября 2019 года готовность помочь Пекину в создании китайской системы предупреждения о ракетном

нападении (СПРН). Тем самым сделан весьма значимый шаг в направлении формирования российско-китайского оборонительного альянса [7].

6 июня 2019 года лидеры пятнадцати стран Запада праздновали 75-летие высадки войск союзников в Нормандии 6 июня 1944 года. На церемонии присутствовали главы государств и правительств, представляющие союзные державы во Второй мировой войне. Но президент В. Путин не был приглашен ни в Англию, ни во Францию, несмотря на тот очевидный факт, что СССР сыграл определяющую роль в разгроме нацистской Германии. В силу стечения обстоятельств в тот же день Путин принимал в Москве руководителя Китая Си Цзиньпина в ходе его государственного визита в Россию с 5 по 7 июня. В дополнение к этому Си Цзиньпин выступил почетным гостем на Петербургском экономическом форуме, который проходил с 6 по 8 июня на фоне торговой войны между Китаем и США. Комментируя две названные как бы параллельные встречи 6 июня 2019 года журналист из *The Washington Post* А. Тейлор в статье под названием «Путин и Си скрепляют альянс на XXI век» писал: «Контраст между саммитами разительный: старое и новое, Восток и Запад, демократия и авторитаризм... И если в Нормандии больше вспоминают прошлое и исторические заслуги альянса исторического, то Путин и Си надеются завязать новый альянс», ориентированный на будущее [22].

Проблема состоит в том, что Пекин и Москва, отнюдь не отказываясь от сотрудничества с Западом, вместе с тем готовы взять на себя ответственность за обеспечение международной безопасности. В этом смысле отношения между Россией и Китаем в каком-то смысле можно характеризовать как асимметричные с точки зрения масштабов экономико-технологической мощи Китая и уравниваемой превосходством ядерно-стратегического потенциала России. Сближение Китая и России в определенной степени стимулируется традиционным принципом «враг моего врага – мой друг». Как отмечал китайский аналитик Жу Бо, имея в виду антикитайскую и антироссийскую политику Запада, «именно США объединили Китай и Россию как своих соперников» (it is the US that has lumped China and Russia together as its rivals) [25]. В основе сближения двух государств лежат также тот факт, что в условиях новых веяний в мировой политике в стратегическом плане они дополняют друг друга. Россия располагает природными ресурсами, военной мощью, интеллектуальным потенциалом, выражающимся в высоком уровне развития фундаментальной науки и новейших видов вооружений, а Китай – мощной экономикой и технологиями. Пекин нужен Москве в силу того, что на данный момент основная угроза национальной безопасности, во всяком случае, явно демонстрируемая, исходит с Запада. Пекину нужна Москва в силу того, что она обладает мощными вооружениями и новейшими военными технологиями, в некоторых параметрах превосходящих западные. Поэтому можно согласиться с Дж.Б. Миллером и Б. Харди-Шартраном,

по мнению которых, «Китай постепенно начинает рассматривать Россию как ключевого партнера, способного компенсировать давление со стороны Соединенных Штатов и их союзников в Азии, особенно Японии» [16].

Как известно в 70-х годах прошлого века тогдашний Государственный секретарь США Г. Киссинджер выдвинул формулу стратегического треугольника, с помощью которой Вашингтон ставил своей целью сдерживание СССР путем нормализации отношений с Китаем при одновременном ухудшении отношений между Москвой и Пекином. Частью этой формулы стала идея Киссинджера «никогда не допускать союза России и Китая». Нынешние руководители западных стран, прежде всего, США нарушают этот принцип. Во многом благодаря политике Вашингтона сближение этих двух гигантов стало свершившимся фактом. Россия и Китай сошлись во мнении о необходимости совместно выступить против гегемонистских притязаний Вашингтона.

Можно согласиться с обозревателем Bloomberg Дж. Ставридисом, по мнению которого каждое из двух отдельно взятых государств – Китай и Россия – опасно для Запада само по себе, но, если объединятся, они станут для него по-настоящему глобальной угрозой [8]. Или же как отмечал ныне покойный Зб. Бжезинский, «для Соединенных Штатов не может быть ничего опаснее тесного союза этих двух держав» [2]. Поэтому естественно, что политика западных государств в этом направлении осуществляется с оглядкой на возможность противодействия планам дальнейшего сближения Пекина и Москвы. Ставится задача выбора Россией между Востоком и Западом, прежде всего, Китаем и Западом. Сознвая эту реальность, на Западе наряду с опасениями по этому вопросу, муссируется идея о невозможности формирования антизападного, антиамериканского альянса между Россией и Китаем. Так, в своем выступлении на конференции в Сингапуре в июне 2018 года, будучи министром обороны США, Дж. Мэтис говорил о «естественном несовпадении интересов» России и Китая. По его мнению, у каждого из этих государств с Америкой в значительной степени больше общего, чем друг с другом. «Представление о том, что Россия и Китай никогда не смогут по-настоящему подружиться, ошибочна и опасна в той же мере, в какой была опасна и догма холодной войны, согласно которой мировой коммунизм являлся нерушимым монолитом» [6], убеждал он участников конференции. К. Рапоза из Forbes, комментируя встречу В.В. Путина и Си Цзиньпина в июне 2019 года, озаглавил свою статью так: «Россия и Китай лишь создают видимость дружбы... Это только слова». По его мнению, «Россия не сможет заменить Китаем Европу и США. Ни сегодня, ни даже через год. Ни через пять лет» [18]. Французский журналист Р. Жирар в газете Le Figaro в самом заглавии своей статьи заявляет, что Россия должна делать выбор (doit choisir) между Китаем и Европой [19].

В средствах массовой информации западных стран, научной и публицистической среде, в кругах интеллектуального и политического истеблиш-

мента, политического класса, государственных деятелей не прекращаются дискуссии и предложения о необходимости разработки и реализации стратегии, призванной вбить клин, всячески стимулировать соперничество, противоречия, раздоры, конфликты между Россией и Китаем. Как утверждает американский исследователь Дж. Бугайски, Вашингтону следует «поощрять споры между двумя ключевыми противниками и ослаблять их партнерство против Запада, поскольку они отвлекут свои ресурсы друг против друга». Он называет следующие три региона, где Вашингтону следовало бы реализовать такую стратегию: российский Дальний Восток, Центральная Азия и Арктика.

Однако чем больше сближаются Китай и Россия, тем более бессмысленными становятся попытки Запада воспрепятствовать их дальнейшему сближению. Как отмечал китайский аналитик Жу Бо, «китайско-российские отношения достигли такого высокого уровня, что расколотый Запад может забыть о том, чтобы вбить клин между ними» (can forget about driving a wedge between them) [25]. В то же время в Китае также проявляет озабоченность вопросом о том, как отмечает газета «Хуаньцю шибао», «перейдет ли Россия от «Большой Евразии» к «Большой Европе»? В иной постановке этот вопрос может быть сформулирован так: «Выберет ли Россия в конечном счете «Большую Евразию» (Большой Восток) или «Большую Европу» (Большой коллективный Запад во главе с США)?

Очевидно, что, не отрицая тенденции и процессы сближения Пекина и Москвы, западные аналитики, тем не менее, склонны снизить их значимость, называя взаимоотношения между ними «осью по расчету». Однако ни одна сила в мире не делает столько, сколько Вашингтон, чтобы сделать эту «ось» одним из существенных факторов, определяющих магистральные пути развития мировой политики и превращающих либеральный/однополярный миропорядок в реликт прошлого. Постепенно проглядывается возможности превращения российско-китайской «оси по расчету» в реальный альянс. В этой связи не лишне констатировать, что брак по расчету зачастую оказывается крепче брака по любви, тем более неразделяемой любви. Во всяком случае в оценке этой дилеммы можно согласиться с директором франко-российского центра «Обсерво» А. Дюбьеном, по мнению которого «у Москвы простой принцип: не всегда с Китаем, но никогда против него». По его словам, речь здесь не идет об «альянсе»: «Суть не в том, чтобы во всем соглашаться друг с другом, а в том, чтобы не вредить другому» [10].

У французской газеты L'Opinion, по-видимому есть все основания утверждать, что у дружбы Си Цзиньпина и В. Путина есть свои пределы [24]. Это вполне естественно, поскольку, было бы противоестественно, если бы у двух крупнейших военно-политических держав и двух главных акторов на евразийском пространстве не существовало бы противоречащих друг другу жизненно важных национальных интересов и, соответственно,

разногласия и противоречия по тем или иным, зачастую серьезным вопросам политической стратегии в тех или иных регионах земного шара. При всех позитивных тенденциях в российско-китайских отношениях Пекин не может открыто поддержать Россию и, наоборот, Москва не может открыто поддержать Пекин по целому ряду вопросов в силу собственных проблем и собственных не всегда совпадающих, более того, противоречащих друг другу национальных интересов. Показательно, что Китай воздержался при голосовании по резолюции по вопросу о присоединении к России Крыма в Совете Безопасности и на Генеральной Ассамблее ООН в 2014 году.

Тем не менее, они сознают, что выигрывает не тот, кто лучше играет по правилам игры с помощью хороших карт, а тот, кто эти правила формулирует и определяет. К тому же эти правила всегда создают и диктуют победители, и либо дают в их руки, как говорится, хорошие карты, либо дают им возможность удачно играть с плохими картами. Москва и Пекин при всех существующих между ними разногласиях и противоречиях едины в вопросе противостояния стремлению США сохранить и по возможности укрепить свою гегемонию. Их объединяет общность позиций противостояния либеральному/однополярному миропорядку и поддержки политики полицентрического миропорядка.

Разумеется, Россия в силу объективных экономико-технологического, геополитического, демографического и иного характера не может заставить остальной мир принять свои ценности, установки и принципы. Но реальность современного мира состоит в том, что геополитический баланс сил во многом будет зависеть от того, на какой стороне баррикад – с Китаем или Западом во главе с США – будет Россия, которая выступает на современной мировой арене в статусе могущественной военно-политической державой, подкрепляемого фактором энергетической сверхдержавности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бадракумар М.* Ключевые события указывают на возможную разрядку между Россией и Западом. 13 сентября 2019 // <http://mixednews.ru/archives/154383>.
2. *Бжезинский Зб.* Кризис мировой власти и тройственный союз США, Китая и России. 9 января 2017 // <http://globalaffairs.ru/global-processes/>.
3. В Пентагоне призвали Россию вести себя «как нормальная страна» // РИА НОВОСТИ // <https://ria.ru/20190907/1558421870.html>.
4. Геополитический разворот Европы: как идеи Макрона восприняли в Германии. EADaily. 17 сентября 2019 // <https://eadaily.com/ru/news/2019/09/17/>.
5. AFP: Россия и Франция после семилетнего перерыва возобновили работу ССВБ. 9 сентября 2019 // <https://eadaily.com/ru/news>.
6. *Anderlini J.* China and Russia's dangerous liaison // Financial Times. August 8, 2018.

7. *Blank S.* The Russo-Chinese alliance emerges // The Hill. October 21, 2019.
8. Bloomberg: Сближение России и Китая – настоящая глобальная угроза XXI века. 12 июня 2019 // <https://easaily.com/ru/news/2019/06/12/bloomberg>.
9. *Charlton A.* Macron pushes outreach to Russia, offers ‘balancing’ role // The Washington post. August 27, 2019.
10. *Feertchak A.* Cinq points pour comprendre l'amitié entre la Russie et la Chine // Le Figaro. Juin 5, 2019.
11. *Kantchev G.* China and Russia Are Partners – and now have a \$55 billion pipeline to prove it // The Wall Street Journal. December 1, 2019.
12. *Kornelius S.* Europa und Russland Kampf der Systeme // Süddeutsche Zeitung. März 20, 2018.
13. *Lasserre I.* Les raisons qui ont guidé le tournant prorusse d'Emmanuel Macron // Le Figaro. Stpnenbre 9, 2019.
14. *Mallet V., Shotter J., Peel M.* Emmanuel Macron's pivot to Russia sparks EU unease // Financial Times. September 11, 2019.
15. *Matlock Jr. J.F.* Hysteria, What Are the Facts? We must end this Russophobic insanity // The Nation, June 1, 2018.
16. *Miller J.B., Hardy-Chartrand B.* Russia and China’s Strategic Marriage of Convenience // The National interest. August 27, 2019 // <https://nationalinterest.org/feature/r>.
17. *Nixey J., Boulègue M.* On Russia, Macron Is Mistaken // Chatham House. September 5, 2019.
18. *Rapoza K.* Russia and China only look like they are becoming buddies. It’s mostly talk // Forbes. June 5, 2019.
19. *Renaud Girard R.* «Entre la Chine et l'Europe, la Russie doit choisir!» // FigaroVox. Septemre 3, 2019 // ww.lefigaro.fr/vox/monde/.
20. *Rettman A.* World upside down as EU and Russia unite against US // EU Observer. 26.09.2018.
21. *Shultz G., Perry W., Nunn S.* The Threat of Nuclear War Is Still With Us The Wall Street Journal. April 10, 2019.
22. *Taylor A.* Putin and Xi cement an alliance for the 21st century // The Washington Post. June 6, 2019.
23. *Tétreau E.* L'Europe doit se tourner vers l'Oural pour tracer son avenir // Les Echos. Septembre 4, 2019.
24. *Zheng J.* Xi Jinping et Vladimir Poutine, «best friends» avec bénéfices partagés // L'Opinion. Juin 4, 2019.
25. *Zhou Bo.* As China and Russia draw closer, it would be a fool’s errand for Trump to try to separate them // South China Morning Post. Aug 23, 2019.

K.S. GADZHIEV
*Doctor of Historical Sciences,
Professor, chief researcher of the Primakov
National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia*

SHIFTS IN WESTERN RELATIONS WITH RUSSIA IN CONTEXT HER RAPPROCHEMENT WITH CHINA

The article attempts to identify and analyze key factors contributing to some positive shifts in the positions of a number of Western states in relations with Russia over the past year and a half. It is shown that for a variety of reasons, for a number of key issues of world politics as a whole and in assessing the political strategy of Russia in particular between the Western states themselves, there are more or less serious disagreements and contradictions. This provision is based on the fact that a number of states, abandoning sharply anti-Russian policies, take certain steps to normalize relations with Russia, while other states, including the EU level, strongly oppose such changes. Having critically analyzed these tendencies, it is shown that positive shifts in this sphere, in addition to a variety of other reasons, are determined by Russia's strategic turn towards the East and its rapidly growing rapprochement with China.

Key words: *Russia, Europe, the European Union, the USA, China, the state, politics, strategy, relations, security, contradictions, shifts, normalization.*

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ «ПОСТ-АМЕРИКАНСКОГО БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА»

В статье дается анализ некоторых, на взгляд автора, ключевых факторов, которые дали снование ряду отечественных и зарубежных аналитиков, выдвинуть идею о том, что в современных условиях, когда во всевозрастающей степени имеет место тенденция к сокращению присутствия США на Большом Ближнем Востоке и даже их ухода из региона, можно говорить о пост-американском и даже пост-западном Большом Ближнем Востоке. Главное внимание концентрируется на обосновании тезиса, согласно которому позиции США в этом весьма конфликтогенном и взрывоопасном регионе действительно ослабляются, сокращается их военное присутствие. Тем не менее, говорить о каком бы то ни было уходе США из региона представляется не совсем корректным. Приводятся факты и аргументы, свидетельствующие о том, что Вашингтон отнюдь не собирается уходить из региона, поскольку в качестве одного из важных геополитических плацдармов данный регион продолжает занимать одно из ключевых мест во внешнеполитической стратегии США.

Ключевые слова: *Большой Ближний Восток, США, регион, Персидский залив, нефть, газ, нефтяная зависимость, сланцевая революция, гегемония, стратегия.*

Политика США на Большом Ближнем Востоке определяется целым комплексом факторов. После второй мировой войны в условиях ослабления Британской и Французской колониальных империй Вашингтон и Москва вступили в борьбу за господствующие позиции на Ближнем Востоке. Расширение присутствия США в регионе, создание военных баз в целом ряде государств, главным образом на территориях монархий Персидского залива было вызвано необходимостью гарантировать поступление углеводородных ресурсов на мировые рынки, где ключевое место занимали промышленно

развитые государства Запада, подавляющее большинство из которых были союзниками США. Именно зависимость от импортируемой нефти побудила США после 1945 года нарастить доминирующее военное присутствие в регионе. Как известно, на протяжении всего периода двухполюсного миропорядка Вашингтон как лидер так называемого свободного мира, взял на себя обеспечение национальной безопасности своих союзников как по Североатлантическому альянсу, так и, хотя, возможно, в меньшей степени на самом Большом Ближнем Востоке.

Однако в силу целого комплекса факторов геополитического характера, которые достаточно широко и аргументированно раскрыты в отечественной и зарубежной политической науке и геополитике, в современном мире происходят глубинные трансформации, подрывающие основы сначала двухполюсного и вслед за ним однополярного миропорядка. В стороне от этих трансформаций не остались также США, которые претендуют на статус единственной после распада СССР сверхдержавы, возглавляемой ими однополярный миропорядок. Эти трансформации поставили перед ними, равно как и другими великими державами, вопрос о необходимости переоценки и пересмотра своей внешнеполитической стратегии в соответствии с изменившимися реалиями как на страновом, так на региональном и глобальном уровнях.

Об обоснованности данного тезиса наглядное представление можно составить на примере сдвигов в политике США на Большом Ближнем Востоке. Наиболее очевидно эти сдвиги можно обнаружить в сфере тех изменений, которые произошли в сфере обеспечения мировой экономики углеводородными ресурсами. Так, особо важное значение с рассматриваемой точки зрения имеет наметившийся в последние годы рост энергетической независимости США, который привел к снижению значимости Большого Ближнего Востока в перечне американских приоритетов. По мере того, как Соединенные Штаты становятся мировым лидером по добыче нефти в результате так называемой сланцевой революции, их зависимость от поставок углеводородов из Персидского залива сводится к нулю, равно как снижаются и обязательства обеспечения безопасности соответствующих государств.

В этом же русле следует оценивать также сдвиги в политике Вашингтона в палестино-израильском конфликте, где он, начиная с так называемой «шестидневной» арабо-израильской войны» 1967 года, стал играть ключевую роль в переговорах по достижению мира между двумя сторонами. При Б.Х. Обаме отношения Вашингтона с израильским руководством оставляли желать лучшего. При Д. Трампе они серьезно окрепли, особенно после выхода США из Иранского ядерного соглашения, переноса американского посольства из Тель-Авива в Иерусалим и признания израильского суверенитета над территориями принадлежащих Сирии Голанских высот. Эти действия убедили палестинцев, да и часть арабского мира в неспособности Вашингтона играть в этой сфере роль честного посредника.

Тенденции перегруппировки размещения вооруженных сил за рубежом в США начались еще при президенте Дж. Буше-мл, который еще в августе 2004 г. обнародовал план сокращения в течение предстоящих 10 лет почти 70 из 213 тыс. военнослужащих, дислоцированных за рубежом. Вместе с членами их семей военнослужащих и гражданским персоналом число подлежащих возвращению на родину американских граждан достигает 170 тыс. чел. Реализацию такого плана обосновывали необходимостью должным образом реагировать на новые угрозы национальной безопасности США.

Применительно к Большому Ближнему Востоку (представляется уместным напомнить, что это понятие, равно как и понятий «Большая Центральная Азия», «Большая Южная Азия» было введено при администрации Буша-мл) инициатива пересмотра позиций США в регионе принадлежит президенту Б.Х. Обаме, победившему на президентских выборах в 2008 году. Возможно, правы те аналитики, по мнению которых, сокращение присутствия США на Ближнем Востоке началось при Б.Х. Обаме. В своей, получившей широкий резонанс каирской речи в июне 2009 года он обещал осуществить кардинальный пересмотр американской политики в регионе. Действительно, в декабре 2011 г. США как бы завершили вывод своих войсковых подразделений из Ирака, оставив лишь 150 человек для охраны американского посольства в Багдаде. Помимо их оставались также отдельные подразделения спецназа и так называемых частных военных организаций. Вслед за этим в 2014 году был выведен основной контингент из Афганистана.

В обоснование этого политического курса в 2012 году Обама объявил, что главное внимание во внешнеполитической стратегии США переносится на Азию. Как известно, было инициировано так называемое Транстихоокеанское партнерство между двенадцатью странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Особо важное значение имело смещение фокуса внешней политики США в сторону Восточной и Южной Азии в связи с ростом влияния Китая. Политика «возвращения» к Азии или «опор» на соседние с Китаем азиатские страны была провозглашена в 2011 году тогдашним госсекретарем США Х. Клинтон в статье «Тихоокеанский век Америки» в журнале «Foreign Policy» [8]. Далее эти термины активно использовались в выступлениях Б. Обамы. Позднее Белый дом стал использовать термин «ребалансирование» [7], означающий изменение географических приоритетов во внешней политике.

Когда в конце 2010 – начале 2011 гг. широкомасштабные протесты, ассоциируемые с феноменом так называемой «Арабской весны», охватили многие страны арабского мира, администрация Обамы изо всех сил пыталась определить собственную стратегию по отношению к Большому Ближнему Востоку. Оказавшись перед дилеммой выбора между авторитарными режимами, которые долгое время были союзниками Америки, и так называемыми борцами за демократию на улицах городов региона, он в конечном счета

выбрал военное вмешательство США в Ливии, приведшее к убийству лидера этой страны Муаммара Каддафи. Гибельные результаты этого решения Лауреата Нобелевской премии мира Б. Обамы общеизвестны. При президентстве Обамы американцы помимо Каддафи фактически предали своих традиционных союзников в лице авторитарных правителей Бен Али в Тунисе, Хосни Мубарака в Египте и т.д.

Эта политика приобрела довольно радикальные формы с приходом к власти Д. Трампа в 2016 году. Став открыто, даже агрессивно на сторону Израиля, он по сути дела сделал крен в сторону отказа от каких бы то ни было обязательств по учету интересов арабов, если такие обязательства вообще существовали. Трамп не оставил в покое и Иран, который, как будто встал на путь постепенной нормализации отношений с Западом, прежде всего, с США, о чем свидетельствовало согласие его руководства на принятие Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) или Иранского ядерного соглашения, заключенного между шестью странами – Россией, США, Великобританией, Китаем, Францией, Германией в 2015 году, при весьма активном участии Б.Х. Обамы. Это соглашение предусматривало ограничение ядерных разработок Тегерана в обмен на отмену санкций СБ ООН, США и ЕС. Эффект разорвавшейся бомбы почти во всем мире вызвало заявление Д. Трампа 8 мая 2018 года о выходе США из этого соглашения.

Решение Трампа вывести американские войска из удерживаемых курдами северных районов Сирии стал лишь одним из последних по времени примеров, свидетельствующих о стремлении Вашингтона сократить свое, во всяком случае, военное присутствие в регионе. Оно будет восприниматься многими в регионе как еще один признак того, насколько ненадежной может быть американская поддержка. Поэтому неудивительно, что многие политики и аналитики весьма критически оценили шаги, предпринимаемые Трампом в этом направлении. Так, комментируя его решение вывести воинские подразделения из регионов Сирии, занимаемых курдами, президент Совета по международным отношениям Р. Хаас заявил: «Это не красиво, Это насилие. Это нелиберально во всех смыслах этого слова» [5].

С учетом этих реалий целый ряд американских аналитиков стали говорить о так называемом «пост-американском» Большом Ближнем Востоке. Или же, как отмечает американский аналитик П. Эппс, сокращение американского присутствия в регионе станет началом пост-западного Ближнего Востока (the dawn of the post-western Middle East) [9].

Шаги руководителей США в этом направлении свидетельствует о существенном сдвиге в оценках значимости Большого Ближнего Востока с точки зрения обеспечения национальной безопасности страны. Очевидно, что речь идет о смене Большого Ближнего Востока, где руководство США как бы целенаправленно сокращает свое присутствие, Индо-тихоокеанским регионом в качестве приоритетного объекта внешнеполитической страте-

гии. Именно перенос главного внимания Вашингтона на Южную Азию подтолкнул Д. Трампа ввести вместо понятия (или наряду с ним) «Азиатско-тихоокеанский регион» понятие «Индо-тихоокеанский регион».

Разумеется, в сдвигах в политической стратегии Вашингтона немаловажную роль сыграло ослабление относительной экономической и военно-политической мощи США. В этом контексте интерес представляет мысль Г. Киссинджера о том, что «Именно при ведении «горячих» войн Америка обнаружила, что ей трудно соотнести цель с возможностями. Только в одной из пяти войн, которые вела Америка после Второй мировой войны (Корея, Вьетнам, первая война в Персидском заливе, Ирак и Афганистан), а именно – в первой войне в Персидском заливе во время президентства Джорджа Буша-старшего, Америка добилась поставленных целей, не вызвав при этом резких внутривнутриполитических разногласий» [3. С. 427]. Можно утверждать, что победа в войне в Персидском заливе 1991 года стала своего рода символом гегемонии США на Ближнем Востоке. Однако агрессия против Ирака, начавшаяся в марте 2003 года оказалась началом постепенного ослабления позиций Вашингтона в мире в целом и в регионе Большого Ближнего Востока в особенности.

Проблема состоит в том, что США не в состоянии решить множество проблем региона, число которых постоянно растет. Касательно Большого Ближнего Востока речь идет о том охватившем весь регион хаосе, который стал результатом реализации стратегии экспорта демократической революции и бессмысленных агрессивных войн. Руководители США как бы неожиданно обнаружили, что как начало, так и шаги по окончанию войн и вывод из соответствующих стран воинских подразделений порождают множество трудно разрешимых проблем. США оказались не способны остановить сирийскую гражданскую войну, вывести, «сохранив лицо» воинские подразделения из Ирака и Афганистана. К тому же непродуманной, по своей сути агрессивной политикой в отношении израильско-палестинского конфликта Вашингтон посеял новые семена для дальнейшего обострения, возведив новые преграды на пути его взаимоприемлемого разрешения.

Проблема также в том, что радикально изменилась геополитическая ситуация на Большом Ближнем Востоке. Если раньше, скажем, примерно до начала нового тысячелетия Вашингтон в регионе имел дело с официальными руководителями более или менее стабильных в основном авторитарных государств, то постепенно, на политическую авансцену выступили негосударственные субъекты региональной и даже мировой политики. В результате целого комплекса известных факторов в том числе так называемой «Арабской весны», стратегии так называемого экспорта демократической революции» и агрессивных войн, развязанных Западом на Большом Ближнем Востоке, весь регион стал ареной всплеска международного терроризма. В результате целый ряд государств потеряли или теряют контроль

над значительной частью своих территорий и, самое главное, монополию на легитимное насилие. Имеет место тенденция к дальнейшему ухудшению шиито-суннитского раскола. В этом контексте нельзя не обратить внимание на своего рода амбивалентное отношение Вашингтона к разного рода террористическим организациям, в создании которых он сам сыграл немаловажную роль. Как известно, непродуманная стратегия США на Большом Ближнем Востоке привела к порочному кругу хаоса и насилия во всем регионе. В результате США оказываются не в состоянии справиться с этими сами по себе весьма сложными трудно разрешимыми проблемами.

Можно согласиться с американским аналитиком П. Эппсом, по мнению которого, «почти каждый шаг – не в последнюю очередь вывод войск Обамы из Ирака, а теперь Трампа из Сирии – сыграл на руку Тегерану» [5]. Разумеется, не только Тегерану, но также Москве, Пекину и Анкаре. По мере того, как США отступают, эти страны прилагают усилия, чтобы занять свое место в возникающем вакууме. Возможно, является некоторым преувеличением убеждение некоторых аналитиков в том, что по мере сокращения присутствия США на Ближнем Востоке лидерство в регионе постепенно начало переходить от Д. Трампа к В.В. Путину. Но нельзя не отметить тот очевидный факт, что вывод американских войск с северных территорий Сирии открывает перед Россией новые возможности или большую свободу действий для укрепления и расширения здесь свое политическое и экономическое влияние. Что касается вторжения турецких воинских подразделений в курдские районы севера страны, то оно напрямую не угрожает интересам России. Более того, эта акция может стать фактором, помогающим России убедить руководителей курдов начать переговоры с правительством Башара Асада [6].

Москва в настоящее время служит в качестве своего рода контактного центра переговоров по урегулированию противоречий и конфликтов на Ближнем Востоке между Анкарой и Тегераном, их, в свою очередь, с монархиями Персидского залива. Кремль имеет выход к Тель-Авиву, Дамаску, Тегерану, Эр-Рияду, Анкаре, Багдаду, Эрбилю, Вашингтону, ведущим странам Евросоюза, самое главное, Пекину, вынашивающему далеко идущие планы в отношении Большого Ближнего Востока. Путин нашел достаточно оснований для формирования своего рода союзных отношений с Ираном. В ноябре 2017 года состоялась первая встреча В.В. Путина, Р.Т. Эрдогана и Х. Рухани в Сочи, которая заложила основы для формирования трехстороннего альянса. На основе достигнутых между ними договоренностей сформировался своего рода треугольник Москва-Турция-Тегеран. Он нашел подход к Саудовской Аравии, установить хорошие отношения с Израилем, в том числе, используя влияние двух миллионов переселенцев из СССР/России.

В.В. Путин в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2015 года дал понять, что альтернативы сотрудничеству с Дамаском

для победы над терроризмом не существует. В тот период США и их союзники ставили своей целью лишение власти Башара Асада. Ту же цель в качестве первоочередной задачи преследовали Турция и монархии Персидского залива. 30 сентября того же года, т.е. через два дня после выступления Путина на Генеральной Ассамблее ООН Россия начала военную кампанию в Сирии, которая радикально изменила расклад геополитических сил в стране, да и на Большом Ближнем Востоке в целом. Существенному изменению подверглись также действовавшие до того правила игры, поставившие крест на планах свержения Башара Асада. Можно сказать, что акция Москвы спутала карты Вашингтона в его сирийской игре.

Ослабление американской мощи действительно открывает России уникальные возможности для укрепления и расширения своего влияния на Большом Ближнем Востоке. При этом нельзя забывать то, что всевозрастающая зависимость Китая от импорта энергоресурсов с Ближнего Востока означает, что он почти наверняка попытается заполнить любой вакуум, возникающий в регионе в случае, если США станут сокращать там свое присутствие, или же вовсе покинет его. Китай, похоже, давно ожидал грядущих изменений в структуре безопасности региона и готова воспользоваться ими, если для этого возникнут соответствующие условия.

Пытаясь заключить новые сделки с производителями энергоресурсов на Ближнем Востоке, Китай открыто поддерживает Иран в его противостоянии агрессивной политике Вашингтона. В вопросе о выходе США из иранского ядерного соглашения Пекин вслед за Москвой безоговорочно поддержал Исламскую Республику Иран. В условиях обострения отношений между США и этой страной на Восточном экономическом Форуме (ВЭФ)-2019 Пекин подписал с ней 25-летний договор о стратегическом сотрудничестве. Согласно договору, Китай обязался купить иранскую нефть по гарантированным ценам и инвестировать в экономику ИРИ 400 млрд. долларов, из которых 70%, т.е. 280 млрд. – в энергетический сектор [4].

При всем изложенном представляются не совсем корректными всякого рода доводы и рассуждения об уходе США с региона, тем более, о «пост-американском» или «пост-западном Ближнем Востоке». В данном случае, речь идет о перегруппировке вооруженных сил, дислоцированных за рубежом, в плане сокращения их численности для, как говорится, экономии финансовых, материальных, человеческих ресурсов, их эффективного использования в других регионах, которые приобрели большую, чем Ближний Восток, значимость с точки зрения обеспечения национальной безопасности США.

Политика сокращения американского присутствия на Большом Ближнем Востоке неоднозначно оценивается разными государствами региона. Например, руководители Ирана и Турции приветствовало бы сокращение присутствия и даже полного ухода американцев, а большинство иракцев

прямо требует этого, то персидские монархии, в большинстве своем против ухода американцев, высказывая опасения насчет того, что этот шаг приведет к дальнейшей эскалации нестабильности не только в зоне Персидского залива, но и на всем Большом Ближнем Востоке. Здесь уместно напомнить последствия ухода советских войск из Афганистана, который привел к приходу к власти талибов.

США остаются могущественной экономико-технологической имперской державой. А имперская держава, как правило, просто так не сдает завоеванных ею позиций и Вашингтон вряд ли просто так откажется от роли «заокеанского противовеса в Евразии» России и Китаю. Другое дело, что в современных условиях, США при всем их могуществе не под силу сохранить прежнее рассредоточение средств и усилий по всему миру, одинаково содержать многочисленные дорогостоящие военные базы по всему миру. Что касается самого Большого Ближнего Востока, военные базы США сохраняются в Турции (Инджирлик), Бахрейне, Катаре, Кувейте, Омане, Ираке, ОАЭ, Джибути, Египте, Йемене, Иордании, Марокко. С Афганистаном подписано соглашение, согласно которому США предоставлено право сохранить воинские подразделения в Баграме и других военных базах до 2024 года [1. С. 201-203]. Важно учесть и то, что вскоре после начала стремительного наступления ИГИЛ в Ираке американские войска были возвращены в эту страну и в составе коалиции более чем шестидесяти стран принял участие в войне против этой террористической организации.

Показательно, что свой первый зарубежный визит Д. Трамп совершил в Саудовскую Аравию, что дало некоторым аналитикам основание назвать его уникальным. Обосновывая, такую оценку, А. Давыдов писал: «Первые «лидер свободного мира» посетил страну столь отличную от своей: с монархической, а не республиканской формой правления, с религиозным, а не светским укладом жизни, с исторически иным вероисповеданием – исламом. Однако главная особенность этого визита – демонстрация основ ближневосточной внешней политики новой администрации Белого дома. Она характеризуется как значительной преемственностью по сравнению с курсом прошлой администрации, так и включает ряд отличительных черт» [2]. В своем выступлении Трамп делал акцент на идее о том, что роль США в регионе будет вспомогательной. В отличие от президента Дж. Буша-мл, который декларировал стремление Вашингтона в прямом смысле определять судьбу Большого Ближнего Востока в одностороннем порядке, и Б.Х. Обама, который говорил о необходимости действовать в этом направлении опосредованно, Трамп возлагает основное бремя решения проблем на плечах самих стран региона. В этом контексте его администрация активно проталкивает идею создания так называемого арабского НАТО, направленного против Ирана. Предполагается, что в него могут войти шесть государств Персидского залива – Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмира-

ты, Кувейт, Бахрейн, Оман и Катар, а также Египет и Иордания. Такая стратегия призвана реализовать в рамках так называемого «принципиального реализма», в которой явно прослеживается отход от ссылок на защиту прав и свобод человека, риторики относительно продвижения демократии и т.д.

При оценке этих реалий важно учесть, что Большой Ближний Восток нужен Вашингтону не сам по себе, как конечная цель, и не за его углеводородные ресурсы, как было до так называемой сланцевой революции, а как геополитическое пространство, которое можно использовать как плацдарм для противодействия экспансии Китая и сдерживания России через Кавказ и Центральную Азию, а также Ирана с Турцией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Арунова М.Р., Иваненко В.И. Афганская политика США в 1945-2014 гг. М., 2015.
2. Давыдов А. «Принципиальный реализм» Трампа на Ближнем Востоке. 24 мая 2017 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/>
3. Киссинджер Г. Мировой порядок. М., 2015.
4. Шабалдина Ю. Китай во время ВЭФ-2019 нанес уничтожающий удар по политике США. 09 Сентября 2019 // <https://riafan.ru/1210675>
5. Apps P. Has the post-American Middle East arrived? // The Japan Times. October 18, 2019.
6. Englund W. In the Middle East, there's one country every side talks to: Russia // The Washington Post. October 14, 2019.
7. Glazova A.V. (ed.) The US strategy of «rebalancing» in Asia Pacific and Russia's national security interests // http://en.riss.ru/wp-content/uploads/sites/5/2015/11/Discussion_paper_2015_-2.pdf
8. Clinton H. America's Pacific Century // <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/>
9. Steyn M. Post-Western Middle East. February 23, 2011.

N.U. KHANALIYEV
Candidate of political sciences,
First Secretary of the Department
for New Challenges and Threats of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia

ON THE PROSPECTS OF “POST-AMERICAN GREATER MIDDLE EAST”

The article gives an analysis of some, in the author's opinion, key factors that gave reason to a number of domestic and foreign analysts to put forward the idea that in modern conditions, when there is a growing tendency to reduce the US presence in the Greater Middle East and even their departure from the region, we can talk about the post-American and even post-Western Greater Middle East. The main focus is on substantiating the thesis that the US position in this highly conflictogenic and explosive region is really weakening, and its military presence is declining. Nevertheless, talking about any kind of US withdrawal from the region seems not entirely correct. Facts and arguments are presented indicating that Washington is not going to leave the region, since as one of the important geopolitical bridgeheads, it continues to occupy one of the key places in the US foreign policy strategy.

Key words: Greater Middle East, USA, region, Persian Gulf, oil, gas, oil dependence, shale revolution, hegemony, strategy.

ЮНЕСКО НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В данной статье рассматривается роль ЮНЕСКО на Ближнем Востоке как международной организации в условиях современной глобализации. Сегодня деятельность международных организаций является неотъемлемой частью мировой политики. Актуализирует данную тему наличие внутренних конфликтов и сложность протекающих политических процессов в регионе, их влияние на международные отношения. Целью данного исследования является выявление возрастающей роли организации в регионе. Используемые методы политической науки позволяют рассмотреть деятельность организации как инструмент политического влияния и прийти к выводу, что политика ЮНЕСКО на Ближнем Востоке представляет систему многоаспектных и многоуровневых мер. Проведенный политологический анализ документов и реализации проектов в регионе позволяет автору сделать в заключении вывод о политической значимости деятельности организации, направленной на многостороннее политическое взаимодействие стран региона.

Ключевые слова: ЮНЕСКО, регион, Ближний Восток, глобализация, международные отношения, политическое взаимодействие.

Анализ литературы, посвященной непосредственно деятельности ЮНЕСКО, показывает недостаточность исследований по рассматриваемому региону. Так, в работах отечественных авторов Бурлацкого Ф.М., Грачева А.С., Ильинского И.М., Ломейко В.Б., Тимофеева Т.Т., Чубарьяна А.О., Шестопада А.В. деятельность ЮНЕСКО рассматривается в философском аспекте содержания культуры мира и демократии. Следует упомянуть сборник статей «ЮНЕСКО: Цели, структуры, деятельность» [6], который состоит из четырех частей «Одна организация – множество аспектов», «Хроника ЮНЕСКО», «Документы, факты и цифры» и «Приложения», где представлен анализ деятельности ЮНЕСКО. Также в нашем распоряжении источники исторической

информации – воспоминания бывших Генеральных директоров Дж. Хаксли, А.М. М'Боу, Ф. Майора, мемуары дипломатов Ю.В. Дубинина, Н.М. Канаева, Г.В. Уранова. В монографии «What UNESCO for the future» [7] собраны оценки экспертов, и на их основе представлен анализ функционирования ЮНЕСКО в условиях современной глобализации по результатам проекта организации «Каково будущее ЮНЕСКО?» (2004 г.), предпринята попытка прогноза перспектив и реформирования организации.

Однако все еще недостаточно системных, комплексных исследований по политике ЮНЕСКО на Ближнем Востоке, в которых рассматривались бы меры, направленные на диалог и политическое взаимодействие стран региона, на развитие образовательного потенциала в арабских странах, практически не существует.

В отечественной и западной востоковедных школах не существует единого подхода к определению исследуемого региона, который географически состоит из стран Северной Африки и Юго-Западной Азии. Российские ученые в состав Ближнего Востока включают арабские страны, Иран и Турцию.

Ближневосточный регион представляет научный и стратегический интерес в контексте сохранения мира и безопасности как фактор влияния на глобальном уровне. В этой связи значимым представляется исследование роли ЮНЕСКО в регионе как инструмента политического влияния. Современный этап общественного развития стран региона характеризуется значительными изменениями в политическом процессе, наиболее важным из которых является вовлечение в политический процесс широких слоев населения, что повышает значение политической культуры, уровня образования личности и групп.

Общество стран Ближнего Востока отличается глубокой традиционностью и специфической системой общественно-политических установок и представлений. Современные преобразования используются в политических интересах субъектами разного уровня, от местных элит до акторов международной политики, как с целью стабилизации, так и дестабилизации политического процесса. В этой связи следует отметить, что проблема взаимосвязи традиционных ценностей и современных политических процессов на Востоке исследуется крайне редко, но имеет большое практическое значение и несомненный исследовательский интерес.

Современное человечество пытается решать глобальные проблемы, главную из них – сохранение человечества на нашей Земле. В целях решения глобальных и других актуальных проблем используются различные международные организации – ООН, ЮНЕСКО, МВФ, МБРР, АТЭС, а также различные культурные, экологические и др. форумы. Главная цель подобного сотрудничества заключается в оценке сложившихся ситуаций и попытке прогноза их дальнейшего развития, чтобы решать проблемы, накопившиеся в межкультурных, социальных, политических противоречиях.

Согласно ст. 1-й Устава ЮНЕСКО [5] ее целями являются: содействие миру и международной безопасности путем развития сотрудничества между государствами в области образования, науки и культуры; обеспечение всеобщего уважения основных прав и свобод человека без различия расы, пола, языка или религии; распространение культурной и научно-технической информации; защита национальных культур и др.

Основные направления деятельности ЮНЕСКО служат обеспечению безопасного и стабильного развития мира в условиях глобализации. Многие современные проблемы государств непосредственно связаны с национальной безопасностью, что создает как благоприятную основу, так и определенные трудности в принимаемых и реализуемых организацией проектах.

Политические процессы в регионе, социально-политическая ситуация оказывают влияние на глобальную стабильность и взаимодействия ведущих стран мира, влияют на мировые цены энергоресурсов, уровень террористической угрозы, миграционные потоки в развитые государства.

Арабская весна обострила многие противоречия, характерные для арабских стран, демонстрируя невозможность реализации даже достигнутых формальных согласований между ними. Однако как показывают ее социально-политические последствия, население нуждается в «общерегиональном понимании», в формировании основ цивилизационного диалога и толерантного отношения к другим культурам и религиям. В конечном результате укрепление доверия между странами и региона на глобальном уровне послужат конструктивному диалогу и обеспечению национальной и региональной безопасности.

Арабские страны находятся на переходном этапе от традиционного типа воспроизводства к современному, который характеризуется высоким уровнем рождаемости, что еще более усиливает актуальность социально-политической стабильности в регионе.

Отличительной особенностью демографической структуры населения стран региона является преобладание доли молодых людей: 60% населения моложе 25 лет, а 33% жителей не достигли 15-летнего возраста. Рост населения молодых возрастов служит главным источником пополнения трудовых ресурсов. Среднегодовой темп прироста трудоспособного населения (15-64 года) в период 1990 г. – 2007 г. составляет 3,4% [1].

Все сферы жизнедеятельности современных государств детерминированы процессами глобализации, в связи с чем, на наш взгляд, возрастает актуальность политики ЮНЕСКО в регионе. Основными направлениями деятельности организации остаются область науки, образования, культуры, и коммуникаций, главная задача заключается в повышении эффективности работы. ЮНЕСКО реализует свои программы там, где они наиболее необходимы, особенно среди наиболее уязвимых и маргинализированных групп. Организация выступает за наиболее эффективную государственную поли-

тику и правовые изменения на национальном уровне. Важнейшее значение имеет поиск возможных форматов сотрудничества в регионе стран-членов ЮНЕСКО для укрепления их взаимосвязей в культурно-гуманитарной сфере, в реализации проектов.

Контент-анализ отчетов ЮНЕСКО в области образования убедительно доказывает, что данное направление является приоритетным в работе организации [2]. Деятельность ЮНЕСКО подтверждает роль образования как важной составляющей в политическом, социально-экономическом и культурном развитии любого государства. Образование выступает основой формирования человеческого капитала, что определяет его как мощный инструмент в решении национальных стратегических задач. Именно образование обеспечивает развитие науки, техники, культуры, производительных сил и в конечном результате – национальной безопасности. Сегодня как никогда образование является важной функцией государственной политики. Компетентная и сбалансированная государственная политика в области образования является инструментом обеспечения политической стабильности в обществе, а ее эффективность служит основой повышения качества жизни граждан государства.

Современные условия развития, увеличивающаяся конфликтность в международных отношениях увеличивают потребность в расширении гуманитарного сотрудничества стран. Проекты ЮНЕСКО в регионе формируют основу гуманитарного сотрудничества и служат инструментом «мягкой силы». Следует отметить, что понятие «гуманитарное сотрудничество» не имеет однозначного толкования. Но в российской литературе данное понятие включает область культурных связей, межкультурного диалога, диалог гражданских обществ, диалог с соотечественниками, проживающими за рубежом. Таким образом, сотрудничество в гуманитарной сфере представляет эффективный инструмент межкультурного диалога.

Важным направлением деятельности ЮНЕСКО является обмен информацией, коммуникации, что крайне важно для процесса взаимодействия стран региона. Еще в 1997 г. ЮНЕСКО были подготовлены два доклада: Всемирный доклад по информации и Всемирный доклад по коммуникации, которые представили объективные данные о процессе развития коммуникационных инфраструктур в различных регионах нашей планеты.

Коммуникационные возможности и информационный потенциал компьютерных сетей играют положительную роль, но вместе с тем несут и негативную – служат проникновению «фейков» в восточные общества. Повышение образовательного уровня способствует противодействию данному явлению, которое активно расширяется в современных политических условиях. Деятельность ЮНЕСКО направлена на формирование объективного международного информационного пространства с целью обмена информацией.

Повышенный интерес СМИ к Ближнему Востоку объясняется его особым геостратегическим положением, запасами природных ресурсов, сложными политическими процессами в странах региона. Арабская весна, непрекращающиеся военные действия в Сирии, Йемене, Ливии и Ираке являются следствием тяжелого экономического и социального положения в регионе. Рассматриваемый нами регион показывает, что современные технологии развивают и расширяют сети коммуникаций, СМИ и «новые медиа» превращаются в мощные коммуникаторы, и одновременно становятся реальными акторами конфликтных процессов. СМИ, Интернет-коммуникации передают информацию и одновременно являются каналом взаимодействий участников политических конфликтов, что способствует формированию определенного общественного мнения, что подтвердили и события Арабской весны. Формирование нового коммуникационного пространства усилиями Юнеско способствует решению многих проблем в данной сфере, прежде всего большей объективности и сбалансированности в процессе обмена информацией.

Условия глобализации способствуют интеграции разных культур, формированию некой универсальной культуры с высокой степенью свободы и превосходством культурных норм, ценностей в сравнении с другими культурами. Однако угроза потери своей национальной идентичности ведет к процессу роста национального самосознания. В этой связи ЮНЕСКО в целях предотвращения конфликтов, укрепления диалога между цивилизациями, культурами и народами реализует проекты, направленные на укрепление идеи мира «в умах людей». Так, например, на 35-ой сессии (октябрь 2009 г.) Генеральной конференции ЮНЕСКО были определены четыре главных направления деятельности: содействие взаимному признанию культурного, этнического, языкового и религиозного разнообразия; разработка рамок общих ценностей; укрепление качественного образования, развитие навыков межкультурного общения и поощрение диалога в интересах устойчивого развития [3].

Следует отметить и важное значение для стабильности региона роль этноконфессиональных противоречий, постоянную напряженность вокруг культурно-исторических и религиозных мест. В этой связи ЮНЕСКО неоднократно принимались различные документы по проблемам межкультурного и межрелигиозного диалога и для этих целей специальные проекты, направленные на формирование общих базовых ценностей, уважения и толерантного отношения к другим культурам и религиям, диалогу между верующими и неверующими, что в конечном результате будет способствовать доверию и взаимопониманию населения стран региона и межгосударственным отношениям. Решению этой задачи должна способствовать деятельность созданной Группы высокого уровня религиозных деятелей при генеральном директоре ЮНЕСКО.

Условия современной глобализации усиливают тенденции взаимозависимости государств региона, в связи с чем обостряется проблема формирования единого образовательного пространства государств региона. Ведущие университеты предложили обсудить основные направления развития системы высшей школы в странах региона, роль высшего образования для устойчивого стабильного развития государств. Однако следует отметить специфику системы высшего образования стран региона: ее мозаичность по типам моделей, финансовой обеспеченности, качеству, доступности, осуществляемым направлениям подготовки, конкурентноспособности. Следует отметить и существующий дисбаланс между предложением и спросом на образовательные услуги, в ближайшей перспективе ближневосточные государства не смогут удовлетворить увеличивающийся спрос по причине быстро увеличивающейся численности населения.

Реализация концепции устойчивого развития любого государства напрямую связана с развитием системы образования. Не включаясь в научный дискурс по концепции устойчивого развития, лишь отметим, что данная концепция подвергается критике по причине отсутствия общего концептуального подхода, что собственно находит подтверждение в недостаточной реализации Программы ООН Цели устойчивого развития до 2030 г. [4]. Поэтому, на наш взгляд, необходима глобальная стратегия ООН и ЮНЕСКО в социально-гуманитарной сфере, обеспечивающая взаимодействие стран, с учетом страновых и региональных особенностей и достижений, а также с учетом социокультурных особенностей. В целях решения данной задачи, возможно рекомендовать создание специального регионального органа из членов представительств, который будет координировать комплекс взаимосвязанных проблем обеспечения стабильного развития государств, поскольку сегодня совершенно очевидно, что данная задача не является сугубо экономической; а реализуемый дифференцированный подход необходим на национальном и региональном уровнях.

Наиболее значимыми для рассматриваемого региона остаются проблемы доступности и качества образования, его фундаментальности и специализированности. Поэтому программа модернизации образования Ближнего Востока должна быть ориентирована на социально-экономические и политические потребности современного общества – это и внедрение современных образовательных технологий, и выявление лучших стандартов образования, и обеспечение возможности получения качественного образования независимо от места жительства.

Таким образом, деятельность ЮНЕСКО, направленная на сближение государств на основе интегрируемой в сознание религиозно-цивилизационной множественности формирует альтернативный путь сохранения глобальной стабильности и мира. В связи с этим представляется возможным говорить о политическом влиянии ЮНЕСКО, что подтверждает ее страте-

гическая цель – обеспечение мира и стабильного развития, объединение коллективного интеллекта, направленного на решение глобальных проблем человечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Арсанова Т.Е., Кулешова Н.С. Молодежный фактор в современных арабских событиях (2000-е годы) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2014. № 3.

2. Инчхонская декларация Образование-2030: обеспечение всеобщего инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни // <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002331/233137r.pdf>

3. О завершении работы 35-й сессии генеральной конференции ЮНЕСКО // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/275922

4. Цели устойчивого развития до 2030 г. Программа ООН // <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/>

5. Устав ЮНЕСКО // <http://www.unesco.org/new/ru/unesco/about-us/who-we-are/history/constitution/>

6. ЮНЕСКО. Цели, структуры, деятельность = UNESCO: хроника, факты и цифры / ред.-сост. В. Ройтер, К. Хюфнер. М.: Рудомино, 2002.

7. What UNESCO for the future? Forum of reflexions / UNESCO; Coordinated by Pierre Sane. Paris: UNESCO Publishing, 2006.

T.E. ARSANOVA

*Senior Lecturer, Department
of Arabic Philology Institute of Asia and Africa,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

UNESCO IN THE MIDDLE EAST IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

This article discusses the role of UNESCO in the Middle East as an international organization in the context of modern globalization. Today, the activities of international organizations is an integral part of world politics. The presence of internal conflicts and the complexity of the ongoing political processes in the region, their impact on international relations actualizes this topic. The purpose of this study is to identify the growing role of organizations in the region. The used methods of political science allow us to consider the organization's activities as an instrument of political influence and conclude that UNESCO's policy in the Middle East represents a system of multifaceted

and multilevel measures. The political analysis of the documents and the implementation of projects in the region allows the author to conclude that the political significance of the organization's activities aimed at multilateral political interaction of the countries of the region.

Key words: *UNESCO, region, Middle East, globalization, international relations, political interaction.*

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КИТАЯ: ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

В статье анализируются внутренние и внешние факторы, которые влияют на формирование и развитие современной политической элиты Китая. К данным факторам, по нашему мнению, относятся: экологическая стабильность в Китае, ожидания населения, политика «одна семья – один ребенок», новый проект Китая «Один пояс и один путь», глобализация, степень вовлечения КНР в мировую экономику, геополитическое и военное противостояние Китая с другими мировыми игроками, научно-техническая революция. В статье используются официальные документы- постановления КПК и правительства КНР, статистические данные Всемирного банка и других ведомств.

Исследуемая проблема является весьма актуальной по причине становления Китая как новой геополитической силы в мире, которая может активно противостоять прежнему экономическому лидеру Восточной Азии – Японии, а также лидеру Запада – США. Основная цель заключается в выявлении факторов влияния на формирование современной элиты КНР. Исходя из указанной цели, ставятся следующие задачи: проанализировать теоретические основы понятия «политическая элита» в контексте китайской реальности; выявить и изучить внешние и внутренние существующие факторы, которые оказывают влияние на становление и развитие национальной политической элиты. Исследование осуществляется в рамках политической науки, используются методы: абстрагирование, метод индукции и дедукции, метод мир-системного анализа, метод сравнения. Методологией исследования служат классические и новые теории элит. Установлено, что политическая элита Китая не является замкнутой системой, а на ее развитие оказывают значительное влияние как внутренние, так и внешние факторы, среди которых глобализация, социально-экономическая стабильность государства, постоянный рост экономики Китая и др. Полученные в работе выводы указывают на важность учета различных факторов при анализе процесса формирования и развития политической элиты.

Ключевые слова: политическая элита, национальная элита, контрэлита, кооптация, неуправляемый класс, внешние факторы, внутренние факторы.

Формирование китайской элиты, ее дальнейшее развитие и трансформация происходят под влиянием как внешних, так и внутренних факторов, среди которых стоит отметить следующие: условия глобализации, социально-экономическая стабильность государства, рост экономики Китая и др. [36; 37; 38; 39; 40].

Китай имеет свои особенности – китайскую традиционную культуру и конфуцианскую этику [22. С. 21], систему экзаменов для отбора наиболее выдающихся представителей общества в управляющий класс (данная система применялась еще во II в. до н.э. [25. С. 58-65]). На китайскую элиту и в наше время оказывает влияние конфуцианская этика [12. С. 89-95; 13. С. 55-62] в отличие от западной философско-научной этики [29. С. 30], которая лежит в основе поведения элит евроатлантического мира и его бывших колоний. Примером конфуцианской этики в деятельности сегодняшней элиты Китая служит система экзаменов при поступлении на госслужбу. В целом конфуцианство играет определяющую роль в формировании политической культуры и элиты. Современное поколение руководителей во главе с Си Цзиньпином осуществляют деятельность на основе принципов конфуцианства.

Один из основоположников теории элит Г. Моска указывал, что обновление элит возможно тремя путями: наследование, выборы и кооптация (введение новых представителей элиты волевым решением отдельных ее представителей в условиях отсутствия действующих «социальных лифтов») [9. С. 30-36]. Но учитывая действительную государственную практику Китая, можно выделить способы избавления элиты от неудобных членов. Это можно назвать антикооптацией. Иногда тюремные сроки получают даже руководители «первого эшелона» китайского Олимпа [8].

Для теоретического исследования современной китайской политической элиты в статье используется определение, данное Л.В. Гевелингом, согласно которому политическая элита – это сравнительно многочисленная социальная группа – политически правящий и экономически господствующий слой общества [33. С. 11]. Данная трактовка является достаточно «широкой», что позволяет полноценно исследовать элиту Китая.

С учетом специфики китайской политической действительности (XVII съезд партии дал полноценное определение этого направления: «..социализм с китайской спецификой под руководством КПК определяет положение дел в стране, уделяя основное внимание экономическому строительству, придерживается четырех коренных принципов, курса реформ и открытости...» [21. С. 152-157]), под политической элитой Китая можно подразумевать КПК и официальные партии Китая, а «контрэлиту» определить практически невозможно в связи с недостаточной информацией. Контрэлита в Китае сосредоточена в областях национальных меньшинств, в первую очередь в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Как результат, «стандартная схема» взаимоотношений в обществе с точки зрения теории элит – где есть элита (управляющий класс), управляемый класс (народ), контрэлита; в китайских условиях можно отметить наличие специфической проблемы – наличие развитого общества на Тайване, которое в отличие от Сянган и Аомыня формально не контролируется КНР и его правительством, а также хуацяо – так как их поддержка и включение в проведение экономических реформ Китая помогло превращению страны в один из экономических центров мира.

С учетом статуса КНР как развивающейся страны [27], важно выявить степень «национальности» элиты Китая, ведь в иных развивающихся странах (например, в странах Латинской Америки и Африки [30. С. 68-74]) местные национальные элиты часто тесно связаны с элитами бывших метрополий и во многом обслуживают их интересы. В данном аспекте особо выделяются хуацяо – как составная часть «китайского мира» [20. С. 106-111], но их взаимоотношения с КНР были довольно специфическими: «...этнические китайцы с иностранным гражданством в вопросах инвестиций фактически были приравнены к эмигрантам, сохранившим китайское гражданство...» [26. С. 7-13]. Также стоит отметить, что исторически китайский социум является достаточно закрытым. Изолированность общества Китая в данный момент проявляется в запрете на деятельность многих западных Интернет-ресурсов [2].

Элита Китая значительно отличается от западных примеров, так как ее формирование происходило в качественно иных условиях. По сути, сложился симбиоз правящей партии и элиты, на которых оказывает воздействие, продолжающееся «экономическое чудо» [15. С. 106-107]. Это вносит значительные корректировки в процесс формирования и развития национальной элиты Китая.

Стоит указать, что именно вкладывается в понятие «национальная элита». Под национальной элитой стоит понимать группу людей, которые отличаются от остальной массы населения тем, что имеют контроль над экономическим, политическим или культурным капиталом отдельной страны. Основа дохода китайской национальной элиты базируется в их же стране, а будущее своих детей они связывают с будущим этой страны.

Начиная с XVI съезда КПК в 2002 г., по предложению Цзян Цзэминя предпринимателей/бизнесменов начали принимать в ряды партии, тем самым обновив Коммунистическую партию Китая и был совершен переход из группы некогда естественных противников коммунистического (социалистического) строя к одной из его опор.

Таким образом, национальная политическая элита Китая на данный момент включает в свой состав высшее руководство Коммунистической партии Китая и верхушку китайского бизнеса. К элите не относятся хуацяо [19. С. 49-51], китайские мигранты в США [24. С. 103-116] и руководство

политической элиты Тайваня, которое по сегодняшний день также формально претендует на главенство в «континентальном» Китае и фактически действует как одна из контрэлит Китая.

Одной из основных особенностей китайской политической элиты является «историческая память». Национальная политическая элита Китая стремится построить могучее государство в противовес бедному и слабому Китаю, который был унижен в первой половине XX в. западными державами и Японией. Данный аспект отмечен в преамбуле действующей Конституции КНР: «...под руководством Коммунистической партии Китая... народы всех национальностей Китая, пройдя тяжелый и тернистый путь борьбы... одержали великую победу в новодемократической революции, создали Китайскую Народную Республику. С тех пор китайский народ взял государственную власть в свои руки и стал хозяином страны...» [10].

Китайская элита ввиду беспрецедентного экономического роста так и не испытывала данного процесса. Сегодня можно наблюдать, как угроза «торговой войны» КНР и США служит примером борьбы за глобальное лидерство [23]. Возможно, в случае возникновения кризисных явлений китайская политическая элита будет переживать период «созидательного разрушения», если использовать термин, введенный Йозефом Шумпетером [6. С. 46-50; 34].

Основными внутренними факторами, которые влияют на политическую элиту Китая, являются:

- Экологическая стабильность в Китае.

В случае соблюдения жестких мировых экологических стандартов, например, как в ЕС, «промышленный бум», который лежит в основе стремительного экономического роста страны, может значительно замедлиться, что сразу же поставит вопрос удержания власти политической элиты страны. Кроме того, экологическая ситуация в стране зависит и от общемировых процессов [32]. Китай является активным участником минимизации негативного влияния человеческой деятельности на мировую экологию, принимая участие во многих международных экологических саммитах с последующим принятием обязательств относительно ограничения негативного влияния на мировую экологию [1. С. 59-64; 7].

- Ожидания населения Китая. КПК на данный момент воплощает «китайскую мечту», предоставляя тем самым китайскому населению чувство величия и значимости [41]. На данный момент воплощение «китайской мечты» является достаточно «осязаемым» благодаря продолжающемуся, хотя и замедленному экономическому росту (6,6% в 2018 г. [35]) Китая и трансформации социально-экономической инфраструктуры страны [14].

- Демографическая стабильность Китая обеспечивается проведением политики «одна семья – один ребенок». Демографической особенностью Китая является наличие самого крупного населения в мире – 1,407 млрд. чел.

на 2019 г. [35]. Проводимая длительное время политика «одна семья – один ребенок» смогла как приостановить слабо контролируемый «демографический бум» в Китае, так и создать дополнительные вызовы для политической элиты страны по причине значительных демографических (что естественным путем ведет к старению нации) и гендерных дисбалансов [3]. Кроме того, возникает новый вызов – процесс «старения нации», когда доля людей пожилого возраста возрастает, что потребует новых подходов в политике элиты, так как это ведет к консерватизму.

Основными внешними факторами, которые влияют на политическую элиту Китая, являются:

- Глобализация. Активное развитие экономики Китая указывает на удачное и выгодное использование существующих на данный момент условий глобализации для успешной интеграции в мировую экономическую систему [28]. Политическая элита Китая выбрала позицию использования достижений и возможностей глобализации вместо изоляции Китая во времена правления Мао Цзэдуна [4. С. 34-46].

- Степень вовлечения КНР в мировую экономику. Начавшееся «торговое противостояние» КНР и США, накопление самых крупных золотовалютных запасов в мире – 3,236 трлн долл. США [35] – позволяет констатировать, что экономика Китая основывается на модели, выбранной китайской политической элитой, но сохраняет зависимость от внешнего мира для сбыта своей продукции, а в ряде случаев и в отношении источников сырья [16. С. 490-494; 5. С. 83-98].

- Геополитическое и военное противостояние Китая с другими геополитическими игроками в мире. Геополитическое напряжение на Корейском полуострове, где Китай является одним из основных участников [23], а также в акватории Южно-Китайского моря посредством военно-морских баз создает как угрозу прямого военного конфликта, так и возможность серьезного экономического противостояния основным торговым партнерам, что в свою очередь может вызвать экономический кризис в КНР и повлиять на устойчивость власти нынешней элиты страны.

- Научно-техническая революция. На данный момент Китай является «мировой фабрикой» [11. С. 10-15; 31. С. 134-143], так как именно тут иностранные корпорации создают производственные базы, тем самым привлекая китайцев к научно-технической мысли Запада, и, что очень важно, – демонстрируют и обучают китайцев «форме» подачи и реализации результатов мирового научно-технического прогресса.

- «Один пояс и один путь» – концепция, которая позволит Китаю активно проводить политику по дальнейшему развитию идеи великой державы для населения Китая, снятия напряженности в Западном Китае посредством включения/вовлечения его в активную экономическую политику, что может способствовать решению проблемы гендерного дисбаланса [18.

С. 52-53; 17. С. 86-97]. В случае успешной реализации данного проекта политическая элита Китая сможет как укрепить собственные позиции внутри страны (особенно на Западе Китая), так и легитимировать свое положение в глазах элит евроатлантического мира для дальнейшего экономического сотрудничества. Проект будет способствовать улучшению имиджа КНР среди представителей элит стран, которые будут вовлечены в реализацию проекта «Один пояс и один путь», – России, Казахстана, Ирана, стран Центральной Азии и т.д. [17. С. 86-97].

В заключение стоит отметить, что ряд рассмотренных выше факторов не подлежат строгому отнесению исключительно к внутренним или внешним. На практике обнаруживается двойственный характер их влияния, и поэтому их следует относить к смешанным.

Деятельность политической элиты Китая имеет ряд особенностей – например, демографическую составляющую, которая для поддержания легитимности в других странах не играет такой определяющей роли. В целом можно констатировать множественность факторов, воздействующих на современную политическую элиту КНР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Вершинина В.Ю.* Экологическая политика кнр: глобальный, региональный и национальный аспекты // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2014. № 4.
2. Вирусная дипломатия: как Китай использует интернет в своей внешней политике // <https://carnegie.ru/commentary/71324>.
3. Гендерный дисбаланс в Китае продолжил сокращаться в 2017 г. // http://russian.news.cn/2018-01/20/c_136911091.htm.
4. *Грачиков Е.Н.* Особенности внешней политики Китая: этапы смены стратегий // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015. № 3 (302).
5. *Денисов И.Е.* Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 5.
6. *Дмитриев С.Г.* О становлении теории «созидательного разрушения» // Креативная экономика. 2011. № 12 (60).
7. ЕС и Китай настаивают на выполнении Парижского соглашения по климату // <https://www.dw.com/ru/83/a-44694747>.
8. За взятку – к высшей мере. С 2000 года в Китае за коррупцию расстреляно 10 тысяч чиновников // <https://rg.ru/2009/06/25/korruptcia.html>.
9. *Итиуридзе Л.А.* Основные проблемы теории «правящего класса» Гаэтано Моски // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2001. № 2.

10. Конституция КНР // https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/.

11. *Котляров Н.Н., Гао Т.* Экономические аспекты функционирования особых экономических зон в условиях глобализации (на примере Китая) // Российский внешнеэкономический вестник. 2009. № 6.

12. *Лугвин С.Б.* Китайская государственная бюрократия как результат трансформационных процессов древнекитайского общества // Вестник Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого. 2000. № 3.

13. *Маринов М.Б.* Принципы китайского стратегического мышления // Теория и практика общественного развития. 2009. № 2.

14. О стратегическом прорыве Китая к 2050 году // https://www.dvfu.ru/expertise/news/atr/strategic_breakthrough_for_china_by_2050/.

15. *Поликарпова М.Г., Журнакова Е.А.* Феномен экономического чуда на примере Китая // Общество, современная наука и образование: проблемы и перспективы сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 10 частях. 2012.

16. *Пылева А.О., Бычкова Л.В.* Зависимость экономики Китая от внешних поставщиков энергоресурсов // Молодой ученый. 2017. № 2.

17. *Самусева О.А.* Оценка и анализ целесообразности участия различных стран Евразии в проекте «Пояс и путь» // Восточная аналитика. 2018. № 3.

18. *Симонова А.И.* «Один пояс – один путь» как глобальный китайский экономический проект // Восточная аналитика. 2017. № 3.

19. *Степанова Г.А.* О некоторых тенденциях в политике руководства КНР в отношении зарубежных соотечественников (хуацяо) в последние годы // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 4.

20. *Стровский Л.Е., Цзян Ц.* Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Известия Уральского государственного экономического университета. 2010. № 1 (27).

21. *Сун Лэй.* «Китайский путь» – путь социализма с китайской спецификой // Власть. 2017. № 11.

22. *Сущенко М.А.* Политическая модернизация в Китае: роль конфуцианских традиций: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т. Кемерово, 2015.

23. США и Китай: больше, чем торговая война // <https://econs.online/articles/ekonomika/ssha-i-kitay-bolshe-chem-torgovaya-voyna/>.

24. *Точная А.О.* Китайская диаспора в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 10 (538).

25. *Ушков А.М.* Как управлялся и управляется Китай: конфуцианская система подготовки государственных служащих // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2007. № 2.

26. *Ходова С.С., Федорова Е.А.* Роль «хуацяо» в формировании политики открытости КНР // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2015. № 4 (31).

27. Цзэн Цинхун: Китай намерен вместе со странами Азии более тесно поддерживать взаимное сотрудничество // <http://russian.china.org.cn/russian/233641.htm>.

28. Черковец О. Глобализация как объективная реальность // <https://www.pnp.ru/economics/globalizaciya-kak-obektivnaya-realnost.html>.

29. Шелонаев С.И. Этика творческой элиты: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.05 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2005.

30. Шульга А.А. Неоколониализм в Африке и глобализация: что общего? // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18.

31. Шумаев В.А. Опыт Китая по привлечению иностранных инвестиций путем организации особых экономических зон // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2011. № 1 (6).

32. Экологическая ситуация в Китае – проблема для всего мира // <https://bellona.ru/2013/03/13/ekologicheskaya-situatsiya-v-kitae-probl/>.

33. Элиты стран Востока: сборник статей / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки, Центр изучения совр. Проблем Юго-Восточной Азии и АТР / под ред. А.Ю. Другова, Н.П. Малетина, О.В. Новиковой. Москва: Ключ-С, 2011.

34. Creative Destruction: The Essential Fact about Capitalism // <http://www.artdiamond.com/DiamondPDFs/CreativeDestructionEssentialFact03.pdf>.

35. CHINA // <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ch.html>.

36. Democratic Parties // http://en.people.cn/data/China_in_brief/Political_Parties/Democratic%20Parties.html.

37. Fisman R., Jing Shi, Yongxiang Wang and Weixing Wu. «Connections and the Selection of China's Political Elite» // <http://sticerd.lse.ac.uk/seminarpapers/dg18052017.pdf>.

38. Shambaugh D. «Training China's Political Elite: The Party School System» // <https://www.cambridge.org/core/journals/china-quarterly/article/training-chinas-political-elite-the-party-school-system/E272F9DD20D11E5C797A7580F87ABD9D>.

39. The Palgrave Handbook of Political Elites // <https://link.springer.com/book/10.1057/978-1-137-51904-7>.

40. The Political Elite in China: A Dynamic Balance Between Integration and Differentiation // https://link.springer.com/chapter/10.1057/978-1-137-51904-7_20.

41. 中国梦 (习近平提出的指导思想) // <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E6%A2%A6/60483?fr=aladdin>.

O.A. SAMUSEVA

*Post-graduate student of the Institute
of Asian and African Studies (IAAS),
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

CONTEMPORARY POLITICAL ELITE OF CHINA AND ITS FACTORS

This article analyses the internal and external factors of the Chinese political elite development. China emerges as a new world superpower and its elite may influence the political processes in East Asia as well as other regions of the globe. Chinese political elites are the most serious rivals of Japanese and American top grasses in Asia and the Pacific. The factors of the Chinese political elite development are ecological stability in China, expectations of the Chinese population, the policy 'One family – one child', globalization, the degree of integration of China in world economy, geopolitical and military rivalry between China and other world actors, scientific and technical revolution, and the Chinese policy 'One belt and One road'. The article makes use of official Chinese documents as well as the World Bank and other statistical data.

Key words: *Political elite, national elite, counter-elite, cooptation, ungoverned class, internal factors, external factors.*

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В XXI ВЕКЕ

Настоящая статья рассматривает эволюцию геополитических приоритетов Турецкой республики и кратко анализирует основные причины данных трансформаций.

Географическое положение Турции обуславливает ее роль, как одного из ключевых государств востока. По сути, вся Турция в ее современных границах представляет собой инструмент, без которого не возможно влияние на ближневосточные процессы; при этом и сама Турецкая Республика сегодня является мощным и экономически сильным геополитическим игроком.

После распада Советского Союза в 1991 году, внешняя политика любого государства, и Турция здесь не могла стать исключением, представляла собой прежде всего выстраивание взаимоотношений с единственным центром геополитической силы – Соединенными Штатами, однако в начале XXI века ситуация начала меняться.

Пережив первую мировую войну с колоссальными территориальными потерями, Турция все же сумела сохранить ядро своей государственности, а элита страны сделала соответствующие выводы, в том числе и в части выстраивания геополитических союзов, исходя в первую очередь, из целей соблюдения интересов турецкого народа и государства, чем и объясняются изменения во внешнеполитических приоритетах Турции, наблюдаемые в последние 10-15 лет.

Ключевые слова: *внешняя политика, Турция, геополитика, внешнеполитические приоритеты Турции.*

Анализ внешней политики Турции с момента зарождения республики и до настоящего времени, позволяет выделить три основных периода:

– с 1921 по 1990 г. – период становления республики и укрепления турецкой национальной идентичности, формирования основных институтов и системы управления, период отстаивания независимости, оказавший влияние на последующее развитие государства;

– с 1990 по 2002 г. – можно считать периодом поиска новых отношений и пересмотра старых, который обусловлен изменившимися внешними ус-

ловиями, вызванными главным образом распадом СССР и установлением однополярного мира;

– с 2002 г. по настоящее время, характеризуется идеей создания единого сильного центра Турции – Анкары [4], и во многом также обусловлен очередными изменениями внешнеполитических условий.

Для понимания действий турецкой элиты во внешней политике необходимо, прежде всего понимать исторический базис ее мотиваций, а также учитывать геополитические возможности, которые дает Турции ее географическое положение.

Если обратиться к истории полуострова Малая Азия, на котором по большей части и расположено современное Турецкое государство, то наглядным становится тот факт, что на протяжении тысячелетий этот регион, начиная со времен Хеттского царства, являлся базой образования и последующего воссоздания нескольких империй, контролировавших Ближний Восток и Восточное Средиземноморье. Очевидно, что данное обстоятельство обусловлено именно географическим положением Малой Азии, ее климатом, экономическим потенциалом и экономическими коммуникациями, проходящими через нее.

Сегодня геостратегическое значение Малой Азии, а, следовательно, и Турецкой Республики, нисколько не уменьшилось, а скорее напротив произошло его усиление, и в настоящее время Турция, наряду с Ираном, по-прежнему представляет собой ключ к Ближнему и Среднему Востоку, Восточному Средиземноморью и Северо-восточной Африке. Как показывает практика, без участия или согласия Турции, реализация каких-либо масштабных экономических и политических проектов в данных регионах довольно затруднительна. В актив Турецкого геополитического влияния необходимо добавить и контроль над проливами Босфор и Дарданеллы, соединяющими Черное море со Средиземным.

Иными словами, Турция обладает весьма ценными геополитическими активами, использовать которые в своих интересах хотели бы практически все страны, претендующие на международное лидерство, а значит одна из первоочередных задач турецкой элиты грамотно использовать указанные активы в интересах своей страны.

Теперь рассмотрим основные исторические причины, по которым Турция в XX веке своим основным стратегическим партнером выбрала США, и почему в настоящее время от данной позиции постепенно отказывается.

Ввязавшись в Первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии, Турция по итогам этого конфликта оказалась в числе проигравших, утратив контроль над значительной частью своей довоенной территории.

Появившаяся на обломках Османской империи Турецкая республика в 20-30-е годы XX века под управлением Мустафы Кемала Ататюрка, проводила весьма осторожную политику: с одной стороны, Турция усиливала

ориентацию на западные державы, с другой – это не мешало Ататюрку выступать за укрепление советско-турецкой дружбы.

В 1933 г. Турция приняла тысячу эмигрантов из нацистской Германии – ученых и деятелей искусства. Вместе с тем, сохраняя во время Второй мировой войны формальный нейтралитет, Турция снабжала Германию стратегическими материалами и пропускала через проливы германские и итальянские военные корабли [1]. Иными словами, Турецкая республика с момента своего появления проводила многовекторную внешнюю политику, исходя из приоритета национальных интересов, при этом ориентируясь на наиболее сильных, на текущий момент, лидеров.

После окончания Второй мировой войны, перед Турцией встал выбор: оказаться в зоне влияния либо Советского Союза, либо США. Турецкая элита, памятуя о непростых отношениях с Россией в прошлом, предпочла патронат территориально удаленного союзника, в котором к тому же видели и защиту от возможных притязаний северного соседа – СССР.

Необходимо учитывать, что выстраивая внешнюю политику, Турция с одной стороны вряд ли забудет и о попытках Италии захватить территории Османской империи и об англо-французских соглашениях Сайкса-Пико, породивших Севрский мирный договор, едва не уничтоживший турецкую государственность. С другой стороны – турецкая элита была заинтересована в экономической интеграции со странами Европы, т.к. это существенно расширяет рынки сбыта турецких товаров, а поскольку Западная Европа, с середины XX века во многом зависима от США, данное обстоятельство также оказало влияние на послевоенный выбор Турции в пользу Соединенных штатов. После распада СССР в 1991 году, Турция стала проявлять интерес к территориям бывшего СССР, населенным преимущественно тюркским населением, ставя в качестве перспективной цели включение их в орбиту своего влияния, что без одобрения США реализовать в 1990-е годы было практически невозможно.

Таким образом, Турция во второй половине XX века выбирает в качестве своего основного геополитического партнера США, что дает Турецкой республике возможность претворять в жизнь свои национальные интересы, а установившийся после 1991 период однополярного мира, показал успешность такого выбора на тот момент.

По сути, иной выбор Турции был маловероятен. Во-первых, проводить полностью самостоятельную внешнюю политику во второй половине XX века Турция все-таки не могла ввиду не достаточного экономического и военного потенциала. Во-вторых, с государствами-лидерами Европы Турцию связывали не самые теплые отношения, к тому же они во многом были зависимы от США. В-третьих, Турция опасалась оказаться полностью зависимой от СССР. В то же время США, уже вступившие в противостояние с Советским Союзом располагались далеко, что расценивалось как фактор,

предохраняющий от слишком плотного вмешательства Соединенных штатов в политику Турции, при этом сами США были заинтересованы в Турецкой республике, как в региональном союзнике.

После 2000 года международная ситуация начала постепенно меняться, а после 2010 года изменения стали ускоряться в геометрической прогрессии – начал усиливаться и заявлять о своих внешних интересах Китай; в команду влиятельных мировых игроков вернулась изменившаяся и избавившаяся от коммунистической идеологии Россия. В тоже время Соединенные Штаты, осознающие чрезмерную затратность выстроенной ими в период однополярного мира системы глобального военно-политического контроля, стали все чаще предъявлять своим партнерам требования, идущие в разрез с их экономическими и политическими интересами.

В 2002 году на парламентских выборах в Турции с большим преимуществом голосов победила умеренная исламская партия справедливости и развития, что позволило ей сформировать однопартийное правительство во главе с лидером партии Р. Эрдоганом, [2] 17 лет бессменно возглавляющим Турецкую республику. Все это время Турция разумно учитывает в своей внешней политике тренды ослабления влияния США в зонах, мало интересующих американское государство, и усиление иных политических центров. Сегодня Турция не готова слепо следовать указаниям старших партнеров, чьи интересы все больше противоречат интересам самой Турецкой республики. Напротив, используя новые возможности, Турция стремится реализовывать вполне здравую и независимую внешнюю политику, исходя из приоритета национальных интересов и сохранения своего суверенитета. Современная Турция находится в переходном состоянии, когда она уже не является сателлитом Запада, но еще не превратилась в региональную сверхдержаву [3].

Таким образом, можно констатировать, что эволюция внешней политики Турции, в т.ч. трансформация взаимоотношений с Соединенными Штатами, мотивирована все теми же приоритетами сохранения, развития и возрождения Турецкого государства, которые были заложены еще Ататюрком, и которые турецкая элита реализует, используя все имеющиеся возможности и ресурсы.

Иными словами, политика Турецкой республики на протяжении последнего столетия имеет четкий стержень в виде национальных представлений о месте и роли Турецкого государства в мире, которые последовательно продвигаются турецкими властями, и все взаимоотношения с иностранными государствами выстраиваются Турцией исходя именно из данных приоритетов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Воробьева Л.М.* Германо-турецкие отношения вчера и сегодня // «Российский институт стратегических исследований» // <https://riss.ru/analytics/30319/>.

2. *Маврина Ю.В.* Турецкая внешняя политика в первое десятилетие XXI века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 3.

3. *Маврина Ю.В.* Концепция внешней политики Турции Ахмета Давутоглу // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 1.

4. Развитие внешней политики Турции в XX – начале XXI вв. // «Центр изучения внешней политики и безопасности» // <https://forsecurity.org/razvitie-vneshney-politiki-turcii-v-hh-nachale-xxi-vv>.

E.F. ASKEROVA

PhD student, Saint-Petersburg state university, Saint-Petersburg, Russia

TURKEY'S FOREIGN POLICY EVOLUTION IN THE XXI CENTURY

This article reviews the evolution of the geopolitical priorities of the Republic of Turkey and briefly analyzes the main reasons for these transformations.

Turkey's geographical location has led to its role as one of the key States of the east. In fact, all Turkey within its modern borders is an instrument without which there can be no influence on the Middle East processes; At the same time, the Turkish Republic itself is today a powerful, economically strong geopolitical player.

After the collapse of the Soviet Union in 1991, the foreign policy of any state, and Turkey here could not be an exception, was primarily to build relations with the only center of geopolitical power – the United States, but at the beginning of the twenty-first century the situation began to change.

Having survived the First World War with enormous territorial losses, Turkey has managed to maintain the core of its statehood, and the country's elite has drawn appropriate conclusions, including in terms of building geopolitical alliances, based primarily on the interests of the Turkish people and the State, which explains the changes in Turkey's foreign policy priorities observed in the last 10-15 years.

Key words: *foreign policy, Turkey, geopolitics, foreign policy priorities of Turkey.*

БАЛКАНСКИЙ РЕГИОН КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Данная статья посвящена основным характеристикам Балканского региона с точки зрения геополитического положения, социально-экономических и этноконфессиональных особенностей, в частности, автор обращает внимание на перспективы региона в контексте развития современных международных отношений и международного сотрудничества с Республикой Азербайджан.

Ключевые слова: Балканский регион, международные отношения, мировая экономика, Республика Азербайджан.

В отличие от геополитических границ начала XX века, Балканский регион сегодня – это более широкое пространственно-территориальное образование, нежели Балканский полуостров. Полуостров включает в себя современные Македонию, Черногорию, Боснию и Герцеговину, частично признанное Косово, Болгарию, отдельные части Сербии, Хорватии, Словении, Греции, Турции и Румынии. С учетом территории стран, входивших ранее в состав Югославии, а также Болгарии, Греции, Албании, Румынии и Турции, общая площадь Балканского региона составляет 790 269 км². Иногда по разным причинам к Балканскому региону относят также территории Молдовы и Кипра [2].

Происхождение, история, политические режимы и геополитика Балканского региона делает его нынешнюю политическую динамику чрезвычайно сложной. Балканский полуостров расположен между Западной и Восточной Европой и характеризуется очень сложным демографическим составом. Среди основных причин многогранности характера балканской политической динамики заключается в наличии различных цивилизаций, этнокультурных идентичностей, противоречивых геополитических ориентаций и уникальных связей с другими народами и странами Европы и многих других стран мира.

Исторически тенденции балканской политической динамики имели три взаимосвязанных измерения: национальное, региональное и геополитическое.

В XX веке понятие «Балканы» становится тождественным этноязыковой, религиозной и расовой мозаичности. Сербский ученый Цвинич выделил пять социально-культурных областей в Балканском регионе:

1. Византийско-арумынская – которая охватывает южную Болгарию, ее черноморское побережье, Македонию, Грецию и соседние территории Албании, Моравской Сербии.

2. Патриархальная область, включающая в себя Боснию и Герцеговину, практически всю Черногорию, Албанию (исключая узкую прибрежную полосу), северную Болгарию, исключая восточное побережье, почти всю Сербию. Из-за турецкого влияния, однако, исторически данный ареал балканских народов значительно сократился.

3. Итальянская область, охватывающая узкую полосу западного побережья полуострова (в частности, южную часть Албании).

4. Ареал средневропейской культуры, находящийся традиционно под австрийским и венгерским влиянием: части Сербских северных территорий, а также современные Хорватия и Словения.

5. Исламская – некоторые районы юга и востока полуострова, часть Албании [9].

Исследователь М. Маркович выделяет 4 цивилизационных типа среди населения Балканского полуострова:

1). Греческий – наследующий особенности античной и византийской цивилизации.

2). Южнославянский, включающий в себя болгар, сербов, черногорцев и македонцев. Он характеризует южных славян православного вероисповедания как приверженцев патриархальной культуры с сильными соседскими и родственными взаимосвязями, принципами взаимопомощи и солидарности. Однако подчеркивается, что труд и рабочие отношения не занимают у них достаточно высоких ценностных позиций, что во многом, на его взгляд, определяет неустойчивое экономическое положение этих территорий.

3). Романский тип представлен на Балканах, прежде всего, румынским и частью молдавского населения. Несмотря на языковые отличия с южнославянским цивилизационным типом, романский тип имеет схожую традиционность, особенности этнокультурного и социально-экономического развития.

4). Исламский цивилизационный тип выделяется на основе религии и характеризуется соответственно высокими религиозными требованиями. К этому типу согласно исследованиям М. Марковича, относятся турки, боснийские мусульмане, мусульмане Санджака и албанцы [6. S. 69-75].

Балканское социо-культурное пространство – результат длительного взаимодействия и взаимопроникновения множества различных культурных и цивилизационных типов, языков, конфессий и традиций.

Исторически сложилось так, что национальная, региональная и геополитическая динамика на Балканах привели в основном к отрицательным результатам. В прошлом веке региональные политические процессы завершились тремя балканскими войнами и резко повлияли на две мировые войны. Национальная, региональная и геополитическая динамика неоднократно

трансформировали политический спектр внутри балканских стран, меняли режимы и изменили политическую карту региона трижды. К сожалению, эти преобразования и изменения никогда не достигались мирно через политические и дипломатические, а чаще – через внутренние социально-политические конфронтации и внешние конфликты и столкновения.

В системе международных отношений балканские государства демонстрируют несколько общих признаков, и в настоящее время находятся в поле зрения и во взаимодействии с несколькими геополитическими силами – Европейским Союзом, Российской Федерацией, Турцией, странами прикаспийского региона, в том числе Азербайджаном.

Западные эксперты и аналитики уже давно говорят о трудностях, с которыми сталкивается Евросоюз. У организации нет прежней репутации и имиджа. Более конкретно, они говорят о внутренних конфликтах, финансовом кризисе и снижении их геополитической роли. На этом фоне в отчете Европейская комиссия 2018 года содержится интересная информация о стратегии расширения организации. Это показывает, что к 2025 году шесть «западных балканских стран» – Сербия, Черногория, Македония, Албания, Босния и Герцеговина и Косово могут стать «потенциальными членами» ЕС. Сербия и Черногория являются наиболее вероятными. Другим еще нужно провести многочисленные реформы [5].

Ключевыми аспектами современных геополитических тенденций балканского региона стала борьба за контроль над маршрутами транспортировки энергоресурсов – прежде всего из стран Прикаспийского бассейна, а также усиливающиеся процессы европейской интеграции [3. С. 40].

Турция, преследуя цель превращения в региональную державу, начала активно интегрироваться в новые структуры международных отношений, в том числе, и балканский регион, являющийся важнейшей частью геополитического пространства Евразии [1. С. 182-191].

Проект «Южный газовый коридор», направленный на транспортировку азербайджанского природного газа в Европу, был заложен в Баку 20 сентября 2014 года. Южный газовый коридор начнет транспортировать ресурсы, которые будут добыты на месторождении природного газа Шах Дениз II в Азербайджане.

Важное место в проекте Южного газового коридора занимает Турция – часть Транс-Анатолийского газопровода (Транс-Анатолийский газопровод – TANAP) . TANAP, который Азербайджан называет «проектом 21-го века», Согласно проекту, планируется достичь 16 миллиардов кубометров производственных мощностей в 2020 году.

Ожидается, что с добавлением ресурсов от других возможных поставщиков Азербайджана, TANAP экспортирует 23 миллиарда кубометров природного газа в 2023 году и 31 миллиард кубометров природного газа в 2026 году. TANAP является основным компонентом Южного газового

коридора, предложенного Европейской комиссией в 2008 году, поскольку он будет транспортировать нероссийский газ в Европу с нероссийских маршрутов. Другими словами, TANAP становится центром энергетических дискуссий в рамках Европейского Союза.

Геополитическая стабильность в регионе будет иметь решающее значение в реализации планов, и в поиске новых источников, которые, как считается, будут добавлены в TANAP. На данном этапе значительные геополитические риски существуют и на Ближнем Востоке и в Центральной Азии:

1). Будущее Ирака: до настоящего времени не было достигнуто никакой согласованности между различными группами в Ираке, особенно между курдским региональным правительством (КРГ) и центром в Багдаде.

2). Энергетический терроризм (ИГИЛ). Запрещенная в РФ организация ИГИЛ целенаправленно развивает свои позиции в области производства энергии, расширения собственной энергоинфраструктуры и является важным фактором риска для крупных международных энергетических проектов.

3). Проблема Нагорного Карабаха: Невзирая на резолюции ООН о безоговорочном освобождении оккупированных азербайджанских территорий, Армения по сей день не выполнила ни одну резолюцию. Резолюции были приняты единогласно всеми членами Совета Безопасности ООН в 1993 году (№ 822, 853, 874, 884). Несмотря на объявления о прекращении огня-12 мая 1994 года (Бишкекский протокол) число жертв конфликта неуклонно растет. Кроме того, в последние годы увеличивается вооружение в регионе.

4). Ситуация с производством/экспортом альтернативных поставщиков, способных увеличить эту сумму, является неопределенной. Наконец, «проект 21-го века» TANAP построен на неустойчивом политико-экономическом фоне [7].

Надо отметить и то, что Балканский регион сам по себе всегда уязвимым и конфликтогенным регионом Европы. Существует устойчивое мнение о том, что, когда в Европе имеют место быть какие либо вооруженные действия, инцидент всегда начинается где-то на Балканах. Одна из причин этого заключается в том, что во всем регионе многие различные социальные и религиозные группы находятся в слабоуправляемых политических системах для столь разнородных поликультурных сообществ.

В контексте снижения имеющихся рисков и необходимости установления прочных международных связей Азербайджанским правительством обозначены несколько направлений по развитию сотрудничества со странами Балканского региона. В центре переговоров, проводимых с представителями властных структур Болгарии, Хорватии, Сербии, Греции – актуальные вопросы двустороннего сотрудничества в политической, торгово-экономической и инвестиционной сферах [8].

Безусловно, вопросы энергетической безопасности региона в целом играют важную роль в любых дипломатических переговорах последних лет.

Делегации балканских стран также регулярно приглашаются министерством культуры и туризма Азербайджана для участия в Международном форуме по межкультурному диалогу, предлагается множество проектов со-глашений двустороннего гуманитарного сотрудничества.

Энергетическое сотрудничество между Азербайджаном и Балканским регионом состоит из нескольких аспектов. Во-первых, это поставки нефти. Благодаря этому объемы взаимной торговли с 2015 года составили более 10 млрд.долларов. Во-вторых, обозначен курс на сотрудничество в области альтернативных источников энергии.

Несмотря на то, что энергетическая повестка является доминирующей, Балканский регион представляет собой большой интерес для развития иных сфер взаимодействия. Прежде всего, необходимо отметить, что гуманитарное сотрудничество является наиболее динамично развивающейся областью в структуре международных отношений. При поддержке министерств культуры и туризма Азербайджана и балканских государств была проделана большая работа по ознакомлению населения региона с музыкой, кинематографией и искусством Азербайджана, по реализации конкретных проектов в области молодежи и спорта, а также по программам взаимного культурного обмена [4].

Таким образом, необходимо отметить, что, несмотря на сложность геополитических и этнокультурных характеристик Балканского региона, а также на наличие ряда политических рисков, сложной системы развития внутренних и внешних экономических отношений, данный регион является крайне перспективным для развития международных отношений в целом, важнейшей локацией трансэнергетического потока. В связи с этим стратегия международного взаимодействия со странами Балканского региона, в том числе, со стороны Республики Азербайджан, должна разрабатываться с учетом принципов последовательности, эффективности и долгосрочного планирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ларионова Е.И., Белякова Н.С. ШОС в интеграционных процессах Турецкой республики // Материалы международной конференции «ШОС: возможности и перспективы». М., 2016.

2. Михайлов В. Балканы как пространство проблемной наднациональной идентичности // http://www.perspektivy.info/book/balkany_kak_prostranstvo_problemnoj_nadnacionalnoj_identichnosti_2014-02-21.htm

3. Пономарева Е.Г. Политика расширения ЕС: Балканское направление. Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. М., 2018.

4. Azərbaycan bəstəkarının əsərləri Balkan ölkələrinin səhnələrində səsləndirilib // <http://www.culture.gov.az/az/region-xeberleri/azerbaycan-bestekarinin-eserleri-balkan-olkelerinin-sehnelerinde-seslendirilib>

5. *Kamal Adıgözəlov*. Aİ-nin yeni Balkan siyasəti: strateji aspektlər // <http://newtimes.az/az/processestrends/5509/>

6. *Marković M.* Stosunki wzajemne między róŜnymi cywilizacjami na Bałkanach // *ΣΟΦΙΑ*. 2003. № 3.

7. TANAP: «Проект XXI века» // <http://www.aljazeera.com.tr/gorus/tanap-21-yuzyilin-projesi>

8. Yunanıstan Azərbaycan üçün Balkan regionunda nüfuzlu oyunçudur // <http://interfax.az/view/574518/az>

9. *Цвијућ Ј.* Сабрана дела. Књ. 2. Балканско полуострво. Треће издање. Београд: Српска академија наука и уметности, Завод за уџбенике и наставна средстава, 2000а.

L.E. MAMMADOV

*Post-graduate, Diplomatic Academy
Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

BALKAN REGION AS AN OBJECT OF POLITICAL ANALYSIS

This article is devoted to the main characteristics of the Balkan region in terms of geopolitical position, socio-economic and ethno-confessional features, in particular; the author draws attention to the prospects of the region in the context of the development of modern international relations and international cooperation with the Republic of Azerbaijan.

Key words: *Balkan region, international relations, world economy, Republic of Azerbaijan.*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИМИДЖ КНР В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается имидж КНР в России на современном этапе. Уточняются исторические предпосылки складывания современного образа Китая, определяются основные направления и факторы имиджеформирования, такие как экономическое развитие КНР, пропаганда китайского языка и культуры в России, затрагивается роль средств массовой информации в данном процессе.

Ключевые слова: национальный имидж, Китай, «мягкая сила», Институты Конфуция, внешняя политика.

В социально-гуманитарных науках проблема создания и поддержания имиджа страны является весьма актуальной. Перед любым государством стоит задача сделать свою политику одобряемой мировым сообществом, экономику – привлекательной для инвесторов, культурные достояния – интересными для туристов. Учитывая вышеперечисленные цели, становится очевидным, что имидж страны сейчас, в условиях мировой глобализации, следует считать крайне важным стратегическим ресурсом. Позитивное восприятие государства, его населения, уровня его экономики и особенностей культуры позволяет проводить более стабильную, продуманную и выгодную внешнюю и внутреннюю политику.

Вслед за рядом исследователей мы разделяем понятия «образ» и «имидж» по критерию стихийности/осознанности формирования. Образоформирование – это стихийно складывающееся восприятие, в нем отсутствует изначально заданная цель. Имидж формируется сознательно, хотя, конечно, не может являться полностью конструируемым образом и даже способен создавать впечатление «искусственности», «надуманности», в том случае, если усилия по его формированию слишком заметны и далеко расходятся с устоявшимися представлениями о стране [11. С. 446]. Итак, под имиджем Китая мы понимаем тот образ страны, который складывается в представлении большинства россиян на данном этапе и на который возможно целенаправленно повлиять либо напрямую, либо опосредованно.

Позитивный образ Китая в глазах россиян и России в глазах жителей Китая является необходимым условием для плодотворного сотрудничества

двух стран во всех сферах. Наличие протяженной границы и постоянные продолжительные контакты, внешне- и внутриэкономический потенциал огромных по масштабам государств предполагают, что ясность и глубина взаимопонимания двух стран необходима не только для внешнеполитических отношений, но и для благополучного внутреннего развития этих стран. Это и обуславливает возросший в последнее десятилетие интерес исследователей к тому образу Китая, который складывается в сознании граждан России.

Имидж страны всегда формируется посредством оценки ряда элементов: политика государства, экономика, социальная сфера, культура, география и др. Как верно замечает И.В. Сидорская, выделение наиболее значимого для имиджа элемента ситуативно и зависит как от целей и задач исследования, так и от целевой аудитории данного имиджа [18]. Поэтому мы наметим основные векторы, по которым формируется национальный имидж Китая, но не будем стремиться выделить главнейший.

Одним из важнейших ресурсов формирования имиджа Китая является уровень его экономического развития. По словам заместителя руководителя исследовательского центра внешних связей CIRG Юй Юньцюань улучшение национального имиджа Китая и экономическое развитие стран взаимозависимы [13]. Китай стоит на втором месте в мире – после США – в рейтинге стран по размеру ВВП (12237,7 млрд. долларов) и на первом по росту ВВП (6,6%). Следует отметить, что Россия находится в рейтинге на 13 месте. По опросам российского Фонда «Общественного мнения» на вопрос «Какая страна развивается сегодня более успешно, Россия или Китай?» 68% респондентов выбрали Китай, в успешности России уверено 18% процентов, а почти столько же, 16% опрошенных, затруднились с ответом [6]. Китай является одним из важнейших экономических партнеров России, а в период современной нестабильности воспринимается и как один из самых надежных. На настоящий момент активно обсуждаются возможности осуществления концепции Большого Евразийского партнерства на базе евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс – один путь» [10. С. 268]. Меняется и обыденное восприятие китайской экономики в России. Уходит то время, когда Китай ассоциировался с дешевыми, плохого качества товарами. Теперь все чаще «китайское» означает «качественное и доступное». Так, на российском рынке смартфонов в середине 2018 г. впервые за 10 лет сменился лидер: корейский Samsung уступил первенство китайскому бренду Huawei. В целом, следует сказать, что стратегия масштабированного продвижения, которую осуществляется сейчас китайский бизнес, вносит немалый вклад в создание позитивного имиджа Китая.

Весьма эффективным является использование в качестве инструмента создания положительного образа китайской культуры и китайского языка. В 2003 г. было подписано соглашение, в рамках которого КНР и РФ взяли

на себя обязательства способствовать распространению интереса к языку державы-соседа. КНР прекрасно осознает, что сложность китайского языка является одной из причин формирования неполного, ущербного образа о КНР, поэтому всеми силами стремится восполнить этот пробел. Важнейшую роль в этом процессе играют Институты Конфуция и классы Конфуция. Они представляются собой глобальную сеть культурно-образовательных центров на базе зарубежных учебных заведений. В России на сегодняшний момент действуют 21 центр. Институты не только проводят обучение китайскому языку, но также дают возможность пройти квалифицированный экзамен на знание китайского языка (Hanyu Shuiping Kaoshi), успешная сдача которого позволяет принять участие в стажировке на территории Китая. Кроме того, Институты Конфуция проводят различные конкурсы творческого характера, научные конференции, спортивные мероприятия, организуют творческие встречи и просветительские поездки в Китай. Формирование имиджа посредством Институты Конфуция эффективно, в том числе и потому, что нацелено на молодежь, поскольку именно их мнение о Китае и будет чрезвычайно важным в следующие 10-15 лет. Как замечают исследователи [9], подобная политика является очевидным применением «мягкой силы» в долгосрочной перспективе и отвечает стратегическим планам КНР. Однако следует отметить, что в России деятельность Институты Конфуция не всегда находит исключительно одобрение и поддержку [14; 17].

Стабильно растущий в российском обществе интерес к китайскому языку – еще одно проявление стратегии «мягкой силы» и свидетельство положительного восприятия и высокой оценки россиянами Китая, его культуры и растущего экономического влияния. По данным Регионального центра лингвистических исследований (РЦЛИ) в условиях упрочняющихся экономических отношений России с Китаем наблюдается повышение популярности китайского языка: за 20 лет количество изучающих китайский выросло более чем в 10 раз (с 5 тыс. в 1997 г. до 56 тыс. в 2017 г. – рисунок 1 [7]). При этом популярность растет на всех уровнях и формах обучения – в общеобразовательных школах (за 10 лет, с 2007 по 2017 гг., с 10994 человек до 17188), ВУЗах (за 20 лет число изучающих китайский выросло в 10 раз), Институтах Конфуция, на языковых курсах (здесь подсчет затруднен отсутствием достоверно проверяемых статистических данных, но только в одной Москве за 10 лет с 2007 г. число курсов, предлагающих учащимся программы по китайскому языку, увеличилось в 5 раз), у частных репетиторов (рисунок 2). Не удивительно, что наибольший прирост наблюдается в столице и в областях России, граничащих с КНР.

Более того, 2019 год стал, в определенной степени, знаковым для китайского языка в России: китайский язык вошел в список дисциплин, по которым сдается Единый государственный экзамен.

Динамика прироста количества изучающих китайский в России. 1997-2017 гг.

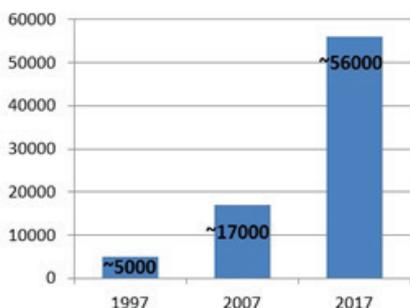

Рисунок 1

Основные образовательные площадки для изучения китайского языка в России

Рисунок 2

Уровень культурной привлекательности Китая в глазах россиян можно проследить не только по увеличению популярности китайского языка. Китай остается весьма привлекательным с туристической точки зрения, хотя и продолжает уступать европейским странам. Данные аналитического агентства Турстат весьма оптимистичны: если в 2017 г. с туристическими целями в Китай выехало 2,003 тыс. российских граждан (+20% по отношению к 2016 г.), то в 2018 г. – 2,018 тыс. [1; 4]. Заметен небольшой, но постоянный рост, несмотря на экономические трудности в России и частичную переориентацию россиян на внутрироссийский туристический рынок.

Также постепенно растет и интерес россиян к другим аспектам китайской культуры. Если в 2015 г., по данным ФОМ [3; 6], на вопрос: «Вы когда-нибудь читали статьи или книги, смотрели фильмы, передачи, посвященные Китаю, или нет?» положительно ответили 47% респондентов, то в 2018 г. – уже 52%. Как отмечают некоторые исследователи, в последние годы власти КНР начали использовать и новый формат – создание и продвижение на мировой рынок, в том числе российский, фильмов, анимационных фильмов и онлайн-видеоигр [8]. Однако на нынешний момент в официальном российском прокате картины китайского кинематографа представлены крайне скудно. Впрочем, интерес к китайскому кинематографу в России развивается и некоторыми не столь очевидными путями. Например, явно растет популярность китайских сериалов – в России за последние 10 лет в разы выросло количество поклонников китайских многосерийных фильмов. На одном из самых популярных сайтов (doramatv.ru) число китайских сериалов сейчас уже достигло 2118.

Еще одним направлением формирования положительного имиджа страны является политика Китая в медиа-пространстве, в которой можно выделить две стороны. Первая – это русскоязычные СМИ КНР. С сентября 2015 г. создано несколько русскоязычных сетевых ресурсов: сайт на русском языке Китайского государственного информационного агентства «Синьхуа», сетевая версия газеты «Жэньминь Жибао», веб-портал «Китайский информационный интернет-центр. Russian.CHINA.ORG.CN», русская редакция международного радио Китая (russian.cri.cn), журнал «Китай», а также сайт Министерства иностранных дел КНР. Кроме того, функционирует русскоязычный канал «CCNV-Русский». Однако воздействие китайских СМИ на российскую аудиторию ограничено: целенаправленно, а не случайно, «CCNV-Русский» в России смотрят в большей степени на территориях, близких к китайской границе; та же ситуация с МРК, Международным радио Китая. Коммуникативная стратегия китайских СМИ направлена на формирование сильного и современного образа Китая в глазах России [12]. С одной стороны, она позволяет преодолеть негативные стереотипы русскоязычной аудитории, с другой – вызывает у этой аудитории подсознательное напряжение и внутреннее несогласие.

Вторая сторона – это деятельность российских СМИ на территории России, именно через них российские граждане получают информацию о Китае, на основе которой и выстраивается имидж КНР. Данный аспект имиджеформирования вызывает неугасающий интерес исследователей, что подтверждается количеством работ по этому вопросу [19; 20; 2]. В целом, имидж Китая формируется в российских СМИ в зависимости от информационной картины дня и следует за интересами тех источников, которые сообщают о событиях избирательно и не всегда объективно. Разброс в оценке Китая в российских СМИ огромен – от опасного врага, стремящегося захватить российские территории, до друга и товарища с высокоразвитой экономикой и тысячелетней культурой.

Факторы и методы формирования имиджа Китая в России не ограничиваются вышеперечисленными, но позволяют составить достаточно полное представление об основных тенденциях образотворения Китая на современном этапе. Результаты же имиджевой политики Китая наиболее ярко видны на статистическом материале.

В рамках нашего исследования интересным представляется анализ статистических опросов, проведенных исследовательской организацией Pew Research Center в 2015-2018 гг. среди российских граждан (таблица 1) [21; 22; 23].

Налицо уверенно высокий процент опрошенных респондентов, которые одобряют Китай, что явно свидетельствует о том, что имидж КНР в Российской Федерации в целом можно назвать стабильно положительным.

Близко к вышеуказанным итогам стоят и данные внутрисоссийских статистических опросов. По данным ВЦИОМ Китай в глазах жителей Рос-

Таблица 1

Год	«Одобрите ли вы Китай?» (в процентах)
2014	64
2015	79
2017	70
2018	65

Таблица 2

1. Как Вам кажется, кем сегодня является Китай для России? (%)					
	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2014 г.	2017 г.
Стратегический и экономический партнер	34	36	41	49	50
Дружественное государство, союзник	22	27	19	36	27
Экономический и политический соперник, конкурент	24	21	24	8	10
Враждебное государство, вероятный противник	4	4	4	1	5
Затрудняюсь ответить	16	12	12	6	8
2. Как Вы думаете, в XXI веке Китай будет другом или врагом России? (%)					
	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2014 г.	2017 г.
Союзником, дружественным государством	22	28	20	43	37
Близким партнером	26	24	27	36	38
Опасным соседом, соперником	25	20	24	9	14
Противником, врагом	6	4	5	1	2
Затрудняюсь ответить	21	24	24	11	9

сии остается партнером и союзником, а прогноз российско-китайских отношений носит позитивную окраску (таблица 2) [5]. Как было отмечено генеральным директором ВЦИОМ Валерием Федоровым, не последнюю роль в таких теплых отношениях играют напряженные отношения России с США, в условиях которых Китай предстает как надежный друг, испытывающий те же сложности в отношении ряда стран Запада [16].

В 2018 г. широкомасштабное исследование отношения россиян к Китаю провел Фонд «Общественное мнение», которое позволяет увидеть динамику отношения россиян к Китаю за пять лет, с 2014 г. по 2018 г. (результата-

Таблица 3

		2014	2015	2016	2017	2018
1	С какими из стран, по вашему мнению, у России сейчас наиболее близкие, дружественные отношения?	54	60	56	62	58
2	Как вы считаете, сотрудничество с какими из стран сейчас важнее всего для российской экономики?	56	60	49	48	48
3	Какая из стран, по вашему мнению, является для России самым нужным, самым ценным партнером?	31	35	32	33	33

ты в таблице приведены в процентах, зафиксировано мнение, высказанное по отношению Китаю) (таблица 3) [15].

При этом количество россиян, хорошо или хотя бы на начальном уровне знакомых с китайской культурой, не так уж много. Как мы уже отмечали выше, всего 52% респондентов читали статьи, книги или смотрели фильмы, посвященные Китаю, 57% уверены, что русская и китайская культуры сильно различаются, россиянам больше интересна европейская, а не китайская культура (35% против 12% соответственно), а 68%, принявших участие в опросе ни разу в жизни не общались с китайцами [6]. Таким образом, можно констатировать, что на нынешний момент положительный имидж Китая в России в первую очередь формируется и зависит от экономической мощи и динамического развития КНР.

Итак, имидж Китая в современном российском обществе формируется в рамках стратегемы «мягкой силы» и является стабильно положительным. Образ Китая в России на данный момент улучшается благодаря целенаправленной политике КНР путем расширения знакомства граждан РФ с культурой, традициями и языком Китая. Однако наиболее существенной причиной положительного восприятия Китая в России был и остается уровень экономического развития КНР и потенциальные возможности партнерства двух стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Выездной туризм из России в 2018. Рейтинг зарубежных стран российских туристов // ТурСтат // <http://turstat.com/russianstopforeigntravel2018>.

2. Ду Цюаньбо. Жанрово-стилистическое своеобразие имиджа Китая в российских Интернет-СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. в 3-х ч. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (58).

3. Интерес россиян к Китаю: к Азии или к Европе ближе Россия по своим традициям и культуре? // ФОМ // <https://fom.ru/mir/12150>.

4. Итоги выездного туризма. Россия 2017 // ТурСтат // <http://turstat.com/outboundtravelstatisticsrussia2017>.

5. Как Вам кажется, кем сегодня является Китай для России? // ВЦИОМ // https://wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=15&q_id=739&date=29.01.2017.

6. Китай. Представления россиян о китайцах и китайской культуре // ФОМ // <https://fom.ru/Mir/14071>.

7. Китайская грамота: тенденции распространения китайского языка в России // РЦЛИ // <https://rcli.ru/issledovanie/kitajskaya-gramota-tendentsii-rasprostraneniya-kitajskogo-yazyka-v-rossii/>.

8. Койне О., Франц В.А. Кинематограф как элемент системы «Мягкой силы» государства // Дискурс-Пи. 2017. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kinematograf-kak-element-sistemy-myagkoy-sily-gosudarstva>.

9. Леонтьева Э.О., Белокопытова М.С. Институты Конфуция как элементы внешней политики КНР // Регионалистика. 2019. № 5.

10. Матвеев В.А. Новейшие тенденции развития российско-китайского сотрудничества в Большой Евразии // Внешнеэкономическая политика КНР // Китай в мировой региональной политике: история и современность. 2018. Т. 23. № 23.

11. Мировая политика в условиях кризиса. М., 2010.

12. Монастырева О.В. Специфика коммуникативной стратегии в программах на русском языке Международного радио Китая // Портал научных исследований СМИ «Медиаскоп». 2009. Вып. 2 // <http://www.mediascope.ru/node/347>.

13. Обзор: улучшение национального имиджа Китая и экономическое развитие взаимообусловлены и взаимовыгодны // CHINA.COM // <http://russian.china.com/news/reports/1793/20150323/325343.html>.

14. Расперова С.Ю. Институты Конфуция как культурная стратегия Китая в пространстве Российско-китайского взаимодействия в сфере образования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 22 (682).

15. Россия: друзья, враги, отношение в мире. О ценных партнерах России, близких нам народах и образе нашей страны в мире // ФОМ // <https://fom.ru/Mir/14025>.

16. Россия-Китай-США: отношения в стратегическом треугольнике // ВЦИОМ-СПУТНИК – ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116055>.

17. Самойлова М.П., Лобанова Е.А. Правовое регулирование деятельности Институтов Конфуция в России // Law and Political Sciences / Juvenis scientia. 2017. № 6.

18. Сидорская И.В. «Образ» или «имидж» страны: что репрезентируют СМИ // Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики: сборник материалов научного семинара / Сост. Л.А. Капитанова, В.В. Фролов. Псков, 2015.

19. Чжан Хуэйцин. Образ Китая в комментариях к новостям о Китае (на материалах портала Rambler // Медиалингвистика. 2014. № 2.

20. Юй Даньхун, Гу Цянь. В вопросу о негативном имидже Китая в российских СМИ // Гуманитарные аспекты современных массмедиа: проблемы, противоречия: материалы Международной научно-практической конференции / Сост. О.В. Ильина. Екатеринбург, 2015.

21. Globally, More Name U.S. Than China as World's Leading Economic Power // Pew Research Center // <https://www.pewglobal.org/2017/07/13/more-name-u-s-than-china-as-worlds-leading-economic-power/>.

22. International publics divided on China // Pew Research Center // <https://www.pewglobal.org/2018/10/01/international-publics-divided-on-china/>.

23. Views of China and the Global Balance of Power // Pew Research Center // <https://www.pewglobal.org/2015/06/23/2-views-of-china-and-the-global-balance-of-power/>.

ZHCHAO TIENTIAN

*Graduate student, Russian University
of Peoples Friendship, Moscow, Russia*

NATIONAL IMAGE OF CHINA IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

The article deals with the international image of China, factors of its formation in Russia. The main directions and factors influencing their development are the promotion of the Chinese language and culture in Russia.

Key words: *national image, China, “soft power”, Confucius Institutes, foreign policy.*

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ В РАМКАХ СОТРУДНИЧЕСТВА БРИКС (ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В последние годы роль БРИКС в международных отношениях неуклонно возрастает. Китай, как крупнейшая экономика и наиболее конкурентоспособный участник международного объединения, занимает видное место в механизме сотрудничества БРИКС, особенно по экономической части. Данная статья посвящена стратегическим экономическим интересам Китая в сотрудничестве со странами БРИКС. Анализируются два основных направления внешнеэкономической деятельности Китая в БРИКС: углубление экономического сотрудничества в сфере торговли товарами и обеспечение взаимодействия в сфере промышленных ресурсов. Отмечается, что, несмотря на последствия финансового кризиса и начало торгового протекционизма, Китай поддерживает рост и тесное сотрудничество с партнерами БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС, Китай, Россия, Индия, Бразилия, ЮАР, экономическое сотрудничество, международная организация.

Ведение. Международное объединение БРИКС состоит из пяти стран, представляющих важные силы в международных отношениях и активных участников глобального политико-экономического управления. БРИКС для Китая является, с одной стороны, важной платформой для международного экономического сотрудничества и открытого диалога со странами этой же организации, а с другой – ключевым многосторонним механизмом укрепления взаимодействия между развивающимися странами, способным продвижению реформирования политико-экономического мироустройства. БРИКС имеет важную роль в китайской внешней политике, подтверждением которого является активное участие Китая в ежегодном саммите БРИКС, встречах министров стран БРИКС, создании Нового банка развития и т.д. В этой связи, у Китая представлен широкий круг ключевых интересов в сотрудничестве БРИКС – это политические, экономические, гуманитарные

(культурные) сферы деятельности. В данной статье рассматривается экономический аспект взаимодействия Китая со странами БРИКС.

Методологической основой исследования является применение суммы методов: метод сравнительного анализа, позволившего на основе сопоставления существующих неформальных материалов выявить особенности китайских экономических интересов в рамках БРИКС; исторический метод был применен при анализе участия Китая в совместной экономической деятельности со странами БРИКС и этапов развития.

Цель и задачи исследования – определение ключевых экономических интересов Китая в области сотрудничества БРИКС. В соответствии с целью исследования были поставлены задачи: охарактеризовать приоритетные направления деятельности Китая во взаимодействии с механизмом БРИКС; определить особенности экономических отношений Китая со странами БРИКС; выявить важность платформы БРИКС для Китая во внешнеэкономическом сотрудничестве.

Результаты исследования. Экономическое взаимодействие является приоритетом механизма сотрудничества БРИКС с самого начала его формирования. Китай представляет собой крупнейшее государство по объему товарооборотов и производства среди других участников БРИКС – Бразилии, России, Индии и ЮАР [2. С. 356-367]. Расширение внутреннего рыночного масштаба и внешней торговли со странами БРИКС является основной доктриной китайского участия в БРИКС. В этой связи, экономические интересы Китая можно определяться следующими аспектами – (1) углубление экономического сотрудничества в области торговли товарами; (2) обеспечение взаимодействия в области промышленных ресурсов.

Будучи мировым лидером в производстве, общее экономическое развитие Китая в значительном объеме зависит от внешней торговли. Тем самым, торгово-экономическое сотрудничество является одной из кардинальных функций в механизме БРИКС и обоснованием увеличения его сотрудничества. За последнее десятилетие доля общего объема экономики стран БРИКС в мире выросла до 23%, а доля объема товарооборотов – до 16% [4. Р. 34]. Уровень жизни населения стран БРИКС улучшается.

После экономического кризиса в 2008 г., в мировой экономике наблюдается слабый рост. В связи с этим, Китаю важно расширить международное экономическое сотрудничество, при этом имеется приоритет углубления сотрудничества в рамках БРИКС в сфере экономики и торговли, что позволяет сохранению развития китайской экономики. Экономическое сотрудничество между Китаем и странами БРИКС набирает большой потенциал для продолжающегося стабильного развития.

Поскольку каждая страна БРИКС обладает различными природными ресурсами и промышленными возможностями, усиление взаимных торговых связей между собой способствует дополнению национальной промышлен-

ной структуры. В этом представляется широкий спектр пространства сотрудничества.

Бразилия как традиционная промышленная страна в Южной Америке, хорошо развивает сельское и лесное хозяйство, животноводство, обладая богатыми природными ресурсами – водными, лесными и ресурсами полезных ископаемых. В российской экономике находится на очень высоком уровне тяжелая промышленность, и в последние годы быстро развивается сельскохозяйственный сектор экономики. Россия богата нефтегазовыми ресурсами, которые для всех стран мира являются ключевыми стратегическими ресурсами. Информационно-коммуникационные технологии, вычислительная и компьютерная техника очень активно развиваются в Индии, которые представляют ключевую деятельность населения в эпоху цифровизации. В качестве крупнейшей экономики в Африке, ЮАР уделяет большое внимание развитию финансовых услуг и инновационных отраслей промышленности, помимо этого, ЮАР также богата природными ресурсами. Китай, обладающий значительными трудовыми ресурсами и мощными промышленными производствами, на фоне экономического спада и возвышения протекционизма, он испытывает определенную трудность в реформировании национальной промышленной структуры и сношений между предложением и спросом на внутреннем рынке.

С учетом промышленных специфик стран БРИКС, Китай сумел балансировать торговые отношения между ними – стратегические ресурсы, как нефтегазовые, лесные, минеральные, Китай импортирует из России, ЮАР и Бразилии, при этом Индия также обеспечивает Китаю большое количество сырьевых и информационных продукций. Следует отметить, что экономическое сотрудничество между странами БРИКС представляет собой выгодное решение не только для развития экономики и торговли Китая, но и всех участников процесса.

Судя по всему, экономическое сотрудничество стран БРИКС еще нуждается в дальнейшем углублении, объем которого относительно не велик. Продолжение торгово-экономического взаимодействия Китая со странами БРИКС имеет стратегическое и практическое значение, стимулирующее интеграционному процессу мировой и региональной экономики, а также долгосрочному стабильному развитию Китая. Взаимные торговля и инвестиции между странами БРИКС имеют большие перспективы развития в будущем, при этом каждая страна может получить взаимные выгоды и новые точки роста для национальной экономики [1. С. 32-39].

Вывод. Проанализировав основное положение экономического сотрудничества между Китаем и странами БРИКС, автор пришел к следующим выводам: взаимодействуя со странами БРИКС, Китай сможет сохранить относительно стабильный рост национальной экономики, одновременно трансформировать промышленную структуру согласно мировой обстановке.

Объем импорта Китая из стран БРИКС за 2013-2017 гг., долл. США [3]

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Бразилия	54,30 млрд.	51,65 млрд.	44,09 млрд.	45,86 млрд.	58,59 млрд.
Россия	39,67 млрд.	41,59 млрд.	33,26 млрд.	32,23 млрд.	41,20 млрд.
Индия	16,97 млрд.	16,36 млрд.	13,37 млрд.	11,76 млрд.	16,34 млрд.
ЮАР	48,39 млрд.	44,57 млрд.	30,15 млрд.	22,23 млрд.	24,35 млрд.

Объем экспорта Китая в страны БРИКС за 2013-2017 гг., долл. США [3]

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Бразилия	35,90 млрд.	34,89 млрд.	27,41 млрд.	21,98 млрд.	28,96 млрд.
Россия	49,59 млрд.	53,68 млрд.	34,76 млрд.	37,36 млрд.	42,90 млрд.
Индия	48,43 млрд.	54,22 млрд.	58,23 млрд.	59,42 млрд.	68,06 млрд.
ЮАР	16,83 млрд.	15,70 млрд.	15,86 млрд.	12,85 млрд.	14,82 млрд.

Расширяя сферы совместной деятельности со странами БРИКС, Китай сможет развивать зарубежные рынки для экспорта собственной продукции и импорт производственных возможностей и технологией стран БРИКС в Китай, чтобы повысить конкурентоспособность товаров на мировом рынке.

Усиление сотрудничества в области природных ресурсов имеет стратегическое значение для нынешнего Китая, являющегося крупнейшим потребителем энергоресурсов и многих сырьевых ресурсов в мире. В рамках БРИКС предлагается новая площадка для обсуждения таких вопросов, как поставка нефти и газа, минеральных и лесных ресурсов, и сельскохозяйственных продуктов.

Таким образом, БРИКС является одним из приоритетных дипломатических форматов современного Китая. БРИКС оказывает поддержку китайскому участию в международном сообществе и расширяет его возможности в формировании финансово-экономической системы и глобальном управлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Емельянов А.И. Особенности взаимодействия со странами БРИКС в условиях геополитических трансформаций // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 3 (806).

2. Сафонкина Е.А. Китайское председательство в БРИКС в 2017 г.: расширяя горизонты сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. № 2.

3. National Bureau of Statistics of China. 2018 BRICS Joint Statistical Publication // <http://www.stats.gov.cn/ztjc/ztsj/jzgjltjsc/jz2018/201811/P020181127551267304886.pdf>.

4. *Wei Jianguo, Li Feng and others*. Research on the cooperative mechanism of BRICS. Beijing: Social Sciences Academic Press, 2018.

LI JINGCHENG

*Lecturer, Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University, Higher School
of International Relations,
St. Petersburg, Russia*

STRATEGIC INTERESTS OF CHINA IN THE FRAMEWORK OF THE BRICS COOPERATION (ECONOMIC ASPECT)

In recent years, the role of BRICS in international relations has been steadily increasing. China, as the largest economy and the most competitive member of the international association, has a prominent place in the BRICS cooperation mechanism, especially in economic terms. This article is devoted to the strategic economic interests of China in cooperation with the BRICS countries. Two main areas of China's foreign economic activity in the BRICS are analyzed: deepening economic cooperation in the field of trade in goods and ensuring interaction in the field of industrial resources. It is noted that, despite the consequences of the financial crisis and the beginning of trade protectionism, China keeps growth and close cooperation with BRICS partners.

Key words: *BRICS, China, Russia, India, Brazil, South Africa, economic cooperation, international organization.*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СИНДЗО АБЭ В ОТНОШЕНИИ СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЫ

В данной статье рассматриваются основные этапы развития ядерного оружия Корейского полуострова с 1950-х гг. и по сегодняшний день. Проводится системный анализ внешней политики С. Абэ в отношении северокорейской ядерной проблемы, а также выделяются ее основные принципы и стратегические цели.

Ключевые слова: *эволюция ядерного оружия Корейского полуострова, северокорейская ядерная программа, северокорейский ядерный потенциал, внешнеполитическая стратегия С. Абэ.*

Введение. На Корейском полуострове наиболее актуальной проблемой безопасности в настоящее время является ядерная проблема КНДР. Северокорейский ядерный кризис не только усилил напряженность на полуострове, резко изменил отношения между Северной и Южной Кореей, но и обострил геополитическую игру между США, Китаем, Россией и Японией в Северо-Восточной Азии.

Из четырех крупнейших держав Япония является наименее влиятельной страной для КНДР, и не играет решающей роли в урегулировании ядерной проблемы КНДР. Однако, эволюция ядерной проблемы КНДР и споры между крупными державами связаны с интересами Японии, а изменение отношения японского правительства к ядерной проблеме может оказать существенное влияние на ситуацию в регионе и в целом. Из-за нерешенных исторических проблем между Японией и КНДР, нерегулярного статуса послевоенной Японии и наличия американо-японского военного союза, Япония и КНДР до сих пор не установили дипломатические отношения. В целом Япония очень обеспокоена ядерной проблемой КНДР. Все кабинеты министров Японии с момента окончания «холодной войны» рассматривали Северную Корею как серьезную угрозу, и имели разные позиции в отношении ядерной проблемы КНДР.

Эволюция ядерного оружия на Корейском полуострове. Северокорейская ядерная проблема возникла в начале 1950-х гг. и продолжается

по сей день. Развитие ядерной программы можно разделить на четыре этапа: первый этап с 1950-х по 1960-е гг., второй этап с 1970-х по 1980-е гг., третий этап с 1990-х – по 2017 г., четвертый этап с 2018 года – по 2019 г.

На первом этапе не только в Северной Корее была установлена необходимая для реализации ядерного проекта научно-техническая база, в то же время в Южной Корее также началась ядерная программа.

На втором этапе специалисты Северной Кореи освоили ключевые ядерные технологии и начали разрабатывать собственное ядерное оружие. В этот период Северная Корея вошла в Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) (1974 г.) и подписала Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) (1985 г.).

На третьем этапе ядерный потенциал КНДР сильно повысился и обладание ядерным оружием стало одной из основ национальной политики КНДР. В этот период Северная Корея два раза выходила из ДНЯО, проводила 6 успешных подземных ядерных испытаний и запускала серию баллистических ракет средней дальности и ближнего действия. Двусторонние переговоры между США и КНДР не смогли решить ядерную проблему КНДР, вследствие чего проводилось 6 раундов шестисторонних переговоров по урегулированию северокорейского ядерного кризиса. Обладание ядерным оружием уже стало основной национальной политики и стратегическим решением Северной Кореи. В апреле 2012 года было официально утверждено положение о том, что КНДР является ядерной державой.

На четвертом этапе ядерная программа уже стала важным инструментом внешней политики КНДР. С 2018 года было проведено 3 прямых диалога между лидерами США и КНДР по северокорейской ядерной проблеме. В результате Северная Корея до сих пор не проводила крупномасштабное ядерное испытание.

Нынешний ядерный потенциал КНДР. Северная Корея расширяет и модернизирует свои баллистические ракетные силы, которые состоят из 10 типов собственных коротко-, средне- и промежуточных систем (БРПД), которые либо развертываются, либо находятся в стадии разработки. Она разрабатывает дорожно-мобильную межконтинентальную баллистическую ракету (МБР), а также баллистическую ракету подводной лодки (БРПЛ) [18]. По территории Северной Кореи разбросано около двух десятков заводов, специализирующихся на изготовлении ракет [7]. Согласно Ежегоднику Стокгольмского института исследования проблем мира (СИИПМ) (англ. Stockholm International Peace Research Institute – SIPRI), на начало 2019 года Северная Корея уже произвела 20-30 ядерных боеголовок [19]. Как сообщается, Разведывательное управление Министерства обороны США, пришло к выводу, что Северная Корея успешно разработала и произвела оперативное ядерное оружие, которое может быть доставлено с помощью баллистической ракеты [20].

Правительство Японии в отчете по обороне заявило, что Северная Корея уже добилась успехов в миниатюризации ядерного заряда и разработала ядерные боеголовки, которые могут быть загружены в баллистические ракеты [4]. Согласно Белой Книге «Обороны Японии 2018» ядерные испытания и запуск баллистических ракет Северной Кореи представляют беспрецедентно серьезную и насущную угрозу безопасности Японии, а также значительно подрывают мир и безопасность в регионе и международном сообществе [4]. Таким образом, ядерная и ракетная программа КНДР вызывают озабоченность Японии.

Внешняя политика Синдзо Абэ в отношении северокорейской проблемы. После своего возвращения в 2012 году С. Абэ принял программу «диалога и давления» и «действия на действие» в отношении КНДР. На военном уровне Япония выступает за тесное военное сотрудничество с США и Южной Кореей. По словам С. Абэ, отношения с США для Японии являются самыми главными из всех двусторонних отношений в плане внешней политики и обеспечения безопасности, поэтому основной задачей для Японии является углубление их взаимного доверия [1]. Две стороны подчеркнули, что они будут продолжать оказывать максимальное давление на Северную Корею во всем международном сообществе, чтобы заставить Северную Корею изменить свою политику. Чтобы предотвратить уступки США по ядерному вопросу, С. Абэ обменивался мнениями с лидером Америки в различных случаях, как двусторонние переговоры, телефонные переговоры и т.д., постоянно подчеркивая важность американо-японского союза и свою позицию в отношении ядерной проблемы КНДР, а также постоянно подтверждая позицию США по давлению на КНДР.

Япония уделяет особое внимание развитию трехстороннего сотрудничества между США, Японией и Южной Кореей на основе американо-японского и американо-корейского альянсов. Япония, США и Южная Корея уже начали сотрудничество в военной сфере. В декабре 2014 года между тремя странами было подписано Соглашение об обмене информацией о ядерной и ракетной угрозе КНДР. Три страны часто проводят совместные военные учения. В преддверии первого саммита США и КНДР С. Абэ еще раз подчеркнул позицию Японии, заявил, что в целях решения проблемы ядерного оружия и ракет Япония, США и Южная Корея будут продолжать тесно сотрудничать, сохранять максимальное давление на Северную Корею [15]. С. Абэ неоднократно призывал Южную Корею оказать максимальное давление на Северную Корею, а также неоднократно подчеркивал важность сотрудничества в области безопасности между США, Японией и Южной Кореей на трехстороннем саммите.

В дипломатическом плане администрация С. Абэ активно проводит международные дипломатические операции и призывает все страны к полному осуществлению резолюций Совета Безопасности ООН. Используя

ООН в качестве главной платформы для реагирования на развитие ядерного потенциала КНДР, С. Абэ ищет международную поддержку своей позиции путем переговоров с лидерами ведущих стран. Он считает, что Япония должна заставить Северную Корею изменить ядерно-ракетную политику, по этой причине Япония вместе с международным сообществом еще больше усилит давление на Северную Корею [17].

Япония придает большое значение важной роли России и Китая в координации и решении северокорейской ядерной проблемы, и в различных случаях подчеркивает необходимость укрепления тесного сотрудничества с ними. В ходе японо-российской встречи на высшем уровне в рамках саммита АТЭС 10 ноября премьер-министр С. Абэ подчеркнул необходимость неукоснительного выполнения резолюций Совета Безопасности, призвал Россию к сотрудничеству и пониманию по проблеме похищенных Северной Кореей японских граждан и подтвердил намерение тесно взаимодействовать с президентом Путиным в дальнейшем [6]. 23 ноября 2017 года Министр иностранных дел Японии Таро Коно в интервью накануне визита в Россию заявил, что для решения северокорейской проблемы очень важна роль России, и предложил сокращение дипломатических и экономических отношений с Северной Кореей [8].

С. Абэ также часто обменивался с председателем КНР Си Цзиньпином мнениями о проблемах Корейского полуострова. Во время телефонных переговоров с Си Цзиньпином в 2018 году С. Абэ уточнил позицию китайской стороны о текущей ситуации на полуострове и заявил, что японская сторона приветствует позитивные изменения в ситуации на Корейском полуострове и поддерживает мирное решение проблемы путем диалога. Япония высоко ценит важную роль китайской стороны в решении проблемы Корейского полуострова, а также надеется на укрепление связей по корейским проблемам с китайской стороной [23]. На встрече с президентом Си Цзиньпином в Осаке С. Абэ высоко оценил недавний визит председателя Си Цзиньпина в Северную Корею, а также отметил, что данный визит сыграл важную конструктивную роль в содействии миру и стабильности на полуострове [24].

В экономическом плане, в дополнение к санкциям против КНДР в соответствии с резолюцией ООН, Япония ввела односторонние жесткие санкции. В 2006 году Япония запретила заход в свои порты любых судов из КНДР и импорт любых товаров из этой страны [11]. Япония регулярно расширяла масштаб санкций. Как сообщает агентство Kyodo, после шестого ядерного испытания в 2017 году правительство Японии приняло решение продлить на два года односторонние санкции в отношении КНДР, срок действия которых истекает 13 апреля [12]. В рамках новых санкций японские власти впервые замораживают активы физических и юридических лиц, напрямую не связанных с ракетной и ядерной программами КНДР [13].

Принципы и цели внешнеполитической стратегии Синдзо Абэ.

В общем стратегические цели политики Японии в отношении ядерной проблемы КНДР заключаются в следующих аспектах.

Во-первых, стратегическая цель состоит в сдерживании Северной Кореи в продвижении ядерных и ракетных разработок, стремлении к ликвидации ядерной угрозы, и осуществлении денуклеаризации Корейского полуострова. Самая непосредственная причина связана с близостью географического положения Северной Кореи и Японии. Япония опасается, что ядерное оружие Северной Кореи угрожает собственной безопасности. Более того, баллистические ракеты большой и средней дальности, запущенные Северной Кореей, неоднократно попадали или в близлежащую акваторию Японии, или в акваторию Японского моря, даже проходили над Японией. Кроме того, северокорейская ракета типа «Нодон» способны достичь любой точки на территории Японии. С. Абэ неоднократно публично обвинял Северную Корею и осуждал действия Северной Кореи. Реакция японского правительства на запуск северокорейских ракет и снарядов была более чувствительной и сильной.

Кроме того, японские города Хиросима и Нагасаки пострадали от атомных бомбардировок США во время Второй мировой войны. В связи с этим, как единственная страна, подвергшаяся бомбардировке, продолжает стремиться к реализации «мира без ядерного оружия» [26].

Во-вторых, стратегическая цель заключается в том, что под предлогом угрозы ракетного удара со стороны Северной Кореи японское правительство начало укреплять свою военную мощь, продвигать новую систему безопасности, чтобы внести изменения в Конституцию, способствовать переходу страны к военной державе и укрепить американо-японский союз. Постоянное совершенствование ядерного оружия в Северной Корее способствовало изменению представлений о безопасности в Японии и дало убедительные основания для расширения вооруженных сил.

Как сообщается, 17 декабря 2013 г. правительство Японии приняло целый пакет программных документов, среди которых «Основные направления программы национальной обороны» направленные на всемирное наращивание потенциала «динамичной обороны», «Среднесрочная программа развития оборонного потенциала» ориентирована на наращивание мощи морских и сухопутных подразделений высокой мобильности. По мнению специалистов, это событие ознаменовало собой качественный поворот в японской оборонной политике, которая обрела новую концептуальную основу в свете обострившейся международно-политической ситуации в Восточной Азии [9]. Премьер-министр Японии С. Абэ в 2015 году обеспечил окончательное принятие закона о безопасности, разрешающего использование вооруженных сил своей страны в зарубежных боевых задачах наряду с союзными войсками [16] во имя «коллективной самообороны». Он также

намерен в 2020 году пересмотреть конституцию страны, в которую, в частности, будет внесено положение, легализующее существование Сил самообороны [2]. Важно отметить, что по статистике «Белой книги обороны 2019» оборонный бюджет Японии вырос в течение семи лет подряд после того, как нынешний премьер-министр С. Абэ вернулся к власти в декабре 2012 года, и достиг 5 трлн 7 млрд иен [3].

В-третьих, стратегическая цель Японии состоит в решении проблемы о похищенных в период холодной войны, посредством решения ядерной проблемы. Как сообщается, 27 августа 2003 года Япония приняла участие в шестисторонних переговорах по ядерной программе КНДР в Пекине, используя эту возможность, оказала давление на Северную Корею для решения проблемы похищения людей. Проблема похищения является самой важной темой для режима С. Абэ и влияет на внутренний режим и на победу дипломатии самого премьер-министра.

В-четвертых, стратегическая цель Японии заключается в установлении нового порядка в Северо-Восточной Азии, где США и Япония совместно доминируют.

Следует подчеркнуть, что политика Японии в отношении ядерной проблемы КНДР начинает постепенно меняться. С. Абэ четко выразил свое желание встретиться с председателем Ким Чен Ыном без предварительных условий для решения важной проблемы похищения людей [25]. Если бы прямой дипломатический диалог между С. Абэ и Ким Чен Ыном был проведен, С. Абэ бы стал первым японским премьером, посетившим Северную Корею после визита Д. Коидзуми в 2002 г., и он мог бы выполнить роль посредника в нормализации американо-северокорейских отношений. Кроме того, Япония готова помочь Северной Корее в процессе ядерного разоружения и взять на себя часть расходов [14].

Дальнейшие шаги внешней стратегии Синдзо Абэ в отношении ядерной проблемы КНДР. Китайские ученые предсказали дальнейшие шаги политики С. Абэ в отношении ядерной проблемы КНДР. Для Японии сохранение определенного уровня напряженности на Корейском полуострове в большей степени отвечает ее национальным интересам и помогает Японии продвигать процесс политической и военной государственности [22. С. 109-120]. Можно сказать, что Япония является «жертвой» северо-корейского ядерного кризиса, а также «бенефициаром». Используя ядерный кризис, Япония может укрепить японско-американский альянс, усилить систему «сдержек и противовесов» Китаю, а также реализовать свои мечты о сильной стране и сильных войсках [21. С.13-14].

Российские ученые считают, что послевоенная Япония до сих пор находится в тяжелом положении с ядерным оружием. С одной стороны, Япония отстаивает принцип денуклеаризации, с другой стороны, надеется получить защиту от ядерного оружия США. В послевоенный период Токио стоял пе-

ред «ядерной дилеммой»: с одной стороны, на словах он выступал за ядерное разоружение и провозгласил «три неядерных принципа»: не иметь, не производить и не ввозить ядерного оружия, с другой – опирался в отношении национальной безопасности на ядерные гарантии США [10].

В целом политика С. Абэ в отношении КНДР по-прежнему возлагает надежды на США. По мнению японского политолога Джеймса Брауна, С. Абэ рассчитывает, что новый рост американского давления на Северную Корею поможет Японии добиться прорыва в проблеме похищенных, как это произошло в 2002 году [5].

Выводы. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что политика Японии в отношении ядерной проблемы КНДР является частью стратегии безопасности Японии в Северо-Восточной Азии. Внешняя политика администрации С. Абэ основывается на собственных политических интересах и интересах безопасности. Жесткая политика в отношении КНДР не будет способствовать урегулированию ядерной проблемы КНДР, а скорее ухудшит сложившуюся ситуацию в области безопасности в Северо-Восточной Азии.

Продолжающиеся экономические санкции Японии являются малоэффективными. Тем более, укрепление военной мощи Японии еще больше вызывает у Северной Кореи опасение о безопасности, а также у окружающих стран опасение по поводу возобновления милитаризма в Японии, что приведет к новой гонке вооружений, к напряженности на полуострове и даже в Северо-Восточной Азии.

Япония внимательно следит за действиями США в отношении ядерной политики КНДР. Пока отношение США к Северной Корее не улучшится, у Японии не будет большого прорыва в ядерном вопросе, и жесткая позиция Японии по отношению к КНДР будет продолжаться в краткосрочной перспективе. Ослабление отношений между США и КНДР также может сделать Японию более активной в отношении политики КНДР. Но нормализация отношений между Японией и КНДР является долгосрочным процессом, который неизбежно опирается на снятие ядерной угрозы со стороны Северной Кореи и решение проблемы похищения людей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Абэ считает главным приоритетом внешней политики Японии отношения с США. 15 ноября 2006 года // <https://ria.ru/20061115/55644645.html>
2. Абэ намерен изменить конституцию в 2020 году и легализовать Силы самообороны. ТАСС. 3 мая 2017 года // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4227865>
3. Белая книга обороны Японии 2019 // https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2019/DOJ2019_Digest_RU.pdf
4. Брошюра «Оборона Японии 2018» // https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2018/DOJ2018_Digest_RU.pdf

5. Браун Джеймс. Неприми́римый сосед. Почему Япония против переговоров с Северной Кореей. 15 мая 2019 г. // <https://carnegie.ru/commentary/78937>
6. Встреча с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ. 10 ноября 2017 года // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56040>
7. Главное оружие Ким Чен Ына: ядерная и ракетная программа Северной Кореи // <https://sputnik.by/longrid/20190903/1042615578/Ugroza-ili-blef-chem-opasna-raketno-yadernaya-programma-Severnoy-Korei.html>
8. Интервью: Глава МИД Японии: Токио и Москве необходимо тесно взаимодействовать для решения ядерной проблемы КНДР. 23 ноября 2017 // <https://www.interfax.ru/interview/588785>
9. Стрельцов Д. Япония: новая политика национальной безопасности. 5 февраля 2014 года // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-novaya-politika-natsionalnoy-bezopasnosti/>
10. Стрельцов Д.В. С какой стороны посмотреть // Проект: Россия и АТР: концептуальные основы политики в области безопасности и развития. Аналитические статьи. 27 мая 2016 года // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/s-kakoy-storony-posmotret/>
11. Япония продлит экономические санкции против КНДР. 30 марта 2010 года // <https://www.vesti.ru/doc.html?id=350199>
12. Япония продлила на два года санкции в отношении КНДР // <https://tass.ru/ekonomika/6309944>
13. Япония расширила санкции против КНДР. 28 июля 2017 года // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4445683>
14. Япония: Проблему КНДР не решить за один саммит // <http://www.koreya24.ru/otnosenia-s-drugimi-stranami/aponia-problemu-kndr-ne-resit-za-odin-sammit-714>
15. Japan-US summit pledges to «strengthen efforts to seek the immediate return of all abductees». April 17, 2018 // <https://www.jimin.jp/english/news/137340.html>
16. Japan's Parliament Approves Overseas Combat Role for Military. The New York Times. Sept. 18, 2015 // <https://www.nytimes.com/2015/09/19/world/asia/japan-parliament-passes-legislation-combat-role-for-military.html?module=inline>
17. Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe to the 195th Session of the Diet. November 17, 2017 // http://japan.kantei.go.jp/98_abe/statement/201711/_00006.html
18. SIPRI Yearbook 2018. World nuclear forces: North Korea's military nuclear capabilities // <https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRIYB18c06.pdf>
19. ecurity. Summary // https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-08/yb19_summary_eng_1.pdf
20. Warrick J., Nakashima E. and Fifield A. 'North Korea now making missile-ready nuclear weapons, US analysts say'. Washington Post, 8 Aug. 2017.
21. 高洪. 日本朝核政策的困顿[J]. 东北亚学刊, 2018(01):13-14.

22. 武琼.析日本安倍政府对朝鲜半岛核问题的政策[J].亚太安全与海洋研究,2018(03):109-120.

23. 习近平应约同日本首相安倍晋三通电话. 2018年5月4日 // http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2018-05/04/c_1122785723.htm

24. 习近平会见日本首相安倍晋三. 2019年6月17日 // http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/27/c_1124681266.htm

25. 第二百回国会における安倍内閣総理大臣所信表明演説. 令和元年10月4日 // http://www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement/2019/1004shoshinhyomei.html

26. 長崎原爆犠牲者慰霊平和祈念式典あいさつ. 令和元年8月9日 // http://www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement/2019/0809nagasaki.html

CAO HUILIN

*Post-graduate student of St. Petersburg
state University, St. Petersburg, Russia*

SHINZO ABE'S FOREIGN POLICY ON THE NORTH KOREAN NUCLEAR ISSUE

This article discusses the main stages of nuclear weapons development on the Korean Peninsula from the 1950s up to the present day. There was conducted a systematic analysis of Mr Abe's foreign policy concerning the North Korean nuclear problem. Its basic principles and strategic goals are highlighted in the work.

Key words: *evolution of nuclear weapons on the Korean Peninsula, North Korean nuclear program, North Korean nuclear potential, foreign policy strategy of Mr. Abe.*

РОЛЬ МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ (THINK TANKS) И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЦЕНТРОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

Мозговые центры играют важную роль в формировании внешней политики США. Эта роль, казалось, ясно проявилась после окончания холодной войны и распада Советского Союза. Соединенные Штаты стали доминирующим игроком в мировом порядке, а процесс разработки и реализации американской внешней политики является сложным и взаимосвязанным и зависит от многих факторов.

Исследование основано на следующих гипотезах: исследовательские центры Think Thanks играют важную и существенную роль в американской внешней политике; исследовательские центры оказывают влияние на американскую внешнюю политику; существует взаимосвязь между политикой, проводимой американскими администрациями, и исследованиями, проводимыми исследовательскими центрами, исследовательские центры предоставляют большое количество экспертов и специалистов по вопросам внешней политики, поскольку их опыт используется для работы с последовательными американскими администрациями.

Целью данного исследования является демонстрация влияния и роли исследовательских центров в формулировании и формировании внешней политики США в целом и в отношении Ближнего Востока в частности.

Задачей исследования является изучение роли исследовательских центров в американской внешней политике.

Данное исследование основано на описательном методе. Помимо этого в работе использован аналитический метод.

Результатом данных научно-исследовательских центров является подготовка научных и академических исследований с целью предоставления их американскому внешнеполитическому ведомству в качестве руководства при принятии и реализации внешнеполитических решений.

Ключевые слова: «мозговые центры», США, «мягкая сила», внешняя политика, публичная дипломатия, образование, Ближний восток, информация, международный процесс.

Мозговые центры сыграли ключевую роль в формировании внешней политики развитых стран в целом и Соединенных Штатов в частности [1]. Эти институты играли ведущую роль во многих вопросах внешней политики США во всех международных и ближневосточных делах [5].

Возникновение и развитие мозговых центров. Мозговые центры – это независимые институты, созданные для проведения исследований и получения независимых знаний, связанных с политикой.

Это ликвидирует чрезвычайно важный разрыв между академическим миром и миром государственного управления. Подъем и рост современных мозговых центров произошел параллельно с продвижению Соединенных Штатов к мировому лидерству [14].

Эти институты впервые появились сто лет назад как часть движения, нацеленного на профессионализм в работе правительства, и их заявленная миссия была в основном неполитической – повышение общественного интереса путем предоставления правительственным чиновникам беспристрастных политических советов [11]. Первыми примерами этих учреждений является Государственный исследовательский институт (1916 г.), который впоследствии стал Институтом Брукинга (1927 г.) [6].

Роль мозговых центров в американской внешней политике. Роль мозговых центров, среди многих других факторов, влияющих на формирование внешней политики США, является одной из наиболее важных и высоко оцениваемых. Эти институты, которые служат независимыми политическими аналитическими центрами, формируют взаимодействие США с миром в течение почти 100 лет. Эта важная роль мозговых центров в формировании внешней политики США обусловлена двумя основными факторами [15]:

1. Характер децентрализации в американской политической системе, которая предоставляет возможность и законные каналы для участия в разработке и реализации внешней политики, прямым и косвенным образом, и поэтому внешняя политика не становится исключительной монополией.

2. Участие США в качестве основного игрока в международных отношениях с начала 20-го века, и эволюция этой роли на разных этапах сопровождала это развитие с самого начала появления американских исследовательских центров (таких как Фонд Карнеги за международный мир, Институт войны Гувера, Революции и мира и Совет по международным отношениям [9].

Мозговые центры влияют на американскую внешнеполитическую деятельность пятью различными способами [8]:

1) центры разработки идей, целей и средств внешней политики, которые приносят пользу администрации США. Подобные центры изучают все международные события и их влияние на интересы США. Функция исследовательских центров состоит в том, чтобы проанализировать пути достижения американских интересов и выбрать наилучшие способы реализации. Иссле-

довательские центры разрушают барьеры между теоретической академической работой в американских университетах и практической политической работой политиков;

2) обеспечение готовой группы специалистов с научным и практическим опытом реализации внешней политики. Поэтому многие сотрудники администрации в Белом доме, министерстве обороны и Государственном департаменте в основном являются исследователями, такими как Ричард Перл в администрации Буша и Лин Росс, бывший посланник администрации на Ближнем Востоке;

3) исследовательские центры проводят семинары по американским инициативам и политике, проводя встречи между представителями администрации и членами центров, владельцами крупных компаний и учеными, чтобы выяснить влияние внешней политики на интересы США, и при необходимости мобилизуют взаимодействие между различными политическими институтами;

4) исследовательские центры оказывают косвенное влияние, распространяя среди членов общества культурную осведомленность о наиболее важных международных проблемах, с которыми сталкиваются Соединенные Штаты, и о том, как поддерживать или возражать против этой политики. Это делается путем написания статей и исследований, выпуска книг и периодических изданий, появления в СМИ экспертов центров;

5) исследовательские центры непосредственно вмешиваются в некоторые международные проблемы как эффективный институт, нацеленный на достижение определенных результатов в координации с Департаментом [15].

Наиболее важные мозговые и исследовательские центры, влияющие на американскую внешнюю политику. Знание характера и важности роли, которую играют исследовательские и учебные центры в американской внешней политике в целом и в отношении Ближнего Востока в частности, требует знания и изучения наиболее важных центров, влияющих на американскую внешнюю политику [4]:

1. Проект нового американского века (PNAC) Project for the New Allienicatt Century.

Основан в 1997 году. Деятельность центра направлена на продвижение идеи создания вооруженных сил США, которые в одностороннем порядке выступают в качестве полицейского в этом мире. Проект «Нового американского века» также опубликовал исследование под названием «Полное разделение: новая стратегия обеспечения безопасности страны». Это исследование призывало к свержению Саддама Хусейна и созданию альянса, который осаждают Сирию и прокладывает путь для новой карты Ближнего Востока [2].

2. Еврейский институт по делам национальной безопасности (Jewish Institute for National Security Affairs).

Создан в 1976 году для усиления военной поддержки Израиля. Его заседания часто проводятся в Вашингтоне. В своей деятельности центр напрямую общается с СНБ и американской общественностью, чтобы прояснить роль, которую Израиль может сыграть в служении интересам США, и подчеркнуть связь между оборонной политикой США и безопасностью Израиля. Среди наиболее важных экспертов в этом институте Кик Чоли Арджун Болтон и Джеймс Коллерт.

3. Американский институт предпринимательства (American Enterprise Institute).

Один из самых важных неоконсервативных мозговых центров. В сферу интересов центра входят: проведение (демократической) реформы недемократических стран, борьба с терроризмом, сдерживание и последующее урегулирование арабо-израильского конфликта, защита интересов США и Израиля в регионе, ликвидация исламской революции в Иране, изучение нефтяной политики стран-экспортеров нефти [13].

4. Институт Ближнего Востока (Middle East Institute).

Основан в 1990 году с целью продвижения американских интересов на Ближнем Востоке. Деятельность центра направлена на поддержку прав человека и ослабление радикальных религиозных сил. Центр функционирует под председательством Даниэля Паиса, который был председателем АИРАС [9].

5. Хадсонский институт (Hudson Institute).

Институт запрашивает информацию о событиях на Ближнем Востоке из первоисточников в Израиле и арабских странах. После событий 11 сентября 2001 года этот институт обратился к администрации США с просьбой подготовить документ с изложением ряда сценариев конфликтов в мире и оправданием американской войны с терроризмом и конфликтов, с которыми Вашингтон должен столкнуться до 2020 года [10].

Реалистичная модель вклада исследовательских центров во внешнюю политику США. Мы рассмотрим реалистичную модель для анализа и демонстрации того, как исследовательские центры влияют на внешнюю политику США. Например, проект «Институт нового американского века» в 1997 году подготовил исследование под названием «Чистый прорыв: новая стратегия сохранения безопасности Королевства» (подразумевается Израиль) [12].

Исследование было подготовлено группой неоконсерваторов во главе с Ричардом Перлом, который до апреля 2003 года занимал пост председателя Совета по оборонной политике первой администрации Буша. Исследование на шести страницах призывало к полному отказу от соглашений Осло и принципа «земля в обмен на мир», призывало к свержению иракского режима, а затем к созданию союза, осаждающего Сирию, прокладывая путь к новой карте Ближнего Востока [3].

В исследовании, озаглавленном «Переход к традиционной стратегии баланса сил», отстранение Саддама Хусейна от власти в Ираке, что само по себе является важной стратегической целью для Израиля как средства противодействия амбициям Сирии в регионе. Институт проектов нового века направил президенту Клинтону письмо 26.01.1998 г. с призывом к немедленной смене режима в Ираке и выполнению рекомендаций исследования «Чистый прорыв». Однако администрация Клинтона отказалась выполнять эти рекомендации до 2003 года из-за отсутствия достаточных оснований для выполнения рекомендации войны в Ираке; малого количества неоконсерваторов в администрации Клинтона. События 11 сентября и серьезные изменения в мышлении администрации Буша способствовали принятию принципа упреждающих ударов по терроризму в качестве новой основы во внешней политике, в которой была реализована рекомендация войны против Ирака. В качестве превентивного шага против терроризма, практикуемого иракским правительством [7].

Исходя из вышеизложенного, мы заключаем, что эти институты сыграли важную роль в формировании американской политики и стали частью американского модернизационного движения, направленного на повышение профессиональной эффективности американских правительственных учреждений. Как мы видим, очень велико влияние центров на формирование внутреннего и внешнего общественного мнения в отношении приоритетных для администрации США вопросов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Американские исследовательские и политические центры в двадцать первом веке // World Wide Web // [http://www.siironline.org/alabwab/derasat\(0\)/.33htm](http://www.siironline.org/alabwab/derasat(0)/.33htm)
2. Джеймс Дж. Макгэганн. Глобальная программа «Go-To Think Tanks 2014», Программа «Think Tanks и гражданским обществам», Финал Университета Организации Объединенных Наций в Пенсильвании. Выпуск, январь 2014 г. // https://repository.upenn.edu/think_tanks/8/
3. Заявление о принципах Проекта для нового американского века. 3 июня 1997 года // <http://www.newamericancentury.org/statementofprinciples>
4. Коньшев В.Н. Госдепартамент США, Министерство обороны, разведывательные службы США / Процесс принятия внешнеполитического решения. СПб., 2007.
5. Кристал И. Неоконсерватизм: автобиография идеи // <https://www.washingtonexaminer.com/weekly-standard/the-neoconservative-persuasion>
6. Патрик Тайлер. США Стратегический план призывает к страхованию развития без соперников: мир с одной сверхдержавой // New York Times. 8 марта 1992 г.
7. Уолт С.М. Взаимосвязь теории и политики в международных отношениях. Ежегодный обзор политологии. 2005.

8. Чеснаков С. Роль негосударственных «мозговых центров» в процессе принятия решений военно-политическим руководством США в области обороны и безопасности // <http://www.pentagonus.ru/publ/19-1-0-1>

9. Andrew Rich and Kent Weaver. Think Tanks in the Political System of the United States // <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/china/08564.pdf>

10. James G. McGann TTCSP GLOBAL GO TO THINK TANK INDEX REPORTS // http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1009&context=think_tanks

11. James Rosenau. Comparing Foreign Policies: Why, What, how // Comparing Foreign Policies: theories, finding, methods. New York: SAGE Publications, 1974.

12. Norman Podhoretz. Неоконсерватизм – восхваление // Журнал Commentary. Март 1996 года // <https://www.commentarymagazine.com/articles/strange-bedfellows-a-guide-to-the-new-foreign-policy-debates/>

13. Par Amélie Bas. Think Tanks и американская внешняя политика – пример стратегического решения в Ираке. Vol. 1; № 2, 2011 // http://resmilitaris.net/ressources/10139/03/res_militaris_jeunes_chercheurs_bas.pdf

14. <http://www.rusus.ru/?act=read&id=301%20>

15. <http://research-journal.org/wp-content/uploads/2011/10/10-1-52.pdf#page=121>

16. <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-mozgovyh-tsentrov-v-ramkah-vneshney-politiki-ssha-hh-v/viewer>

АБАХРА МУШИР ИБРАХИМ ХАСАН

Post-graduate, Peoples Friendship

University of Russia,

Jenin, Palestine

THE ROLES OF BRAIN CENTERS (THINK TANKS) AND STUDIES CENTAR IN US FOREIGN POLICY

Brain centers (think tanks) play an important role in shaping US foreign policy; this role seemed to be clearly manifested after the end of the Cold War and the collapse of the Soviet Union. The United States has become the dominant player in the world, and the process of developing and implementing US foreign policy is complex and interconnected and depends on many factors. The study is based on the following hypotheses: Think Thanks research centers play an important and significant role in American foreign policy; research centers influence American foreign policy; There is a correlation between the policies pursued by the American administrations and the research conducted by the

research centers, the research centers provide a large number of experts and specialists in foreign policy issues, since their experience is used to work with successive American administrations. The purpose of this study is to demonstrate the influence and role of research centers in the formulation and formation of US foreign policy in general and in relation to the Middle East in particular. The objectives of the study is to study the role of research centers in American foreign policy. This study is based on a descriptive method, in addition, the analytical method is used in the work. The result of these scientific and research centers is the preparation of scientific research and academic research in order to provide them to the American foreign policy leader as a guide for him in making and implementing foreign policy decisions.

Key words: *Think Tanks, USA, soft power, foreign policy, public diplomacy, education, Middle East, information, international process.*

КЛЮЧЕВЫЕ БАРЬЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АФГАНИСТАНА

В статье рассматриваются основные проблемы и барьеры современного афганского политического развития. Наряду с историческими предпосылками политического развития, автор анализирует основные барьеры на пути политического развития и предлагает решения для преодоления проблем, выходящих за рамки политического развития.

Ключевые слова: политическое развитие, национальная политика, барьеры политического развития, социально-экономическое развитие, централизация власти, догматизм, этнополитический конфликт.

Политическое развитие является одной из ключевых концепций афганского общества и привлекает внимание многих афганских ученых и мыслителей в годы после падения режима талибов. Однако теоретический консенсус по вопросу политического развития среди афганских политиков до сих пор отсутствует.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр теоретических вопросов в данной предметной области [1; 8. С. 52-60; 9. С. 100-108; 10; 11].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Как уже упоминалось, среди афганских писателей нет единого мнения о начале политического развития в Афганистане. Некоторые считают первую попытку политического развития в Афганистане со времен Амира Шир Али Хана. Сторонниками этой теории является Мохаммад Акрам Арифиде, который утверждает, что, находясь в Индии, Шир Али Хан познакомился с событиями в европейских странах. Когда он пришел к власти, он носил современную одежду, и он провел важные реформы в армии и модернизацию частей военной системы. В то же время в Афганистане впервые выходит журнал Shams Elnhar. Первая печатная машина была создана в Афганиста-

не. Таким образом, некоторые считают эпоху Шир Али началом политического развития в Афганистане [17. С. 76-77].

Некоторые авторы также рассматривают усилия Амира Хабибуллы Хана как начало политического развития Афганистана. Захир Танин считает, что Амир Хабибулла-хан увлекался цивилизацией и модернизацией, и в его время в Афганистан были доставлены телефон, почта и автомобиль. Он начал строить дамбы и также хотел соединить индийскую железную дорогу с Афганистаном, доставить телеграф в Афганистан [16. С. 23].

Однако Давуд Эрфан не согласен с приведенными выше комментариями. Он говорит, что с одной стороны, Афганистан не достиг своей независимости, с другой стороны, его драматические, личные и поверхностные действия на уровне афганской столицы, которые не создавали важных структур, не могли считаться отправной точкой для модернизации. Хотя реформы Амира Шир Али Хана рассматривались некоторыми писателями и историками как всестороннее развитие и принятие новой цивилизации, факт заключается в том, что тщательное изучение истории той эпохи проясняет, что реформы являются более формальными и поверхностными. Ее масштабы были ограничены [17. С. 80].

По его мнению, Афганистан пережил как минимум четыре периода развития, каждый из которых потерпел неудачу по какой-то причине. Первый период политического развития в Афганистане начался при Аманулле Хан. Вторая попытка развить Афганистан в десятилетие демократии в 1964 году при Мухаммеде Захир Шахе. В основе третьей фазы развития Афганистана, которая началась с последствий четырнадцатилетней войны против бывшего Советского Союза и гражданской войны в Афганистане, были идеи коммунизма. Четвертый этап развития начался при поддержке международного сообщества и ознаменовался началом правления Хамида Карзая, с появлением новой афганской системы, которая сейчас находится в упадке [17. С. 17-18].

История политического развития в Афганистане. Конституционное движение Амира Хабибуллы Хана полностью отрицает его приверженность политической модернизации и демократии. Это исследование рассматривает правление шаха Амануллы Хана как начало политического, экономического и культурного развития Афганистана по двум основным причинам. Во-первых, независимость Афганистана сегодня стала результатом действий этого молодого короля. Таким образом, поверхностные и другие реформы других королей происходили в периоды, когда независимость страны не была реализована. Во-вторых, реформа Аmani впервые привела к первым структурным изменениям. Хотя жизнь реформ Амануллы Хана была короткой, его реформы вдохновили другие модернизационные движения в Афганистане [17. С. 81].

Уровень развития Афганистана таков, что ряд экспертов относят его к наименее развитым странам, странам четвертого мира. Многие афганские

политики, как последователи Маркса, так и последователи Мухаммеда, считают, что внешнее вмешательство является основной причиной слабости и беспомощности страны, несмотря на то, что афганские марксисты обвиняли «мировой империализм» и «региональную реакцию» [7. С. 89].

Есть много факторов, которые препятствуют развитию Афганистана, и в данной статье они проанализированы автором.

1. Культурные барьеры на пути политического развития.

Отношения между политическим развитием и культурой в Афганистане всегда были предметом дискуссии среди людей культуры и интеллектуалов.

Впервые о культурных барьерах на пути развития в Афганистане заговорил Башир Ахмад Ансари и с тех пор почти прямо или косвенно эта точка зрения повлияла на других авторов. По мнению Башира Ахмада Ансари, исламский мир в целом и Афганистан в частности страдали от племенного менталитета. Религиозная культурная система и племенная культурная система вписываются в культурную систему коренных народов и либерализм в современной культуре [17. С. 178-179].

Новая политическая культура с острыми темами, такими как этническая принадлежность, насилие, недоверие и негативный индивидуализм по-разному повлияла на политическое развитие страны [17. С. 180].

Политическое развитие и культура напрямую связаны, но на карту Афганистана, который бросает вызов политическому развитию, ставится культура и менталитет племени. Башир Ахмед Ансари первым назвал племенной менталитет культурным барьером для развития [17. С. 179].

Некоторые авторы считают традиционную и племенную культуру главной причиной отсталости Афганистана [7. С. 91].

Некоторые афганцы все еще живут пустынной жизнью, а некоторые дезертиры считают, что делать некрасивые поступки равносильно мужеству [7. С. 93].

Традиционная и племенная культура в Афганистане устная и не письменная. В неписаной культуре люди не несут ответственности за свои действия и поведение. В устной культуре решение политических вопросов основано не на нормах, а на личных желаниях и интересах. Исходя из этой культуры, компетентность не считается важной [7. С. 93].

Другая серьезная проблема с племенной культурой это племенная воинственность [14. С. 67]. Это заставляет прибегать к насилию вместо терпимости друг к другу и ставит под угрозу жизнь людей.

Учитывая вышесказанное, можно сказать, что в 21 веке Афганистан также занимается племенной и традиционной культурой, и это считается серьезной проблемой для развития Афганистана и в то же время серьезной проблемой для политического развития Афганистана.

2. Социальные барьеры политического развития.

Социальная структура Афганистана следует биологическим, кочевым, городским образцам. Социальные группы Афганистана можно разделить

на две широкие категории: традиционные (духовенство, дворянство, племена и крестьяне) и современные: новый средний класс и рабочие. Мухаммед Акрам Арефи считает, что социальная система страны имела особенности в прошлом веке, которые являются основным препятствием для политического развития сейчас. Он выделил их таким образом:

- низкий уровень легитимности власти;
- отсутствие социальной мобильности;
- политическая некомпетентность;

Однако, можно сказать, что социальные барьеры для политического развития в Афганистане более или менее обусловлены этнической принадлежностью и языком, что приводит к кризису идентичности в стране.

По словам Джонатана Л. Ли, Махмуд Тарзи использовал термин этноса вместо нации. Он использовал термин Афганское в названии газеты вместо Афганистана [3].

Наджиб Маил Герави также говорит, что Махмуд Тарзи называет персидский язык чужим языком и говорит, что афганцы должны говорить на пушту. В тоже время Парвиз Ханлари, известный иранский писатель, считает, что персидский был родиной восточного и северо-восточного Ирана (современный Афганистан) и сначала процветал при династии Шах Саманидов, а затем стал литературным языком династии Газневидов [6].

В другом месте Махмуд Тарзи заявляет, что язык пушту является нашим национальным гением и должен преподаваться другими этническими группами [17. С. 184].

Хотя персидский язык родом из Афганистана, но некоторые считают его иранским. Хотя политическое развитие невозможно без политического равенства в обществе, говорит Хафиз Мансур, но есть те, кто говорит о старшем брате в Афганистане и считает, что младший брат должен подчиняться старшему брату [7. С. 102].

Абдул Кайюм Саджади также пишет, что во времена премьер-министра доктора Мохаммада Захира между афганцами были некоторые напряженные отношения и разрывы из-за обобщения пушту и пуштунизма [13. С. 85-86].

Этнический характер, который иногда вызывает массовое насилие, является одним из основных препятствий на пути политического развития Афганистана [4. С. 168].

Можно с сожалением сказать, что приемы Махмуда Тарзи до сих пор популярны. Полагая, что пушту – это первый и национальный язык, и что другие непуштунские афганцы должны изучать его. Это должно быть своего рода языковым навязыванием тем, кто не хочет изучать язык. Это сделало бы разрыв между афганцами и создало бы большой барьер для политического развития.

3. Политическое препятствие политическому развитию.

Препятствия на пути политического развития в Афганистане имеют огромное значение. Важность политического фактора в развитии считается

важной, поскольку тип системы, политическое лидерство, центры власти и принятия решений напрямую связаны с политическим развитием. Теория сильных и слабых правительств и сильных и слабых наций может хорошо иллюстрировать положение политической системы и общий политический статус страны. В этой теории статус стран третьего мира дополнительно характеризуется сильным правительством – слабой нацией и слабым правительством и слабой нацией, первая из которых является оптимистическим следствием появления слабого и хрупкого государства, а во-вторых, этнических вооруженных конфликтов и краха территориального и национального суверенитета. Нынешняя ситуация в Афганистане – в списке стран со слабым правительством – слабой нацией [17. С. 189].

Многие афганские ученые и писатели считают, что центральной проблемой на пути политического развития является централизованная система власти. Основная причина, тормозящая политическое развитие, по мнению этой группы авторов, состоит в том, что Афганистан является многоэтнической страной, и централизованная система не должна быть навязана им. Мухаммед Акрам Андишманд обращает внимание на неэффективность президентской системы [17. С. 190].

По словам Джавада Салехи, одной из проблем демократии является существование слабого правительства, потому что оно не способно привлечь людей [14. С. 195]. Это снизит общественное доверие к правительству и подорвет демократию и политическое развитие. Соответственно, многие писатели и политики утверждают, что нынешняя политическая система должна быть изменена, чтобы создать децентрализованное государство на месте централизованного государства.

Некоторые предлагают в качестве решения федеральную систему, например, Партию национального конгресса и Исламское национальное движение, и некоторые, например, Национальную коалицию во главе с доктором Абдуллою и Национальный фронт во главе с Ахмадией Массуд, парламентскую систему и выборы губернаторов [7. С. 97-98].

4. Неверное толкование ислама как барьер на пути политического развития в Афганистане.

Хотя ученые и писатели в целом рассматривают барьеры на пути политического развития Афганистана как культурные, политические, экономические и социальные, Абдул Хафиз Мансур считает, что неверное толкование ислама является главным препятствием на пути политического развития [7. С. 126]. В традиционном обществе религия тоже трактуется в основе традиции, каждый день добавляется что-то новое, и деспотичные правители неправильно интерпретируют религию в своих интересах [15. С. 53].

Мансур заявляет, что многие мусульмане сегодня убеждены, что ислам означает Коран и Сунну. И они говорят, что разум не должен вмешиваться в религию, это не относится к исламу. Он считает, что исламское общество

не избавится от неразвитого бедствия, если не будет примирения между разумом и откровением (Вахи) [7. С. 138].

5. Интеллектуальные барьеры на пути политического развития.

Наиболее важной проблемой, которая интеллектуально препятствует политическому развитию является политическое насилие в обществе, которое является результатом отсутствия политической терпимости [4. С. 122].

6. Отсутствие верховенства закона.

Необходимость верховенства права является одним из наиболее важных политических и правовых компонентов верховенства права, на основе которого решения принимаются на национальном уровне на основе принятых правовых принципов и права. Верховенство права означает социальную дисциплину, и в основном это касается законов, а не институтов и политических правителей [4. С. 192]. Верховенство закона необходимо для любой демократической страны, и без этого политическое развитие будет поставлено под угрозу, но в Афганистане это не всегда реализуется, несмотря на заявления о том, что это демократическая страна и все решения принимаются в соответствии с законами страны. Очевидно, что законы страны постоянно нарушаются. Хафиз Мансур, законодатель и критик правительства, утверждает, что во время правления Мухаммеда Ашрафа Гани Ахмадзая были нарушены практически все конституционные статьи.

Закключение. Политическое развитие, которое было одной из наиболее важных проблем в Афганистане с момента правления Амануллы до правления Хамида Карзая, неоднократно вызывало беспокойство афганских политиков, и для этого были предприняты усилия. Хотя все вышеперечисленные усилия потерпели неудачу по причинам, изложенным выше, крах режима талибов предоставил хорошую возможность при поддержке международного сообщества для политического развития нашей страны. Падение талибов предоставило Афганистану много возможностей, которые, к сожалению, потерпели неудачу из-за различных препятствий: культурных, социальных, политических, неправильного толкования ислама и верховенства закона.

На наш взгляд, среди вышеупомянутых препятствий, политические причины и менталитет племен являются одними из наиболее важных проблем для политического развития Афганистана. Мы считаем, что ключевым фактором политического развития страны является децентрализация власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Амини А.Р.* Влияние реформ Амануллы-хана на политическую систему Афганистана // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).

2. *Босин Ю.В.* Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. М.: Гуманитарий, 2002.

3. *Джонатан Ли*. Махмуд Тарзи, Серадж аль-Ахбар Афганистана и афганский национализм / Перевод Мохамеда Хуссейна Сирета // <https://www.etaliaatroz.com/72498/seraj-al-akhbar-afghani-afghan-nationalism/>
4. *Кабири Ахмад Маруф*. Политическое развитие Афганистана (Тавсияе сиаси дар Афганистан). Кабул: «Парнд», 2018.
5. *Коргун В.Г.* История Афганистана. XX век. М.: Институт Востоковедения РАН, Крафт+, 2004.
6. *Маиел Наджиб Херави*. История и язык в Афганистане (Тарих ва зебан дар Афганистан). Тегеран: «Афаст», 1992.
7. *Мансур Абдул Хафиз*. Барьеры на пути политического развития в Афганистане (Мавни тавсияе сиаси дар Афганистан). Кабул: «Саиед», 2017.
8. *Медведев Н.П.* Межпартийные конфликты как источник общественно-политического развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 4 (35).
9. *Медведев Н.П.* Межнациональные отношения и национальная политика // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2016. № 3 (17).
10. *Парса А.М.* Гендер как фактор, влияющий на образовательный процесс Афганистана // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 8 (48).
11. *Раван Н., Гришин О.Е.* From Conflict to Connectivity: the Emerging Regional Transformation of Afghanistan/От конфликта к воссоединению: начало региональной трансформации Афганистана // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).
12. *Рахматулло Абдуллоев*. Этнополитические процессы в Афганистане после 2001 года // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 11. Выпуск 1.
13. *Саджади Абдул Кайюм*. Политическая социология Афганистана (Джамия шанаси сиаси Афганистан). Кум: «Бостан кетаб Кум», 2001.
14. *Салехи Мухаммед Джавад*. Препятствия на пути укрепления демократии в Афганистане (Мавани тахким Демокраси дар Афганистан). Кабул: «Гавхаршад», 2015.
15. *Сеадат Евазали*. Афганистан, религия и развитие (Афганистан; Дин ва тавсия) // Журнал развития. 2004. Выпуск 15.
16. *Танин Захир*. Афганистан в двадцатом веке (Афганистан дар карн бистом). Кабул: «Институт дипломаси Вазарат хариджае Афганистан», 2001.
17. *Эрфан Давуд и Хоссейн Хани*. Средний класс и политическое развитие Афганистана (Табакае мотвасит ва тавсияе сиаси Афганистан). Кабул: «Паранд», 2017.

JAVAD HAFIZULLAH

*Post-graduate student of the political
analysis and management department of Peoples'
Friendship University of Russia (RUDN University),
lecturer at Herat University, Afghanistan, Herat*

KEY BARRIERS TO AFGHANISTAN'S POLITICAL DEVELOPMENT

This article delves into the main problems and barriers of Afghanistan modern political development. The author analyzes the main barriers to political development along with its historical background and offers solutions that will help to overcome problems that go beyond political development.

Key words: *political development, national politics, barriers of political development, socio-economic development, centralization of power, dogmatism, ethno-political conflict.*

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Во второй декаде XXI века ситуация в сфере международной безопасности претерпела серьезные изменения. Глобальный терроризм, ядерный кризис на Корейском полуострове, кризис в отношениях Россия – Запад, возникший в результате Крымской весны, сирийская война, экологические катастрофы и многое другое потребовало от правительств множества государств совершенствования существующих систем безопасности и разработки более эффективных политик в области своей внешней политики и обороны. С этими проблемами столкнулась и бывшая британская колония – Новая Зеландия. Несмотря на свое геополитическое положение, проблемы и тренды всего мира влияют на разные аспекты ее политики, в частности и на трансформацию в обеспечении национальной обороны. В этой связи формирование ключевых параметров обороны, безопасности и внешней политики Новой Зеландии представляет собой как отдельную практическую сложность, так и отдельный исследовательский интерес. В результате, как оказалось, Потенциал Новой Зеландии позволяет иметь больше сил, чем фактически необходимо для обеспечения национальной безопасности и обороны во втором десятилетии XXI века. Это определяется высоким экономическим и человеческим потенциалом, сильной политической волей руководства страны и его умелым общением с обществом, оптимальной организацией расходов на оборону, инфраструктуру, управление информацией, логистикой, четкое разделение ролей в самих вооруженных силах и между ними и правительством. Все это вместе создает необходимые условия для адекватной работы новозеландских вооруженных сил – NZDF, позволяющим им четко выполнять поставленные задачи. А политическое мировоззрение и подходы к жизни и политике в Новой Зеландии имеющие корни как в Европе, так и в культуре народов островов Тихого океана, являются источником выработки новой политической стратегии, в которой приоритет отдается национальной безопасности и обороне.

Ключевые слова: политика, Новая Зеландия, национальная безопасность, оборона Новой Зеландии, вооруженные силы Новой Зеландии.

Во второй декаде XXI века ситуация в сфере международной безопасности претерпела серьезные изменения. Глобальный терроризм, ядерный кризис на Корейском полуострове, кризис в отношениях Россия – Запад, возникший в результате Крымской весны, сирийская война, экологические катастрофы и многое другое потребовало от правительств множества государств совершенствования существующих систем безопасности и разработки более эффективных политик в области своей внешней политики и обороны. В такой разработке необходимо учитывать исторический, социально-экономический и институциональный контексты национальной специфики, что в условиях глобализирующегося мира сделать непросто.

Одной из стран, столкнувшейся с этими проблемами, является Новая Зеландия – бывшая британская колония с богатыми демократическими традициями. Будучи небольшим государством Новая Зеландия достаточно уязвима: она – страна с ограниченным внешним рынком: зависит от морской торговли, от экспорта и как следствие – от прямых последствий глобальных экономических кризисов. Необходимость в особой политике безопасности проистекает из меняющейся международной обстановки в области безопасности и из геополитического положения Новой Зеландии. В этой связи формирование ключевых параметров обороны, безопасности и внешней политики Новой Зеландии представляет собой как отдельную практическую сложность, так и отдельный исследовательский интерес.

Ключевые факторы, определяющие специфику политики обеспечения национальной безопасности новой Зеландии. К ключевым факторам определяющим специфику политики обеспечения национальной безопасности Новой Зеландии, нужно отнести географическое положение, демографию и национальную историю страны. Экономика влияет на демографию и историю, находясь в симбиозе с географическим положением Новой Зеландии.

Рассмотрим эти обстоятельства по порядку.

Во-первых, географический фактор и особенности окружающей среды. Они формируют общий менталитет новозеландцев и определяют восприятие гражданами страны актуальных и потенциальных национальных угроз. Значительная географическая удаленность от других стран, с одной стороны создает у населения ощущение безопасности, защищая страну от различных внешних угроз и формирует общее мировоззрение новозеландцев. С другой стороны, многие новозеландцы чувствуют себя пойманными в ловушку в своей маленькой стране, далекой от ядра международного сообщества. Многие молодые жители Новой Зеландии покидают страну, чтобы больше никогда туда не вернуться. По их мнению, Новая Зеландия – страна без больших возможностей для профессионального развития, которые они могут найти только за пределами своих родных островов. Этот феномен иногда называют «духом Тихого океана», глубоко укоренившимся в новозеландцах, он провоцирует в них страсть к путешествиям и формирует осо-

бую национальную идентичность страны на международной арене, выраженную в роли ее жителей как «образцовых граждан мира». География как элемент силы Новой Зеландии оказывает влияние и на параметры ее национальной экономики, заставляя в основном полагаться на морскую торговлю и влияющие на нее факторы.

Во-вторых, демографический фактор: небольшая численность населения (4,7 миллиона человек) относит Новую Зеландию к категории малых государств. Кроме того, новозеландское общество постоянно стареет в связи с тем, что большинство новозеландцев ведут образ жизни, типичный для западных обществ богатого Севера, и меняет свой этнический состав. Численность коренных народов растет медленно, по разным оценкам, численность маори в 2026 году достигнет 800 000 человек.

Небольшое население имеет преимущества с точки зрения государственного менеджмента: Новая Зеландия занимает высокое четвертое место в Глобальном рейтинге демократии 2018, являясь полноценной демократией [5], а в рейтинге Transparency International Новая Зеландия находится на одном уровне с Данией, 88 и 87 места соответственно, как одна из наименее коррумпированных стран в мире [6]. Не менее значим и высокий уровень образования населения Новой Зеландии, она занимает 12-е место в списке OECD [7]. Согласно этим данным, 76% людей в возрасте от 25 до 64 лет имеют диплом средней школы или высшего образования; средний показатель по странам OECD ОЭСР составляет 65%. Не менее высок и уровень социальной и политической мобилизации граждан, чему способствуют хорошо развитые телекоммуникационные сети, гарантирующие открытый доступ и распространение информации в стране.

В-третьих, исторический фактор: относительно короткая история независимости, с британским монархом в качестве формального главы правительства, который представлен губернатором Новой Зеландии, оказывает сильное влияние на национальное самосознание новозеландцев.

Новая Зеландия настаивала на самоуправлении с 1852 года, для этого была разработана система представительного правительства с нижней и верхней палатой, члены которой выбирались губернатором. Первые выборы состоялись в 1853 году, но к участию в них были допущены только граждане с высоким доходом. В 1907 году Новая Зеландия была объявлена Доминионом, а не британской колонией. Были планы политического класса Новую Зеландию объединить ее с Австралией, но оказались тщетными в связи с уже сформировавшейся отдельной национальной идентичности граждан и опасений, что это подорвет их связи с Великобританией. По мнению политиков того времени, эти связи были критически важными для жизненно важных интересов Новой Зеландии. С их точки зрения эти связи обеспечивали Новую Зеландию безопасностью, особенно благодаря гарантированной поддержке британского флота. Как следствие была принята

базовая стратегия внешней политики – *везде, куда идет Великобритания, следует и Новая Зеландия*. Это определяло основное направление и политики безопасности Новой Зеландии, она участвовала, например, в мировых войнах, так и до этого – в бурских войнах. Такой подход к национальной безопасности преобладал до 1947 года, когда Новая Зеландия объявила о своей независимости. Это стало выражением прагматизма Новой Зеландии в ее внешнеполитическом курсе, стремлением к расширению многостороннего сотрудничества.

В этом контексте необходимо интерпретировать и договор АНЗУС (ANZUS treaty) или Тихоокеанский договор о безопасности между Австралией, Новой Зеландией и Соединенными Штатами, подписанный в Сан-Франциско 1 сентября 1951 года. Начальные буквы названий трех стран сформировали аббревиатуру договора. Его цель – оказание взаимной помощи в случае агрессии и для разрешения споров мирными средствами. Он вступил в силу в 1952 году. В соответствии с условиями договора три страны поддерживали консультативные отношения друг с другом и стремились обеспечить свою коллективную безопасность в Тихоокеанском регионе. Однако в середине 1980-х годов в Новой Зеландии была введена антиядерная политика, одним из положений которой было запрещение нахождения судов с ядерным оружием в своих портах, в том числе военно-морских сил США. В 1984 году был объявлен запрет на вход в территориальные воды Новой Зеландии судов с ядерным двигателем и судов с ядерным оружием на борту. С 1987 года в стране действует Закон о безъядерной зоне, разоружении и контроле над вооружениями, который освобождает территорию Новой Зеландии от ядерного оружия. Это одно из главных основ внешней политики Новой Зеландии, хотя использование ядерной энергии вне боевой ситуации и развитие атомных станций не запрещено, что соответствует запросам гражданского общества, подчеркивая суверенитет страны. Одновременно такие шаги отражают стремление Новой Зеландии к независимости в системе глобальной безопасности, сформировавшейся после холодной войны.

В ответ на решения властей Новой Зеландии Соединенные Штаты в 1986 году официально приостановили свои договорные обязательства перед ней и сократили военные связи двух стран. Три страны АНЗУС оставались официальными сторонами договора, но с практической точки зрения АНЗУС с тех пор не соблюдался США. Австралия же для Новой Зеландии остается приоритетным партнером, прежде всего, в силу географической близости, Австралия обладает определенным потенциалом и может поддерживать Новую Зеландию в случае внешних угроз.

Все три фактора значимы для формирования внутренней и внешней политической стратегии Новой Зеландии, хотя, вероятно, наиболее значимым все-таки является фактор исторический. Он определяет не только политику памяти страны, но и выбор путей обеспечения обороны и безопасности.

Внешняя оборонная политика Новой Зеландии: основные характеристики. Политика национальной безопасности Новой Зеландии включает в себя экономическую, военную и внешнюю политику. Политика национальной обороны рассматривается как часть политики национальной безопасности и определяется как комплекс мероприятий, в том числе информационных, пропагандистских, дипломатических, экономических, военных и других, направленных государством на предотвращение угрозы войны и его последствий. В Доктрине национальной обороны Новой Зеландии подчеркнуто, что «оборонная политика и внешняя политика – это партнерство, направленное на обеспечение физического, экономического, социального и культурного благополучия Новой Зеландии и выполнение наших региональных и глобальных обязанностей» [8]. Основными инструментами оборонной политики являются вооруженные силы – Силы обороны Новой Зеландии (NZDF) и Министерство обороны контролируют их, причем NZDF принадлежит консультативная роль. Оба эти института полностью отделены друг от друга, в соответствии с принципом гражданского контроля над вооруженными силами.

NZDF вписаны в систему национальной безопасности страны и они представлены в Комитет должностных лиц по координации внутренней и внешней безопасности (Officials' Committee for Domestic and External Security Coordination (Governance) ODESC), Совет по безопасности и разведке (Security and Intelligence Board (SIB), Совет по оценке рисков (Hazard Risk Board (HRB).

Концепция системы обороны Новой Зеландии основана на простой стратегии определения наиболее важных целей в области обороны. NZDF является основным инструментом для достижения этих целей, и, следовательно, должны иметь адекватные возможности и использоваться должным образом. Эти идеи изложены в Белых книгах обороны, которые создаются под надзором Министерства обороны, хотя в их создании участвуют многие политические игроки. Прежде всего, это политические партии, которые обеспечивают основные положения планируемой оборонной политики. Далее правительственные учреждения и граждане принимают участие в процессе общественных консультаций. Все это должно способствовать достижению общественного консенсуса в отношении оборонной политики и, в более широком смысле – в отношении национальной безопасности. В некотором смысле, «Белые книги обороны» являются *конституцией* оборонной политики. Последние из них 1997, 2010 и 2016 гг. были приняты в ходе широких общественных обсуждений, были организованы различные конференции с участием служащих государственных учреждений, персонала NZDF, университетской профессуры и студентов [1; 2; 3; 4]. Среди учреждений, обеспечивавших обратную связь, были общественные организации, заинтересованные в углублении значимости Новой Зеландии в международных

отношениях, а также неправительственные организации, церкви и национальные движения за мир.

В каждой из Белых Книг было подчеркнуто намерение новозеландцев «мыслить глобально и действовать локально», то есть глобальное измерение национальной оборонной политики, должно быть сбалансированно приоритетами регионального участия.

Доктрина национальной обороны. Содержание Доктрины национальной обороны представлено на трех основных уровнях: философия, применение и процедура выполнения задач национальными вооруженными силами (NZDF). Доктрина определяет три компонента боевой мощи NZDF – концептуальный/философский, нравственный и физический. Однако ключевая цель Доктрины – объяснить философию, лежащую в основе проведения военных операций NZDF. Основа этой философии – история Новой Зеландии, ее политика памяти, культура и фундаментальные национальные ценности (смелость, преданность, дружба, честность), которые следует использовать NZDF для достижения успеха в конфликтах. Основа для успеха всех военных операций определяется наличием боевого и командного духа, четко сформулированной цели, командной философии (эффективность, понимание, ответственность, решительность), гибкости и прагматизма. Исходя из этой философской основы Доктрина обеспечивает руководящие принципы для деятельности NZDF. Офицеры и командиры могут действовать относительно независимо от главного командования, потому что знают реальную обстановку на местах возможных действий гораздо лучше. По сути дела, Доктрина превращает национальные вооруженные силы в политический инструмент, который не ставит под сомнение правительственные решения, а ясно фокусируется на поставленных задачах. Из-за ограниченных ресурсов Новая Зеландия очень осторожно использует свои вооруженные силы в решении региональных и иных задач. Страна всегда тщательно рассматривает целесообразность использования жесткой или мягкой силы (которая определяется в Доктрине как сила убеждения, основанная на культуре, ценностях, стратегии внешней политики). Даже если использование жесткой силы дает более быстрые результаты, мягкая сила всегда дешевле и дает гораздо более долгосрочные эффекты. Критически важно то, что любое применение силы должно соответствовать национальным и международным законам, эта идея является базовой в политике безопасности Новой Зеландии как основа концепции «образцового международного гражданина», а национальные вооруженные силы должны поддерживать эту концепцию и соответствовать ей.

В Доктрине перечислены цели NZDF, предусмотренные в Законе об обороне от 1990 года [4]. Приоритетами являются защита собственной территории, сотрудничество с Австралией в области континентальной обороны, регион южной части Тихого океана, возможность объявления чрезвычайного-

го положения в Азиатско-Тихоокеанском регионе в связи с природной катастрофой, готовность к преодолению непредвиденных ситуаций, участие в наблюдении за окружающей средой в составе международных групп.

Регион Новой Зеландии вообще характеризуется растущим числом нетрадиционных угроз, которые вооруженные силы страны должны быть в состоянии предотвратить. Кроме того, Новая Зеландия исходит из того, что основными угрозами международной безопасности являются внутренние конфликты, нарушение международных прав и правопорядка, хрупкие и несостоявшиеся государства, транснациональная организованная преступность, пиратство и терроризм. В связи с геополитическим положением Новой Зеландии и зависимостью от международной торговли страна должна активно участвовать в стабилизации международной обстановки и принимать участие в противодействии этим угрозам, а для этого обладать обширными экспедиционными возможностями.

Авторы Доктрины исходят из того, что в современном мире способ ведения войны изменился и продолжает меняться. Это требует от NZDF гибкости и готовности участвовать в боевых и стабилизационных операциях (последние могут включать в себя и боевые действия). NZDF готовы к участию в традиционных войнах (регулярная война между различными странами и коалициями, включая партизаны и движения сопротивления) и в «новых» войнах (применение или угроза применения силы иррегулярными силами), часто стимулируемыми идеологическими или откровенно преступными причинами, которые бросают вызов властям и требуют изменений в их политике. Используемые иррегулярами методы включают терроризм, экономический саботаж, информационную войну и умышленное нанесение ущерба природной среде. У NZDF должны быть ресурсы для борьбы с этими двумя формами войны, и особенно в подчеркнута роль сил специального назначения. Из-за особого характера современных угроз спецназ играет важную роль в оборонной политике, а также в политике национальной безопасности. В Доктрине подчеркнута, что современные военные действия часто проходят в городских районах, где трудно отличить гражданское лицо от комбатанта. Поэтому NZDF должны обладать способностью к совместным действиям с союзниками, к сотрудничеству с другими правительственными учреждениями и НПО, к комплексному подходу к этим действиям, что означает учет всех факторов, которые могут повлиять на успех проводимой операции.

В Доктрине схематизирована определенная иерархия задач и возможностей, которая должна быть отражена в конкретных планах NZDF. Основная задача NZDF – подготовка к военным действиям. Тем не менее, в Доктрине утверждается, что они должны выполнять и широкий спектр операций, включая предотвращение конфликтов, принудительные действия (которые могут быть похожи на военные действия при принуждении сторон к определенным шагам), в миростроительстве, в деэскалации конфликтов, в гумани-

тарных и спасательных операций (например, во время стихийных бедствий, таких как в Самоа в 2010 году). NZDF также принимает участие в урегулировании кризисов в случае террористической атаки в Новой Зеландии. В таких случаях жизненно важную роль играет Комитет должностных лиц по координации внутренней и внешней безопасности (ODESC), который должен гарантировать всеобъемлющий подход к разрешению кризиса, используя все имеющиеся силы для обеспечения быстрой и эффективной реакции на него. NZDF получает приказы непосредственно от премьер-министра, который занимает руководящую должность в системе реагирования на чрезвычайные ситуации.

Заключение. Возможности национальных вооруженных сил Новой Зеландии объективно ограничены, что, впрочем, свойственно любой стране. Однако потенциал Новой Зеландии позволяет иметь больше сил, чем фактически необходимо для обеспечения национальной безопасности и обороны во втором десятилетии XXI века. Это определяется высоким экономическим и человеческим потенциалом, сильной политической волей руководства страны и его умелым общением с обществом, оптимальной организацией расходов на оборону, инфраструктуру, управление информацией, логистикой, четкое разделение ролей в самих вооруженных силах и между ними и правительством. Все это вместо создает необходимые условия для адекватной работы новозеландских вооруженных сил – NZDF, позволяющим им четко выполнять поставленные задачи. Кроме того, в Новой Зеландии существует запас резервных сил, дополняющих регулярные, увеличивающий мощь NZDF. Речь идет о резервистах и об экспертах, обеспечивающих интеллектуальное сопровождение национальной политики обороны.

Можно утверждать, что политическое мировоззрение и подходы к жизни и политике в Новой Зеландии имеют корни как в Европе, так и в культуре народов островов Тихого океана. Исторические особенности происхождения нации сформировало ценности и черты характера, которые укрепляющие ее политическую, социальную и экономическую системы. Они также являются источником выработки новой политической стратегии, в которой приоритет отдается национальной безопасности и обороне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Defence White Paper 2010. New Zealand Government, 2010.
2. Defence White Paper 2016 Public Consultation Summary of Submissions. New Zealand Government, 2016.
3. Defence White Paper 2016, Australian Government, Department of Defence, 2016.
4. Defence Act 1990, Public Act 1990 No 28.
5. Democracy Index 2018: Me too? Political participation, protest and democracy. The Economist Intelligence Unit (The EIU).

6. Corruption Perception Index 2018, Transparency Internationa // <https://www.transparency.org/cpi2018>.

7. New Zealand in OECD, Education, NZStats // <http://gpseducation.oecd.org/CountryProfile?primaryCountry=NZL&treshold=10&topic=EO>.

8. New Zealand Defence Doctrine, NZDDP-D (Third Edition). New Zealand Defence Force, 2012.

Ya. V. MIKHAILOV

*Post-graduate student of the Diplomatic
Academy of the Russian Ministry of Foreign
Affairs, Moscow, Russia*

CHARACTERISTICS OF THE NEW ZEALAND NATIONAL DEFENCE

The situation in the international security sphere has undergone major changes in the second decade of the twenty-first century. Global terrorism, the nuclear crisis on the Korean Peninsula, the crisis in Russia-West relations that arose as a result of the Crimean spring, the Syrian war, environmental disasters, and much more reasons required the governments of many countries to improve their existing security systems and develop more effective policies in terms of their foreign policy and defence. The former British colony that is New Zealand did not manage to escape these problems. Despite its geopolitical position, the problems and trends of the whole world affect various aspects of its policy, in particular, the changes in the national defence establishment. In this regard, the formation of the key defence parameters of New Zealand's, security and foreign policy can be considered as both a particular practical difficulty and a particular research interest. As a result, it turned out that New Zealand's capacity allows it to have more forces than are actually needed to ensure national security and defence in the second decade of the 21st century. This is determined by the high economic and human potential, the strong political will of the country's authorities and their expert communication with country's society, the optimal distribution of funds on defence, infrastructure, information management, logistics, a clear division of roles in the armed forces as well as and between the armed forces and the government. All these things together create the required conditions for adequate functioning of the New Zealand armed forces – NZDF, allowing them to perform their tasks clearly. Moreover, political worldview and life and politics approaches in New Zealand, that originate from both European and peoples of the Pacific Islands culture, are the source of a new political strategy development that gives priority to national security and defence.

Key words: *politics, New Zealand, national security, New Zealand defence, New Zealand armed forces.*

Г.А. БОЖКОВ
аспирант Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва

ВЗАИМОСВЯЗЬ МИРОВОГО ПОРЯДКА И СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Современные региональные и глобальные трансформации, такие как миграция населения, проблемы экологии, рост числа политических и военных конфликтов, спад экономического роста и периодические экономические кризисы, развитие технологий и глобализация остро поднимают вопрос о том, как мировому сообществу реагировать на данные вызовы. Наиболее остро на повестке дня стоит вопрос выработки общих правил взаимодействия на международной арене, развития взаимовыгодного партнерства, систематизации международных отношений. В данной статье анализируется эволюция систем международных отношений, иерархия в рамках мирового порядка. В рамках системного подхода описывается взаимосвязь мирового порядка и системы международных отношений.

Ключевые слова: миропорядок, система международных отношений, новый мировой порядок.

В политической историографии выделяют 4 системы международных отношений. Вестфальская система, сформировавшаяся по итогам Тридцатилетней войны (1648 г.) определила основные принципы, на основе которых стали в дальнейшем развиваться международное право и международные отношения:

- принцип суверенного государства;
- принцип суверенного равенства государств между собой;
- принцип невмешательства во внутренние дела другого суверенного государства. Государство обладает всей полнотой власти над своими гражданами в пределах своей территории;
- отношения между суверенными государствами регулируются международным правом, договорами, заключенными между ними;
- международное право и регулярная дипломатическая практика – неотъемлемые атрибуты отношений между государствами [5].

Стоит отметить, что перечисленные принципы, пусть и не всегда соблюдавшиеся, действовали по отношению к тем государствам, которые участвовали в Вестфальской системе. И внутри Вестфаля, и за его пределами

велись войны, но это были войны разного качества. Было два разных мира: «мир Вестфалья» и «мир вне Вестфалья». В невестфальском мире были свои правила [7. С. 118].

Таким образом, с 1648 года начинает формироваться Вестфальская модель мира, основанная на вышеперечисленных принципах, которые сохраняют свою значимость и в настоящее время. С течением времени «мир Вестфалья» расширяется включая в себя все большее количество государств.

Венская система, охарактеризовавшая завершение Наполеоновских войн была закреплена Венским конгрессом 1814-1815 годов. Отличительным вкладом ее в Вестфальскую модель мира был принцип «баланса сил», при котором крупные государства стремились достичь своих интересов, при этом ограничивая возможности друг друга путем формирования союзов и смены коалиций.

Последующие две системы международных отношений – Версальско-Вашингтонская и Ялтинско-Потсдамская – привнесли в международную практику принцип «коллективной безопасности». Была создана Лига Наций, основные цели которой в последствии унаследовала Организация Объединенных наций. По итогам Второй Мировой Войны были сформированы Международный Банк и Международный Валютный Фонд, которые фактически изменили состав акторов международной политики, оказывающих существенное влияние на международные процессы.

Стоит отметить, что каждая из систем оформилась в результате масштабных военных потрясений, выдвинувших новых влиятельных акторов на мировую арену. Были сформированы принципы взаимодействия между государствами и самое главное – определены были зоны влияния и территории, из которых бенефициары военных действий будут способны извлекать ресурсы в период функционирования той или иной системы.

В рамках Вестфальской модели мира, которая определила основные принципы взаимодействия, сменялись системы международных отношений, которые привносили в модель новые черты, такие как «коллективная безопасность» и «баланс сил». При этом были сформированы международные организации, цель которых заключалась в контроле и поддержании функционирования системы согласно вышеуказанным принципам. В любой системе присутствуют элементы и имеются связи между ними. Исходя из этого формируется миропорядок, другими словами иерархия. Речь идет прежде всего об устойчивости (стабильности) связей, придающих порядку, если можно так выразиться, стационарность, т.е. обеспечивающих его устойчивость при взаимодействии со средой, в которую он погружен [2. С. 28]. Средой как раз и выступает система международных отношений.

Ученые различают два понятия международный порядок и мировой порядок. Богатуров А.Д. Под международным порядком подразумевает порядок, складывающийся между всеми странами мира, совокупность кото-

Таблица 1

Эволюция системы международного взаимодействия

Модель мира	Вестфальская модель мира			
	Система международных отношений (СМО)	Вестфальская	Венская	Версальско-Вашингтонская
Международный порядок (Мировой порядок)	Полицентричный (Бесполосный)		Биполярный (Полосный)	Моноцентричный (Бесполосный)
Периодизация	1648	1815	1919 (1921)	1945 1991 Условно 2016

рых условно именуется международным сообществом [4. С. 61]. Внутри международного сообщества есть наиболее устойчивое ядро, со схожим мировоззрением, общими нормами и правилами, именующееся мировым обществом (в научной среде страны либеральной демократии). Когда их распространение пойдет «по всей глубине» социальной ткани разнорациональных обществ уместно будет говорить о возможности разрастания мирового порядка до масштабов международного [4. С. 61]. По Буллу мировой порядок, наоборот фундаментальнее и шире международного, так как подразумевает под собой не только межгосударственные отношения, но и всю глубину социального взаимодействия [8. С. 20].

Важно понимать, что структурный подход к анализу иерархичности миропорядка через призму полярности имеет ряд условностей. Полюса – это полярные, т.е. контрарные, одновременно отрицающие и предполагающие существование друг друга, симметричные, соизмеримые по жизненному потенциалу центры силы [2. С. 33]. Согласно данной трактовке полярности системы могут быть либо полюсными, как это было во второй половине XX века при Ялтинско-Потсдамской системе или бесполюсными, как предыдущие ей системы или современная система. В рамках бесполюсности можно выделить уже моноцентрические системы или полицентрические.

В данном аспекте необходимо проанализировать иерархию в миропорядке. Несмотря на наличие международных организаций и союзов все же основными акторами на международной арене остаются государства, следовательно, можно выделить несколько ключевых характеристик, которые позволяют государству оформиться неким центром, к которому притягиваются государства с меньшими возможностями и потенциалом. Богатуров А.Д. выделяет пять таких характеристик:

- военная сила;
- научно-технический потенциал;
- производственно-экономический потенциал;
- организационный ресурс;
- совокупный креативный ресурс (потенциал производства востребованных жизнью инноваций) [3. С. 13].

Несомненно, на рубеже XXI века Соединенные Штаты Америки были безусловным лидером на международной арене, обладая существенными возможностями по всем пяти направлениям. Данное обстоятельство позволяет характеризовать этот исторический период как моноцентрический миропорядок. Однако, ни одна империя или гегемон не могут сохранять свои лидирующие позиции бесконечно долго. За последние 10 лет по совокупной экономической мощи в лидеры вышел Китай. В военной сфере безусловно лидирующее место занимает на сегодняшний день Россия со своими прорывными достижениями в военной промышленности и бесценным практическим опытом, полученным в военной операции в Сирии. Так-

же стоит отметить способность Российской Федерации оказывать влияние на международные дела. Начиная от налаживания взаимовыгодных отношений со странами Евросоюза, так и в части продвижения своих интересов и развития сотрудничества со странами Африки и Южной Америки.

В настоящее время нет общепринятого названия для оформившегося в 90-ых годах прошлого века миропорядка. Некоторые авторы определяют этот период как Беловежскую систему международных отношений [6. С. 50], другие исследователи «постбиполярным» миропорядком [3. С. 6]. Особенностью этого периода является наличие одного гегемона, превосходящего другие государства по совокупной военной мощи, экономическому потенциалу, политическому влиянию. Несмотря на распад СССР, основные принципы, ключевые международные организации, и даже часть положений заключенных тогда протоколов продолжают функционировать, следовательно, можно утверждать, что в настоящее время все еще действует Ялтинско-Потсдамская система международных отношений. Тем не менее в рамках нее сменилась иерархия между государствами, другими словами изменился миропорядок.

Некоторые исследователи утверждают об эрозии Вестфальской системы, аргументируя это несоблюдением рядом государств основополагающих ее принципов. Если воспользоваться метафорой, то наверняка, невозможно найти человека, который бы не нарушал правил дорожного движения. Свидетельствует ли это об эрозии этих правил? Нет, конечно. Но, если вдруг все перестанут соблюдать правила: переходить улицу на красный, ездить по тротуарам, не пропускать машины скорой помощи, потому что соблюдать их оказывается невозможным, то тогда мы действительно столкнемся с эрозией, кризисом правил дорожного движения [7. С. 120].

Если говорить, о смене Ялтинско-Потсдамской системы, то она еще не произошла, так как Организация Объединенных Наций еще не претерпела как минимум кардинальных изменений, не произошла Третья мировая война, и не заключены новые основополагающие договора.

Одной из причин смены системы международных отношений, и в том числе миропорядка как иерархии, видится истощаемость текущих возможностей в рамках действующей системы. Можно провести аналогию с экономической теорией. Когда компания полноценно освоила имеющийся у нее рынок, то для дальнейшего роста ей необходимо либо открывать для своих товаров новые рынки сбыта, либо качественно изменять сам товар, в том числе используя новые технологии. В конце XX века в результате, в том числе проигрыша в «холодной войне», распался Советский Союз, тем самым открыв новые рынки сбыта для западных экономик и ознаменовав смену миропорядка (с полюсного на бесполюсный или моноцентрический).

В настоящее время наблюдается переориентация ключевых экономик мира, формируются новые союзы, сменяется расклад сил на Ближнем Вос-

токе, Африке, Южной Америке, что в перспективе если не приведет к заключению новых соглашений между ведущими державами, то к качественной трансформации правил международного взаимодействия, в том числе в рамках международных организаций. Тогда можно будет говорить о смене системы международных отношений. Баталов считает, что результатом таких изменений должен стать глобальный социальный контракт – это стратегия целенаправленного формирования сбалансированных устойчивых отношений между членами мирового сообщества. То есть созданный добровольными усилиями всех стран и отражающий баланс основных национальных, региональных и глобальных потребностей и интересов. До этого мир будет оставаться чрезвычайно хрупким и уязвимым со стороны стран, не входящих в «золотой миллиард» [1. С. 25].

Сама же иерархия в рамках миропорядка уже меняется. Изменения во внешней и внутривосточной жизни США, позволяют другим странам занимать более активную позицию на международной арене и отстаивать свои национальные интересы. Все это побуждает акторов к преобразованию системы международных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Баталов Э.Я.* К пониманию миропорядка (эволюция концепций) // Прогнозы и стратегии. 2008. № 1.
2. *Баталов Э.Я.* «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. 2003. № 5.
3. *Богатуров А.Д.* Лидерство и децентрализация в международных отношениях // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 3 (сентябрь-декабрь).
4. *Богатуров А.Д.* Современный международный порядок // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1.
5. *Кортунов С.В.* Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка // Мировая политика. М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
6. *Крайнов Г.Н.* Эволюция системы международных отношений и ее особенности на современном этапе // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. 2015. № 1.
7. *Лебедева М.М.* Что угрожает Вестфалю? // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 1 (16) (январь-апрель).
8. *Bull H.* The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. N.Y.: Columbia University Press, 1977.

G.A. BOZHKO

*Post-graduate student of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public
Administration (RANEPA), Moscow, Russia*

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE GLOBAL ORDER AND THE INTERNATIONAL RELATIONS SYSTEM

Modern regional and global transformations such as population migration, environmental problems, increasing numbers of political and military conflicts, a decline in economic growth, periodic economic crises, development of technology and globalization – all these factors inevitably give rise to questions of how the world community should respond to these challenges. The most urgent issue on the agenda is the development of common rules of interaction on the international scene, the development of the mutually beneficial partnership, the systematization of international relations. This article analyzes the evolution of international relations systems, hierarchy in terms of the global order. The system approach defines the relationship between the global order and the international relations system.

Key words: *world order, system of international relations, new world order.*

ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИРОДЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В XXI В.: РЕЗУЛЬТАТЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Современные военно-политические конфликты независимо от географии протекания, культурного и исторического контекста имеют общие черты, к коим относятся «гибридность» и «асимметрия», описанные в военно-политических концепциях конца XX в. – начала XXI в. В русле историософского подхода в статье выстраиваются причинно-следственные связи между тенденциями развития общества, такими как глобализация, экспансия воинствующего либерализма, размывание суверенитета и делегитимация национальных, наднациональных и негосударственных институтов, приватизация насилия, индивидуализация, информатизация общества и сетевизация общественных отношений, усиливающийся технологический разрыв между противниками в современных конфликтах – и трансформацией природы военно-политических конфликтов в новом тысячелетии. Цель исследования заключается в выявлении значимых факторов изменений, произошедших в XXI в. Каждая из перечисленных тенденций развития современного общества характеризуется набором переменных (временных рядов), данные по которым агрегируют глобальные институты развития и исследовательские центры по всему миру. Во второй части работы на основе собранного массива данных с использованием методов машинного обучения строится модель зависимости количества вооруженных столкновений (боев) и террористических атак в разрезах страны и года от описанных в первой части исследования факторов. Веса, присвоенные алгоритмом машинного обучения, факторам модели ранжируются по степени значимости. Наиболее значимые факторы рассматриваются и интерпретируются с опорой на фактологический материал о протекании разных по своему историческому, культурному и политическому контексту

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-32038/19: «Факторы трансформации природы военно-политических конфликтов в XXI в. (на примере конфликтов в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, Украине)».

войн в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и Украине. В результате автор приходит к выводу о том, что наиболее значимыми факторами трансформации природы военно-политических конфликтов в XXI в. являются: внутренняя динамика боевых действий, ключевые макроэкономические показатели стран, на территории которых протекают конфликты, а также показатели, коррелированные одновременно с уровнем военно-технологического потенциала противников, с уровнем информатизации общества и степени сетевизации общественных отношений.

Ключевые слова: *ведущие международные базы данных, машинное обучение, количественные методы, гибридная война, асимметричный конфликт, глобализация, наступательный либерализм, размывание суверенитета, делегитимация институтов, приватизация насилия, индивидуализация, информатизация общества, сетевизация общественных отношений, технологический разрыв, терроризм, природа войны.*

Гибридные и асимметричные конфликты сегодня вызывают повышенное внимание политологов, специалистов стратегического военно-политического планирования, военных и аналитиков. Российские и зарубежные эксперты убеждены, что данные типы конфликта остаются доминирующими в XXI в. К 2019 г. мировое сообщество стало свидетелем нескольких гибридных и асимметричных конфликтов: войны в Афганистане (с 2001 г.), войны в Ираке (2003-2011 гг.), войны в Ливии (2011 г.), войны в Сирии (с 2011 г.), вооруженного конфликта на Востоке Украины (с 2014 г.), вооруженного конфликта на территории Ирака и Сирии (с 2014 г.). Участниками пяти из перечисленных выше конфликтов являлись США и другие страны-члены НАТО. Эффективность военных операций, осуществленных США и их союзниками по коалиции в ходе асимметричных конфликтов начала XXI в., на данный момент является предметом острых дискуссий. Для Соединенных Штатов военная кампания в Афганистане уже стала самой продолжительной в истории. Несмотря на то, что было предпринято много усилий и затрачено огромное количество средств (кампания обошлась США более чем в 1 трлн. долл.), стабилизировать обстановку не удается. Спустя три года после вывода сил коалиции из оккупированного Ирака, на территории этой страны возникло Исламское Государство, осуществляющее террор на Ближнем Востоке. Результатом военной операции в Ливии стала полная потеря государственности этой страной, на территории которой в данный момент ведутся боевые действия между различными группировками и племенами.

Война в Сирии не стала разворачиваться по Ливийскому сценарию только благодаря дипломатическим усилиям и военным действиям России. Вооруженный конфликт на Востоке Украины является примером внутригосударственного асимметричного военно-политического конфликта, однако

само противостояние и его возможный исход затрагивают интересы глобальных игроков на международной арене.

Все вышеперечисленные военно-политические конфликты, по заявлениям военных и политологов, несмотря на различный культурный и исторический контекст, являются отражением общей новой военно-политической реальности, в основе которой лежит «глобальная трансформация институтов общества «индустриального» при транзите к «постиндустриальному». В свете вышесказанного, представляется актуальным изучение вопроса о факторах трансформации ключевых характеристик военно-политических конфликтов в XXI в. с целью дальнейшего построения прогнозов развития военно-политической обстановки с опорой на выявленные причинно-следственные связи.

К вопросу о причинно-следственной связи тенденций развития современного общества и трансформации природы военно-политических конфликтов в XXI в. В то время как завершение Холодной войны в конце XX в. должно было привести к появлению более упорядоченного мира, еще более ранний процесс привел к обратному эффекту. Наследие процесса деколонизации одновременно утвердило значимость суверенитета и право наций на самоопределение [18. С. 47]. Это бы не стало проблемой, если бы «государства-нации» XXI в. были гомогенны и едины.

Сегодня одна из ключевых причин хаотизации мира видится в том, что индивиды преобразуют деятельные пространства, изменяют рубежи лояльности [5. С. 6], и при этом по-прежнему управляются государством. К числу фундаментальных проблем государства нового мира, построенного неокрепшим гражданским обществом, часто можно добавить слабость экономики и проблему бедности. Неразвитые институциональные структуры предопределяют неготовность таких государств справляться с внутренними политическими трениями и внешними политическим давлением. Военно-политические конфликты – это одно из проявлений кризиса суверенного государства и основополагающих принципов современного политического мира: монополии государства на насилие. Легитимность власти зависит от монополизации средств осуществления насилия – сил обеспечения правопорядка и армии. Именно эти институты гарантируют поддержание хрупкого баланса между государством, индивидами и прочими политическими группами. Неспособность монополизировать насилие в своих собственных границах, в конечном счете, ведет к потере государственности. Вызовы и угрозы для системы международных отношений исходят, в том числе, от стран, в которых в силу различных причин монополия на легитимное насилие была потеряна. Глобализация привела к открытости границ и более свободному перемещению товаров, услуг, капиталов и людей [26]. «Открытость границ» позволяет вооруженным группировкам и прочим негосударственным акторам, находящимся вне закона и частично приватизи-

ровавшим насилие на территории одной страны, подрывать глобальную систему международных отношений. Справедливо полагать, что сама логика ведения войны изменилась, т.к. в эпоху глобализации стираются границы между государственным и негосударственным, общественным и частным, внешним и внутренним, экономическим и политическим, между войной и миром [19]. Приватизация войны – логическое продолжение приватизации политического мира [27].

Ответом на подобные угрозы в XXI в. стали интервенции Западных стран под флагом либерализма. Боевые действия, осуществляемые Западом в новом тысячелетии, можно условно поделить на «оборонительные» и «наступательные» [20; 21]. В этих терминах «война с терроризмом», провозглашенная после терактов 11 сентября, изначально имела целью защиту либеральных ценностей. Оборонительные действия не приходят в противоречие с принципом невмешательства во внутренние дела государства. Тогда, как целью «наступательных» действий является силовое насаждение либеральных ценностей. Воинствующий либерализм по своему определению смещает акцент с баланса сил на международной арене на баланс сил внутри страны, оказывая поддержку индивидам или политическим группам в их борьбе с действующим режимом [20]. Активно продвигаемый принцип верховенства прав и свобод человека и гражданина в кризисной ситуации усиливает процесс индивидуализации и оказывает серьезное давление на акторов и институты, вовлеченные в конфликты. Индивидуализация ведет к этническим, юридическим и политическим проблемам, размывая суверенитет национальных, международных и негосударственных институтов [30]. В этих условиях формируется ситуация контролируемого хаоса, подготавливается почва для «экспорта ракетно-бомбовой демократии».

Таким образом, современная либеральная идея приходит в конфликт с основополагающим принципом международного права о невмешательстве во внутреннюю политику государств, и, тем самым, усиливает противоречия деколониального наследия.

Международное сообщество предприняло попытку разрешения данного противоречия, что нашло отражение в концепции «обязанности по защите». «Обязанность защищать» появляется у международного сообщества, когда государство не может или отказывается выполнять обязательства перед своими гражданами. Данный концепт включает три основных элемента: «обязанность предотвратить», «обязанность отреагировать», «обязанность построить заново». Ярким примером применения концепции на практике стали операции международной коалиции во главе с США, а затем НАТО в Ливии, нацеленные на свержение режима полковника Муаммара Каддафи. Сегодня «обязанность защищать» – это новый инструмент легализации гуманитарной интервенции [10. С. 11]. Западные страны сумели осуществить операцию в Ливии под предлогом «обязанности защищать», так как

ливийское правительство не имело существенной поддержки со стороны третьих стран, не обладало значительными военными силами и средствами. На тот момент премьер-министр Российской Федерации, В.В. Путин заявил, что принцип ответственности за обеспечение защиты стал лишь прикрытием для США, Великобритании и Франции, которые преследовали свои политические и экономические интересы в регионе, назвав Резолюцию Совета Безопасности ООН 1973 «средневековым призывом к Крестовому походу» (5). С определенной долей уверенности можно заявить, что ни одна коалиция и ни одно государство не начнет военную операцию под предлогом «обязанности защищать» при наличии угрозы значительных потерь для своих вооруженных сил. «Обязанность защищать», возможно, является самой значимой поправкой к понятию суверенитета со времен Вестфальского мира, подписанного в 1648 г. Суверенитет понимается не только, как необходимость защиты государства и государственных границ, но и как обязанность защищать граждан от их государства [31]. При этом, якобы сняв противоречие, заложенное в целях «наступательных» действий под флагом либерализма, западные страны не смогли решить вопрос об оправданности средств их достижения. Силовое насаждение западных ценностей ценой жизни своих солдат и союзников, противника и мирного населения, переживающего тяготы войны, из года в год подвергается критике широким международным сообществом. Парадокс современности заключается в том, что критика силовых методов становится оправданием расходов на разработки все более совершенного и высокоточного оружия, применение которого позволяет избежать «сопутствующего ущерба» и гарантировано снизить потери, что некоторые исследователи считают моральным императивом [28].

Стратегия – это, в широком смысле, свобода выбора и сопряжения цели и средств. Военная стратегия предполагает выбор цели и средств с учетом выбора противника. Либеральная доктрина предопределяет стратегический выбор противников Запада, не имеющих доступа к современному вооружению. Усиливающийся технологический разрыв меняет саму этику ведения войны в XXI в. Применение высокоточного оружия, беспилотных летательных аппаратов делает одну из сторон конфликта практически неуязвимой для противника. Согласно нормам гуманитарного права, разработанным в прошлом веке, в ходе боевых действий солдаты с обеих сторон являются смертельными врагами, но не преступниками. Их моральное равенство закрепляется тем фактом, что они отстаивают интересы своего государства или другого политического субъекта. Лишение права на самооборону, права на нанесение ущерба противнику неизбежно выталкивает слабого противника из правового поля.

Отличие в целях, средствах их достижения, а также потенциалах сторон в современных военно-политических конфликтах кристаллизовалось в концепции «асимметрии». Асимметричный конфликт – разновидность

(частный случай) вооруженного конфликта, предполагающая непропорциональный (неравный) характер отношений, асимметрию потенциалов противоборствующих сторон, свойственный сегодняшней военно-политической ситуации, в условиях которого: слабая сторона стремится придерживаться стратегии, отличной от стратегии сильного противника, чаще всего использует нетрадиционные методы ведения войны (диверсионно-террористическую тактику, перемещение боевых действий в города, использование гражданских лиц и объектов инфраструктуры в качестве щита и т.д.), с целью нанесения материального и психологического ущерба и достижения политической победы, что предполагает навязывание более сильному противнику невыгодной модели протекания конфликта, «растяжения» его временных рамок; сильная сторона в условиях асимметричного противостояния сталкивается с рядом проблем: невозможностью соблюдения принципов и норм МГП, давлением со стороны мирового сообщества, внутривосточного сообщества и СМИ, невозможностью в короткие сроки решить стратегические задачи и т.д.

В 2019 г. обоснованно звучит вывод о том, что выбор «сильного», в терминах теории асимметричных конфликтов, противника предопределяет выбор «слабого» [8]. Понимание этой взаимосвязи проливает свет на воронку причинности, согласно которой, объявленная в 2001 г. «война с международным терроризмом» неизбежно его порождает.

Отдельного внимания заслуживает само понятие «международный терроризм». Терроризм не является политическим движением, а, скорее, образом мысли [16], проявляющимся в применении неконвенциональной тактики для достижения политических целей. Использование диверсионно-террористической тактики, особенно в форме атак против мирного населения, может дать представление о политических целях террористов, однако при этом терроризм остается тактикой, от которой актер может временно отказаться, не оставляя попыток достичь своих целей. Смыкая крайние звенья логической цепи, можно прийти к выводу о том, что в международной политике и праве уже де-факто действует норма, согласно которой применение террористических методов при любых обстоятельствах лишает акторов легитимности и оправдывает применение силы в их отношении, не взирая на запрет вмешательства во внутренние дела государств, что находит отражение в многочисленных гуманитарных интервенциях в XXI в. Таким образом, единственно легитимной интервенцией, не противоречащей де-юре нормам международного права, является интервенция «по доверенности» легитимного правящего режима.

В эпоху постправды особенно важным аспектом современных военно-политических конфликтов становится дискурс о легитимности, нацеленный на противоречивую интерпретацию информации, характеризующийся нетолерантной, негативно-оценочной и агрессивной направленностью, дис-

кредитацией оппонента в глазах международного сообщества. Делигитимация режима путем обвинения в терроризме, применении силы в отношении мирного населения, фактическом или возможном применении оружия массового уничтожения – отработанная технология Запада, позволившая в обход мандата ООН осуществить вторжение в Ирак, провести военно-воздушные операции в Ливии, нанести удары по объектам гражданской и военной инфраструктуры в Сирии.

Противники в современных конфликтах существуют в двух политических реальностях: одни и те же события, процессы и факты получают диаметрально противоположные коннотации и оценки [6]. При этом конфликтующие стороны стремятся убедить в безальтернативности своих версий действительности мирное население, тыл, свои и союзнические войска, своих граждан и соотечественников, международное сообщество. Политика постправды апеллирует к чувствам и эмоциям, нежели фактам и доказательствам. В этом случае яркая форма послания затмевает его содержание. Войны XXI в. полны символизма. Постановочные кадры химической атаки, смонтированные белыми касками в Сирии, или пробирка с химикатами в руках Колина Пауэлла, показанная с трибуны ООН, становятся достаточным обоснованием военных интервенций.

Доминанта формы над содержанием вкупе с доступом к глобальной аудитории делают интернет пространством непрерывного противостояния сторон современных военно-политических конфликтов. Глобальный процесс «сетевизации» общественных отношений при все более низкой стоимости и широком распространении мобильных гаджетов, а также экспоненциальный рост доли населения, включенного в глобальные информационные потоки, предопределяет значимость социальных сетей и медиа ресурсов в войнах XXI в. В.В. Путин в статье «Россия и меняющийся мир» пишет: «Арабская весна» ярко продемонстрировала, что мировое общественное мнение в нынешнее время формируется путем самого активного задействования продвинутых информационных и коммуникационных технологий. Интернет, социальные сети, мобильные телефоны и т.п. превратились в эффективный инструмент как внутренней, так и международной политики» [7]. «Сетевое общество» мультиплицирует эффекты, достигаемые сторонами конфликта за счет применения «умной силы» (1). Неизбежным остается риск «взлома» сетей противником. Минимизация этого риска осуществляется посредством контроля со стороны гражданского общества, а в случае его слабости, контроля со стороны сильного государства. Процесс включения проблематики безопасности в новые сферы жизни общества (секьюритизация), в том числе, в информационную сферу, неизбежно сказывается на ограничениях демократических процедур [1. С. 6].

Гибридный характер современных военно-политических конфликтов выражается в комбинировании действий и тактик и достигаемом за счет

этого синергетическом эффекте. В XXI в. война ведется во всех сферах жизни общества, на всех уровнях (стратегическом, оперативном, тактическом) и всеми возможными средствами. Термин «поле боя» («battlefield») был заменен теоретиками «революции в военном деле» («revolution in military affairs – RMA») на «пространство войны» («battlespace»). «Постсовременное междуручье интегрирует и сочетает, «гибридизирует» также то, что ранее было функционально и категориально разделено: экономика, политика, культура, война и мир, прочие групповые взаимодействия сливаются в пестрый континуум» [4]. Принимая во внимание крайнюю степень «текучести» и скорости распространения, современные конфликты в условиях глобализации можно считать формой «глобальной гражданской войны» [15].

Резюмируя вышесказанное, усиление асимметричности и гибридности современных военно-политических конфликтов в хаотизирующемся мире XXI в., во многом, обусловлено такими глобальными процессами развития общества как глобализация, экспансия воинствующего либерализма, размывание суверенитета и делегитимация национальных, наднациональных и негосударственных институтов, приватизация насилия, индивидуализация, информатизация общества и сетевизация общественных отношений, усиливающийся технологический разрыв между противниками в современных конфликтах.

Степень значимости приведенных факторов далее определяется посредством построения модели машинного обучения (искусственного интеллекта) предсказания динамики современных военно-политических конфликтов для периодов с 1989 г. – по 2000 г. и с 2001 г. по 2017 г. и их сравнения.

Операционализация динамики современных военно-политических конфликтов конца XX в. – начала XXI в. Операционализировать динамику военно-политических конфликтов представляется возможным посредством анализа взаимодействия сторон в ходе боевых действий. Вооруженные столкновения (бои) фиксируются в базе данных о протекании современных военно-политических конфликтов, собранных специалистами департамента исследований войны и мира Университета Уппсалы, Швеция (16).

Как было описано выше, процессы неформализации и приватизации насилия сделали государство лишь одним из большого числа акторов глобальной арены безопасности [12]. Характерной чертой военно-политических конфликтов современности является участие в войнах повстанческих, террористических и организованных преступных группировок, незаконных бандформирований, частных военных компаний и наемников, которые оказывают влияние на динамику протекания конфликта, и давление на государственные институты [13]. Этот факт позволяет рассматривать в качестве альтернативной зависимой переменной количество совершенных террористических атак. Информация об осуществляемых терактах анализируется Центром Национального консорциума по изучению терроризма и ответов

на террористические угрозы (National consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism – START) (11) университета Мэриленда, США и агрегируется в базе данных Глобальных террористических угроз (Global Terrorism Database – GTD).

Операционализация факторов динамики военно-политических конфликтов конца XX в. – начала XXI в.

Глобализация. Степень влияния процесса глобализации на политическую реальность нового тысячелетия характеризуется такими показателями, как включенность страны в мировые торговые потоки: объем импорта и экспорта, по данным Всемирного Банка (17). Количество мигрантов, покинувших страну или прибывших в страну, оказывает существенное влияние на динамику конфликтов. Поток беженцев из страны также является индикатором интенсивности конфликта на ее территории.

Приватизация насилия. С началом конфликтов, а также военных интервенций растет показатель объема импорта вооружений в страну. Показатель фиксируется Стокгольмским институтом исследований мира (Stokholm international peace research institute – SIPRI) (13).

Внутренняя динамика конфликта: боевые действия и террористическая активность на территории страны сегодня являются триггером интернационализации конфликта, старта военных интервенций третьих стран.

Делигитимация национальных, наднациональных и негосударственных институтов и индивидуация. Эффективность политической системы и устойчивость политического режима, уровень прав и свобод человека и гражданина в современных политиях характеризуется рядом международных индексов таких, как Полити IV (Polity IV) (12), индекс неустойчивости (хрупкости) государства (fragile states index) (8), всемирными индикаторами качества управления (Worldwide Governance Indicators – WGI) (9), а также показателями оценки политики стран и институтов (Country Policy and Institutional Assessment – CPIA) (7) Всемирного Банка. Процесс индивидуации общества и реакционный по отношению к первому процесс секьюритизации операционализируется через показатели объема потребления домашних хозяйств и государственных расходов на вооружение.

Информатизация общества и сетевизация общественных отношений. Появление сетевого общества неразрывно связано с распространением телекоммуникационных сетей, количеством зарегистрированных абонентов операторов сотовых сетей, а также распространением сети интернет и числом людей, включенных в мировые информационные потоки.

Усиливающийся технологический разрыв. Показатели уровня военного-технологического потенциала современных государств и негосударственных акторов коррелированы с ключевыми макроэкономическими показателями, включая ВВП, ВВП на д.н., индексом развития человеческого потенциала (Human development index – HDI) и др. В качестве дополнитель-

ной характеристики технологического разрыва используется объем экспорта вооружений.

Методика построения модели предсказания количества вооруженных столкновений и террористических атак на территории страны за год. Данные ведущих международных институтов были агрегированы и преобразованы в единую базу данных программными средствами языка python (3). Ввиду большого количества пропущенных значений эконометрические методы для построения моделей авторегрессии зафиксированных временных рядов оказываются непригодны. В ходе исследования были построены модели машинного обучения с использованием алгоритма градиентного бустинга на решающими деревьями (18) с целью предсказания количества вооруженных столкновений, а также терактов по странам для двух периодов: 1989-2000 гг. и 2001-2017 гг. и последующего сравнения значимости факторов динамики военно-политических конфликтов. Водоразделом исследуемых периодов был указан 2001 г., ставший точкой бифуркации для глобальной системы международных отношений, разделивший историю на «до» и «после» [2]. С использованием модели строились прогнозируемые значения для 2 последних лет каждого периода, обучение модели осуществлялось на данных 190 стран за 9 и 15 лет соответственно. В качестве метрики оценки качества предсказательной силы моделей было выбрано сравнение предсказываемого значения количества боев (вооруженных столкновений) в ходе военно-политических конфликтов по странам с фактическим количеством столкновений в прошлом периоде, а также сравнение предсказываемого количества террористических атак по странам с фактическим показателем прошлого года. Такая метрика качества позволяет понять, что имеет больший смысл для предсказания целевой переменной: использовать значение прошлого периода или значение, предсказываемое моделью машинного обучения.

Результаты моделирования. Лучшее качество модели было достигнуто при прогнозировании числа терактов по странам в 1898 г. – 2000 г. Период 2001 г. – 2017 г. оказался существенно более сложно прогнозируемым (2). Модель предсказания количества вооруженных столкновений в стране для обоих рассматриваемых периодов также превышает по качеству прогноз, сделанный на основе значения предыдущего года (см. Таблицу 1).

Важно отметить, что число вооруженных столкновений практически с одинаковой точностью было установлено для обоих периодов. Наибольший интерес представляют веса факторов построенных моделей, значения которых при использовании данного алгоритма машинного обучения зависят от числа обращений алгоритма (см. Таблицы 2 и 3).

Анализ и интерпретация полученных результатов на примере современных асимметричных конфликтов в Афганистане, Ираке, Ливии, Украине и Сирии. Наиболее значимыми факторами для прогнозирования числа тер-

Таблица 1

Оценка качества моделей машинного обучения

	Средняя абсолютная ошибка модели	Средняя абсолютная ошибка предсказания по предыдущему значению	Средняя абсолютная ошибка модели	Средняя абсолютная ошибка предсказания по предыдущему значению
Период	1989-2000 гг.	1989-2000 гг.	2001-2017 гг.	2001-2017 гг.
Предсказания числа террористических атак в стране в год	9,72	11,29	53,30	56,70
Предсказания числа вооруженных столкновений в стране в год	29,00	42,60	29,90	41,40

Таблица 2

Наиболее значимые факторы определения числа террористических атак в стране в год в соответствии с простроенными моделями

	1989-2000 гг.		2001-2017 гг.	
Места: 1-5	Наиболее значимые факторы при прогнозировании	Число обращений алгоритма к фактору	Наиболее значимые факторы при прогнозировании	Число обращений алгоритма к фактору
1	Количество терактов	161	Количество терактов	125
2	ВВП, долл. США	151	ВВП, долл. США	89
3	Рост объема импорта в %	87	Количество вооруженных столкновений	41
4	Уровень безработицы в %	80	Количество интернет серверов	40
5	Уровень урбанизации в %	61	Уровень урбанизации в %	36

Наиболее значимые факторы определения числа террористических атак в стране в год в соответствии с простроенными моделями

Места: 1-5	1989-2000 гг.		2001-2017 гг.	
	Наиболее значимые факторы при прогнозировании	Число обращений алгоритма к фактору	Наиболее значимые факторы при прогнозировании	Число обращений алгоритма к фактору
1	Количество вооруженных столкновений	34	Количество вооруженных столкновений	79
2	Количество террористических атак	24	Рост объема импорта в %	37
3	Уровень безработицы в %	18	ВВП, долл. США	25
4	ВВП, долл. США	14	Уровень безработицы в %	23
5	ВВП, долл. США на д.н.	12	Количество беженцев	20

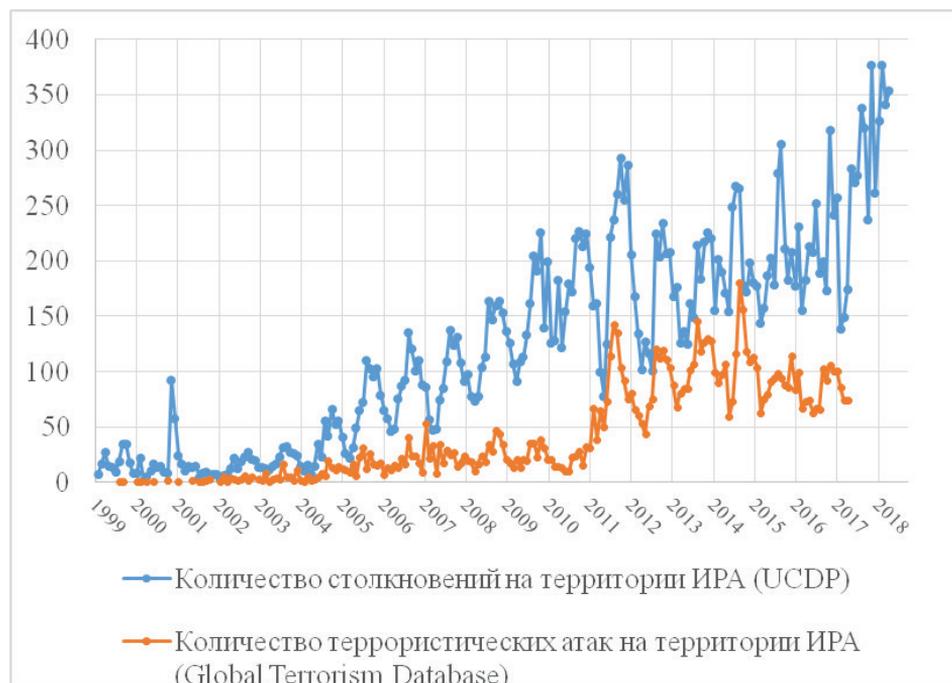

Рис. 1. Количество столкновений сторон конфликта на территории Афганистана (UCDP) и количество террористических атак на территории Афганистана (GTD)

рористических атак на территории страны для периода конца XX в. и начала XXI в. являются показатели количества терактов в прошлого года, ВВП страны, уровня урбанизации. Новыми значимыми факторами оказались показатели количества вооруженных столкновений и количества защищенных интернет серверов. Значимыми факторами для прогнозирования количества вооруженных столкновений на территории страны для обоих рассматриваемых периодов являются количество вооруженных столкновений прошлого года, ВВП страны, уровень безработицы. Новыми значимыми факторами в XXI в. оказываются такие показатели, как рост объема импорта и количество беженцев.

Во-первых, количество террористических атак на территории современных государств в XXI в. в отличие от последнего десятилетия XX в. неразрывно связано со степенью интенсивности боевых действий протекающих конфликтов. В XXI в. терроризм «сливается» с боевыми действиями. Так, например, рассчитанный показатель корреляции для количества террористических атак и вооруженных столкновений в Афганистане за период 2000-2018 гг. составляет 0,79 (см. рис. 1).

Более того, участие в современных конфликтах постмодернистских акторов вкупе с процессами глобализации меняет политическую экономию конфликтов. Доступ к глобальному теневому рынку снижает стремление противников к прекращению огня, достижению мирных соглашений. Согласно проведенным исследованиям, гражданские войны, в которых повстанцы имеют финансовую подпитку благодаря контрабанде, длятся существенно дольше [14]. Феномен вовлечения повстанческих группировок в теневые рынки уже не ограничивается участием в незаконной торговле ресурсами. Торговля людьми и оружием наблюдается в Сирии, Ливии, в регионе Сахель. Рост глобальной теневой экономики снизил входные барьеры на рынок организованного насилия. С развитием международной торговли и логистических сетей становится как никогда просто получить оружие, финансы и привлечь новобранцев. Прямой доступ комбатантов к трофеям войны (в отличие от распределения трофеев в соответствии с вертикалью командования), обусловленный сетевой структурой повстанческих движений и террористических группировок, делает их еще более независимыми и гораздо более фрагментарными [25]. Изменение политической экономики конфликта повышает риск насилия по отношению к мирному населению. Вооруженные группировки останавливают борьбу за умы и сердца в пользу финансовой мотивации рекрутов [9]. Возможность повстанческих группировок предлагать новобранцам материальные блага и доход вне зависимости от социального уровня с большой вероятностью приводит к насилию в отношении мирного населения [29].

Во-вторых, существенным фактором нестабильности в XXI в. остаются ключевые макроэкономические показатели современных стран, в частно-

сти, высокий уровень безработицы. В 2014 г., по данным Всемирного Банка, почти 20% всей молодежи Украины не имели образования, не были заняты и не проходили военную службу. Эта часть населения особенно подтверждена внешнему воздействию и используется «облачным противником» для создания в стране обстановки управляемого хаоса с целью последующего свержения режима. На рубеже десятилетий такой сценарий смены политического режима был неоднократно отработан странами Запада в ходе событий Арабской Весны [3].

В-третьих, опыт последних асимметричных конфликтов подтверждает факт смещения боевых действий в города, что значительно усугубляется процессом урбанизации. В XXI в. население городов выросло многократно. Сочетание двух тенденций: роста числа асимметричных конфликтов и процесса урбанизации – приводит к «асимметричным боевым действиям в городской черте». В таких условиях диверсионно-террористическим группировкам гораздо легче избегать прямого столкновения с превосходящими силами противника, сохраняя собственные силы и средства. Войны в Афганистане, в Ираке и Ливии, Сирии и Украине являются примерами именно таких асимметричных боевых действий [17]. В этих условиях в военном плане более сильный противник становится политически уязвимым, так как независимо от факта нарушения или соблюдения норм международного гуманитарного права, подвергается давлению со стороны наблюдателей, СМИ, международного сообщества. Так, например, в 2016 г. Российская Федерация подверглась жесткой критике за нанесение военно-воздушных ударов по оплоту террористов в Восточном Алеппо в Сирии (14). При том, что действия группировки ВКС РФ были избирательны, соразмерны условиям обстановки, удары наносились по военным объектам (4).

В-четвертых, примечательно, что в XXI в. одним из пяти наиболее значимых факторов для прогнозирования динамики террористической активности является количество защищенных интернет серверов на территории страны. Данный показатель одновременно коррелирован и с военно-технологическим потенциалом государства, и с числом пользователей сети интернет в стране. В 2014 г. группировка «ИГИЛ» (запрещенная в России) запустила мобильное приложения и десятки групп в социальных сетях, нацеленных на продвижение исламистских взглядов. Кампания «#AllEyesOnISIS» вскоре после запуска оказалась вверху поисковой выдачи, став одной из наиболее популярных тем арабского Твиттера и попав на экраны мобильных устройств миллионов пользователей на Ближнем Востоке (6). ИГ использовали Твиттер для публикаций заявлений своих лидеров, рекрутирования боевиков, запугивания противников и ежедневного обмена информацией. После 2016 г., когда сотрудниками Твиттера были удалены более 360 тыс. аккаунтов, используемых террористами, джихадисты и салафиты перешли к использованию мессенджера Телеграмм (15). В декабре 2019 г. ста-

ло известно о миграции существенного количества каналов группировки «Исламское Государство» в российский мессенджер «ТамТам» (10). Зашифрованные каналы связи в сети интернет обеспечивают приватность, процесс идентификации пользователя, запрет на дешифровку сообщений без использования ключей отправителя и получателя и широко используются повстанческими группировками, частными военными компаниями, террористическими организациями для обмена информацией и координации действий в ходе современных конфликтов.

Анализ динамики современных конфликтов сквозь призму положений ряда военно-политических концепций, включая «новые войны», «войны четвертого поколения», «неограниченные войны», «нелинейные войны», «асимметричные войны», «гибридные войны», «кибервойны», «сетевые войны» позволяет резюмировать глобальные тенденции развития современного общества, оказывающие существенное влияние на трансформацию природы войны в XXI в. Факторами трансформации природы современных военно-политических конфликтов являются такие процессы развития общества, как глобализация, размывание суверенитета и делегитимация национальных, наднациональных и негосударственных институтов, приватизация насилия, индивидуализация, информатизация общества и сетевизация общественных отношений, усиливающийся технологический разрыв между противниками. В соответствии с полученными в процессе моделирования динамики современных военно-политических конфликтов результатами наиболее значимыми факторами являются взаимосвязь войны и терроризма, ключевые макроэкономические показатели стран (в частности, ВВП, уровень безработицы, уровень урбанизации, рост объем импорта), а также показатель, коррелированный одновременно с уровнем военно-технологического потенциала государства, с уровнем информатизации общества и степенью сетевизации общественных отношений, – количество защищенных серверов сети интернет на территории страны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Концепция «умной силы», совмещающая силовые и несиловые методы воздействия на акторов мировой политики, пришла на смену доминирующей до определенного времени концепции «мягкой силы». Автором обеих концепций является Най Дж. См. подробнее: Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs, 2004. 191 p.; Nye J.S. *Notes for a soft power research agenda // Power in World Politics / Felix Berenskoetter, M.J. Williams, eds. Routledge, 2007. 328 p.; Nye J.S. The Powers to Lead*. NY: Oxford University Press, 2008. 240 p.

(2) Модель, предсказывая количество терактов в стране, в среднем ошибается на 53 атаки в год. С учетом того, что в Афганистане в 2016 г., по данным Национального консорциума по изучению терроризма и ответов

на террористические университета Мэриленда, было осуществлено 1414 террористических атак, в Ираке – 2466, качество модели может быть оценено, как приемлемое.

(3) Построенная агрегированная база данных включает ежегодные данные о 198 странах в период с 1989 г. по 2016 г. по 24 различным показателям.

(4) По опыту Сирии. Начальник Генерального штаба Валерий Герасимов: «Гибридная война требует высокотехнологичного оружия и научного обоснования» // Газета Военно-Промышленный Курьер. 2016 // <https://vpk-news.ru/articles/29579>

(5) Путин дал оценку событиям в Ливии. НТВ. 2011 // <https://www.ntv.ru/novosti/225349/>

(6) Analyzing the ISIS “Twitter” storm. War on the rocks. 2014 // <https://warontherocks.com/2014/06/analyzing-the-isis-twitter-storm/>

(7) Data catalog. The World Bank // <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/country-policy-and-institutional-assessment>

(8) Fragile States Index // <https://fragilestatesindex.org/>

(9) Info World Bank // <https://info.worldbank.org/governance/wgi/>

(10) ISIS supporters secretly staged a mass migration from messaging app Telegram to a little-known Russian platform after the London Bridge attack. The Insider, 2019 // <https://www.insider.com/isis-sympathisers-telegram-tamtam-london-bridge-2019-12>

(11) National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START). University of Maryland. The Global Terrorism Database. 2019 // <https://www.start.umd.edu/gtd/access/>

(12) Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800-2013 // <https://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>

(13) Stockholm International Peace Research Institute // <http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/values.php>

(14) Syria bombing: Aleppo resident says 25-30 dying daily // BBC. 2016, Август // <https://www.bbc.com/news/av/world-middle-east-36953138/syria-bombing-aleppo-resident-says-25-30-dying-daily>

(15) Terrorists on Telegram. Counter extremism project // <https://www.counterextremism.com/terrorists-on-telegram>

(16) UCDP GED Codebook version 19.1. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University. 2019 // https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#ged_global. Последняя версия базы данных, опубликованная в 2019 г., не включает события на территории Сирии. Согласно методологии Университета Уппсалы, все конфликты разделены на четыре группы: «экстрасистемные» (между правительством и негосударственными группами за пределами территории государства, в которых правительство стремится взять территорию под контроль); межстрановые (противниками являются государства), внутренние (между правительством с одной стороны и повстанческими группировками с другой, без

участия третьих стран), «интернационализованные» внутренние (внутренние конфликты, в которых хотя бы одну из сторон поддерживают прочие государства). Для целей данного исследования необходимо рассматривать внутренние и «интернационализованные» внутренние конфликты.

(17) World Bank Data // <https://data.worldbank.org/>

(18) XG Boost Documentation program // <https://xgboost.readthedocs.io/en/latest/> Построено 30 деревьев с глубиной 6.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Баранов Н.А.* Влияние секьюритизации на политику России: информационный аспект // Санкт-Петербургская межрегиональная конференция «Информационная безопасность регионов России» / Сборник трудов. Выпуск 3. СПОЙСУ. СПб., 2017.

2. *Богатуров А.Д.* Понятие глобальных проблем сквозь призму опыта 2000х годов // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1 (25).

3. *Манойло А.В.* Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» Арабской Весны // Власть. 2014. № 4.

4. *Неклесса А.И.* Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития // Полис. Политические исследования. 2019. № 4.

5. *Неклесса А.И.* Приватизация будущего. Интелрос. Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации. 2018.

6. *Онопко В.О.* Военная пропаганда в условиях политики постправды: Донбасский кейс // Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире» (22-23 сентября 2017 года) / под ред. О.В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017.

7. *Путин В.В.* Россия и меняющийся мир. Московские новости // <http://www.mn.ru/politics/78738>

8. *Arreguin-Toft I.* How the Weak Win Wars // International Security. 2001. Vol. 26. № 1.

9. *Ballentine K., Sherman J.* The Political Economy of Armed Conflict: Beyond Greed and Grievance. Lynne Rienner Publisher, 2003.

10. *Barry B.* Libya's Lessons // Survival. Global Politics and Strategy. 2011. Vol. 53. № 5.

11. *Beardsley K., Gleditsch K., Lo N.* Roving and Stationary Bandits in African Armed Conflicts. Annual Meeting of the International Studies Association. San Francisco, 2013.

12. *Brighi E.* Globalisation, individualisation and the changing politics of (in) security // Annals of the Fondazione Luigi Einaudi. An Interdisciplinary Journal of Economics, History and Political Science. 2019. Vol. 53 (1).

-
13. *Cockayne J.* Chasing Shadows: Strategic Responses to Organised Crime in Conflict-Affected Situations // RUSI Journal. 2013. № 2.
 14. *Fearon J.* Why Do Some Civil Wars Last So Much Longer than Others? // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41. № 3.
 15. *Galli C.* Political Spaces and Global War, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010.
 16. *Hoffman B.* Inside Terrorism: Revised and Expanded Edition Columbia University Press New York. 2006.
 17. *Hopkins J.* Regulating the conduct of urban warfare: lessons from contemporary asymmetric armed conflicts // The International Review of the Red Cross. 2010. Vol. 92.
 18. *Jansen J.C., Osterhammel J.* Decolonization: A short history Princeton University Press, Princeton and Oxford, 2019.
 19. *Kaldor M.* Old and New Wars: Organized Violence in a Global Era. Cambridge: Polity Press, 2006.
 20. *Miller B.* Explaining Changes in U.S. Grand Strategy: 9/11, the Rise of Offensive Liberalism, and the War in Iraq // Security Studies. 2010. Vol. 10. Issue 1.
 21. *Miller B.* Democracy Promotion: Offensive Liberalism versus the Rest (of IR Theory) // Millennium: Journal of International Studies. 2010. Vol. 3. Issue 3.
 22. *Nye J.S.* Notes for a soft power research agenda // Power in World Politics / Felix Berenskoetter, M.J. Williams, eds. Routledge, 2007.
 23. *Nye J.S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs, 2004.
 24. *Nye J.S.* The Powers to Lead. NY: Oxford University Press, 2008.
 25. *Ross M.* Oil, Drugs, and Diamonds: The Varying Roles of Natural Resources in Civil War. In the Political Economy of Armed Conflict: Beyond Greed and Grievance, ed. Karen Ballentine and Jake Sherman. Boulder, Lynner Rienner, 2003.
 26. *Stepanova E.* Armed Conflict, crime and criminal violence. SIPRI Yearbook 2010.
 27. *Strange S.* The Retreat of the State. The Diffusion of Power in the World Economy. Cambridge University Press, 1996.
 28. *Strawser B.J.* Moral Predators: The Duty to Employ Uninhabited Aerial Vehicles // Journal of Military Ethics. 2010. Vol. 9 (4).
 29. *Weinstein J.* Inside Rebellion: The politics of insurgent violence. Cambridge University Press, 2006.
 30. *Welsh J.M.* The Individualisation of War: Defining a Research Programme // Annals of the Fondazione Luigi Einaudi. An Interdisciplinary Journal of Economics, History and Political Science. 2019. Vol. 53 (1).
 31. *Woodward M.H.* The Libya Test Case // JFQ: Joint Force Quarterly. 2013. Issue 71.

Ya. A. CHIZHEVSKIY
Post-graduate student MGIMO University,
Moscow, Russia

FACTORS OF THE TRANSFORMATION OF POLITICO-MILITARY CONFLICTS' NATURE IN THE XXI CENTURY: RESULTS OF THE QUANTITATIVE STUDY

Modern politico-military conflicts regardless of geography, historical and cultural context have common features, such as hybrid and asymmetric character, described by new-war theorists in XX-XXI century. Following historiosophical line of thought the author enumerates global tendencies of modern society development that have made the strongest impact on the nature of modern warfare, including globalization, expansion of offensive liberalism, dilution of sovereignty and loss of legitimacy by state, supranational and non-governmental institutions, privatization of violence, individualization, informatization of society and network society emergence, increasing technological gap between adversaries in modern conflicts. The research is aimed at defining significant factors of the changes in XXI. Each of the above-mentioned tendencies is characterized by a number of variables (time series), which are aggregated by global development institutions and research center all over the globe. In the second part of the article, using the prepared dataset of the variables from the first part, the author trains machine learning algorithm to predict the number of fights and terrorist attacks per country per year. The weights of the parameters are ranked in line with their significance level. The most significant variables interpretation is based on case-by-case analysis of the different in terms of historical, cultural and political context wars in Afghanistan, Iraq, Libya, Syria and Ukraine. The author comes to a conclusion that internal warfare dynamics, the key macroeconomic indicators of the modern states, as well as the indicators correlated with technological and military potential of the parties to the conflict, the level of society informatization and networks' development are the key factors of the transformation of the nature of war in XXI.

Key words: *leading international database, machine learning, quantitative methods, hybrid war, asymmetric conflict, globalization, offensive liberalism, sovereignty dilution, institutions' erosion, privatization of violence, individualization, informatization, network society emergency, technological gap, terrorism, nature of war.*

НАШИ АВТОРЫ

Абахра Мушир Ибрагим Хасан – аспирант Российского университета дружбы народов, Палестина, г. Дженин (mabakra@mail.ru).

Арсанова Татьяна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (tat.evg.iaas@yandex.ru).

Аскерова Эсмירה Фаиговна – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (a_esmira_f@mail.ru).

Барсуков Александр Михайлович – кандидат политических наук, заместитель декана факультета политики и международных отношений Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Новосибирск (amb2@inbox.ru).

Богомоллов Иван Алексеевич – магистрант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (Bogomolov.irbis777@yandex.ru).

Божков Георгий Алексеевич – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва (gbozhkov@mail.ru).

Вохидов Дурбек Абдусаматович – преподаватель Центрального института повышения квалификации работников народного образования им. А. Авлони, Республика Узбекистан, г. Ташкент (avazov.75@bk.ru).

Габдуллин Камил Азатович – магистрант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (gabduillin_kamil@mail.ru).

Гаджиев Камалудин Серажудинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им Е.М. Примакова РАН, Россия, г. Москва (k.zuhrabvi@gmail.com).

Галимуллина Диляра Илшатовна – аспирант кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (dilyara.nizamowa@yandex.ru).

Гриценко Руслан Артемович – магистрант кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (st.ruslan96@mail.ru).

Давыдов Владимир Николаевич – кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Института современной политики Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (davidov_vn@mail.ru).

Дельгадо Александр Александрович – магистрант департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (aldelgado@inbox.ru).

Джавад Хафизулла – аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, преподаватель Гератского университета, Афганистан, г. Герат (H.javad1983@gmail.com).

Ефремов Дмитрий Игоревич – аспирант факультета социологии и политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва (thedimitr@gmail.com).

Журавлев Олег Владимирович – контр-адмирал, начальник Тихоокеанского высшего военно-морского училища им. С.О. Макарова, Россия, г. Владивосток (zhuravlev_oleg_tovvmu@mail.ru).

Жчао Тяньтянь – аспирант Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Ирхин Юрий Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, член и эксперт Международной ассоциации политической науки, Россия, г. Москва (irkhine@mail.ru).

Кисель Никита – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (nikitakisels@gmail.com).

Куприянов Игорь Васильевич – аспирант кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (igorkupriyнов@yandex.ru).

Курков Владислав Николаевич – аспирант кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва (sportsmen9323@mail.ru).

Ли Цзинчэн – ассистент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета, Россия, г. Санкт-Петербург (li_ts@spbstu.ru).

Львов Степан Васильевич – кандидат социологических наук, директор по стратегическому развитию Всероссийского центра исследования общественного мнения, Россия, г. Москва (lvov@wciom.com).

Максимова Алла Анатольевна – социолог-аналитик, Россия, г. Москва (a_max@mail.ru).

Маммадов Логман Элимхан оглы – аспирант Дипломатической академии МИД РФ, Россия, г. Москва (aba-moskva@mail.ru).

Михайлов Ярослав Владимирович – аспирант Дипломатической академии МИД РФ, Россия, г. Москва (yar997393@gmail.com).

Муравых Анатолий Иванович – доктор экономических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (anmurav@yandex.ru).

Никитенко Евгений Григорьевич – генерал-майор, кандидат исторических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (anmurav@yandex.ru).

Николенко Анастасия Алексеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru).

Окунь Мария Васильевна – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (m.okun.09@gmail.com).

Перкова Дарина Вячеславовна – кандидат политических наук, директор Информационно-аналитического центра «Национальный диалог», Россия, г. Москва (darinochkarz@yandex.ru).

Петров Денис Юрьевич – старший преподаватель кафедры управления информационными процессами отделения журналистики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Россия, г. Москва (dpranepa@mail.ru).

Петров Сергей Иванович – кандидат психологических наук, профессор кафедры теории и методики борьбы Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Россия, г. Санкт-Петербург (s.petrov@lesgaft.spb.ru).

Прокопчук Дмитрий Дмитриевич – магистрант кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (politolog@mail.ru).

Пыж Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, эксперт комиссии по вопросам обороны и безопасности Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, Россия, г. Санкт-Петербург (vvp_21812@mail.ru).

Самусева Ольга Александровна – аспирант Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (olysam@mail.ru).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (Aleksandr.Tushkov@vvsu.ru).

Тюков Никита Анатольевич – кандидат исторических наук, исполнительный директор Центра общественно-политических проектов и коммуникаций, доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета, Россия, г. Москва (na.tukov@mpgu.su).

У Тин – аспирант Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

У Цзюнь – магистрант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (dassw@mail.ru).

Ханалиев Нурадин Умарпашаевич – кандидат политических наук, Первый секретарь Департамента по вопросам новых вызовов и угроз Министерства Иностранных Дел Российской Федерации, Россия, г. Москва (nur.han.mid@gmail.com).

Цао Хуэйлинь – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (voprospolitolog@yandex.ru).

Чижевский Ян Андреевич – аспирант МГИМО (У) МИД России, Россия, г. Москва (yanchizhevsky@gmail.com).

Шаповалов Владимир Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета, Россия, г. Москва (vl.shapovalov@mpgu.su).

Эмиров Рашид Маратович – кандидат политических наук, Россия, г. Москва (donna@front.ru).

OUR AUTHORS

ABAHRA MUSHIR IBRAHIM HASAN – Post-graduate, Peoples Friendship University of Russia, Jenin, Palestine.

ARSANOVA T.E. – Senior Lecturer, Department of Arabic Philology Institute of Asia and Africa, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ASKEROVA E.F. – PhD student, Saint-Petersburg state university, Saint-Petersburg, Russia.

BARSUKOV A.M. – Candidate of Sciences in Politics, Assistant Dean of the politics faculty and international relations of the Siberian Institute of Management – branch of RANEPА, Novosibirsk, Russia.

BOGOMOLOV I.A. – Master student of the Department of Political Analysis and Management Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

BOZHKOV G.A. – Post-graduate student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Moscow, Russia.

CAO HUILIN – Post-graduate student of St. Petersburg state University, St. Petersburg, Russia.

CHIZHEVSKIY Ya.A. – Post-graduate student MGIMO University, Moscow, Russia.

DAVYDOV V.N. – Candidate of political Sciences, associate Professor, Deputy Director of the Institute of contemporary politics Peoples' friendship University of Russia, Moscow, Russia.

DELGADO A.A. – Master Student of the Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

EMIROV R.M. – Candidate of Sciences (political sciences), Moscow Russia.

GABDULLIN K.A. – Master student of the Department of Political Analysis and Management Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

GADZHIEV K.S. – Doctor of Historical Sciences, Professor, chief researcher of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

GALIMULLINA D.I. – Post-graduate part-time student of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia.

GRITSENKO R.A. – Master Student of the Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

IRKHIN Yu.V. – D.Sc. (philosophy), professor, Chair of Political Science and Political Governance, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; professor, Chair of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University of Humanities, expert of IPSA, Moscow, Russia.

JAVAD HAFIZULLAH – Post-graduate student of the political analysis and management department of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), lecturer at Herat University, Afghanistan, Herat.

KHANALIYEV N.U. – Candidate of political sciences, First Secretary of the Department for New Challenges and Threats of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

KISEL N. – Post-graduate student of the comparative political science department the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

KUPRIYANOV I.V. – Post-graduate student, the Public Policy Department, the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

KURKOV V.N. – Post-graduate of the Department of Political Science and Political Administration, Institute of Social Sciences, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

LI JINGCHENG – Lecturer, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Higher School of International Relations, St. Petersburg, Russia.

LVOV S.V. – Candidate of Sociological Sciences, Director of strategic development All-Russian Center for public opinion research, Moscow, Russia.

MAKSIMOVA A.A. – Sociologist-analyst, Moscow, Russia.

MAMMADOV L.E. – Post-graduate, Diplomatic Academy Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

MIKHAILOV Y.V. – Post-graduate student of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia.

MURAVYKH A.I. – D.Sc. (economics), professor, Department of Public administration and National safety of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

NIKITENKO E.G. – Major General, Cand. Sc. (History), professor, Department of Public administration and National safety of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

NIKOLENKO A.A. – Graduate Institute of law and administration of the Vladivostok State University of Economics and service, Vladivostok, Russia.

OKUN M.V. – Post-graduate of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

PERKOVA D.V. – Candidate of Political Sciences, Information and Analytical Center «National Dialogue»'s Director, Moscow, Russia.

PETROV D.Yu. – Senior lecturer of the Department of information Management, of the journalism Department, Russian presidential Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Moscow, Russia.

PETROV S.I. – Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of theory and methods of struggle FSBEI NSU them. P.F. Lesgaft, St. Petersburg, Russia.

PROKOPCHUK D.D. – Master Student of the Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

PYZH V.V. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of social Sciences and Humanities FSBEI NSU them. P.F. Lesgaft, expert of the defence and security Commission Inter-parliamentary Assembly of CIS member States, Saint-Petersburg, Russia.

SAMUSEVA O.A. – Post-graduate student of the Institute of Asian and African Studies (IAAS), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

SHAPOVALOV V.L. – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of social and political research and technology Moscow state pedagogical University, Moscow, Russia.

TUCHKOV A.A. – Professor, Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

TUKOV N.A. – Candidate of Historical Sciences, Executive Director Of the center for social and political projects and communications, associate Professor of social and political research and technology of the Moscow pedagogical University state University, Moscow, Russia.

U JUN – Magistrate student of the foreign languages and regional studies faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

U TIN – Post-graduate student, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

VOKHIDOV D.A. – Teacher of the Institute of retraining and advanced training of public education workers named after A. Avloni, Republic of Uzbekistan, Tashkent.

YEFREMOV D.I. – Post-graduate of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ZHCHAO TIENTIAN – Graduate student, Russian University of Peoples Friendship, Moscow, Russia.

ZHURAVLEV O.V. – Rear Admiral, head of the Pacific higher naval school. S. O. Makarova, Vladivostok, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 8 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 10 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке) и References. А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 9. Issue 12 (52), 2019

Established by LLC “Publishing House “Science Today”
The journal is published with the participation of the Institute
of Today Politics of the Russian Friendship University
The journal is included in the database of
the Russian Science Citation Index.
Academic papers published in the journal
undergo obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.
No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:
10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598
Tel: (910) 463-53-42
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 25.12.2019
Format 60x84/16. Offset paper.
Offset print. Number of printed sheets
Circulation 500 copies. Order ____.
Printed at the LLC “PrintUP”
Nagorny passage, 12, bldg. 1, Moscow, Russia, 117105
Tel.: (495) 925-00-06

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.
Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

**Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006
Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru**

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

**Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802
Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru**

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал

«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»

в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035.

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»								
			АБОНЕМЕНТ на журнал		70035						
Вопросы политологии											
Количество комплектов											
на 2019 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
ПВ	место	литер	на журнал		70035						
Вопросы политологии											
Стоимость	Каталожная					Количество комплектов					
	услуги почты										
	полная										
на 2019 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											